

Анна Каминская

ВАШИ
и РОЗЫ

Она – тонко чувствующая натура, выращивающая розы и увлекающаяся романами о любви. Супруга лорда Андервуда, банкира и весьма уважаемого человека. А он – аристократ, молодой повеса, любимец юных барышень, транжира и игрок. Он прожигает жизнь, пускает по ветру деньги отца и позволяет себе отпускать шуточки в адрес тех, о ком ни черта не знает. Между ними семнадцать лет разницы и ничего общего, кроме небольшой тайны и строчки из пьесы, в которой им обоим предстоит сыграть главную роль.

- [Глава 1. Четверо из джентльменского клуба «Сорняки»](#)
 - [Глава 2. Жёлтая роза Девонсайда](#)
 - [Глава 3. Чем пахнут мужчины](#)
 - [Глава 4. В плену дьявольского коварства](#)
 - [Глава 5. Когда идёт дождь](#)
 - [Глава 6. Пять братских поцелуев и одно странное обстоятельство](#)
 - [Глава 7. Горлица](#)
 - [Глава 8. У всего своя цена](#)
 - [Глава 9. Отец и сын](#)
 - [Глава 10. Почтовый день](#)
 - [Глава 11. Шляпки и чаепитие](#)
 - [Глава 12. Тайна горшков с геранью](#)
 - [Глава 13. Платяной шкаф](#)
 - [Глава 14. И у стен есть уши](#)
 - [Глава 15. Кошки-мышки](#)
 - [Глава 16. Гортензия в петлице](#)
 - [Глава 17. О чём молчат старые вещи](#)
 - [Глава 18. Большие махинации](#)
 - [Глава 19. Петухи](#)
 - [Глава 20. Ночь в серебре](#)
 - [Глава 21. Весь мир – театр](#)
-
-

Глава 1. Четверо из джентльменского клуба «Сорняки»

За твой успех пьёт королева!

(«Гамлет», У. Шекспир)

Воскресным вечером в джентльменском клубе «Сорняки» яблоку негде упасть. Сомнительной репутации заведение пользовалось огромной популярностью среди молодых людей в возрасте от семнадцати до двадцати двух лет, которые в будние дни протирали штаны, елозя теми по университетским скамьям, зевали от скуки за трудами великих философов, а в выходные спешили в клуб, где, развалившись на штофных диванах, пускали пыль в глаза таким же оболтусам, как они сами, а заодно и выбрасывали пару сотен фунтов на ветер, играя в вист или тратясь на крепкую выпивку. Содержался клуб исключительно на членские взносы, и попасть в него можно было только по рекомендации. Мало кто знал о его существовании, ведь снаружи для прикрытия красовалась вывеска солидного яхт-клуба, незнакомцев за порог не пускали, и вообще все дела велись в атмосфере совершенной секретности.

В этот вечер каждая партия длилась долго. Игорные столы стояли в ряд, и за самым последним сидела четверка с юридического факультета, и ни один из той компании не хотел проигрывать другому. Все четверо бились до конца, волнительно теребили карты в руках, изредка переглядывались друг с другом, курили дорогие сигары и потягивали бренди. Последнее в «Сорняках» наливали щедро и разбавляли только новичкам.

– Поднимаю ставку, – сквозь зубы и клубы дыма произнёс один из четверки, лениво потянувшись к колоде в центре и цапнул две карты.

– Отвечаю, – ответил рыжий напротив, поправил платок на шее и глянул на циферблат золотых часов на цепочке, вытасканных из кармана клетчатого жилета и выложенных на зелёное сукно.

– Я пас. – Третий скинул карты, поднялся, вышел из-за стола и вернулся уже с бокалом, полным алкоголя карамельного цвета.

– Тим?

Вопрос был адресован молодому человеку, темноволосому и зеленоглазому, одетому по последней моде и с толстой сигарой, зажатой между средним и указательным пальцами. Всё в том юноше было красиво и по высшему классу: осанка, овал лица, манера сидеть, небрежно закинув ногу на ногу. И даже то, с каким видом он доставал банковские билеты из портмоне из крокодиловой кожи, было достойно одновременно и зависти (со стороны мужчин), и восхищения (со стороны женщин). Сам же Тим на себя не смотрел, по сторонам не оглядывался, время от времени довольно хмыкал и методично потягивал бренди бокал за бокалом, хотя уже и развезло не на шутку, и колода карт перед глазами начала двоиться.

– Вскрываюсь.

И Тим перевернул карты.

Рыжий недовольно вскрикнул, швырнул свои на сукно, вскочил с места и взъерошил редкие для своего возраста волосы.

– Опять всё спустил, – с горечью в голосе произнёс он, а приятель, сдавший партию

минутами ранее, дружески похлопал его по плечу и предложил пересестись в малахитовые кресла, которые стояли сразу за игорным столом и предназначались для зрителей или тех завсегдатаев клуба, кто уже был настолько пьян, что садить его за карты было сродни обычной обдираловки.

– Чёрт, и как тебе всё время везёт? – воскликнул первый, когда Тим потянулся за выигрышем, состоявшим из нескольких монет золотом, серебряных запок и пачки хрустящих банкнот.

– На прошлой неделе Генри сорвал банк, – со стороны малахитовых кресел выкрикнул рыжий.

– А на позапрошлой – Джефф, – поддержал Тим. – Так что это добро уже который день кочует из кармана в карман, пока кто-нибудь из нас четверых не пустит его на ветер. Вот, например, эти запонки были у меня в прошлом месяце. И сегодня снова. Скучно, господа...

– Отец убьёт меня, если я проиграю что-то больше, чем эта безделушка, – оправдывался тот, кого называли Джеффом. Ниже всех ростом, он носил темно-синий пиджак, пошитый специально для него, а шею повязывал платком вызывающего оранжевого цвета. Друзья той вульгарностью восхищались, девицы – млели, и только профессора не первый раз делали выговор за неподобающий вид и грозили лишить стипендии.

– Вот я и говорю: скучно. – Тим зевнул и принялся тасовать колоду карт. – К гадалке ходить не надо – я уже знаю, чем закончится день. Сейчас ещё выпьем, потом поедим к мадам Лека. Там, как обычно, будут Шарлотта, Джейни и эта... с завитушками.

– Лиззи, – подхватил Генри.

– Лиззи. Фил, как обычно, нажрется, Джефф подарит Шарлотте чулки, а Генри в итоге не доедет до кампуса. И так каждую неделю. Вам не надоело?

– А что ты предлагаешь? – спросил рыжий, по совместительству оказавшийся тем самым Филом, который был весьма чувствителен к алкоголю. С тоской во взгляде он посмотрел на пустой бокал в руке, тяжело вздохнул и добавил: – Только не говори, что пора сменить клуб. Лично я из «Сорняков» ни-ни... никуда! Папаша думает, я хожу в «Золотую подкову», а я там только членство для вида оплачиваю.

– А мой думает, я сегодня в опере, – фыркнул Джефф. – Пожимаю руку таким же вычурным адвокатам, как он, и под тоскливое пение знакомлюсь с седыми старушками и их внучками, пресными на лицо и речи.

– Тим, а твой чего? Не бушевал больше после скандала на скачках?

Сегодняшнего счастливого вист передёрнуло. Скандал и правда был крупный и стоил отцу солидной суммы денег, чтобы его замять. Ещё пришлось выплатить штраф организаторам скачек за срыв мероприятия и возместить траты на лечение пожилой леди Гамильтон, которая чуть не сошла с ума от стыда, после того как Тим прикрепил ей на шляпку конский хвост и выдал это за последний писк моды. Разбитый королевский фарфор тоже влетел в копеечку, а позор на голову лорда Андервуда был такой, что с месяц тот не выходил из своего кабинета в банке Lloyds&Underwood, не встречался с клиентами, не выписывал ссуды и вообще не появлялся в обществе, чтобы, не дай бог, ему не припомнили выходку его развязного и неуправляемого сына.

– Мы с ним с тех пор не виделись, – выдавил Тим, и это было правдой. Лорд Андервуд наотрез отказался общаться с отпрыском и даже открытку на Рождество не прислал. – Но он регулярно пополняет мой счёт, о тратах не спрашивает, а больше мне разговаривать с ним не о чем.

– Вот повезло, – завистливо протянул Фил. – Мой заставляет меня на следующей неделе приехать домой. Видите ли, у его женушки именины, будет много высокопоставленных гостей, и либо я тоже покажусь, буду вежлив и обходителен, либо прощай дополнительная тысяча фунтов в год.

– Терять тысячу фунтов неосмотрительно, – покачал головой Тим. – Поезжай.

Фил сладко потянулся.

– Если бы вы знали, как мне лень. С отцом ещё можно встретиться, но как подумаю, что придётся на завтраке, обеде и ужине общаться с мачехой, то сразу тошнит.

– Ещё и в пять часов на чае, – прыснул в рукав Джефф.

– Все мы недолюбливаем наших мачех, – многозначительно заметил Тим, – но, как назло, зависим от наших отцов. И за что же нам такое наказание?..

– Один Генри – счастливчик, – протянул Фил. – Хоть его родная мать и умерла, но отец новой женой так и не обзавёлся. И наш приятель может бродить себе спокойно по дому и не дрожать осиновым листом, что случайно помешал «матушке» музицировать или задел локтем её любимую фарфоровую чашку.

Генри – широкоплечий, русоволосый, с голубыми глазами и в очках на цепочке – приосанился и довольно засопел. Он любил, когда ему завидовали, а делалось это крайне редко.

Чаще всего обсуждали Филиппа: его отец покровительствовал университету, в котором учился сын, и ежегодно отстёгивал крупные суммы на содержание кампуса и библиотеки.

Реже – Джеффа и Тима. Андервуд был настоящим щёголем, часто равнодушным до всех вокруг, холодным на чувства и скупым на комплименты. Профессора никогда его не хвалили, и держался он за стипендию только благодаря своей игре в университетском театре. Играл неплохо, и, самое главное, театр был единственной вещью, которая ему без притворства нравилась. После выпивки, карт и сигар, конечно.

– Зато у Генри есть кухня, – подал голос с малахитового кресла Тим. Вульгарно закинув ноги на подлокотник, он уже почти лежал, как на диване, и смотрел в потолок, постоянно зевая. С потолка на Тима тоже смотрели: то была огромная и тяжёлая хрустальная люстра, пыльная и старомодная. – И ещё неизвестно, что в итоге хуже.

Фил ударил себя кулаком в лоб.

– Точно! Помню, я был ей представлен на ежегодном университетском благотворительном ужине. Прости, друг, но страшнее и глупее девицы я не видел!

– Она ещё и вздорная, – вздохнул Генри. В обществе он обычно болтал немного, так как заикался, но при друзьях и в «Сорняках» чувствовал себя раскованно, а потому и говорил чище, и даже в пять раз больше привычного.

– Она до сих живёт в вашем доме?

Генри кивнул.

– Ей прописали долгое лечение и еженедельные консультации у доктора Филсбрука. Вот отец и предложил ей поселиться у нас, чтобы не тратить средства, силы и время на поездки. Так она не только приняла его предложение, но и гувернантку с собой притащила! – От негодования Генри жажнул ладонью по креслу. – А та – настоящая гримза с кривым носом, редкими зубами и жутким французским акцентом! Каждый раз, когда я приезжаю домой, она заставляет меня сидеть и слушать, как она читает Вольтера. И, главное, отец радуется и во всём ей потакает! А мне и сдвинуться со стула нельзя во время этих кошмарных чтений! Ух! Так бы и проучил мерзавку!

– Гувернантку? – лениво поинтересовался Тим.

– Кузину Кэтрин. Она же приволокла в наш дом то страшилище.

– А что? – внезапно вклинился в разговор Джефф и снял с шеи платок, настолько жарко ему вдруг стало от волнения. – Это идея.

Тим приподнялся в кресле и спустил ноги на ковёр.

– Идея?

– Именно! – И Джефф щёлкнул пальцами так, словно ощущал себя гением. – Тим прав: мы только и делаем, что тягаем одни и те же запонки из одного кармана в другой. Скучно! А ведь можно развлечься на полную, оторваться, так сказать, пока у нас снова не начались нудные лекции и этот крикет. Брр.

Джефф Пирсон терпеть не мог крикет, как, впрочем, и футбол, и регби. Он вообще не любил спорт, предпочитал всегда отсиживаться на скамейке, притворяясь по очереди то больным, то слишком занятым подготовкой к экзаменам, чтобы тратить ценное время на беготню и прыжки.

– И как же ты предлагаешь развлечься? – задал вопрос Фил. – Почитать вслух Вольтера?

Все четверо громко загоготали, чем тут же привлекли внимание других членов клуба, а заодно и мистера Пайка, который, заложив руки за спину, ходил с угрюмым видом из угла в угол и следил за порядком и тишиной. Мистер Пайк уже много лет числился среди персонала «Сорняков», внешне сильно походил на напыщенного пингвина, знал в совершенстве три языка и всех завсегдатаев клуба в лицо и по имени, но по большей части все дни молчал и раз в год ездил отдыхать в Европу на воды. Жены у него не было, детей тоже. А дома его ждали только лохматая собака и попугай в клетке.

Джефф недовольно скривился.

– Да ну тебя. Читай, если хочешь, а я предлагаю авантюру для настоящих мужчин – рыжим не понять!

– Но-но, – зарделся Фил, но был остановлен Тимом.

– Для настоящих мужчин, говоришь?

– Слушайте сюда.

Джефф поманил приятелей ближе к своему креслу, и когда все четыре головы сомкнулись в заговоре, страстно зашептал:

– Все мы ненавидим наших мачех... А Генри – кузину. Все мы сто раз желали им поскользнуться на лестнице, переломать ребра или отведать стейк с мышьяком... Да чего только не желали! – Никто ему не ответил, видимо, каждый про себя размышлял, какую именно гадость лично он вынашивал в голове в отношении неродного ему человека. – Пришло время от мыслей перейти к действиям. Предлагаю позабавиться над нашими «любимыми» дамами. Тим, когда у нас очередной благотворительный ужин?

– Как обычно, в районе двадцатого числа.

– А сегодня начало месяца. Отлично. Итак, у каждого из нас будет порядка двух недель, чтобы добыть подвязку с ножки «преобожаемой матушки» и похвастать ей перед друзьями в кулуарах за сигарами. Генри, с тебя подвязка с ножки кузины.

– Тоже мне забава, – фыркнул Генри. – Ещё я в дамском белье не копался. Лично я к ней в комод не полезу.

– Да ты не понял, – растянул губы в противной улыбке Джефф. – Брать самому ничего нельзя. Она сама должна тебе её подарить. Снять с себя в твоём присутствии и торжественно вручить на память в знак большой и чистой любви! Здорово я придумал, а? Тим, скажи, что

здорово.

Андервуд пожал плечами.

– Душа, допустим, и будет удовлетворена, если каждый из нас воплотит эту дурь в жизнь, но где здесь радость для тела?

– По-твоему, если женщина подарит тебе подвязку с ножки, она не подарит тебе и всю ножку? А? Понял, о чём я?

– Да ты пьян. – Тим отшатнулся от компании. – Да он пьян, Фил, – обратился он к рыжему приятелю. – Не обращай на него внимания.

– Так и скажи, что можешь только на словах протестовать, – подначивал Джефф, – а как до дела доходит, ты трусливее любой бабы оказываешься. Джентльмены, – обратился он к Филу и Генри, – наш дамский любимец Тимоти Андервуд выходит из игры. Обольстить мачеху оказалось для него непосильной задачей. Ну, а мы продолжаем.

– Ничего я не выхожу, – буркнул Тим и снова примкнул к приятелям. – Смотри, как бы сам не сдался.

– А если я не достану эту самую повязку? – поинтересовался Фил. – Давайте уже и о штрафах договоримся.

– Сотня фунтов из кармана, делённая между теми, кто достанет, – предложил Генри.

Джефф наморщил лоб.

– Ты бы ещё запонки предложил на кон поставить. Нет, джентльмены, денег у нас с вами и так куры не клюют, ради них пускаться в авантюру совсем неинтересно. Давайте вот что: тот, кто проиграет, залезет на стол сэра ректора прямо в разгар благотворительного ужина и три раза прокукарекает!

Фил покачал головой.

– Ты точно пьян.

– А мне нравится, – вдруг подхватил Тим.

– Мой отец будет на том ужине, – оправдывался Фил. – Он же меня собственными руками за такое придушит.

– А ты постарайся, чтобы не придушил, – подмигнул приятелю Джефф. – Добудь подвязку, и кукарекать не надо.

– Я в деле, – решительно ответил Тим и посмотрел на остальных. – Не трусьте. Действительно, сколько можно одни и те же запонки из кармана в карман перетягивать? До старости?

– Ладно, – выдохнул Генри, – я тоже в деле. В конце концов, давно хотел поквитаться с Кэтрин. Фил, ты с нами?

– А у него выбора нет, – просвистел Джефф. – Трое против одного. Либо он делает, как все, либо пусть забудет про «Сорняки».

– Я с вами, – сдался Фил и тяжело вздохнул.

Ударили по рукам сразу. Сразу же и дали друг другу слово джентльмена, что участие должно быть честным, и лучше проиграть и опозориться перед доброй половиной университета, чем солгать приятелям и выдать за подвязку мачехи (как и кузины Кэтрин) подвязку какой-нибудь девицы лёгкого поведения.

Вечер клонился к ночи, и вдохновлённые спором авантюристы вновь уселись за карты. И только Тим устало повёл носом, махнул на вист рукой, бухнулся на диван неподалёку, стянул со столика утреннюю газету и, делая вид, что читает, прикрыл глаза.

В Девонсайде, где отец поселился с новой женой, Тим не был с двенадцати лет. И если

до того, как в дом вошла новая хозяйка, Тим был на домашнем обучении, то сразу после свадьбы отец решил, что сыну больше не место в доме, и круглый год Тим должен проводить в частной школе для мальчиков и даже оставаться там на каникулы. А, если будет нужно, лорд Андервуд сам приедет к нему – тогда и повидаются.

Поначалу Тим мало что понимал, потом бесился от злости, потом свыкся, завёл таких же друзей по несчастью, как и он сам, понял, что пользы от отцовских денег может быть куда больше, чем от отцовской любви, общаться с ним перестал окончательно, зато стабильно проверял свой банковский счет, который так же стабильно пополнялся. Колесо крутилось, жизнь шла, диплом юриста и адвокатская практика уже маячили на горизонте, и вот теперь пришла пора вернуться в Девонсайд... Всего на две недели, а, может, и меньше, но Тиму уже было плохо от этой мысли. Его крутило, голова разболелась, и ничего не хотелось, только лежать на диване и делать вид, что дремлешь, хоть это и было неправдой.

Голоса друзей только подливали масла в огонь. Громкие, они напоминали маленькие молоточки и беспощадно били по вискам, усиливая боль. Злобно скомкав газету и швырнув её в угол, Тим закрыл уши руками, повернулся спиной к приятелям и снова закрыл глаза. На душе было противно, в горле от алкоголя тоже, и даже носу было нехорошо, так как воздух в «Сорняках» насквозь пропитался сигарным дымом, и дышать было уж очень тяжело.

Постепенно шум стих, а перед глазами вместо диванной спинки растянулись бескрайние поля Девонсайда. Зелено-лиловые летом и золотые ранней осенью, они были полны уюта и покоя. Тим помнил, как, будучи ещё совсем мальчишкой, бегал по ним, а за ним следом бегали две няньки, пытаясь схватить шалопая и вернуть домой прежде, чем он вывихнет ногу или запнётся о грабли. Шалопай ловился с трудом, чаще всего всё-таки сбегал, потом падал в заболоченный пруд и доставлялся местным рыбаком или пастухом к воротам Девонсайда весь мокрый, в порванных штанах, с илом и жабами в карманах.

Мать никогда не ругалась, только качала головой, велела слугам высушить и переодеть сына, тут же укладывала его в кровать и поила горячим молоком с пенкой. Пенка была противной, но Тим терпел, а мать так и сидела у его кровати весь день, а потом и всю ночь, потому что после таких «прогулок» у мальчишки обычно поднималась температура, начинался озноб и кашель, и веселья было мало, разве только слушать истории, которые мать ему время от времени читала. Но в один снежный зимний день всё оборвалось...

Тим заворочался на узком диване. Подложенная под голову рука затекла, прикрытым глазам было хорошо и комфортно, хотя чуть ранее их слепил яркий свет, идущий от люстр с потолка, а вот ногам стало совсем неудобно, потому что диван был Тиму далеко не по росту. Но лежать всё равно было можно, если бы только за плечо не дёргали, а дёргали с каждой секундой всё сильнее и сильнее, так что Тим поморщился и открыл глаза. Над ним нерушимой скалой высился мистер Пайк.

– Мистер Андервуд, – суровым тоном начал смотритель клуба, – мы закрываемся.

Тим сел, потёр заспанное лицо и, часто моргая, уставился на того, кто его разбудил.

– Мистер Андервуд, – тон мистера Пайка стал суровее, – вы слышали? Мы закрываемся. Все джентльмены давно разъехались, и ваши друзья тоже.

– Как? – пробормотал Тим. – Фил и Генри тоже? И даже Джефф?

– Мистер Пирсон, мистер Блумфильд и мистер Сандерс вызвали кэб и уехали в направлении Ист-сайда. Полагаю, вам лучше знать, куда именно. Кэб был под номером b-414, кэбмен – высокого роста и с чёрными бакенбардами.

– Разве я спрашивал о кэбмене? – простонал Тим, потому что в висках снова

запульсировало.

– Это на тот случай, если захотите справиться о друзьях в соответствующей службе.

– Я лучше домой...

– И правильно, мистер Андервуд. – Смотритель поддержал Тима за локоть, помогая встать. – Вам вызвать кэб?

– Я совсем домой, – выдал Тим и на ватных ногах направился к лестнице, а затем и к выходу из клуба. Его сильно вело, в глазах двоилось, а в горле першило. – В Девонсайд.

Всегда равнодушный до заявлений посетителей мистер Пайк удивленно икнул.

– Мистер Андервуд, сейчас же ночь. Вокзалы закрыты, и только сумасшедший возьмётся везти вас в такую даль. Идите домой и хорошенько выпитесь. И, позвольте, я вам всё же вызову кэб, а то как ограбят ещё по дороге. У вас вон бумажник из кармана торчит.

Тим остановился, прислонился плечом к колонне, чтобы не упасть, вытащил портмоне из крокодиловой кожи из одного кармана жилета и принялся толкать в другой. Толкалось плохо – Тим махнул рукой и оставил всё, как есть.

– Кэб сейчас будет, – суетился мистер Пайк. – Отвезёт вас на Реджент-стрит, а завтра будете о Девонсайте думать.

– Мне срочно нужно в Девонсайд. – У Тима уже заплетался язык. – Но если вы настаиваете...

– Настаиваю, – стоял на своём смотритель, а после вздохнул. – Ох, и что с вами делать? С вами, мистер Андервуд, и с вашими друзьями? И чего вам от жизни надо? Всё ведь есть...

– Я бы сказал, что мне надо, – фыркнул Тим, вспомнив о споре о подвязке, – но вы этого не одобрите.

Вскоре по ту сторону дверей раздалось ржание уставшей за день лошади и цокание копыт. Пора было отдёргнуть на себе пиджак, надеть шляпу и, как и подобает джентльмену, с гордо поднятой головой и расправленными плечами, сесть в повозку, как Тим вдруг остановился, похлопал себя по бокам, потом рассеянно посмотрел под ноги и даже повертелся на месте.

– Вы это потеряли? – услышал он голос мистера Пайка и поднял голову. В руках смотрителя была небольшая книга в потёртом коричневом переплёте. – Вы обронили на лестнице.

– Благодарю, – учтиво ответил Тим, взял книгу и, сжав ту крепко пальцами, вышел в ночной туман.

Кэбмен щёлкнул кнутом, и лошадь зацокала по одинокой мостовой, освещаемой редкими фонарями.

Глава 2. Жёлтая роза Девонсайда

спустя три дня

Чай тем утром оказался совсем невкусным. А всему причиной было молоко. Какое-то оно было жидкое, будто разбавленное. За чаем последовали пережаренные гренки и прогорклое масло. И завершился завтрак совсем уж на грустной ноте: липовый мёд засахарился, лорд Андервуд в сердцах грохнул серебряной ложечкой о фарфоровое, цвета сливок, блюдо, выдернул запроваленную за воротник салфетку и швырнул её на стол. Тяжёлый стул был отодвинут, и лорд Андервуд с трудом и тяжёлой отдышкой поднялся и вытер рукавом вспотевший лоб. Невысокого роста, грузный и в возрасте около пятидесяти лет, хозяин поместья, насчитывавшего около пяти веков истории и пару раз перестраивавшегося, посмотрел на стоявшие в углу у стены напольные часы, недовольно крякнул, увидев точное время, и пробурчал:

– Хоть к ужину-то куропатка будет сносная?

– Я попросила Джонатана лично проследить, чтобы птица оказалась самая свежая, – ответила лорду Андервуду его супруга, женщина лет тридцати семи, одетая в платье насыщенного коричневого цвета с бледно-желтыми полосками. Её длинные золотистые волосы были элегантно собраны на затылке, шею украшала тоненькая нитка желтого, в тон полоскам на платье, жемчуга, а ухоженные руки – кольцо с крупным цитрином, сверкающим на солнце.

– Первое письмо за восемь лет, – проворчал лорд Андервуд, вытащил из кармана жилета сложенный вчетверо листок бумаги, ещё пахнувший сумкой почтового служащего, развернул и в который раз за утро пробежал глазами по тексту. – Это же надо. Первое письмо.

– Я рада, что это наконец случилось, – произнесла супруга, подлив себе чая в чашку.

– А я вот не решил ещё, радоваться или уже сейчас начинать готовиться к худому. Тим не из тех, кто легко изменяет своим принципам. Восемь лет избегал меня, затаил какую-то глупую обиду, даже отужинать вместе отказывался, а о его выходках я вообще молчу... И тут вдруг решил расщедриться и заявиться домой. И не на пару дней, а пока не наскучит. Очень подозрительно.

– Твою подозрительность легко развеять, – мягко улыбнулась леди Андервуд. – Тимоти прибудет завтра вечером, вы пожмёте друг другу руки, а дальше ты расспросишь его, что и как, и поймёшь, стоило ли то письмо твоих нервов и сегодняшней бессонницы.

– У меня где-то хранился отличный бренди, – пробормотал хозяин, хлопая себя руками, словно бутылка пряталась прямо в карманах.

– Вот в разговоре по душам и проведёте вечер. А я обещала почитать миссис Мерит ту пьесу, которая с большим успехом шла весной в театрах Лондона, поэтому не буду вам мешать и проведу вечер у неё в гостях. Джонатан меня проводит.

– Хотелось бы, чтоб всё было так, но на душе всё равно беспокойно, – проворчал Андервуд, пристроив руки за спиной и сцепив их в замок. – Не верю я в добрые намерения своего сына. И не уговаривай. Не верю. Что-то он вытворил и хочет сообщить раньше, чем мне доложат другие. Или, не дай бог, обрюхатил какую-то девицу и не знает, что с этим делать. В общем, – Джейкоб Андервуд разомкнул руки и щёлкнул лакею пальцами, чтобы тот нёс трость и шляпу, – хорошего от этого визита ждать не следует. Так пусть хоть куропатка порадует. Ты проследишь?

Хозяйка Девонсайда снова мягко улыбнулась и прислонилась спиной к высокой спинке стула, на котором сидела. Не привыкшая спешить, леди Андервуд разгладила складки на платье, провела пальцем по каёмке фарфоровой чашки и посмотрела в окно. Там, за прихваченными по сторонам портьерами в мелкую нежно-голубую незабудку, за распахнутыми оконными створками, начинался розовый сад.

Розы цвели самые разные, но больше всего Малеста Андервуд, урожденная Жданович, любила жёлтые. Цвета солнца, которого ей так не хватало на острове. И это ещё лорд Андервуд пошёл супруге навстречу и поселился с ней не в поместье на западе, а на юго-востоке, ближе к морю, в Девонсайте*. Но даже здесь поздняя осень и зима были тусклыми и холодными – Малеста приказывала слугам не жалеть дров и комнаты отапливать основательно, а весной и летом облегченно выдыхала, радуясь тёплым дням, ветру с запахом моря и набухающим розовым бутонам, которые торопились распуститься и порадовать очаровательную хозяйку огромного дома.

Первая супруга лорда Андервуда умерла десять лет назад, оставив мужу все личные сбережения и сына. Именно благодаря ей Джейкоб Андервуд никогда беден не был, но покутить любил, делал это часто, а после смерти жены совсем загулял. Одна из долгих весёлых ночей и привела его в скромный театр в Сохо, в котором в тысячный раз ставили «Гамлета» в упрощённом варианте для недалёкой и разношёрстной толпы.

Череп в руке принца датского по обыкновению веселил всех собравшихся в душном зале. Но основное внимание было привлечено к разносчику крепких напитков цвета абрикоса, но с привкусом соломы. Их передавали по рядам, по цене никто не торговался, выпивалось все залпом, а там уже и занавес опускали, и довольные окультуренные горожане спешили по своим комнатенкам, разбросанным по плохо освещённым районам большого города, а на утро совсем ничего, кроме вкуса выпитого, не помнили.

Лорд Андервуд в ту ночь выпил столько, что уснул. Уснул прямо там, где и сидел: в середине предпоследнего ряда. Даже бряцающие по обе стороны стеклянные бутылки и гомон толпы его не разбудили, а разбудила худая женская рука, принадлежащая незнакомой Джейкобу женщине, которая, когда все разошлись, робко тронула подвыпившего зрителя за плечо и, стоило тому открыть глаза и промычать нечто нечленораздельное, поманила за собой.

С ног Андервуд свалился уже в гримерке. И прямо на ту самую даму, которая и увела его из пропитанного запахами пота и дешёвых сигар зала. Проснулся Джейкоб уже на укрытом тонким покрывалом сундуке, в котором актёры театра хранили свои дешёвые костюмы, и за окном уже всюду светило солнце.

Далее последовала череда путаницы: незнакомая Андервуду женщина пыталась объяснить, как он на том сундуке оказался, а Джейкоб – понять, почему же его взгляд так прикован к этим серо-голубым глазам и роскошным золотистым локонам, а ещё губам, больше похожим на лепестки роз, только-только распустившихся и ещё не познавших ножа садовника.

Следующим же вечером Андервуд снова был в театре. Снова терпел безвкусную интерпретацию великой трагедии, неприятные запахи вокруг и подвыпившую публику. Но стоило белокурой красавице показаться на сцене, как Джейкоб обо всём позабыл, снова вдруг почувствовал себя молодым и даже разволновался, словно был мальчишкой, которому предстоит сделать первое в своей жизни признание в любви.

С признанием, однако, Андервуд торопиться не стал. Вначале прислал корзину

роскошных белых роз, потом ещё одну и только потом постучал набалдашником трости в дверь гримёрной, и спустя секунду вошёл в комнату хозяйским шагом под громкий визг полуголых актрис.

Из комнатки, переполненной подвязок, чулков и шпилек, Джейкоба выперли сразу. Малеста, прикрывшись куском ткани цвета бургундского вина (кажется, то была часть драпировки для дивана, который выволакивали на сцену в последних сценах и на котором восседала королева), выскочила за Джейкобом следом. С не до конца смытым гримом на лице, с растрепавшейся причёской она была прекрасна. По-английски говорила с лёгким, но мягким, акцентом, и лорда Андервуда это пленило ещё больше. Однако внешне он старался оставаться невозмутимым и делано равнодушным.

Извинившись за вторжение, Джейкоб тут же велел актрисе одеться, сухо бросив, что экипаж ждёт, а ещё ждёт столик, заказанный в одном известном ресторане, где поужинать стоило целое состояние. Малеста отказала.

Но плох тот полководец, который никогда не знал поражений. И плох тот банкир, который ни разу в жизни не испытал кризиса: хоть финансового, хоть в любви. Джейкоб Андервуд на войне не был, зато отлично считал деньги и умело планировал будущее, как банковское, так и собственное.

Со следующего дня Андервуд стал настойчивее. Он не пропускал ни одного спектакля, хоть и сидел во время представления, брезгливо зажав нос пальцами. Каждый раз посылал Малесте две корзины роз (одну – на сцену; другую – в гримёрку), затем разузнал её адрес и в один прекрасный день отправил письмо, в котором предлагал встретиться.

Как положено в среде джентльменов, встреча должна была состояться в месте, полном людей, поэтому Джейкоб Андервуд выбрал оперу. Не любительскую, а высокую, где пели исключительно на итальянском и пробовали крохотные пирожные в перерывах между действиями. Малеста снова не пришла, и тогда не терпящий неудач банкир пошёл на последний штурм.

Беседа с владельцем крохотного театра прошла успешно, за закрытыми дверями и с приспущенными шторами. Под виски многолетней выдержки, крепкие сигары и выписанный чек на предьявителя была достигнута та самая договорённость, которая в полной мере устраивала обоих мужчин, но о которой не потрудились спросить ни одну женщину. Впрочем, и речь-то шла всего об одной, но даже её мнением не удосужились поинтересоваться.

В тот вечер Малеста вышла из театра вся в слезах. Роль датской королевы досталась рыжей дурнушке с громким голосом и совсем не королевской осанкой, а Малесте выдали только расчёт за последние спектакли и белоснежную шаль, которую она ещё год назад принесла с собой и использовала в одной из прежних постановок.

Джейкоб Андервуд был тут как тут.

Не успела Малеста сделать и пары шагов по тротуару, чтобы перехватить идущий в её сторону кэб, как Джейкоб высунулся из окна своего экипажа и поманил Малесту тростью, а затем галантно распахнул дверцу и предложил сесть. Красные глаза на фоне бледных щёк смотрелись столь ужасно, что выхода не было – Малеста согласилась, и пока лошади медленно цокали до квартиры, которую она снимала неподалёку от парка, на лорда Андервуда обрушилась волна откровений. Малеста рассказала, как владелец театра ни с того ни с сего выставил её за дверь, в качестве причины кинув лишь пару слов о том, что зрителям её игра кажется скучной. Джейкоб понимающе кивал, а потом коснулся руки

зарёванной спутницы, медленно стянул кружевную перчатку, провёл пальцами по коже, лишённой загара, и предположил, что пора начать новую жизнь.

Роскошную свадьбу сыграли только через полгода, когда Малеста окончательно убедилась в том, что ни один театр её уровня не готов принять её к себе в труппу, и единственным способом сводить концы с концами было принятие предложения лорда Андервуда. Весьма завидного, по мнению большинства.

А вот незавидное происхождение невесты скрыли, придумав историю о разорившемся роде, пусть и древнем, но мало известном. Гости и знакомые Джейкоба ту историю «съели» (или сделали вид, что «съели») и отнеслись к выбору лорда Андервуда с должным уважением и умеренным вниманием. В конце концов, многим из них было всё равно, какие у Джейкоба тараканы в голове, а закуски и возможность встретить на свадьбе влиятельных персон и представить им своих дочерей, кузин и внучек была в разы важнее, чем всё остальное.

Малеста была прекрасна в пышном платье и бриллиантах, и лишь немногие на торжестве отметили, что улыбка госпожи Андервуд нет-нет да была грустной, и в глазах радости было мало, а больше тоски и усталости. Впрочем, на последнее всё и списали. Пережить празднование на несколько сотен человек, среди которых был двенадцатилетний сын Джейкоба, оказалось непростым делом. И сложнее всего было не запомнить имена и титулы всех гостей, не поприветствовать их всех лично и не выслушать их длинные поздравительные речи, а следить за гадким мальчишкой, так и норовившем как бы невзначай наступить на шлейф платья невесты и тем самым не дать ей и шагу ступить, когда это было нужно, или сунуть в цветы на столе с дюжину жаб, пупырчатых и жутко квакающих, или сделать вид, что подавился вишней, а потом выплюнуть несколько косточек прямо в лицо той самой, которая только что заняла в доме место его матери и даже надела себе на шею её ожерелье, и никакие уговоры, угрозы, няньки и гувернеры ничего не могли с тем проказником поделать.

Малеста была растеряна; она совсем не умела ладить с детьми, тем более с такими, кто её почему-то ненавидит. Однако конфликт замялся сам собой: выяснилось, что Тим души не чаёт в той школе, куда отдал его отец. Любовь к знаниям оказалось столь сильной, что Тим предпочёл находиться вдали от дома целый год, потом ещё год, потом ещё. Джейкоба поначалу это сильно расстраивало, и Малеста утешала супруга, как могла. А потом пошли слухи о проделках отпрыска, и Малеста даже радовалась в душе, что все они происходили далеко от Девонсайда. Супруга лорда Андервуда была натурой далекой от скандалов, разборок и различных неприятностей, любила тишину и тихую прохладу сада, книги, розы и чай и совсем не любила проблемы, от которых Джейкоб её предусмотрительно избавил.

Вот и сейчас ей меньше всего хотелось, чтобы письмо, так неожиданно появившееся в доме, оказалось не более чем простым желанием сына наконец-то встретиться с отцом. Но даже если это не так, Малеста не узнает деталей, потому что на время возможного скандала будет у престарелой миссис Мерит – единственной дамы в округе, с кем Малеста по-настоящему дружила.

– Сегодня к ужину не жди, – голос супруга выхватил Малесту из вороха воспоминаний и мыслей.

Встрепенувшись, та повернула голову в сторону лорда Андервуда и тихо спросила:

– А как же куропатка?

– Съешь сама или распорядись приготовить что-то другое.

– Но почему? – Малеста до сих пор была растеряна.

– Ты хочешь лечь спать голодной?

– Почему ты передумал ужинать дома? Что-то ещё случилось?

– Меня терзают мысли, что Тим опять затеял что-то неладное. Я съезжу в город и обналичу чек. Что-то подсказывает мне, что крупная сумма наличными не помешает. Заодно отужинаю с сэром Пикли и попробую у него разузнать последние слухи.

– И вернёшься, как обычно, поздно ночью?

– Да, дорогая. – Джейкоб подошёл к супруге, наклонился и уткнулся губами и носом в её пахнущие цветами волосы. – Будить тебя не буду, лягу в своей спальне.

Малеста молча согласилась. Такое было не впервые, а в последние месяцы даже чаще обычного. Муж много времени проводил за деловыми обедами и ужинами, работой и просто встречами с другими банкирами и важными людьми. Малеста не имела права этому противиться и в некоторой степени этому даже радовалась: в конце концов, она во всём зависела от мужа, а ещё безумно радовалась тишине, которая царила в доме, когда Джейкоб был в отъезде.

– Только не заставляй меня встречать Тима вместо тебя, – ответила леди Андервуд, а сердце на секунду заныло, словно предчувствовало, что именно так и будет.

– Он приезжает только завтра вечером, – ответил Джейкоб, надевая шляпу и направляясь к выходу. – А я к завтраку уже буду в Девонсайте.

«А мне послышалось, что поздно ночью», – пронеслось в голове у Малесты, но вслух она ничего не сказала, только проводила лорда Андервуда взглядом и облегченно выдохнула.

Глава 3. Чем пахнут мужчины

– Вот и Девонсайд, мистер Андервуд! – крикнул возница и подстегнул кнутом лошадь, чтоб шла быстрее, а не волочилась сонной мухой. – Болото объедем, и, считайте, я вас доставил.

Повозку и кучера Тим нанял на вокзале. Нанял – громко сказано; просто услышал разговор о возвращении в Девонсайд и попросил подвезти. А когда возница узнал, что попутчик – сын самого лорда Андервуда, то от денег тут же отказался, сообщив, что доставить молодого хозяина домой – самая большая для него в жизни радость. Правда, потом удивился, почему такого важного гостя не встретили как подобает. На что Тим только равнодушно пожал плечами и ответил, что встретить его бы встретили, но только завтра, а он вот взял и приехал на день раньше. В конце концов, какая разница, когда переступить порог вроде бы родного, но уже давно чужого, дома? Сегодня это сделать даже лучше. Раньше приедешь – раньше добудешь желаемое. Раньше добудешь – раньше уедешь и скорее начнёшь, как и прежде, пить, кутить и веселиться.

– Остановись!

Крик Тима так напугал возницу, что тот ухватился свободной рукой за шляпу, похожую на блин и лежащую на свободном местечке рядом, да так и держал её, чтобы та не улетела от резкого манёвра. Другой рукой возница со всей силы потянул на себя поводья.

«Никак, приспичило, – подумал про себя деревенщина. – И не могли потерпеть ещё немного? Вон ведь уже и окна виднеются».

– Довези саквояж до дома и передай слугам. – Молодой хозяин почему-то совсем не торопился к лопухам, зато достал из кармана жилета несколько монет и сунул вознице в потную, мозолистую ладонь. – И не вздумай сбежать с ним. Ценного там ничего нет, а тебе потом не поздоровится.

– А вы как же?

– Прогуляюсь. Дорогу знаю хорошо – не переживай. Хочу вспомнить родные места...

– Как скажете, сэр, – ответил возница. До поместья Андервудов было уже рукой подать, а денег, что щедрой рукой отстегнул молодой господин, хватило бы, чтобы оплатить дорогу туда, потом обратно и ещё раз туда. Богачи – странные люди. То за каждую соломинку в стоге сена торгуются, то деньги на ветер кидают.

В Девонсайте дышалось хорошо. И тишина стояла такая, что Тим зажмурился. От мелких цветов, сладко пахнувших мёдом, захотелось спать, но Тим только ущипнул себя за щёку, снял пиджак, в котором становилось уже откровенно жарко, перебросил его через плечо и широким шагом двинулся вперёд.

Заболоченный пруд весь порос камышами. Тим свернул с узкой тропинки, бухнулся на траву, чуть не поцарапал руки об острую осоку, вытянул ноги и поставил лицо солнцу.

В Девонсайте уже наверняка обсудили его приезд, и скорее всего никто рад не был. Тим специально приехал на день раньше, чтобы привыкший действовать быстро лорд Андервуд не успел подсуетиться и отправить к сыну курьера с ответным посланием, что принять отпрыска не сможет. Супруга приболела, сам приболел, курицы приболели или просто у поварёнка расстройство желудка – отец что-нибудь да придумает. Даже собственное банкротство организует, лишь бы не пускать Тима через порог. А если приедешь раньше, то придраться будет не к чему: письма с отказом не получал, про болезнь ничего не знал да и

вообще не к курам приехал, а к родному человеку. Тим всегда найдёт, что наболтать, недаром на адвоката учится.

Пора было подниматься и идти вперёд, но так не хотелось. Пока ехал, Тим успел уже сто раз пожалеть, что по пьянке ввязался в дурацкий спор с друзьями. Он даже был уверен, что и те тоже жалели каждый про себя. Про себя, потому что больше в «Сорняках» всем четверым пересечься не удалось, а, значит, не удалось и отменить глупое соревнование. Впрочем, учитывая то, что Тим уже восемь лет не был в родном доме, в то время как чужая женщина тот дом прибрала к рукам и чувствовала себя в нём полноценной хозяйкой, глупым затеянное называть не стоит. Не такое оно и глупое, если даёт возможность отомстить тем, кого всей душой ненавидишь. И речь шла не только о мачехе...

Тим стряхнул цветочную пыльцу с одежды. До тропинки быстрее было напрямик через камыши, но вот дорогой костюм было жалко. Хотя... гулять так гулять! Не так уж и жалко, если за него платишь не ты, а отец, которого ты приветствуешь с раздражением и сквозь зубы. Разорится на новый – с него не убудет. Ведь покупает своей «выдре» кучу шляпок, платьев и прочей мишуры, значит, и на сына расщедрится. Тем более тот впервые зайвится в дом просто так, без письма из полиции или требования оплатить штраф. Конечно, придётся сыграть роль любящего сына, чтобы продержаться в Девонсайте дольше одного дня и заполучить предмет спора, но Тиму не привыкать надевать маски. В школьном театре в стольких пьесах играл, теперь вот – в университете. Каждая новая роль – своего рода вызов, а Тим перед трудностями пасовать не привык, поэтому твёрдо решил, что спектакль, что ему придётся разыграть, будет вершиной его любительской карьеры...

Хлюп!

Тим дёрнулся и выдал целую тираду из слов, которые джентльмену ни знать, ни говорить не полагается: задумавшись, Андервуд не заметил, как одной ногой угодил в болотную трясику, пусть и не засасывающую, но полную чавкающей грязи и тины.

Скривившись, Тим принялся вытаскивать ногу, однако ботинок болоту понравился, и отдавать свой трофей густая жижа не хотела. Пришлось вытаскивать ногу из ботинка, лишь бы выкарабкаться. С этим тоже вышло не очень – Тим почувствовал, что теряет равновесие, принялся тщетно махать руками, чтобы ухватиться за нечто поувесистее камышей, но поймал только воздух, не удержался и рухнул в чёрную воду.

Когда вынырнул, принялся тут же выплевывать попавшую в рот траву и головастиков. Барахтаясь в мутном болоте, кое-как добрался до твёрдой поверхности, вцепился ногтями в вязкую глину и попробовал подтянуться на руках. Не получилось. Мокрые ладони скользили по траве, вырывали её с корнем, и болото было сильным, но Тим – сильнее. В очередной раз он упёрся руками в землю и резко дёрнулся. На его счастье трясику не была слишком голодной и отпустила жертву, однако на память о госте оставила себе его левый ботинок и пиджак.

Тим отплевался. Из карманов жилета свисала мокрая трава, вся одежда была в грязи и мелких листьях, бывших уже на грани гниения и давно потерявших цвет, а банкноты в кармане наверняка все размокли, тем самым сделав юного Андервуда таким бедняком, которому в Девонсайте и на еду не хватит, что уж говорить об обратном билете.

Выход был один, и вела к тому выходу узкая тропинка вдоль луга, осенью золотого, а летом сочно-зеленого с островками розового клевера. И если раньше были сомнения и раздумья, то теперь они все растворились. Тиму ничего не оставалось как надеть маску раскаявшегося сына и добропорядочного студента. Нужно было как минимум получить в

руки сумму наличными, достаточную на поездку обратно, а как максимум... И Тима передернуло, словно он не только в болотной воде искупался, а ещё и хлебнул больше положенного, и сейчас начнётся изжога.

Вода громко хлюпала в не съеденном трясиной ботинке. Грязная, вонючая, она, казалось, только что выплюнула на штанину маленького лягушонка. Но нет. То был лишь комочек мха, застрявший в обуви и наконец-то выбравшийся на свободу.

С некогда красиво зачесанных темных прядей, теперь мокрых и безобразно уложенных, падали капли, полные запаха плесени. Всё было влажным, и оттого Тиму было противно. Элегантная рубашка, которую пошили специально для него, превратилась в тряпку – только полы мыть; от костюма остались жилет и брюки, и те нужно было чистить и отпаривать и не один раз, чтобы ни одно пятнышко не напоминало о том, что пришлось пережить. Но главный позор был впереди...

До самого дома Тим так и тащился: морщил нос от «ароматов», исходивших от собственного тела и вымазанной в грязи одежды, и стирал с лица тоненькие струйки и капельки, время от времени пробегавшие по щекам или соскакивающие со лба на кончик носа. Всё было не так, как привык Тим. И хоть в детстве пугать няnek и подсовывать лягушек ненавистной мачехе было лучшей забавой, сейчас произошедшее, мягко говоря, раздражало. За годы учебы в старшей школе и университете Тима никогда не видели растрёпанным или небрежно одетым. Ни одной кляксы не встречалось ни на его жилете, ни на пиджаке. Обувь была всегда начищена до блеска, а виски подстрижены так аккуратно, что ни один волосок не выбивался из общего ряда и не вносил сумятицу в строгий порядок.

Сейчас же от элегантности и очарования остались только красивые глаза. На солнце они блестели больше обычного и своей зеленью напоминали зелень болотную. А ещё остались губы. Совсем не бледные, а цвета поспевающей клюквы, которую срывать ещё рано: не созрела. Закинешь в рот пригоршню таких ягод, они хрустнут на зубах, и рот сведёт от прохладного, кисловатого сока.

На подходе к семейному особняку Тиму никто не встретился. Не было ни кучера, ни садовника, ни батлера... Даже собака не выскочила и не облаяла незнакомого ей человека. Пожав плечами, Тим приблизился к крыльцу, но и тогда никто не открыл ему высокие двери, не поклонился и не пригласил внутрь.

– Вымерли они там все, что ли? – сцедил Андервуд и осмотрелся.

Вокруг не было ни души, и даже голоса прислуги не доносились, хоть многие окна и были открыты.

– Что ж, – Тим снова сплюнул болотной горечью, – была не была. И не такое доводилось делать.

И уверенным шагом двинулся в сторону одного из окон. Самого низкого, где за подоконник можно было зацепиться и дальше полагаться лишь на собственную удачу и силу в руках. С первой сегодня Тим был не в ладах, но вот последняя никогда не подводила.

– Почему окна до сих пор не открыты? – спросила Малеста, надавливая пальцами на ноющие виски.

Нюют – к дождю. И не к простому, по-летнему быстрому, а затяжному, с ветром. С одной стороны, хорошо. Может, непогода изменит планы сына мужа, и лицезреть его не придётся. С другой стороны, дорогу может развезти и супруг застрянет вдали от дома надолго. А он так не любит ютиться в комнатухах придорожных гостевых домов. Своей

теснотой они его оскорбляют, а скудная, несвежая еда ещё и портит желудок.

– В холле уже начали открывать, – с лёгким поклоном ответил Джонатан, батлер, свои лучшие годы отдавший дому в Девонсайте. – Утренний ветер был слишком сырой. Я волновался, что, если открыть окна слишком рано, то вы можете простудиться. Сейчас ветер стих, а на улице по-прежнему влажно. Вероятно, к дождю.

«Всё-таки будет дождь», – простонала про себя Малеста, а вслух только сказала: – Пусть откроют везде, мне нечем дышать.

Шурша дорогим платьем, леди Андервуд прошла по комнате, опустилась на диван и снова коснулась висков. Пульсирующая боль немного утихла, но окончательно проходить не собиралась. За последний год она стала появляться чаще, особенно после разговоров с мужем. И вроде беседа всегда была ни о чём, а голова раскалывалась после неё так, словно на Малесту обрушилось огромное количество проблем, большинство из которых были неразрешимы.

Когда же головной боли не было, была скука. Такая, что зевать хотелось и не выползая из кровати. Но супруг любил окружать себя роскошью и требовал, чтобы стол ему всегда накрывали, как на десяток гостей – дорого и с размахом, – и чтобы жена всегда присутствовала рядом, по моде одетая, со здоровым цветом лица и блеском в глазах даже в тех случаях, когда ей нездоровилось столь сильно, что надежда была лишь на микстуры, выписываемые семейным врачом. Действовали они всегда безотказно, но намного лучше Малесте становилось, когда она выходила в сад или просто оставалась одна в небольшой комнате на первом этаже. То была уютная гостиная всего человек на пять – не больше. Лорд Андервуд эту комнату не любил, предпочитал более просторные и вычурно обставленные, а Малесте она нравилась. Небольшой диван с подушками в восточном стиле, персидский ковёр на полу, круглый чайной столик на два кресла, антикварный клавесин и узкий высокий шкаф на семь десятков книг – всё здесь было близко Малесте, всё наполняло её сердце уютом, успокаивало и излечивало от утомляющей мигрени.

– Могу я чем-то ещё помочь? – Услужливый Джонатан вопросительно посмотрел на хозяйку.

Та помотала головой.

– Вы свободны.

– Тогда я буду в западном крыле. Лорд Андервуд велел приготовить комнату для сына; мне нужно убедиться, что всё будет сделано как положено.

Малеста согласно кивнула. Это было даже к лучшему: на какое-то время она останется совсем одна, ведь супруг уже уехал, а надоедливые слуги будут так далеко от гостиной, что кричи – не услышат. Пусть совсем недолго, но вокруг будет тишина. Идеальная тишина, чтобы предаться ярким фантазиям и немного помечтать...

Полный дождевой свежести ветерок приподнял воздушную занавеску и растрепал причёску леди Андервуд. Аккуратно заправив непослушный локон за ухо, Малеста взяла со столика только вчера начатую книгу, придвинулась к спинке дивана, раскрыла в том месте, где между страниц лежал засушенный лепесток, и принялась читать, готовясь мило улыбаться на забавных моментах и от всей души сочувствовать на моментах грустных.

Вот только глава в книге на этот раз попала совсем не грустная и не весёлая, а тревожная. В дом главной героини забрался вор, и действовал он аккуратно и именно в тот момент, когда за окном шумели ветер и дождь, и его никто не слышал. Да и слуги все, как оказалось, уже давно спали, но кто-то из них то ли по ошибке, то ли умышленно оставил

открытым окном на первом этаже, чем и поспешил воспользоваться мерзкий негодяй.

Узнать судьбу воришки хотелось всенепременно, но долго насладиться чтением у Малесты не получилось: за окном вдруг послышалась странная возня, и леди Андервуд насторожилась. Повернула голову на шум и вслушалась. Шумели явно не слуги. Они бы никогда не позволили себе столь громко топтать, нарушать покой хозяйки и так безжалостно хрустеть сухими веточками, которые ещё не успел собрать с земли садовник.

Ветер подул сильнее, и Малеста поёжилась. Ещё совсем недавно за окном было такое солнце, что впору веснушек на нос нахвататься, а сейчас небо стало заволакиваться хмурыми тучами, не сулившими ничего хорошего, кроме ледяных капель.

Ветер подул снова, а следом за ним по водостокам ударило несколько капель. И опять зашумели за окном, и даже (Малеста не сомневалась ни на секунду) сломали ветку на одном из кустов, а это было уже форменное варварство! Такое мог сделать только чужой человек!.. Ветер, накрапывающий дождь, открытые окна, слуги, перешедшие в другое крыло, и чужой человек... Леди Андервуд перевела взгляд на злополучную книгу, вздрогнула и прикрыла рот ладонью, чтобы с губ не сорвался испуганный крик. Всё это было слишком похоже, чтобы быть правдой.

В этот момент чьи-то грязные пальцы зацепились за чистейший подоконник, оставляя на нём безобразные следы. Сердце Малесты бешено забилося, а ладони похолодели. Такие грязные пальцы не могут быть у добропорядочных людей, а только добропорядочные жили в Девонсайде. Значит, чужой! Неужели?..

Чужак по ту сторону окна тем временем выругался – таких ярких словосочетаний Малеста уже давно не слышала. А затем подтянулся на руках, запрыгнул на подоконник и, сидя так, принялся отряхивать с грязных рукавов листья, опавшие с розовых кустов.

Со спины незнакомец выглядел страшно. А пах просто отвратительно! Его одежда была вымазана глиной и вся мокрая. Волосы тоже были давно не мыты и тоже почему-то мокрые. Или, может, просто засаленные? И этот неприятный запах гнили... Малеста снова покосилась в сторону отложенной книги, тихонько встала, подобрала полы платья и сделала робкий шаг в сторону комода. Там стояла бронзовая статуэтка ангела с крылышками за спиной и луком в руках. Она была довольно увесистой, и оставалось только правильно рассчитать угол удара, чтобы не позволить негодяю увернуться.

Незнакомец, однако, вёл себя странно для вора: залезать в дом не торопился, озираться в поисках ценных вещей и хватать их – тоже. Он просто сидел на низком подоконнике, свесив ноги в сад, и продолжал снимать с перепачканной одежды заплесневелую траву, которая совсем не хотела отлипнуть. Всё это было крайне подозрительно. И совсем не похоже на то, о чём писали в романах. В последних ворах вели себя осторожно, действовали быстро, но никак не разваливались в гостиную, где их мог заметить любой слуга, и никак не прихорашивались, прежде чем отправиться на дело. Может, это необычный вор? И что тогда? Предложить ему чаю?

На этой мысли леди Андервуд не совладала с собой и фыркнула. Незнакомец тут же дёрнулся, обернулся, а Малеста, вместо того чтобы осчастливить незваного гостя по голове ангелом-тяжеловесом, выронила его, и тот грохнулся на пол, крепко-накрепко припечатав край платья к персидскому ковру.

– Кто вы такой? И что вам здесь нужно? – Леди Андервуд старалась звучать как можно суровее, но сердце окончательно наполнилось страхом, когда мужчина неторопливо перекинул ноги из сада в гостиную, спрыгнул с подоконника, отряхнул брюки, на которые

было страшно смотреть, и двинулся на хозяйку Девонсайда, намереваясь то ли задушить, то ли руку поцеловать.

Выяснить, что именно будет выбрано, не было ни времени, ни желания. Малеста начала отступать, но чёртов ангелочек так крепко держал платье, что леди Андервуд не устояла и покачнулась. Взмахнула руками в надежде найти хоть что-то, за что можно было ухватиться, но зацепилась только за руку грязного нахала и тут же утянула неудачливого грабителя за собой.

Оба свалились и запутались в шуршащих тканях, травяных ошмётках, запахах гнили и цветов после дождя. Вонючий наглец придавил телом Малесту и теперь тяжело дышал ей в лицо, практически не утратившее былой красоты и свежести. Несколько капель упало с его волос ей на грудь, и Малесту охватил ужас. Она попробовала было закричать, но крик сорвался с губ сдавленный и едва ли был кем-то услышан.

– Пустите, – шипела хозяйка Девонсайда, пытаюсь скинуть с себя мерзавца, но тот сам откатился в сторону, поднялся на ноги и протянул даме руку, желая помочь встать.

Это было уже слишком! Любой другой вор тут же рванул бы вон из дома через то самое окно, которое помогло ему в тот дом забраться, а этот нахал изображает из себя джентльмена. Сам же на деле никто, хоть одежда, если почистить, может оказаться штучного пошива. Интересно, он её украл или выклянчил? И почему он столь назойливо скользит взглядом по красивой шее леди Андервуд, по складкам её платья, по рукам и пальцам?.. Рыскает настойчиво, жадно и в то же время с нотками презрения, словно перед ним не богатая дама с положением в обществе, а дешёвая актриска из убогого театра, которую можно ни в грош не ставить.

От этого взгляда и закипающего в сердце возмущения Малеста чуть не задохнулась. С тех пор как она стала супругой лорда Андервуда, ни один мужчина не смел её так разглядывать, даже малограмотный слуга, умевший только дрова колоть и едва вязавший слова. Он был больной на голову, но никому вреда не причинял, а потому ему многое прощали. Но этот негодник... Снова буравит взглядом её шею. Или он на жемчуг пялится? И глаза такие зелёные-зелёные, как молодой лист на цветочных кустах, ещё не набравший достаточно цвета.

Малеста опасливо дотронулась до ожерелья, удачно и в то же время с долей скромности подчеркивающего красоту своей хозяйки. Оно, как и всё остальное в этом доме, принадлежало лорду Андервуду и много лет назад обвивало шею его матери, а затем первой жены... Теперь вот перешло ко второй.

– Возьмите. – Малеста щёлкнула застежкой и сняла жемчуг. – И не делайте мне ничего дурного. А ещё убирайтесь скорее, пока я не позвала слуг. Покажетесь снова в наших краях – второго шанса уйти безнаказанно не будет.

На удивление леди Андервуд вор не выхватил дорогое украшение и не пустился на утёк. Зато стукнул себя кулаком по лбу и выдавил:

– Этот жемчуг... Как же я сразу не догадался? – А потом опустил на одно колено и с долей сарказма в голосе спросил: – Вы в порядке, матушка?

«Паяц несчастный!» – чуть не взорвалась Малеста и брезгливо оттолкнула от себя вымазанные грязью руки.

– Уходите! – вновь выкрикнула она и фыркнула на золотистого цвета прядку, выбившуюся из прически и упавшую прямо на глаза. – Уходите, или я закричу.

– Так вот, как вы встречаете гостей, – получила Малеста укоризненное в ответ, а дальше

произошло нечто, совсем из ряда вон выходящее и пахнущее громким скандалом, каких так не любили в Девонсайте: нахальный юнец протянул руку в лицо леди Андервуд, поймал непослушный локон и аккуратно заправил его за ухо Малесты, даже не соизволив спросить на то разрешения. При этом улыбался уголками губ легко и небрежно, как будто проявлял заботу в отношении младшей сестры, а не замужней дамы, и от прежнего презрения во взгляде не осталось и следа. А, может, его и не было вовсе, и Малесте показалось?

– Так я могу называть вас матушкой? – услышала вновь леди Андервуд, а предприимчивый наглец уже поддерживал её одной рукой за локоть, а другой – за талию, помогая встать.

– Кто вам дал право так себя вести? – Малеста со всей силы ударила по рукам нахала, вскочила на ноги и бросилась подальше от грязного сумасшедшего. В том, что несчастный был не в себе, леди Андервуд была абсолютно уверена. Оттого ещё больше его боялась, ведь ласковый взгляд мог в любой момент смениться агрессией, и это могло стоить Малесте жизни.

Рассчитывать на чью-либо помощь больше не было времени, как и продолжать взывать к разуму забравшегося в дом негодяя. Нужно было действовать. И действовать быстро, ведь каждая секунда была на счету. Как, Малеста совершенно не знала: всё свободное время она проводила за чтением книг, а чем может помочь обычный любовный роман в ситуации, когда жизнь и честь буквально висят на волоске? Пользы от того романа никакого, разве что только если в нём не двести страниц и не тугой переплёт.

С трудом соображая, что к чему, Малеста схватила с дивана недочитанную книгу. Как оказалось, не зря. Перемазанный глиной бродяга поднял с пола выскользнувшее из руки леди Андервуд жемчужное ожерелье и, нагло пачкая ковёр грязью, двинулся вперёд, к дивану, где дрожала от страха супруга хозяина поместья.

– Вы обронили. Позвольте, я помогу.

И Малеста почувствовала, как её шею касаются прохладные пальцы, прикладывая к ней не менее прохладное украшение.

Это был уже перебор! Двести страниц, сшитые воедино и повествующие о несчастной любви грабителя и леди, обрушились на мокрую голову, но Малесте этого оказалось мало. Воспользовавшись секундным замешательством нахала, леди Андервуд толкнула его прочь от себя, проскользнула к валявшейся неподалёку статуэтке, схватила её и жажнула ангелочком по мерзавцу, окончательно лишая того сознания.

Тяжело дыша и на ватных ногах, Малеста дошла до дивана и села. Бросила взгляд на лежавшего неподалёку грабителя и поёжилась от охватившей всё тело дрожи. Сколько ни приходилось отталкивать от себя назойливых поклонников, причём, зачастую театральным реквизитом, по весу не уступающим бронзовому ангелу, ни одного из них Малеста не лишала жизни. Скандал, которых так не любили в Девонсайте, не преминет разразиться, если, конечно, супругу не удастся его замять. А он как назло вернётся не раньше ночи! А если ещё и дождь вмешается, и дорогу развезёт...

Со стороны дверей послышались шаги. Торопились сильно, и, судя по топоту, это был Джонатан. Где же его раньше носило, когда он был так нужен?

– Леди Малеста, – батлер говорил взволнованно, – у вас всё в порядке? Мне показалось, я слышал кри...

Джонатан запнулся на полуслове и выпучил глаза. В одной руке он держал незнакомый Малесте саквояж, который тут же выронил, и бросился к мертвецу на ковре, принялся

хлопать того по щекам и щупать пульс на запястье.

– Этот вор забрался в дом через окно, – оправдывалась Малеста. – Я была вынуждена защищаться...

Но к удивлению леди Андервуд батлер её не слушал, а всё суетился около грабителя, словно тот был его близким родственником.

– Он жив. Мистер Андервуд жив, – вдруг с облегчением произнёс Джонатан и крикнул изо всей силы: – Мэри, воды! Скорее! И пошли немедленно за доктором Уотнером!

У Малесты дрогнуло сердце, а служанка, никогда не отличавшаяся особой расторопностью, уже спешила с полным кувшином, при этом громко охая и качая головой.

– Мистер Андервуд? – переспросила Малеста, с ужасом наблюдая, как и без того мокрого нахала окатили ледяной водой.

– Это же молодой хозяин, – не оборачиваясь, ответил батлер. – Уж я его всегда узнаю, хоть и видел последний раз давно. Мэри, ещё воды! И принеси нюхательную соль! Как же это всё произошло? Мистер Андервуд, очнитесь!

– Он приезжает только завтра... – растерянно пробормотала Малеста и перевела взгляд с до крайности взволнованного Джонатана на брошенный посередине комнаты саквояж, весь в дорожной пыли.

Разрозненные кусочки сложились в голове в единую картинку, но верилось в неё всё равно с трудом. Тим? Не может быть. Не может быть, что грязный оборванец – тот, кого она пыталась назвать своим сыном восемь лет назад. Пыталась, но так и не смогла...

Малеста поднялась с дивана, сделала несколько шагов по ковру, опустилась рядом с Джонатаном и внимательно всмотрелась в лицо того, кого она всё это время считала наглым вором, посмевающим вторгнуться в чужие владения. Как же она могла так обознаться? Как не разглядела ни широкий лоб Джейкоба, ни волевой подбородок? Как не заметила явного сходства, которое было столь очевидно? Почему не придала значения словам? Встреча, которой она ждала уже столько лет, прошла так глупо и едва не закончилась трагедией. И пусть Джейкоб всё узнает, пусть ругает её на чём свет стоит и за безрассудство, и за бронзового ангела, лишь бы Тим поскорее очнулся. И лишь бы между сыном и отцом, наконец, наладилось понимание, и ради последнего Малеста была готова признать себя виновной в чём угодно и стерпеть любое презрение. А в том, что после произошедшего Тим будет её окончательно ненавидеть, она уже ни капли не сомневалась. Но это было не главное. Главное – чтобы он открыл глаза и произнёс хотя бы слово. Всё остальное Малеста без проблем переживёт.

Глава 4. В плену дьявольского коварства

Доктор Уотнер вышел из спальни, а Тим радостно выдохнул и откинулся на мягкие подушки. Чувствовал он себя сносно, но вида не показывал. Охал сильно и стонал громко, как в лучших постановках о больных и раненых, пока его, приведённого в чувство, вели до кровати, укладывали, подсовывали много подушек под спину и голову и укрывали одеялом.

Слуги и мачеха сразу развели суматоху – мистер Уотнер еле-еле выпроводил всех за дверь, чтобы осмотреть пациента в тишине и спокойствии. Изучил шишку на голове, неодобрительно покачал головой и вежливо поинтересовался:

– Чем это вас?

– Книгой, – даже не моргнув, ответил Тим. Про ангелочка промолчал.

Глаза доктора весело заблестели.

– Что же это была за книга, если вы сознания лишились?

– Энциклопедия бабочек, – продолжал Тим. – Я потянулся за пьесами Шекспира на верхней полке, но вместо одной книги вытянул две. Кто ж знал, что там такой беспорядок?

– В следующий раз будьте аккуратнее. Книги – вещь полезная, это бесспорно, но какой от них вам толк, если отправитесь на тот свет? Вот. – Мистер Уотнер поставил широкую подпись на рецепте и щёлкнул замком на своём чемоданчике. – Я передам это вашей мачехе. Микстуру, как будет готова, принимать три раза в день, а мазью будете шишку мазать. Хоть каждый час. Вреда не будет. Дня через три должно полегчать.

В знак благодарности Тим слегка кивнул и высунул руку из-под одеяла, чтобы ответить на прощальное рукопожатие.

Шишка болела, стоило к ней прикоснуться, а от волос и рубашки до сих пор шёл неприятный запах. Переодеться бы – как раз и саквояж занесли в комнату и поставили на прикроватную банкетку.

Привези возница вещи чуть раньше – Тим не получил бы по голове. Но у бедолаги сломалось колесо как раз в том месте, где заканчивалась дорога вдоль цветочного луга и начиналась липовая аллея на Девонсайд. Вот и пришлось тому сначала с колесом возиться, потом плюнуть на то колесо и тащиться до дверей поместья Андервудов пешком, а потом снова возвращаться к брошенной посреди аллеи телеге, но уже с помощниками, и чинить сломанное.

Тим всё это услышал, когда к его голове прикладывали лёд, и ещё не решил, благодарить ли возницу за непреднамеренное опоздание или отругать как следует. С одной стороны, встретили Тима совсем не так, как он рассчитывал. Но если посмотреть иначе, что может быть лучше ситуации, когда та, чьё расположение тебе надо завоевать, исполошена и переживает о тебе больше, чем о порядке блюд, которые будут поданы на обед? Злополучная статуэтка сделала одну половину дела, а приехавший поздно возница – вторую. Тиму оставалось лишь правильно сложить половинки и быстро брать быка за рога. Именно быстро. Долго рассиживаться в Девонсайте молодой Андервуд не намеривался. Кругом была такая несусветная скука, что вот-вот и он начнёт зевать. И это ещё с отцом не встретился! Тот только и будет что с наставлениями докучать, пока мачеха, натура крайне пресная и недалёкая, будет продолжать раздражать и злить.

Тим вытащил руку из-под одеяла, в который раз потрогал шишку и чуть не зашёлся сдавленным кашлем от мерзкого запаха, которым до сих пор была пропитана вся та одежда,

которая была надета.

Одеяло было скинуто тут же. Тим свесил ноги с кровати, потянулся, встал и прошёл к саквою. Стянул с себя грязную рубашку, швырнул на пол и достал чистую. Тряхнул пару раз, распрямляя, но не успел сунуть руку в рукав, как в дверь робко постучали и послышался уже знакомый женский голос. Мачеха интересовалась, всё ли в порядке и может ли она войти.

На ловца и зверь бежит? До чего же она наивная! Красивая лицом и пустая внутри. Они все были такими. Все отцовские пассии, кроме матери. Все выглядели, как куклы. Все смеялись пустым шуткам и делали круглые глаза, когда разговор заходил о чём-то более серьёзном. Но у тех дам был один большой плюс: они все были богаты. Так почему же отец выбрал ту, у которой за душой не было ни гроша? Тим этого до сих пор так и не понял. Не понял и не принял. Но оттого на душе было легче, ведь куда проще ненавидеть и мстить настоящей пустышке, чем просто глупой женщине, за спиной которой стоит солидной счёт в банке и сильные связи.

Усмехнувшись собственным мыслям, Тим опустил обратно на кровать, рубашку надевать не стал, намереваясь с первой же минуты сломать все стандарты и приличия и сразить мачеху наповал своим видом, сжал вещь в руках и, изобразив сильнейшее страдание на лице в надежде надавить на жалость, слабым голосом произнёс:

– Можете войти.

Дверь отворилась, но впустила в комнату почему-то совсем не Малесту. А если это была она, то впору было снова бежать за доктором Уотнером, потому что вместо яркого платья Тим увидел строгую чёрную тройку и ботинки, до блеска начищенные ваксой. А вместо крохотной мушки над губой – коротко стриженные усики. Джонатан? Проклятье! Минуты шли, переплавляясь в часы, а Тим топтался на месте. Генри наверняка успел прощупать свою кухню уже всю до самых рёбер, а его приятель только бронзой по голове отхватил.

– Молодой хозяин не одет, – с пафосом в голосе, положенном всем дворецким лучших английских домов, произнёс батлер Малесте, которая оказалась прямо за его спиной, и перешагнул порог. Не успел никто опомниться, как Джонатан захлопнул дверь, не позволив ни одному любопытствующему и краем глаза увидеть полуобнаженного больного.

– Позвольте? – Джон взял рубашку из рук Тима, распрямил, осмотрел, неодобрительно покачал головой, а заодно и поводил усиками, и отложил в сторону: – Это никуда не годится. Отдам прислуге. Она выпрямит эти ужасные складки.

– Абсолютно согласен, – спешно закивал Тим, понимая, что чем меньше разногласий у него будет с нудным слугой, тем скорее тот уберётся из комнаты. А рубашку пусть забирает – тогда и объяснять мачехе не придётся, почему предстал перед ней почти нагишом, как не придётся и наигранно краснеть.

– Вам нужно лежать, – продолжал докучать дворецкий. – Доктор Уотнер наказал обеспечить вам полный покой и велел проследить, чтобы в первые дни вы поменьше двигались. Сотрясение мозга – не шутка. Доктор сказал, вы ещё легко отделались.

Тим и в этот раз спорить не стал, залез обратно под одеяло, поелозил на пухлых подушках и тяжело вздохнул.

– Вы что-то изволите? – насторожился Джонатан.

– Изволю, – простонал Тим. – Доктор Уотнер прописал мне полный покой, а вы трясёте этой рубашкой прямо над моим ухом. Пыль сыпется, и я от шума уже вздрагиваю.

– Простите, сэр, – опомнился дворецкий и перекинул рубашку через руку. – Я заходил

сообщить, что к обеду вам спускаться не нужно. Через полчаса его принесут вам в комнату.

– Хорошо, – огрызнулся Тим и тут же спросил голосом уже ласковым и вкрадчивым: – А отец надолго уехал?

– Он обещал вернуться к ночи, но мы все надеемся, что увидим его ещё до ужина.

До ужина... Времени пообщаться с мачехой tête-à-tête оставалось совсем в обрез, а долго тянуть кота за хвост в делах любовных Тим не привык. Пришёл, увидел, полюбил и... пошёл за следующей. Именно так поступали все четверо приятелей из клуба «Сорняки», а Тим считался в четвёрке лучшим соблазнителем.

– Если вам больше ничего не требуется... – завёл шарманку всех дворецких Джонатан, пятясь к выходу.

– Ступай-ступай, – махнул рукой Тим, усиленно соображая, как же поскорее пересечься с ненавистной жертвой, но подсказка пришла сама собой.

– Тогда я передам леди Малесте, что можно подавать обед. Она так за вас волнуется, что распорядилась приготовить его на час раньше положенного и даже сама пожелала принести его вам.

– Как же я голоден... – тут же намекнул Тим.

– Я передам на кухню. Возможно, получится подать закуски уже через двадцать минут.

У него было целых двадцать минут! Отличный запас времени, чтобы основательно подготовиться.

Как только за батлером захлопнулась дверь, Тим выскочил из кровати, бросился к саквою, вытащил небольшой флакон, вытянул зубами тугую пробку, плеснул себе на руки душистой воды и растёр по тёплому телу. Гвоздика должна была перебить вонь, хотя сделать это без помощи горячей ванны было сложно. Затем вернулся к кровати, взбил подушки, растрепал волосы на голове и бухнулся обратно на мягкую перину, даже не укрыв себя одеялом как следует. Изобразил страдания на лице, свесил одну руку, словно не было сил её поднять, и принялся ждать, отсчитывая про себя секунды.

Стук в дверь заставил Тима в мыслях довольно хмыкнуть. При этом ни один мускул на лице не дрогнул, выдавая коварное притворство.

– Мистер Андервуд?

Тим открыл глаза и резко сел на кровати. Это снова был Джонатан. Теперь он принёс тщательно выглаженную рубашку, в которой не было ни одной неряшливой складочки – хоть с лупой ищи.

– Мистер Андервуд, – важно произнёс батлер, подавая рубашку хозяину.

Тим быстро нырнул руками в рукава и пробежал пальцами по пуговицам, застегивая их.

– Иди-иди, – снова замахал он руками на дворецкого, с ужасом осознавая, что вот-вот и двадцать минут оттикают в голове, и мачеха увидит его бодрого, а не кислого и едва живого, как он задумывал.

Джонатан ушёл, а Тим тут же рванул на себе рубашку, смял её в комок и сунул под подушку. И вовремя, так как в дверь опять постучали.

– Войдите, – заплетающимся языком пробормотал «больной».

В спальню заскочила горничная.

Это была милая конопатая девушка лет семнадцати, мигом смутившаяся и чуть не выронившая тяжёлый поднос, уставленный розетками и блюдами с закусками, паштетами и тёплыми лепешками.

– А почему ты? – Тима хватило лишь на грубый вопрос, но он вовремя одумался и уже

спокойнее и вежливее переспросил: – А миссис Андервуд не планирует меня навестить?

Горничная поставила поднос на столик у кровати, присела в вежливом поклоне и уставилась в пол, чтобы ещё больше не зайти смущением.

– Нам передали, что вы очень голодны, и миссис Андервуд отправила меня первой. А сама она сейчас на кухне, проверяет суп и картофельный пирог. Их подадут вам с минуты на минуту.

– А подаст сама миссис Андервуд?

– Я так слышала, сэр. Она очень за вас переживает.

– Тогда передай ей, я очень жду.

– Конечно, сэр.

Девчонка опять присела, а после пулей вылетела из комнаты. Закрыла за собой дверь, прислонилась спиной к стене, мечтательно закрыла глаза, рисуя перед собой увиденный образ, и обречённо вздохнула, осознав пропасть, лежавшую между ней и прекрасным сыном хозяина.

После лепёшек, паштетов, пюре из зеленого горошка и пареной моркови принесли суп. И притащил его в фарфоровой супнице розовощекий поварёнок. Принёс, открыл крышку, облизнулся на пахнущий говядиной и свежей петрушкой пар, зачерпнул половником бульона и наполнил им суповую тарелку. Тим от злости того поварёнка тем половником чуть не пришиб. Уже занёс руку, но потом сделал вид, что чешет плечо, и скорее выгнал пацаненка обратно на кухню.

Когда подали пирог, то Тим уже чувствовал себя вулканом, внутри которого закипала лава. Мачеха никак не шла, подсылая к пасынку то одного, то второго, то третьего. И каждого из них Тиму приходилось выпроваживать со скоростью света, а затем снова и снова проверять, не выветрилась ли гвоздика с груди и шеи, всё так же ли небрежна прическа и не сдулась ли шишка на голове, которая была главным козырем во всей этой комедии.

Промучившись так несколько часов и даже вытерпев послеобеденный чай и прочитавшего ему утреннюю газету Джонатана, Тим в конце концов махнул на всё рукой, оделся, укрыл себя одеялом до подбородка и даже второе попросил, ведь за окном уже вовсю шумел дождь и в комнате начинало сыреть, и уставился в потолок, уже откровенно жалея, что повелся на развод приятелей и потащился в этот проклятый Девонсайд, где одни коровы, комары и глупые курицы. Так и лежал, пока не начало смеркаться и в дверь снова не постучали. И этот стук стал последней каплей.

– Да чтоб вам всем провалиться! – Тим жажнул по перине кулаком, свесился с кровати, взял в руки единственный, выживший в нелегкой борьбе с болотом, ботинок и швырнул его в сторону дверной ручки, при этом заорав: – Вам здесь мёдом намазано, что ли? Развели проходной двор! Пошли вон!

– Простите, – услышал он в ответ и замер от волнения. Мачеха! Она самая! А он, болван, горло дерёт и норовит всё испортить! – Привезли микстуру и мазь, но если сейчас неподходящий момент, то я зайду позже. Или передам с Джонатаном.

Ну, уж нет! Джонатана на сегодня было уже достаточно.

И Тим, забыв про напускное страдание и показную слабость, чуть не запутавшись ногами в одеялах, соскочил с кровати, бросился к входной двери и рванул ту на себя.

– П-прошу п-простить, – начал заикаться он, зачем-то теребя пальцами концы рубашки и одёргивая ту на себе.

Руки так и хотели заправить ткань за пояс, и никакой речи не шло о чём-либо другом, а

в голове совсем не укладывалось, как же так получилось, что собирался встретить мачеху в виде, непристойном для сына уважаемого банкира, а в результате встретил чуть ли ни в шубе.

– Я, наверно, не вовремя, – проронила Малеста и отвела взгляд от Тима. – Вот. – Она протянула пузырёк с жидкостью и круглую жестяную коробочку. – Примите лекарства и скорей ложитесь. Вам нельзя долго быть на ногах.

– Конечно-конечно, – забормотал Тим.

Ногой отпихнул в сторону лежавший у самого порога злополучный ботинок, забрал микстуру и мазь и вдруг внезапно скривился и скрючился, словно у него не голова от удара должна была болеть, а живот – от зелёного горошка.

– Ай...

Малеста будто этого и ждала. Тут же развернулась и решительно переступила порог спальни, а ведь за секунду до этого уже успела подобрать платье, чтобы на следующем ударе сердца развернуться и уйти. Заботливо подхватила Тима под локоть и, поддерживая, довела до кровати, усадила ближе к подушкам, на которые Тим не замедлил повалиться с сильнейшим стоном.

– Вам надо срочно выпить лекарство.

Леди Андервуд засуетилась, не зная, то ли бежать за чайной ложкой на кухню, то ли просить слуг принести, то ли пытаться поискать в комнате. В конце концов, обнаружив ложку на столике, с которого ещё не убрали следы послеобеденного чаепития, Малеста схватила её, обернулась и увидела, как Тим уже разобрался с обвязанной соломенным жгутиком склянкой и принялся пить прямо из горла.

– Что вы делаете? Надо чуть-чуть!

– Пусть будет побольше. – Тим облизнулся. Микстура оказалась сладковатой, но резко отдавала лимонником. – Не хочу предстать перед отцом в таком жалком виде. Ведь жалком, да?

Зелёные глаза уставились на мачеху. И взгляд тех глаз был настолько полон грустной нежности, насколько сердце – ненависти.

Малеста на вопрос не ответила – подошла к кровати, села на краешек, взяла брошенную рядом с подушкой баночку, отвернула крышку и захватила пальцами немного густой, желтоватого цвета, кашицы.

– Позвольте, я помогу.

Она потянулась рукой к голове Тима, осторожно отвела прядь волос в сторону и дотронулась до шишки. Тим замер и, почти не дыша, смотрел на лицо мачехи, оказавшейся рядом с ним ровно настолько, насколько прежде оказывались только напомаженные девицы из салона мадам Лека. И если последние горячо сопели и пахли тяжёлыми виноградными духами, то от Малесты шёл едва уловимый аромат ландышей, но почему-то дурманил он больше, чем мускус и горькие специи.

Тим облизнул сухие губы.

– Вы простите, что я так... ботинком, – начал он, громко сглатывая, чтобы смочить такое же сухое, как и губы, горло. – Мне показалось, я видел у шкафа мышь. Вот и зарядил, а попал по двери.

Малеста отвела руку от шишки на голове Тима и понимающе улыбнулась. И не стала выговаривать заврашемуся пасынку, что от стенки шкафа до двери добрых девять футов, и так сильно промахнуться мог разве что пьяный или слепой.

– Вы меня тоже простите... за статуэтку. Выгляди вы прилично, я бы никогда... Вы же понимаете?

– Конечно.

Леди Андервуд снова захватила пальцем немного мази и снова коснулась болевшей шишки.

– И спасибо, что никому не сказали правду. Джейкоб бы мне никогда не простил, узнай, что я его сына...

– ...бронзой, – закончил Тим и внезапно накрыл ладонь Малесты своей, отодвинул немного в сторону, на другой ряд волос, и тоном как ни в чём не бывало объяснил: – Вот тут ещё болит. Там тоже синяк?

– Сейчас посмотрю, – смущённо ответила мачеха и высвободила пальцы из-под горячей руки пасынка.

– Проверьте хорошенько. Болит просто жутко. Не видно? А вы поближе наклонитесь. Ещё ближе. Что ж вы меня так боитесь? Я ведь не чужой вам человек...

И Тим снова уставился на мачеху.

Расстояние между их лицами было настолько вопиюще неприличным, что Малеста не выдержала и дёрнулась с места. Да так резко, что не успела разжать пальцы, которыми прижимала непослушные волосы, чтобы те не мешали лечению. Приличной толщины прядь дёрнулась следом, Тим вскрикнул, а Малесте ничего не оставалось как снова начать рассыпаться в извинениях, ведь к шишке на голове наследника семейства Андервудов прибавился ещё и выдранный клочок волос.

– Что же вы со мной делаете? – простонал Тим. – Я ведь так до встречи с отцом не доживу...

– Простите. – Малесте снова пришлось суетиться. – Тут пара волосков всего. Вот так зачешете – совсем не видно. – И леди Андервуд, пересиливая себя, вновь приблизилась к пасынку и дотронулась рукой до его головы.

– Об этом тоже отцу не говорить? – спросил Тим.

Малеста кивнула.

Ответ был сродни раскату грома в солнечный день.

– Тогда за вами должок, ведь я храню уже две ваши тайны, а вы мою только одну. Согласны?

Нет. Малеста была категорически не согласна. И не потому, что дала себе слово всегда держаться от сына мужа подальше, а лишь потому, что, как бы ни уговаривала Джейкоба спокойнее относиться к выходкам Тима, сама от пасынка ничего хорошего никогда не ждала. Вот и сейчас невинное на первый взгляд желание помочь быстрее встать на ноги переросло в беседу, полную недосказанностей.

– Тим, – проронила леди Андервуд голосом строгим и даже холодным. – Тимоти... Зачем вы приехали?

На секунду в комнате повисла тишина, и только слышно было, как дождь барабанил по стеклу.

– Я не могу приехать в дом отца? – Пасынок тоже звучал холодно, и даже в зелёных глазах был лёд.

Малеста коснулась ладонью головы, на этот раз своей, как будто снова начало пульсировать в висках на непогоду.

– Какую же чушь я говорю. Простите ещё раз.

– Не слишком ли много прощений на один день? – Тим прищурился.

– Вы меня не так поняли...

– А как должен понимать?

Малеста отвела руку от головы и посмотрела на молодого Андервуда.

– Тимоти, скажите честно: вы что-то натворили? Наверняка натворили, а теперь приехали просить помощи у отца и хотите ввязать и меня в эту историю. Если скажете правду, то обещаю, что помогу вам. Как минимум отыщу день, когда Джейкоб будет в хорошем настроении, и сделаю всё, чтобы его гнев не был сильным.

Тим поднялся, заходил по комнате, опустился в кресло, повернул голову в сторону окна, как будто обдумывал ответ и хотел, чтобы ни его взгляда, ни лица не видели, потом снова вскочил и только после этого приблизился к мачехе и удостоил её своим вниманием.

– Я не залезал в долги. И я не преступал закон. Я не сделал ничего, за что мне могло бы быть стыдно перед отцом, но...

– Продолжайте, – едва дышала Малеста, – но только сделайте шаг назад.

– Так?

– Да, так... Нет. Не так. Ещё один. Вы настолько близко, что свет мне загораживаете.

– Я, знаете ли, ростом в деда пошёл... А, может, я на колени встану? Тогда точно ничего загораживать не буду.

– Вот на колени не надо, – чуть не заикалась Малеста, но Тим уже успел театрально бухнуться на пол.

– Тимоти, встаньте!

– Вначале я признаюсь, зачем приехал.

– И это обязательно делать на коленях?

– А как же ещё говорить о любви? Не на больничной же койке и с ночным колпаком на голове!

Сердце Малесты забилось быстрее, чем когда она произносила заветные слова у алтаря, выходя замуж. Но лишь потому, что тогда она точно знала ответную реплику того, кто стоял рядом. Сейчас же она и думать не могла, что ждать от этого... мальчишки (другого слова ей в голову не шло), а потому боялась его и его слов больше всего на свете.

– Говорите уже, – обречённо выдохнула леди Андервуд и приготовилась к самому худшему, потому что ничего радостного от пасынка, стоящего на коленях, не обещалось.

– Я влюблён!

Так она и думала. Сейчас ещё скажет, что в неё! Иначе зачем стоит на коленях?.. Какой же будет скандал! И что скажет Джейкоб?

– Я окончательно и бесповоротно влюблён! – повторил Тим, а глаза засверкали не хуже, чем у больного лихорадкой.

– И в кого же? – на выдохе спросила Малеста.

– В Лиззи! – ошарашил мачеху Тим, вспомнив об одной из прилипчивых девиц из салона мадам Лека. – В юную, нежную Лиззи. У неё ещё такие непослушные кудряшки, которые вечно прыгают, когда она непричёсанная бежит по дому. Это выглядит так забавно и так мило одновременно...

У Малесты отлегло от сердца. Краешком глаза она посмотрела на пасынка – тот говорил настолько искренне, настолько от души, приложив руки к сердцу и пялясь в заливаемое дождём окно, что не поверить ему было невозможно.

– И вы приехали в Девонсайд, чтобы сообщить нам об этом?

– Её семья не так богата, как хотелось бы, но и не бедна. У них нет связей, как у Андервудов, но они от этого не страдают. И хотя отец в отношении меня всегда был против таких знакомств, для меня Лиззи – не мальчишечье увлечение. На этот раз всё серьезно. И я намерен объясниться с отцом и просить его благословения. Поэтому я здесь.

– И та девушка, конечно, разделяет ваши чувства...

– Лиззи? Мы много раз виделись, но о глубине моих чувств и тем более о намерениях она даже не подозревает.

Малеста закашлялась, словно в горле запершило.

– И вы так сразу намерены жениться...

– Конечно. Но прежде мне нужно согласие отца. Поймите, я не хочу обнадеживать мою красавицу, не хочу обещать ей того, что не смогу выполнить. Но если отец пойдёт мне навстречу, то я начну ухаживания, как подобает, и завоюю её сердце.

Леди Андервуд одобрительно улыбнулась.

– Ну, а от меня-то какая помощь потребуется? Уговорить Джейкоба? Я сделаю всё, что в моих силах.

– Я ваш вечный должник! – пылко выдал Тим и тут же добавил: – Но есть ещё одна вещь, о которой хочу просить вас...

Малеста кивнула.

– Говорите. И встаньте, наконец, с колен!

Тим нехотя поднялся.

– Понимаете, матушка, мне нужно Лиззи очаровать... Мне нужно показать ей, какой я есть на самом деле, ведь она слышала обо мне только гадкое. А я совсем другой. Не такой, каким меня знает большинство. Но я... я совсем не знаю, как правильно мне начать. С другими... – на этих словах Малеста стыдливо покраснела, а Тим тоже театрально потупил взгляд, – с другими всё было просто. Но Лиззи особенная. Вот я произношу её имя, а сам чувствую, как по моей спине от волнения пробегают многоножки, приглашая всех родных и знакомых... Понимаете? Если бы вы помогли мне. Если бы научили, как войти в сердце той, чья улыбка для меня – луч солнца в пасмурный день. Это и есть та услуга, о которой я хотел просить вас... А вы о чём подумали?

И Тим хитро улыбнулся уголками губ, но леди Андервуд этого не заметила.

– Я помогу, – ответила она, вставая и двигаясь к двери. – Я помогу вам, но обещайте мне лечиться и ничего не говорить о нашем сговоре Джейкобу.

– Обещаю.

– Тогда отдыхайте, Тимоти. Вам нужно набраться сил. Ваш отец вот-вот будет дома.

Малеста вышла из спальни. Убедившись, что дверь плотно закрыта, прошла вперёд по длинному тёмному коридору, прислонилась спиной к стене, выдохнула и измождённым голосом пробормотала:

– Скорей бы приехал Джейкоб.

Глава 5. Когда идёт дождь

Заливаемый бодрим летним дождем особняк сэра Фредерика Пикли дремал, словно дворец Спящей Красавицы. Во всех комнатах шторы были приспущены, и тишина стояла не хуже кладбищенской, и только в библиотеке в камине весело трещали дрова, и с каждым новым часом всё больше пустела бутылка бренди.

Сам сэр Фредерик, облачённый по просьбе щепетильной до модных тенденций супруги в неудобный смокинг и брюки в серую полоску, сидел, покачиваясь в старом, но всё ещё работающем, кресле-качалке, млял губами давно потушенную сигару и просматривал документы. Его гость, сэр Джейкоб Андервуд, стоял у камина, протянув к огню руки, и никак не мог согреться. То ли протянуло на ветру, то ли в ознобе была виновата глубокая лужа, в которую угодил ногой лорд Андервуд, покидая экипаж прямо у ворот дома своего старого приятеля, но тем не менее вернуться к комфортному самочувствию у Джейкоба никак не получалось, и даже спиртное помогало слабо.

– Так-так. – Сэр Пикли вытащил изо рта сигару, скомкал её в пепельницу и, ещё раз всмотревшись в листки бумаги перед собой, принялся усиленно считать в уме: – Приличная сумма выходит, ты не находишь, Джейкоб? Сто фунтов на содержание, двадцать на оплату дороги и ещё сто за работу! Итого, двести двадцать фунтов, чтобы провести каталогизацию библиотеки! Ты слышал, Джейкоб? Каталогизацию!

Лорд Андервуд презрительно хмыкнул и обвёл взглядом высоченные шкафы, все заставленные книгами, как новомодными, так и старыми, и проеденными книжной молью.

– Зачем её вообще каталогизировать?

– И я то же самое сказал! – подхватил Пикли. – Так и сообщил жене, что мы великолепно обходились без этого уйму времени. И ещё столько же обойдёмся.

– И что Камилла?

– Ответила, что в нашем доме этого не делалось с тысяча семьсот восемьдесят второго года! Ты только подумай, Джейкоб, она-то откуда знает? Она в те годы даже ещё не жила!

– Женщины каким-то странным образом знают больше нас, Фредди. Только не спрашивай детали – я и сам в них не разбираюсь. Подвести баланс крупного банка за десять, а то и двадцать, лет для меня куда проще, чем ответить на вопрос жены, какую накидку ей надеть перед тем, как отправиться к миссис Мерит на порцию вечерних сплетен: зелёную или серую.

– И какую в итоге она выбирает?

– Клетчатую.

Сэр Фредерик удивленно повёл бровями и плеснул себе в бокал ещё бренди.

– Я подготовил то, что ты просил, – после нескольких глотков ответил он.

Джейкоб Андервуд медленно повернулся и даже про холод в пальцах позабыл. А сэр Фредерик поднялся и, по инерции качаясь, прошёл к рабочему столу, выдвинул средний ящик и вытащил пачку бумаг, переплетённых меж собой и в обложке из дорогой чёрной кожи.

– Всё здесь.

Упитанный томик перекочевал из рук хозяина в руки гостя. Джейкоб Андервуд взвесил его на ладони и растянул тонкие губы в довольной улыбке.

– Дело, которое принесёт нам сотни тысяч фунтов.

– Я бы сказал, афера, которая принесёт нам сотни тысяч фунтов. Юридически выверенная, со всех сторон идеальная, финансовая афера, о которой будем знать только ты да я.

– Другие акционеры точно ничего не заподозрят?

– Они будут видеть лишь постепенно растущий процент невозвратных ссуд, будут хвататься за голову, разводиться руками и предлагать меры, чтобы хоть как-то отбить потери, но тебе беспокоиться нечего. Через год всё успокоится, банк постепенно выйдет в прибыль, а в твоём кармане соберётся приличный капитал.

– Я уговор помню: пятьдесят на пятьдесят.

Сэр Фредерик поморщился.

– Джейкоб, мы с тобой с Итона вместе, неужели ты думаешь, что я тебе не доверяю?

– Доверяешь, – ответил Андервуд, – иначе давно бы состряпал договор. Ты их на каждый чих пишешь.

– А тут подумал, к чему нам, двум друзьям, гроши на бумаге делить? Давай лучше сделаем по-другому. – На этих словах сэр Пикли взял со стола бутылку и разлил остатки по бокалам. – У тебя есть сын, хоть и непутёвый, у меня – дочь, она чуток поумнее будет. Больше ни у тебя, ни у меня наследников нет, и передавать капиталы некому. Давай поженим их, что ли? И пусть моя доля по этим твоим махинациям, – Фредерик кивнул на кожаный томик, – пойдёт на их счастье. Согласен? Не оставишь же ты собственного сына и его молодую супругу без денег!

Джейкоб прищурился, обдумывая услышанное.

– Согласен, – произнёс он, решив, что так будет лучше для всех. И сын, глядишь, образумится, но главное, ножа в спину не будет.

Фредерика Джейкоб знал слишком хорошо: в законах тот разбирался превосходно, липовые схемы создавал мастерски, своей выгоды никогда не упускал и готов был за неё горло перегрызть, а если и надо, то сокурсника сдать, наговорив на того и по делу, и без него. И Андервуд прекрасно понимал, почему в этот раз его школьный приятель не обезопасил себя никаким письменным соглашением: светить своё имя на бумаге, описывающей финансовое преступление, было бы верхом глупости, а вот объединить дома и, как следствие, объединить капиталы было шагом мудрым, и Джейкоб не возражал.

– На днях Тим будет в Девонсайте, – начал Андервуд. – Будем рады принять тебя и твою супругу с дочерью у нас к обеду, скажем, в воскресенье.

Пикли замахал руками.

– Это лишнее. Да и дочь сейчас в Лондоне, гостит у брата жены. У меня другое предложение. Каждое лето я арендую ложу на скачках в Аскоте. Предлагаю там и познакомить детишек. Совместить азарт и будущее наших отпрысков, так сказать.

– Будешь ставить как обычно на Прыткого? – воодушевился Джейкоб, довольный таким предложением.

– Я консервативен, ты же меня знаешь.

– Я слышал, он зимой сильно болел.

– Вот и узнаем, стало ли ему лучше или я опять спущу сотню фунтов, – довольно прохрюкал в бокал с бренди Фредерик.

– Лучше бы потратил ту сотню на каталогизацию библиотеки, – тут же не растерялся Джейкоб.

Приятеля-махинаторы ещё долго обсуждали лошадей, потом перешли на дам и дамские

шляпки, расходы на которые с каждым годом всё увеличивались, пока в библиотеку с важным петушиным видом не зашёл дворецкий и не произнёс, что ужин вот-вот будут подавать.

– Присоединишься? – поинтересовался сэр Фредерик.

Но Джейкоб отказался.

– Неужели в Девонсайд поедешь по такому дождю? – Фредерик подошёл к окну, отодвинул штору и покачал головой, глядя, какой ливень бушевал на улице. – Дорогу уже всю развезло. Застрянешь где-нибудь на полпути. Оставайся.

– У меня есть, где переночевать и подкрепиться, – многозначительно намекнул Джейкоб.

– И ты откажешься от перепела? – удивился Пикли.

– Я предпочитаю куропаток, – хмыкнул Андервуд и удостоился от приятеля одобрительного похлопывания по плечу.

Утром следующего дня Малеста сидела в столовой, пила чай и читала «Домашний спутник». Проживающий по соседству доктор Уотнер любезно в день выхода номера привозил ей экземпляр, но в этот раз читать пришлось газету трехдневной давности. Погода за окном не располагала к путешествиям не то чтобы в город за свежей прессой, но даже к миссис Мерит за сплетнями.

За ночь все дороги, ведущие в дом и из него, развезло до такой неузнаваемости, что трудно было распознать, где начиналась тропинка для прогулки, а где – жабье логово. Выгляни солнце, каша из чернозёма и глины быстро подсохла бы, но у того никак не получалось разогнать свинцовые тучи.

Однако в Девонсайте с самого раннего утра от крыши до вестибюля царила непривычная для монотонной дождливой погоды разноголосая суэта. Гремели разносами, дребезжали блюдами, хлопали скатертями и салфетками. Иначе говоря, в доме бушевала деятельность, никак не свойственная обычному укладу, а скорее типичная для казармы накануне отплытия полка за море, и никто, даже Малеста, не осмеливался идти против течения.

Все суетились, желая угодить сыну лорда Андервуда, столько лет не появлявшемуся в фамильном гнезде и ставшему чем-то вроде идола для недалёких слуг и чем-то вроде головной боли для повидавшего жизнь дворецкого. Переполошенные красотой наследника горничные, вдруг усомнившись в своих передниках, судорожно меняли их на другие, а также приглаживали и без того аккуратные причёски и поправляли чепчики. И хотя атмосфера в основном царила радужно-дружеская, кое-какие девицы всё же снизошли до того, чтобы через коридор выкрикивать друг другу оскорбительные вопросы, не те ли слямзили их дешёвые броши и такие же дешёвые заколки.

Шум проникал в самые глухие закоулки дома, и, в конце концов, Малеста не выдержала, вышла из-за стола и в поисках одиночества отправилась на террасу, на которой компанию ей составил лишь дождь, но тот шумел так однообразно, что его присутствию Малеста не противилась.

Джейкоб так и не вернулся. Ни вечером, ни ночью, ни утром. Это было неудивительно, и оставалось только ждать, когда погода изменится и экипажи – те, что подороже, и те, что попроще, – потянутся с запада на восток и с востока на запад. Про себя Малеста надеялась,

что это произойдёт уже совсем скоро, но в противовес её мольбам небо ещё сильнее затянулось тучами.

На веранде было прохладно и сыро, и даже розами не пахло. Чудесные цветы были прибиты частыми каплями и совсем приуныли. Предусмотрительный дворецкий ещё вчерашним вечером унёс с веранды все книги, а утром перекинул через спинку соломенного кресла шерстяной клетчатый плед. Но отдыхать на веранде даже под пледом в такой дождь было полным безумием: Малеста простояла у заливаемых дождём перил не более десяти минут, а плечи уже озябли, и кончик носа побледнел. И как тяжело ни было возвращаться в шумный улей, в котором служанки подобно пчёлам летали от спальни молодого хозяина на кухню, в прачечную и в библиотеку, стоять и мерзнуть на сыром воздухе было куда более неприятной затеей.

Собравшись повернуться и променять шум дождя на домашнюю суматоху, Малеста вытянула вперёд руку, поймала на ладонь несколько холодных капель, грустно улыбнулась и вдруг почувствовала, как плечам становится тепло, словно её вдруг обняли со спины и те объятия разнимать напрочь отказались.

Теперь сырость была не страшна: на плечи леди Андервуд оказалась наброшена утеплённая накидка длиной до пояса, застегивающаяся на две крепкие застёжки спереди. Последние всё ещё болтались свободными, но накидка не падала, потому что по плечам её придерживали крепкие и, как огонь в камине, горячие руки.

– Благодарю вас, Джонатан.

Леди Андервуд решила простить дворецкому его чересчур решительные действия: сырая погода угрожала здоровью хозяйки, и верный слуга просто поторопился проявить заботу, потому и пренебрёг этикетом. Другая дама, возможно, такого никогда не простила бы, но Малеста отличалась от других дам из общества и за восемь лет в браке всё ещё иногда ловила себя на том, что время от времени нарушала общепринятые правила. Слава богу, те нарушения были заметны только ей и ещё иногда Джейкобу.

А Джонатан всё не уходил. Всё ещё придерживал накидку на плечах, чтобы та не спала, и Малеста поспешила подцепить пальцами застёжки, чтобы их соединить.

– Как всегда любезно и предусмотрительно с вашей стороны, – произнесла она. – Напомните мне вечером, чтобы я отпустила вас сегодня пораньше. Вы это заслужили.

– Прощу прощения. – Голос принадлежал совсем не чопорному батлеру. – Меня с рождения зовут Тимоти, а фамилия по отцу – Андервуд, хотя для вас, матушка, я могу быть и Джонатаном. Если вам так угодно...

Малеста резко обернулась и отпрянула от пасынка, словно ошпаренная. Спасительная накидка с лёгким шумом соскользнула с плеч и упала к ногам хозяйки.

– Вы?

Тим нагнулся, поднял упавшую вещь и протянул.

– Вам ведь холодно...

Не дожидаясь ответа и не спрашивая никакого разрешения, Андервуд перекинул накидку через плечи Малесты, заправски щёлкнул одной из двух застёжек, расправил складки, словно делал это каждый день, и, чуть склонив голову вбок, посмотрел на мачеху с той смесью смущения и наглости, какая появляется на лице молодого человека, когда он встречает даму, которая минуту назад с ним мило кокетничала, а затем посмотрела так, словно готовилась украсить фонарём под глазом, но ещё не определилась, каким способом это будет сделано: при помощи нудных, но увесистых, рассуждений о порядочности или по

старинке – кулаком.

– И не благодарите, – опередил Тим мачеху, уже почти сделавшую выбор. – Вы вчера окружили меня такой заботой, что пришла пора и мне чем-то ответить. Благодаря вашему неравнодушию я не подхватил простуду – не позволю простыть и вам. – То ли случайно, то ли специально Тим коснулся пальцев Малесты и мигом изменился в лице. – У вас и руки ледяные... Так дело не пойдёт.

Как её замёрзшие ладони оказались в его горячих, Малеста не поняла. Опомнилась лишь, когда Тим уже легонько дул на них и растирал, пытаясь согреть.

– Перестаньте.

Голосом леди Андервуд была холоднее лягушек, которых Тим в детстве ловил у пруда. Попробовала отдернуть руки, но те крепко попались в плен, где напрочь игнорировалось всё, что относилось к необходимости соблюдать приличия.

– Вы побледнели, – услышала Малеста тихий, мягкий голос. И как этот мальчишка смеет быть таким спокойным? – Закончится дождь, и я намерен с вашей помощью осмотреть сад, а ещё я покатаю вас на лодке. Вам это понравится, и бледный цвет сойдёт с лица. А то, наверно, сидите целыми днями в доме, никуда не выходите, а моему отцу даже в голову не приходит вас куда-то пригласить.

Это было первое чёткое попадание в цель, которое далось без особого труда. Даже не бывая столько лет дома и редко видясь с отцом, Тим тем не менее хорошо знал его. Живущий только своими интересами Джейкоб Андервуд был равнодушен до тех, кто его окружал. Иногда думалось, он приравнивал всех близких людей к стульям и столам, а, может, к коллекциям книг и картин, которыми владел и собственнически распоряжался. Будучи замужем уже столько лет, Малеста не раз задавала себе вопрос, почему такой состоятельный человек выбрал себе в жены её, а не особу, равную ему по статусу. Но за все годы брака спросить об этом так и не нашлось смелости. С каждым новым днём любопытство угасало, скука нарастала, а, как известно, скучающие женщины легки на авантюру, какое бы место в обществе они ни занимали.

– Вы переходите границы...

– Разве? – Тим выпустил руки Малесты из своих. – Простите, если своим поведением вызвал гнев. Всего-то хотел проявить заботу. Стой Лиззи так же на веранде под дождём, дрожи и хлюпай носом, я сделал бы то же самое.

– Вы сравниваете несравнимое. Лиззи дорога вашему сердцу...

– ...а вы дороги сердцу моего отца, – подхватил Тим, и то было вторым попаданием в яблочко, так как его слова ранили Малесту лучше любой рапиры.

Леди Андервуд тяжело вздохнула и сменила тему:

– Вы зря так быстро встали с постели.

– Я абсолютно здоров, – поспешил заверить мачеху Тим. – А если бы позволил себе лежать, то не спас бы вас от холода и сырости.

– Вы поступили глупо. Доктор Уотнер сказал лежать несколько дней, и на вашем месте я бы с ним не спорила.

– Вы меня прогоняете?

– Вы не уйдёте?

– Я предпочёл бы провести время в вашем обществе и поговорить о Лиззи.

– Простите, но сейчас я не расположена к какой-либо беседе.

– Значит, мне уйти?

– Если не уйдёте вы, то уйду я.

Малеста подобрала платье и решительно направилась к выходу с террасы, и Тиму оставалось лишь смотреть ей вслед.

Забота и внимательная нежность тут же сошли с лица, уступив место ухмылке и презрительному взгляду.

– Смущаетесь со мной кокетничать, матушка? – еле слышно и себе под нос пробормотал Тим. – А с дворецким ворковать не стеснялись. Либо это просто неприязнь друг к другу между нами зашкаливает, а вся ваша вчерашняя забота столь же показушна, как и моя сегодняшняя, либо... здесь что-то неладно.

На этих мыслях Андервуд злобно прищурился, сжал руку в кулак и грохнул им о деревянные перила. Дождевые капли тут же прыгнули в разные стороны, и несколько попало Тиму на лоб и нос. Смахнув влагу с лица, Тим сорвался с места, заскочил в дом, быстрым шагом прошёл через несколько комнат, изредка одаривая лёгкими кивками попадающихся на пути служанок, пищавших от восторга от красоты молодого хозяина, и остановился только около отцовского кабинета. Войдя в комнату, подошёл к столу, выдвинул верхний ящик, вытащил лист бумаги, обмакнул перо в чернила и принялся быстро писать. Закончив, подождал, когда чернила высохнут, потом подумал, добавил ещё несколько строк, сложил лист в несколько раз, взял отцовскую печать и скрепил ей письмо. Затем снова поспешил в вестибюль, в очередной раз ветром пролетел мимо милovidных горничных и остановился лишь, когда в большой гостиной увидел дворецкого.

– Джонатан, – окликнул батлера Тим, – отправьте это письмо в Лондон.

– Прямо сейчас, сэр? – изумился тот, бросив взгляд на дождь за окном.

– Разумеется, нет, – чуть не вспыхнул Тим. – Но с первой же почтовой каретой оно должно уйти.

– Конечно, сэр, – учтиво ответил дворецкий, принимая бумаги из рук хозяина. – Я отнесу его к остальным письмам, которые не успел отправить вчера.

– Благодарю, – сквозь зубы процедил Андервуд, скользя надменным взглядом по лицу Джонатана.

Почему в отсутствие отца она позволила себе так мило болтать с этим общипанным индюком? Не может же так статься, что она равнодушна к этому напыщенному пингвину, который не в состоянии даже усы себе отрастить по моде. Да и он уже стар для неё. И ходит так глупо, ступая с носка и раскачиваясь из стороны в сторону. Думает, что смотрится величаво, а на деле – смешно. И Тим не удержался и фыркнул.

– Вы что-то ещё хотели? – Удаляющийся к дверям Джонатан тут же обернулся, но Тим только помотал головой и махнул рукой, обозначая, что дворецкий может быть свободен.

Оставшись, наконец, в одиночестве, Андервуд упал в кресло и долго так полулежал, глядя в потолок на тяжёлые люстры и ощущая странное покалывание в груди, как будто ангелочком врезали вовсе не по голове.

Глава 6. Пять братских поцелуев и одно странное обстоятельство

Над ухом надоедливо жужжала муха. Её бы отогнать, но руки Тима были заняты картами, и партия была такая увлекательная, что оторваться сил не было. Да и на кону стояла расписная шкатулка – настолько красивая, что взгляд к ней так и притягивало. Сердце желало заполучить вещицу во что бы то ни стало, руки делали всё, от них зависящее, и мухлевали с раскладом на уровне заправских раздавал, и только муха жужжала и жужжала, отвлекала и отвлекала, а потом взяла и человеческим голосом прямо в ухо пропела:

– Мистер Андервуд...

Тим вздрогнул и открыл глаза.

Он находился всё в том же кресле, только съехал с сидения настолько, что вот-вот шваркнулся бы на пол. Взгляд был заспанным, шейный платок слегка влажным от пота, а пиджак помялся так, что, пройди Тим в таком виде по комнатам и вестибюлям «Сорняков», его тут же бы высмеяли вслух, а потом вдогонку запульнули в спину наскоро намалёванной карикатурой.

Жужжащая муха исчезла. Но её место заняла миловидная молоденькая горничная, одетая в строгое серое платье с высоким и наглухо застегнутым воротником и в накрахмаленном переднике.

– Мистер Андервуд, – повторила муха... то есть горничная... и добавила: – вам снова нехорошо? Может, воды?

Тим рывком сел в кресле и скрестил руки на груди. Он спал? Да, он спал. Уснул сразу, как велел отправить письмо. И сколько же он провалялся размякшей амёбой на виду у всех, в особенности, у прелестных девушек, порхающих, словно бабочки, от шкафа к шкафу с модными в этом году павлиньими перьями для смахивания невидимой пыли?

– Я... – начал мямлить Андервуд, но тут же осознал, насколько жалко он звучит, приосанился и уже твёрдым тоном вымолвил: – Я прикорнул тут на пять минут.

– На час, – поправила его горничная. – Вы так час просидели. Когда уже совсем сползли, я к вам подбежала.

Час?

Тим провёл ладонями по бокам, словно пытался разгладить образовавшиеся складки, повертел головой вправо-влево, потянул шею и слегка кашлянул.

– А что же леди Андервуд? Наверно, за час не раз и не два подходила ко мне? Клала руку на лоб, проверяя температуру и не лишился ли я в опять рассудка.

Горничная отмахнулась.

– Да что вы, сэр! Леди Малеста уже час как не выходит из своей комнаты. Да и странно было бы, если б вышла. Она домоседка страшная! Даже когда солнечно, едва на улицу вытащишь. В сад нос высунет – уже хорошо, а что говорить о днях дождливых? – Девчонку несло. – Тем более когда вашего отца нет. Сидит себе, скучает, постоянно пьёт чай и листает какие-то книжки. Нам её всем так жалко.

– Очень жалко?

– Очень-очень, сэр. Но иногда она ездит к миссис Мерит.

– Кто такая?

– Престарелая леди, что поселилась в поместье «Золотые буки». С ней никто из соседей

не общается – только ваша мачеха каким-то образом нашла с ней общий язык.

– И как часто она к ней ездит?

– Бывает, раз в две недели; бывает, раз в месяц. Слышала, леди Малеста собиралась к ней на днях, но дождь перечеркнул все планы.

– Хм... – протянул Тим и наморщил лоб, словно обдумывал очередную расходовку. – Как тебя там звать? – спросил он горничную. – Мэри? Джейн?

– Ева, сэр, – ответила девушка и присела в книксене.

– Ева... Красивое имя, – романтично улыбнулся Андервуд, чем вогнал молодую служанку в краску. – Послушай, Ева, а чем ещё любит заниматься твоя хозяйка в свободное время? Кроме книжек, чая и миссис Мерит, у которой, я уверен, все три бородавки на носу.

Ева прыснула со смеху и задумалась.

– Чем ещё? Ещё она любит розы.

– Розы? Какая банальщина! Ими и так заполнен весь сад – ступить негде. А театры, выставки посещает? Может, играет в карты? Или пасьянс раскладывает?

– Выставки? Так сразу и не вспомнить. Я служу в этом доме чуть больше полугода, но за это время ни разу не видела, чтобы хозяева вместе куда-то выезжали.

– Вот как?

– Но ведь должны же они куда-то ездить! – Ева тут же спохватилась. – Возможно, другие слуги видели и знают больше, чем я. Если хотите, я расспрошу их и расскажу вам.

Тим насторожился.

– А это интересное предложение. И кто же окажется столь болтлив, что обо всём тебе доложит?

– Хизер, сэр. Она ближе всех к хозяйке.

– Хизер, значит...

– Да, сэр. – Ева присела во второй раз.

– Что ж, пусть будет Хизер. – Тим на мгновение задумался, но быстро опомнился. – Ты ещё здесь? Беги скорей да разузнай, что нравится твоей хозяйке, от чего она приходит в неопиcуемый восторг, а что, наоборот, её раздражает. А я в долгу не останусь. Отблагодарю щедро.

– Да, сэр!

– И, Ева! – окрикнул Тим девушку, когда та уже почти стояла в дверях. – Надеюсь, об этой моей невинной просьбе никто лишней не узнает.

– Разумеется, сэр! Но... – Ева кокетливо посмотрела на молодого Андервуда. – Обещайте, что подарите мне бусы!

– Бусы? – Тим удивлённо вскинул брови.

– Или брошь.

Ни бус, ни брошей у Тима ни в карманах, ни в саквояже не было – даже не подумал застаться на случай необходимости и подлизывания к домашней прислуге, но зато были монетки, серебряные и медные, и расстаться с ними Андервуду было ничуть не жалко.

– Держи. – Тим нырнул пальцами в карман и вытащил два медяка. – Купишь себе бусы. Этого хватит с лихвой.

– Ну... – Девчонка скуксилась.

– Что не так?

– Монеты мне ни к чему. Когда ещё я в город за теми бусами выберусь?

– Тогда вот тебе ещё две таких же. – В ответ расщедрился Тим.

И ещё два медяка перекочевали из его кармана в ладонь горничной. А чтобы девчонка окончательно перестала сомневаться, Тим поднялся, быстрым шагом подошёл к девушке, собрался с духом, про себя прокляв тех друзей, которые затеяли весь этот спор с обольщением, а после резко повернул Еву к себе и, сжимая её худые плечи, плотно прижался губами к её губам.

Ева выпучила глаза.

– Ой... – только и пробормотала она, когда Тим закончил с нахальным поцелуем и сделал шаг назад.

– И не благодари меня, – снисходительно бросил он. – Ты мне как сестра, Ева, а будь у меня сестра, я бы исключительно по-братски целовал её каждый день и каждый день дарил ей побрякушки.

– А разве братья и сестры так целуются? – пролепетала обескураженная бедняжка, сжимая в кулачке прохладные монетки.

– Конечно. А ещё так, так и так. – И Тим снова подался вперёд, и коснулся губами лба и обеих щёк перепуганной девушки. – Так что давай, сестричка, не подведи меня. Никому о нашем разговоре не болтай, всё, что сможешь, разужнай и ко мне поскорее прибеги. Даже если усну, или среди ночи захочешь меня видеть, приходи, не стесняйся. И вместе мы подумаем, как нам немного приободрить твою обожаемую хозяйку. Глядишь, и у неё румянец на щеках не хуже твоего появится.

И Тим многозначительно подмигнул.

Радостное возбуждение – сильнейший стимулятор. Но, подобно другим стимулирующим средствам, оно имеет тот недостаток, что его действие чаще всего длится недолго. Расставшись с Евой, Тимоти Андервуд примерно десять минут пребывал в экстазе. Он сидел, развалившись, в кресле и ощущал себя могучим, энергичным, всепобеждающим. Что может быть проще обольщения женщины, если получаешь ключ ко всем её желаниям и капризам? Час-два – вся жизнь мачехи будет у него как на ладони, и останется только начать действовать. Быстро, с милой улыбкой на лице, не тушуясь и не уступая, как сделал это утром на террасе. И всё обязательно получится, ведь и служанка подкуплена, и дом полупустой, и отца нет, и дождь за окном так и хлещет и никак не может остановиться. Как говорится, карта прёт и вся нужной масти. И вряд ли представится шанс лучше.

Но Ева возвращаться с новостями не торопилась, а расположившиеся в ближнем углу комнаты высокие напольные часы неустанно тикали, отбивая минуту за минутой, и мало-помалу, словно холодный сквозняк, в голову Тима начало пробираться сомнение. Вначале еле заметное, оно всё усиливалось, и через час Андервуд уже почти целиком разуверился в успехе своего тщательно продуманного плана.

Чем больше он размышлял о предстоящем, тем более противен был самому себе. И не потому что считал задуманное низостью, а потому что до сих с отвращением смотрел на свои руки, вспоминая, как те касались плеч ненавистной ему женщины и перебирали застежку за застёжкой на её накидке. Чтобы прогнать неприятное, Тим даже головой тряхнул и руки за спину спрятал, но память в тот момент захотела пошалить и принялась разрывать голову воспоминаниями уже не зрительными, а слуховыми.

Её голос... Её голос и эта её фраза о Джонатане... Тим брезгливо поморщился. Да как такая красивая женщина может так сладко петь о каком-то дворцеком с нелепо стриженными усами? Стоп.

Андервуд застыл взглядом на противоположной стене. На ней висело охотничье ружьё,

несколько чучел птиц и шгук шесть набросков охотничьих сцен, сделанных тушью и углём, однако этого было явно недостаточно, чтобы вызвать всё то удивление на лице молодого человека, какое там вдруг появилось.

– Я сказал «красивая»? – задал самому себе вопрос Тим и хмыкнул. – Я точно не в своём уме, или это вчерашний удар по голове до сих пор даёт о себе знать! Брр. Доктор Уотнер был прав: с лечением затягивать нельзя. Надо срочно принять лекарство. И лучше двойную дозу.

Это решение вырвало Андервуда из объятий уютного кресла, но, вместо того чтобы отправиться к себе и выпить микстуру, Тим почему-то принялся беспокоиться бродить по комнате. Даже около дверей описал круг и в вестибюль зачем-то выглянул (наверно, чтобы проверить, не идёт ли Ева). В итоге эти странствования привели Тима к довольно болезненному столкновению с длинным столом, на котором батлер Джонатан, трижды за день уже проклятый, имел обыкновение аккуратно раскладывать газеты, еженедельники и журналы, так или иначе проникавшие в Девонсайд. Иногда их читали, а иногда просто оставляли забытыми на столе, и, если не убирать, со временем в постоянно растущей стопке можно было найти много интересного раритета.

Ушиб заставил Тима очнуться. Рассеянно ухватив первую попавшуюся газету, он вернулся обратно в кресло, чтобы успокоить нервы старыми заметками о скачках. Не хватало только сигары и бокала бренди, чтобы окончательно унять возбуждение, но Тим старался об этом не думать и развернул печатные листы. Но, вместо того чтобы перейти к последней странице, посвященной новостям спорта, он вдруг, как замороженный, уставился на некролог, начинающийся сразу после статьи о рекордном посеве бобовых в этом году. В горле сразу пересохло, пальцы похолодели, и мысли о том, пришла ли к финишу первой Летучая или Цок-Цок, тут же вылетели из головы, потому что места им там совсем не осталось.

Скомкав газету, Тим не без раздражения тут же швырнул её от себя. Но уже спустя минуту поднял, распрямил, разгладил рукой, вырвал нужную страницу, сложил листок в несколько раз и положил себе в карман, а после тяжело выдохнул.

– Мистер Андервуд, – услышал он тут же певучее и испуганно заозирался, словно был застукан за преступлением. Но, увидев уже знакомую служанку в дверях, расслабился.

– Это ты, Ева. Заходи.

Девчонка, сильно стесняясь и постоянно одергивая на себе и без того длинное платье, сделала несколько шагов и застыла напротив хозяина в кресле.

– Тебе удалось узнать, что я просил? – Ева радостно закивала головой. – Я слушаю.

– Как только я вышла из этой комнаты, то сразу пошла к Хизер, сэр. Правда, не нашла её ни на половине леди Малесты, ни на кухне, ни в комнате прислуги. Пришлось спрашивать, куда она подевалась, и никто не знал, и только Нора... Вы знаете Нору? У неё ещё правый глаз дёргается, и, когда она говорит «а», слышится «э», а когда говорит «и», слышится...

– Мне не интересна Нора, Ева, – остановил болтливую девчушку Тим. – Тебе удалось узнать о предпочтениях леди Андервуд?

– Так я как раз об этом и говорю, сэр. Хизер я так и не нашла, но Нора подсказала, что в эти часы она обычно штопает по мелочи на чердаке.

Тим скрестил на груди руки.

– И что? Хочешь сказать, что леди Малеста тоже любит штопать на чердаке?

– Что вы, что вы?! – замахала руками взволнованная Ева. – Я просто подумала, что до чердака доберусь не раньше, чем через час, потому что дел много, а потом ещё час буду

болтать с Хизер, и, значит, ждать вам меня придётся ещё целых два часа, а то и больше!

– Как прекрасно, что ты умеешь считать! – съязвил Андервуд.

– Так мне идти на чердак? Вы, если что, замолвите за меня словечко?

– Не просто идти, милашка... то есть малышка... а бежать! Бежать, как на пожар, а потом с такой же скоростью ко мне обратно. Поняла?

– Да, сэр. – Ева сделала книксен и тут же огорошила и без того огорошенного молодого хозяина. – А поцелуй будет? Братский?

В глазах Тима мелькнуло неподдельное удивление.

– А не лучше ли ещё один медяк? – предположил он, цепляясь за последнюю соломинку.

– Медяков у меня уже половина шкатулки...

Спорить и упрекать в наглости было сейчас сродни потере времени – Тим это знал, а терять время в делах любовных он не любил и не привык. Поэтому, выдохнув так, словно отправлялся служить во флот или, чего хуже, на исправительные работы к горнякам в шахты, встал, рывком притянул к себе горничную и смачно чмокнул к губы.

– Ах, – только и проронила Ева, прижав руки к сердцу, когда на ватных ногах выползла в вестибюль, прислонилась спиной к стене и закрыла глаза, позволив себе на несколько минут раствориться в приятных мечтах.

Время ползло медленнее улитки, и Тим весь измаялся, ожидая возвращения служанки. Уже и картины на стенах рассмотрел, и газеты на столике пересчитал, разложил по датам, где самые свежие были наверху, снова пересчитал и даже цветы в вазе понюхал, общипав одну розочку, но минутная стрелка на часах словно издевалась и переходила от одной цифры к другой с такой несусветной ленью, что Тим был готов дать ей приличного пинка, лишь бы та засуетилась и вспомнила, наконец, кто она такая.

Когда силы ждать иссякли, Тим снова бухнулся в кресло и, подперев подбородок рукой, сидел, уставившись на стену напротив. Потом не выдержал, полез пальцами в карман и вытащил сложенный в несколько раз газетный листок. Развернул и снова пробежал глазами по заметке.

На первый взгляд, заметка не представляла собой ничего особенного. Некролог и некролог, каких печатают в каждом издании по сотне в год. Их зачастую и читают только, если фамилия и имя умершего вдруг оказались знакомыми. А такие, как Тим, даже заголовки не удосуживались изучить – сразу переходили к театральным новостям и прочим забавам, на которые время находилось всегда. Но в этот раз всё было по-другому...

Сэр Реджинальд Бигот, или, как называл его Тим в детстве, дядя Реджи, по происхождению был шестым графом Барбиканским, но поскольку он был самым младшим сыном в семье, то не смог унаследовать графский титул отца в те годы, в какие ему этого очень хотелось. Много лет Реджинальд провёл в Лондоне, обучаясь то делам финансовым, то юридическим, затем даже медицинским. Со временем умерло несколько его родственников, и титул графа всё-таки перешёл к нему. После этого дядя Реджи вернулся из Лондона в родовый замок и вылезал оттуда только по самым неотложным делам. А ещё к Тиму на именины, ведь, будучи хорошим другом отца Тима, сэр Реджинальд Бигот был ещё и кузеном его покойной матери. Вот и ещё одним близким человеком стало меньше. Кто следующий?

От этих мыслей Тим так разволновался, что чуть не выронил листок из рук. Это же насколько надо было быть равнодушным до дел семейных, чтобы даже о смерти дяди узнать из газет? Вовремя спохватившись, снова свернул газету и, только спрятав от глаз подальше,

успокоился. Покосился на часы и чуть не захлебнулся от радости: минуты, проведённые за перечитыванием некролога, сложились в полчаса, а, значит, Ева должна вот-вот вернуться.

Он угадал – стоило вспомнить о горничной, как по вестибюлю затопали башмаками, и спустя мгновение в дверях показалась уже знакомая девчушка. Волнения на её лице было не меньше прежнего, но стеснение почти улетучилось. Видимо, привыкла к поцелуям.

– Ну? – нетерпеливо спросил Тим, даже не дав девчонке отдышаться.

– Узнала, сэр, – выдохнула та и помахала рукой у лица, чтобы остудиться.

– Рассказывай.

– Хизер, сэр, уколола себе палец штопальной иглой, поэтому говорить много не смогла, но я...

– Да хватит уже про Хизер! – не вытерпел и рявкнул Тим, но, увидев, как тут же сжалась Ева, уже мягким тоном повторил: – Уверен, у тебя дел невпроворот, а ты тратишь время на какую-то Хизер. Рассказывай, что удалось выяснить о хозяйке.

– Да, сэр. Как я говорила, леди Малеста всё больше сидит дома. Когда я только переехала в Девонсайд, то списала её домоседство на лень. Знаете, лень так присуща благородным дамам. Им некуда спешить, им всё подадут, стоит только звякнуть в колокольчик.

– Тебе бы не пыль с тумбочек смахивать, а пьесы писать, – сквозь зубы и так, чтобы Ева не услышала, процедил Тим, а вслух произнёс: – Да-да, но чем-то же она занимается, когда сидит дома.

– Не перебивайте, – услышал он неожиданное. – Хизер мне сказала, что домоседство это никак с ленью леди Малесты не связано, а больше с её здоровьем.

– А что с ним не так? – прищурившись, спросил Андервуд.

– Вот этого никто точно не знает, сэр, но Хизер говорила, что года два назад леди Малеста начала жаловаться на жуткую мигрень. Даже в обморок падала несколько раз. Её показывали многим врачам, и каждый выписал своё лекарство. Когда все пузырьки выкупили, они даже в аптекарский ящичек не поместились.

– И что же, она пичкает себя каждый день десятком микстур?

– Нет. Хизер сказала, что леди Малеста в итоге остановилась всего на одной. Кто именно её прописал, Хизер не помнит, но, видимо, очень грамотный врач, раз обмороки стали случаться реже.

– А они всё ещё случаются?

– Да, сэр. Хизер говорит: намного реже. Собственно, это и есть та причина, по которой наша хозяйка предпочитает не ездить никуда дальше, чем «Золотые буки».

– Это всё, конечно, занимательно, дорогая Ева, но это совсем не то, за чем я тебя посылал.

– Так у меня есть ещё кое-что.

Тим скрестил руки на груди.

– Слушаю.

– Из-за причин со здоровьем леди Малеста стала больше проводить времени за книгами. Правда, что именно она читает, мне не понять. Я не сильна в этом умении. – Ева потупила взгляд.

«Зато в выпрашивании поцелуев сильна», – хмыкнул про себя Тим.

– А есть что-то более значимое, чем книги? Любая образованная дама их читает.

– Ещё она любит читать письма и отвечать на них.

– Письма? Какие письма? От кого? Кому?

– Вот этого я не знаю, сэр. Вам лучше спросить у Джонатана. В почтовые дни их набирается целая стопка! Леди Малеста может просидеть за ними до позднего вечера и всё читает и читает, пишет и пишет... Хизер говорила, это может быть как-то связано с благотворительностью, которой хозяйка раньше активно занималась, а сейчас по причине здоровья забросила.

– Очередные подачки бездомным и малоимущим? Помню, моя мать тоже этим баловалась. Сплошная потеря времени. Что ещё тебе удалось узнать?

– Больше ничего, сэр, ведь Хизер в этот момент уколола палец, а вам про это неинтересно слушать.

И это было всё? Кучка слов о письмах сострадания и лекарствах от скуки? И надо было столько часов терять, ожидая эту глупую девицу? Ясно же было с первого раза, что ничего толкового она не принесёт. И Тим тяжело вздохнул.

– Что не так, сэр? – ласково поинтересовалась Ева и сделала несколько шажков в направлении Андервуда. – Что-то не понятно? Если вы что-то не поняли, давайте я ещё раз к Хизер сбегаяю.

– Стой! – Тим вытянул руку вперёд, как будто хотел схватить девушку за передник и не дать ей удрать. – Хватит на сегодня.

– Так вы всё поняли, – с облегчением выдала Ева.

– Сегодня я понял лишь одно: я слишком долго не был дома... Ладно, ступай. Если узнаешь от Хизер ещё что-то, сразу сообщи. Да и просто, если что понадобится, заглядывай. Помни, Ева, ты мне как сестра, а своих сестёр я никому не позволю обидеть и всегда защищу. Клянусь!

– Ох, сэр, – мечтательно проворковала Ева и сложила губки бантиком.

Тим понял намёк. Твёрдо будучи уверенным, что это в последний раз, подался вперёд, взял девушку за руку, потянул к себе, коснулся губами её губ и вскоре ощутил на своих сладковатый ягодный привкус. Хитрющая девчонка половину отведённого ей времени провела за прихорашиваниями и раздумьями, каким соком промочить губы: из земляники или из жимолости.

– Прошу нас простить.

Внезапно сказанное резануло слух сильнее, чем если бы выстрелило снятое со стены ружьё. Ева тут же отпрыгнула от Андервуда и лицом стала белее мела. Отвернувшись в сторону окна и затеребила в руках передник. Сам Тим неторопливо встал, одёрнул на себе пиджак, пригладил волосы и наконец повернулся к дверям, в которых должна была стоять та самая, кого вдруг угораздило пройти мимо, из любопытства заглянуть в комнату и не удержаться с извинениями не к месту. Увиденное обдало Тима ледяной волной: мачеха стояла в дверях не одна. Рядом с ней топтался дворецкий Джонатан. Усач был настолько потрясён увиденным, что достал из нагрудного кармана жилета монокль и вставил его в глаз.

– Прошу простить, – повторила Малеста. – Мы с Джонатаном лишь хотели разобрать старые газеты и не собирались вам мешать. Идёмте, Джонатан.

Как и в прошлый день, вместо триумфальной ухмылки на лице Тима царила растерянность.

– Постойте! – вырвалось у него. – Это совсем не то, что вы подумали.

Малеста вопросительно посмотрела на пасынка.

– Вы не можете знать, что я подумала.

– Вы подумали, а как же Лиззи, разве я не прав?

Теперь пришла очередь Малесты растеряться. Из четверых собравшихся эти двое прекрасно понимали друг друга без слов, и лишь дворецкий и горничная стояли с непонимающим видом и глупо хлопали ресницами.

– Полагаю, этот случай заставит вас задуматься об искренности ваших чувств, – холодным тоном ответила мачеха.

– Так я ведь говорю, вы всё не так поняли. Ева... – Тим обхватил девчонку за талию, притянул к себе и чмокнул в щёчку. – Ева мне как сестра. Мне все слуги в этом доме как родные! Многих я знал ещё ребёнком, других узнал только сейчас, но каждый из них мне дорог! И я намерен сегодня всех-всех осчастливить не только монетами и купюрами в знак их верной службы, но и исключительно братскими поцелуями!

– Горничная, которую мы наняли на работу осенью, вам дорога? – недоуменно спросил дворецкий. – Вы её имя-то узнали только сегодня.

– И что? Не будьте занудой, Джонатан. Мы все здесь – одна семья, разве нет? И вы мне как родной, ведь я вас знаю уже столько лет! Позвольте-ка.

Оттолкнув от себя Еву, Тим шагнул к мало что соображающему дворецкому, обхватил его лицо руками и, крепко зажмутив глаза, вперился губами прямо в колючие усики. На душе стало мерзко...

– Вот. – Тим отпрянул от ошарашенного Джонатана, боявшегося не то чтобы вытащить из глаза запотевшее стекло, но даже икнуть от удивления, и повернулся к Малесте. Облизнул губы и сладко промурлыкал: – Теперь ваша очередь, матушка. Вам-то сам бог велел быть мне роднее всех в этом доме.

Глава 7. Горлица

– Оставьте нас, – ледяным тоном распорядилась Малеста.

Сказанное предназначалось дворецкому и горничной, и они поспешили исчезнуть, чтобы не накликать ещё большей беды, чем та, которая замаячила, стоило хозяйке Девонсайда наморщить лоб. Особенно торопилась ускользнуть из гостиной Ева: в меру недалёкая, она тем не менее хорошо понимала, что в случае чего хозяева церемониться не станут и скорее выставят прислугу во всё виноватой, чем сами признаются в грешке.

– А теперь давайте ещё раз и без сказок о Лиззи и прочих девицах, – отрезала Малеста, когда в комнате кроме неё и Тима больше никого не осталось. – Зачем вы приехали?

Мачеха сильно волновалась – Тим это видел. Иначе к чему дрожал голос и пальцы нервно теребили край тесьмы на платье?

По окнам начал барабанить дождь. С час назад превратившийся в лёгкую морось, он вдруг решил снова разогнаться, и в гостиной резко стемнело, ведь туч на небе прибавилось, а зажженных свечей оказалось недостаточно, чтобы разогнать воцаривший в доме полумрак.

– Причину приезда я озвучил ещё вчера.

– Перестаньте паясничать! Вы приехали не просить родительского благословения, нет. Вы приехали поиздеваться надо мной и лишний раз напомнить мне, что в этом доме я лишняя, ведь так?

– Ваше воображение слишком разыгралось.

– Моё воображение следует за моей наблюдательностью. Всё то время, что вы находитесь здесь, вы только и ищите момент, чтобы поставить меня в неловкое положение. Я хочу верить вашим словам, но тут же понимаю, что не верю ни одному из них. Вчера вы говорили одно, а сегодня творите совсем другое. Вы ни капли не изменились, Тим! Как и прежде, вы остались всё тем же избалованным, невоспитанным, не жалеющим ничьих чувств мальчишкой! Что вы наобещали Еве? Что женитесь на ней? Что успели с ней вытворить до того, как я прервала ваше развлечение?

Тим отвернулся и отошёл к окну. Отодвинул тяжёлую портьеру и уставился в заливаемый дождём сад. Где-то далеко робко и синим огнём сверкнула первая молния. Приближалась гроза.

– Молчите? Сказать нечего? Захотели испортить жизнь глупой девчонке, а теперь отвернулись, чтобы я не видела, как вы стораете со стыда от моих упрёков? Если это так, если вам хоть чуточку совестно, то в вас есть ещё что-то хорошее.

– Что-то хорошее? – Тим неожиданно вспыхнул и обернулся. – А не должно быть? Или здесь только вас почитают за ангела, а меня как в детстве втиснули в список дьяволят, так до сих пор из того списка не вытащили?

Малеста побледнела. Она не ожидала ответного нападения.

– Что за чушь вы несёте?

– Считаете себя прекрасной, правильной, порядочной? – шёл в атаку Тим. – Может, вы и красивы личиком и говорите почти без акцента. Может, читаете правильные книжки и руку для поцелуя подаёте исключительно в перчатке, но только знайте: из-за вас я восемь лет не мог появиться в этом доме! Меня просто вышвырнули отсюда, как собачонку, которая грызёт слишком много костей, а ещё в холода вечно просится на хозяйское кресло под тёплый плед. Никогда не приходило в голову такое сравнение? За восемь лет вы хоть раз обо

мне вспомнили? Вам-то хоть раз было стыдно за то, что вы сделали?

– Это было ваше желание не возвращаться в Девонсайд.

– Правда?

– Разве вам не настолько нравилось вдали от дома, что вы предпочли забыть об отце и родных местах?

– Забыть? – Тим хмыкнул. – Я был тогда двенадцатилетним мальчишкой, который потерял мать. И вы наивно полагаете, что падающее на голову Ньютона яблоко было мне дороже, чем родительский дом? Хорошо же вы обработали отца, что он запер меня в пансионе и велел не высовывать оттуда нос до самого совершеннолетия.

– Думайте, что говорите.

– А я не прав? Он бы никогда этого не сделал, не напои ему кто таких мыслей на ушко. А вы, видимо, поёте очень сладко, раз за всё время я впервые набрался храбрости сюда приехать.

Ещё одна молния разрезала небо. Раскатистый гром был так силён, что, скажи Малеста хоть слово в своё оправдание, никто ничего не услышал бы. Дождь стоял стеной, сбивал на землю цветы с кустов и развзюкивал грязь с недюжинной силой, окончательно размывая дороги, по которым и без того было ни пройти ни проехать.

Малеста поджала губы. Доказывать что-либо тому, кто стоял напротив, было бесполезно. Между ней и пасынком лежала слишком глубокая пропасть, чтобы её можно было в одночасье перешагнуть.

– Кто я вам? – Тим не успокаивался. – Помеха в получении состояния отца? Он уже составил завещание на случай своей скоропостижной смерти? Если нет, то вы, наверно, очень жалеете, что вчера не прибили меня той треклятой статуэткой.

– Как вы смеете?..

Тим фыркнул.

– Актриса из вас отвратительная. А ведь, кажется, именно актёрство было тем мастерством, которым вы промышляли, когда были помоложе и... – Тим окинул мачеху похотливым взглядом, – ...посочнее. Кого вы там играли? Пастушку с венком на голове? Вряд ли. Ставлю, что не было никакого театра. Скорее дешёвые представления для одного клиента и за закрытыми дверями, где девица раздевается догола, а потом... Вам сказать, что происходит потом?

– Хватит!

Малеста тяжело дышала. Услышанное колотило по вискам, резало по сердцу и втаптывало в грязь. И хуже всего было то, что все слова исходили от человека, красота и воспитание которого были на недосягаемой высоте. На деле же и привлекательность, и манеры оказались всего лишь фальшивой оболочкой, за которой прятались давно прогнившие душа и сердце. И только сейчас Малеста узнала, насколько сильно въелась гниль.

– Прекратите. Вы... Вы мне противны!

– Я ещё не всё сказал. – В глазах Тима безудержно плясала насмешка.

– А я не собираюсь вас больше слушать.

Подобрав юбки и перейдя с торопливого шага почти на бег, Малеста спешила к широкой лестнице, встречающей гостей у парадного входа и ведущей на второй этаж, к спальням хозяев и гостевым комнатам. Щёки леди Андервуд горели, она задыхалась от слёз, а пальцы от отчаяния и злости рвали тонкие кружева на платье. До первой ступеньки

оставалось совсем немного, как закружилась голова, и Малеста едва успела ухватиться за перила, чтобы не упасть. Прикрыла глаза, чуть опустила голову, стараясь дышать ровнее, но нахлынувшая слабость не отступила и не позволила сделать первый шаг наверх.

На улице в который раз прогремел гром; дождь шумел, но даже его силы не хватило бы, чтобы смыть всю ту грязь, которую чувствовала на себе Малеста. А затем к грязи прибавилась боль: руку сжали так крепко, что леди Андервуд едва не вскрикнула. И тут же дёрнули на себя, даже не дав опомниться, и прижали спиной к стене. В одно мгновение Малеста оказалась в тесной ловушке, с одной стороны которой был равнодушный до чужих чувств камень, а с другой – Тим, не менее холодный и бездушный.

– Отпустите, – прошептала леди Андервуд.

– Ты ушла без моего позволения.

– А я не позволяла вам вести себя так развязно.

– Думаешь, я буду церемониться с безродной дешёвкой, хоть и ставшей женой аристократа?

– Уйдите.

– И не подумаю.

– Вы делаете мне больно.

– Ты это заслужила.

– Я не потерплю хамства.

– Придётся, если хочешь остаться жить в этом доме. Я восемь лет терпел тебя в нашей семье и молчал.

– Надеюсь, сейчас вы вдоволь выговорились.

– Удивлена?

– Чему? Вашей вульгарности? – Превозмогая боль в висках, Малеста вскинула голову и посмотрела Тиму в глаза. Былой нежной зелени в них уже не было. Её напрочь вытеснила чернота, в который царил давно затаённая обида. – Ничуть. Вот сейчас вы ведёте себя именно так, как и должны. А пьеска, которую разыгрывали два дня... Знайте, я могу лучше.

Это был вызов, которого Тим не мог стерпеть. Тем более от женщины. И тем более от женщины, которую ненавидел всем сердцем.

Тяжело дыша, Тим посмотрел на прижатую к стене мачеху. Загнанная лань, она всегда становилась добычей любого охотника, будь им Тим Андервуд или Джейкоб, или кто-то другой, располагающий достаточной силой или влиянием. Другой судьбы у этой женщины не могло быть, и она это понимала. Её бледное лицо было совсем близко, губы дрожали, а от волос едва уловимо пахло розой после дождя.

– Лучше? – повторил Тим на выдохе и накрутил на палец выбившуюся из причёски белокурую прядь. – Всё, что ты можешь, это ублажать моего отца в постели, и, видимо, стараешься, раз до сих пор он тебя не выгнал.

– Мерзавец!

Звонкому шлепку по щеке вторил гром за окном. От удивления Тим на мгновение ослабил хватку – Малеста этим воспользовалась и высвободила руку из цепкого мужского плена.

– Убирайтесь немедленно, – шипела леди Андервуд. – Вон!

– В такой дождь? – Тим продолжал насмехаться. – В такой дождь хозяин собаку на улицу не выгонит...

– Вы хуже любой собаки!

– Вот как ты заговорила...

– Уходите.

– Я уйду и больше не вернусь, но сначала возьму то, за чем приехал.

Малесте стало страшно. Закричать бы, но голос вдруг пропал, и из горла вырывались лишь сдавленные хрипы. Чего хотел этот щенок, было понятно без слов, ведь его горячие руки более чем красноречиво прошлись по её спине и талии, а затем скользнули вниз и нагло задрали юбку. Одичалый волчонок вырос и превратился в зверя с клыками, его злоба с годами не прошла, а только окрепла, и, чтобы противостоять ему, нужна была недюжинная сила, которой у Малесты как назло не было. А ещё и головокружение некстати усилилось, и сильнейшая слабость охватила всё тело именно в тот момент, когда надо было собраться и оттолкнуть от себя гадкого мальчишку, но руки не поднимались, и даже губы не могли прошептать ни слова проклятия.

Тук. Тук. Тук.

Тим вздрогнул и отпрянул от мачехи. Стучали в парадную дверь, но кого могло занести в такой час и такую погоду в находившийся вдалеке от шумных городов Девонсайд?

Замешательство пасынка сыграло Малесте на руку: она скользнула в сторону и, не оглядываясь, поспешила вверх по лестнице. Лишь оказавшись на втором этаже и спрятавшись за колонной, остановилась и перевела дух. До спальни оставалось пройти половину крыла, а там уже можно было попробовать успокоиться, заперевшись на ключ и приняв лекарство.

Тим взъерошил на голове волосы. Чего он испугался? Того, что из-за поворота вынырнут слуги и ринутся к дверям открывать? Или что это отец вернулся из города? Повёл себя, как пугливый воробей, а ведь желаемое было так близко. Тем более и бояться некого: слуг, торопящихся к дверям, не видно, стука больше не слышно. Да и бы ли тот стук вообще? Может, послышалось? Или, может, это был ветер, или деревья задевали мощными ветвями стены дома?

Тук. Тук. Тук.

Тим снова вздрогнул и заозирался по сторонам.

– Эй, – настороженно крикнул он в темноту, – откроет кто-нибудь или нет? Джонатан!

Но никто к Тиму не бежал, словно никто громкого стука не слышал, хотя тот повторялся и повторялся.

– Ева! – снова позвал Тим. – Джонатан! Сквозь землю вы все провалились, что ли?

Тук. Тук. Тук.

– Да что за чёрт, – выругался Андервуд и, в который раз проклиная и друзей, и тот день, когда решил вернуться в дом отца, шагнул к входным дверям и отодвинул засов.

На пороге стояла молодая женщина, закутанная в латаный серый плащ, в башмаках, измазанных грязью, вся промокшая. Непонятного цвета волосы были собраны в тугой пучок на затылке, лицо было худым и вытянутым, а глаза – печальными.

– Нищим не подаём, – отрезал Тим и собрался было захлопнуть двери прямо перед носом побирušки, как молния вдруг сверкнула не только в небе, но и во взгляде незнакомки. По спине побежали мурашки.

– Мне бы только посушить одежду, – проговорила женщина.

– Я же сказал, мы нищим не... – во второй раз начал Андервуд, но очередная ветвистая молния с треском вырвалась из-за туч, и Тим тут же осёкся и неожиданно для себя распахнул двери пошире, позволяя незваной гостье войти.

Женщина робко переступила порог, огляделась и коснулась завязок плаща, с которого вовсю капала вода.

– Я позову кого-нибудь из слуг, – холодным тоном проронил Тим. – Вас проводят к огню, помогут почистить плащ и дадут пуншу согреться.

– Не стоит, – сказала женщина. – Не стоит так беспокоиться. Вы ведь Тимоти Андервуд, верно? Сын хозяина этого дома?

Тим насторожился. Напросившаяся в дом незнакомка вела себя странно и доверия не внушала. Не воровка, ли? И куда, чёрт побери, девался Джонатан? Это работа дворецкого открывать и закрывать двери, а также следить за тем, чтобы по дому не шастали посторонние личности, а этот усатый пингвин даже не соизволил на стук выйти. А стук-то был о-го-го! Только глухой не услышит.

Завязки на плаще тем временем были развязаны, и с него продолжало капать на пол, а незнакомая женщина смотрела на Тима таким смелым и ясным взглядом, что тот не выдержал и предложил:

– Следуйте за мной.

До малой гостиной они шли, оставляя за собой вереницу из дождевых капель и грязных следов. А когда вошли в комнату, то Тим первым делом шагнул к камину и, убедившись, что сухие поленья занялись огнём, придвинул два кресла, в одно из которых опустился сам, а на другое указал гостье.

Женщина кивнула, осторожно, чтобы не наследить, обошла дорогой ковёр, сняла плащ, присела на краешек кресла и вытянула руки вперёд, к огню. Разгорающееся пламя на секунду выхватило её лицо из темноты, и Тим поёжился. Только сейчас он заметил, что незнакомка была не столь и молода, как ему показалось изначально: при всей своей худобе лицо, однако, было испещрено морщинами, в волосах мелькала седина, и кожа на руках и шее была дряблой. Под плащом у незнакомки оказалось мышинного цвета платье, без воротничка и манжет, и перекинутая через плечо тряпичная сумка, сшитая крайне криво и неаккуратно.

– Так я вас слушаю, – выдавил из себя Тим, когда с разглядыванием было закончено и сырость в комнате немного сошла на нет, а треск в камине стал таким уютно-убаюкивающим, что начало клонить в сон и глаза принялись закрываться сами собой.

– Меня зовут Бетси, – сказала женщина и потёрла согревшимися ладонями щёки.

«Отлично, – пронеслось в голове у Тима. – Теперь, если тебя и обокрадут этим вечером, ты как минимум будешь знать, что воровку зовут Бетси. Это ж надо было пустить её в дом да ещё и в гостиную привести. Где были твои мозги? Ты бы ещё ей выпить предложил, идиот несчастный!»

А женщина, словно услышав мысли Андервуда, вдруг посмотрела на него так тоскливо и доверчиво, что Тим, сам не понимая, как и почему, вдруг брякнул:

– Выпить не желаете? Я бы предложил вам горячего пунша, но ума не приложу, где бродят слуги, поэтому как насчёт бренди? Не слишком крепко для вас?

Бетси кивнула, и Тим поднялся, подошёл к винному шкафчику, уютно устроившемуся прямо под картиной с изображением весельчаков, отдыхающих в тени виноградников, взял начатую ещё отцом бутылку, два бокала и вернулся к камину.

– Вот. – Янтарного цвета жидкость забулькала по бокалам. Один из них Тим придвинул гостье. – Пейте.

Сам взял свой и сделал небольшой глоток. Крепкий алкоголь пришёлся кстати: немного расслабил, а заодно и приглушил бушевавшую внутри ненависть, но окончательно пожар не

потушил, и любая выпитая сверх меры капля могла вновь стать причиной неистовой ярости.

Заполнившая комнату тишина стала Тима утомлять. Смотри, как Бетси потягивает бренди и смотрит на огонь в камине, Андервуд немного поёрзал в кресле и, не выдержав, наконец, спросил в лоб:

– Откуда вы меня знаете?

Бетси повернула к Тиму своё бледное лицо и со вздохом ответила:

– Я всех знаю, и в этом моя беда.

Тонкие пальцы потянулись к той самой тряпичной сумке, от которой веяло безграничной бедностью, а ещё пахло табаком, и выудили оттуда колоду карт.

От неожиданности Тим чуть не поперхнулся.

– Здесь не покерный клуб, – тут же поспешил осадить он нахальную нищенку, но та лишь приложила палец к своим губам-ниточкам и просвистела:

– Тсс...

А затем, перемешав карты с ловкостью опытного раздавалы, раскинула колоду веером и кивнула на неё Тиму.

– Три карты.

От удивления у Тима вытянулось лицо.

– Что? – переспросил он.

– Я разрешу тебе вытянуть только три карты. А потом я скажу тебе твою судьбу.

В какой именно момент Бетси получила позволение на разговор с ним в такой манере, Андервуд даже не понял, но хряпнул в один глоток весь бренди, остававшийся в его бокале, дыхнул на ладони и выхватил первую карту.

Карты были такими же странными, как и их владелица. Вместо привычных двоек, семёрок и тузов на Тима пялилась абсолютная белизна, немного затёртая с верхнего левого края.

Андервуд недоуменно пожал плечами.

– Тут же пусто.

– Тяни ещё одну.

Тим цапнул вторую карту, и с той тоже кричала пустота.

– Чушь несусветная. – Тим потёр переносицу и швырнул обе карты на стол.

– Не стоит фыркать на то, чего не понимаешь, – неторопливо произнесла Бетси и грустно покачала головой. – Твоё будущее ещё не определилось, поэтому и карты ничего не говорят. В твоём лице одна черта противоречит другой. Судьба предназначила тебе счастье: я увидела это сразу, как пришла сюда сегодня вечером. Я даже видела, как она положила его чуть ли ни к твоим ногам, но ты всё растоптал. Теперь твой путь будет тернист, и искушений на том пути встретится столько, что трудно будет различить, что действительно ценно, а что – искусно оформленная фальшивка.

– Ну-ну, – Андервуд зевнул и махнул рукой, – удивили. Такое и я могу наболтать. Третью карту брать? Или там тоже изображено моё неопределённое будущее?

– Попробуй. – Бетси кивнула на колоду. – Только выбирай хорошенько. Не торопись и тяни не ту, которая на тебя смотрит, а ту, к которой рука идёт сама собой, ведомая сердцем.

Тим хмыкнул: все гадалки говорят одинаково. Как он вообще мог купиться на подобное одурачивание? Ведь на всех праздничных ярмарках сопровождаемый вечно веселящимися девушками, работающими у мадам Лека, всегда обходил пёстрые шатры стороной, хотя девицы и уговаривали заглянуть внутрь и узнать будущее. А тут прямо как заколдованный

сидит, тащит карту за картой да ещё и слушает нищенку, которая явно не в себе и которая даже бренди хлещет, как заправский мужик, не кривляясь и не морщась.

Последней выпавшей картинкой оказалась горлица. Неприметная птичка сидела, склонив голову, на ветке и смотрела на Тима одним глазом.

– Это любовь, – улыбнулась Бетси.

– Куда ж без любви-то? – проворчал Андервуд. – Ещё скажите, что она будет счастливой и до гроба. Неужели вы думаете, я вам поверю? Нагадай вы мне богатство или связи в обществе, это было бы ещё похоже на правду, но любовь... На этот вздор я давно не покупаюсь.

– Просто тебе ещё не довелось узнать, что это такое.

Тим расхохотался.

– Не довелось узнать любви? Посмотрите на меня, Бетси. Такому, как я, не нужно искать себе женщину: они липнут ко мне, как грязь к вашим башмакам в дождливый день. Я не успеваю отойти от поцелуев одной девицы, а мне на шею уже вешается другая.

– Так вот что такое для тебя любовь... – протянула гадалка, и её глаза недобро сверкнули. – Лишь мимолётное увлечение, которое можно вычеркнуть из памяти, не колеблясь.

Тим развалился в кресле.

– А разве бывает другая любовь? Вы, видимо, редко смотрите по сторонам, иначе бы знали, что мир уже совсем не тот, что был раньше. Современным девушкам нужны кавалеры со связями и солидным счётом в банке. И то, и другое у меня есть, а ещё есть красота и молодое тело, поэтому любить меня будут всегда. Не за одно, так за другое. Мне же любить никого не нужно. Зачем? Зачем привязываться и вздыхать по кому-то одному, когда вокруг такое разнообразие? Даже мой отец, когда умерла мама, не выдержал и почти сразу нашёл ей замену. А я, знаете ли, сын своего отца и во всём должен брать с него пример. Вам подлить бренди?

Не дожидаясь ответа, Тим взял со стола бутылку. На Бетси не смотрел, да и она отвернулась от него. Глядела на огонь, и от её взгляда искры шипели громче обычного и пламя волновалась причудливым образом, рисуя оранжевыми языками то птичий хвост, то крыло.

– И всё же ты выбрал горлицу*, – проронила гадалка, когда её бокал был наполнен на треть, – а это означает только одно: любовь. Сильную, ровную, светлую любовь.

Тим рассмеялся.

– Я думал, вечера в Девонсайде скучные, но я ошибся. Скажите, Бетси, вы часто здесь бываете? С вами так забавно. Знаете, я распоряжусь, чтобы вас пускали сюда всякий раз после ужина. Будете развлекать нас картами и прочими небылицами. Так уморительно.

Гадалка отвела взгляд от камина, и сотканная из огня птица рассыпалась и превратилась в пепел. Пламя сразу стало ровнее и спокойнее, а дрова затрещали с прежним уютом.

– Ты не веришь мне. Что ж, будь по-твоему. Заменить вытянутую тобой карту я не смогу, и горлица обязательно тебя найдёт, но, коль ровная дорога тебе претит, я сделаю так, что всё, что тебе придётся пережить, будет до безобразия разнообразным. Настолько пёстрым, что тебя будет трясти, как в лихорадке, выворачивать наизнанку, душить и мучить, и ты будешь медленно сходить с ума и не знать, что с этим делать. Тебе ведь этого хочется?

Тим судорожно сглотнул. Нищенка бормотала так одержимо, что Тиму стало страшно.

С одной стороны, что может сделать ему слабая женщина? С другой, плясавшие огоньки безумия в её взгляде ничего хорошего не предвещали, и Тим аккуратно покосился в сторону стола, на котором лежал нож для распечатывания конвертов, то ли отцом, то ли мачехой случайно там забытый. Осторожность не бывает лишней – Тим медленно поднялся и сделал шаг в сторону стола.

– Не бойся. – Гадалка остановила Тима. – Я всё сказала и как раз собиралась уходить. Вот и дворецкий уже сюда идёт. Он проводит меня к выходу?

Тим прислушался. Нищенка была права: по ту сторону дверей слышались неторопливые шаги. Понимая, что не в силах больше терпеть полоумное бормотание, Андервуд бросился в вестибюль и чуть было не врезался в Джонатана.

– Что-то случилось, сэр? – Спокойствие и чопорность батлера всегда были на высоте.
– Да... То есть нет... То есть... – Тим не знал, как начать, и в конце концов взорвался. – Какого дьявола вы задаёте такие вопросы, Джонатан? И где вас носило всё это время?

– Я был в западном крыле, сэр. В комнате для гостей заклинило окно, и мы никак не могли его закрыть. В итоге комнату затопило. Мебель спасти удалось, а вот ковёр, увы, в плачевном состоянии. Лорд Андервуд будет...

– Да пёс с ним, с ковром, – перебил дворецкого Тим. – Ничего не говорите отцу – он и не заметит. Уверен, он даже не помнит, был ли вообще в той комнате ковёр.

– Как скажете, сэр.

– А если спросит, валите всё на меня. Мне не привыкать к упрёкам.

– Благодарю, сэр.

– А теперь следуйте за мной. Вы мне нужны.

– Конечно, сэр.

– Хотя нет. Идите в ту комнату один.

– В какую, сэр?

– Вот в эту. – Тим ткнул пальцем в сторону малой гостиной. – Идите туда без меня и прогоните женщину, что сидит там. И убедитесь, что она не просто вышла за порог, но и отдалилась от нашего дома как минимум на сотню ярдов**. Запомните её хорошенько в лицо и никогда больше ни под каким предлогом сюда не пускайте.

– Разумеется, сэр, но... – Дворецкий неуверенно топтался на месте. – О какой женщине идёт речь?

– Не бесите меня, Джонатан!

– Простите, сэр, просто моё местоположение настолько удобно, что вся комната раскрывается передо мной как на ладони, и ни одного живого существа в ней мной не обнаруживается. Если только мышь где-то за картиной притаилась... Но мышей мы травили в прошлом месяце.

Тим посмотрел на слугу, как на больного на голову. Тот мигом всё понял и шагнул в гостиную. Тим прислушался: разговоров не шло, воплей нищенки не раздавалось, улавливались только шаги дворецкого, в его стиле неторопливые и старательно тихие.

– Ну? – Тим не выдержал и тоже появился в комнате.

Та была пуста – дворецкий и сам Андервуд в счёт не шли.

– Как же так? – растерянно начал Тим. – Здесь же была эта... как её? Сидела в этом кресле, вытянув ноги к камину, и хлестала бренди.

– Этот бренди? – спросил Джонатан, взяв в руки стоявшую на столе бутылку. Янтарной жидкости в ней было на самом дне – тоже на дне её было и в бокале, который находился

неподалёку от бутылки. В одном бокале. Второго такого же на столе не было. – Вы что же, сэр, это всё один выпили?

Это было выше понимания Тима. Метнувшись от дверей к окнам, Андервуд дёрнул в стороны тяжёлые портьеры, но ничего кроме пыли за ними не нашёл. Заглянул под обитый шёлком диван, под кресла, даже дверцами винного шкафа хлопнул, как будто там мог спрятаться кто-то размером больше кошки. Затем снова прыгнул к окнам, но те были крепко заперты, и становилось ясно, что через окна странная собеседница тоже не могла ускользнуть: в последние сутки их точно не открывали.

– Ничего не понимаю, – пробормотал Тим и расстегнул ворот рубашки. Дышать стало легче.

– С вашего позволения я приберу здесь, – вежливо заметил дворецкий, забирая вместе с бутылкой пахнувший алкоголем бокал.

– Погодите, Джонатан. – Лицо Тима было полно смятения.

– Да, сэр.

– Когда я выходил из комнаты вам навстречу, кто-нибудь шёл за мной следом?

– Я никого не видел, сэр.

– А когда вы вошли сюда, здесь кто-нибудь был?

– Я уже не первый раз повторяю вам, сэр, что никого не видел.

– Но здесь же была женщина! Сидела в этом самом кресле, пила вместе со мной бренди, несла бред и сунула мне в руки три карты.

– Карты, сэр?

Оба – Джонатан и Тим – перевели взгляды на столик у камина. Карт на том столике не было. Тим побледнел.

– Когда вы были в гостевых комнатах и спасали папенькин ковёр, вы слышали стук в дверь? Громкий такой стук... Как раскат грома.

– Нет, сэр, иначе я тотчас бы подошёл. Я много лет служу в этом доме и никогда ещё не пренебрегал своими обязанностями.

– Знаю-знаю, – шептал Тим. – Но... не спятил же я в самом деле.

– С пару часов назад, сэр, вы целовали мои усы.

– Это ничего не значит!

– Согласен с вами, сэр.

– Это был тактический ход.

– Позвольте узнать, а кто был противником?

– Лучше ответь мне, знаешь ли ты кого-нибудь в округе по имени Бетси?

– Бетси?

– Она самая.

– Если только сумасшедшую Бетси.

– Сумасшедшую?

– Она жила на болотах. Днём слонялась по дорогам, останавливала экипажи и всем гадала за шиллинг. Где ночевала, никто не знает.

– Говоришь, всем гадала?

– Да, сэр. Даже мне. Да только проку от её гаданий никакого не было: все карты в её колоде были пустые. Хорошо помню, как однажды она схватила меня за руку и начала верещать, что, мол, будущее моё ещё не определилось, что в моём лице одна черта противоречит другой... Много чего наболтала, а я слушал и кивал. Меня с детства учили с

убогими не спорить.

– Так она и правда не в себе? – Тим с облегчением выдохнул.

– Не в себе, сэр, и люди говорили, что с детства. Считала, что вместо пяти пальцев на руке видит шесть, но мы-то понимали, где собака зарыта.

– Конечно. – Тим ликовал в душе. – Конечно. Я ни одному её слову не поверил. Ни про будущее, ни про любовь, ни про лихорадку...

– Разве вы знали Бетси, сэр?

– Имел неудовольствие общаться с ней в этой самой комнате минут двадцать назад.

Теперь пришла очередь Джонатана изумляться и глупо моргать.

– С вами всё в порядке, сэр?

– В полнейшем. А в чём дело?

– Дело в том, сэр, что сумасшедшая Бетси мертва. Давно мертва. Вам было полтора года, когда её засосало болото. Ваш покойный дядя, сэр Реджинальд Бигот, тогда гостил в Девонсайде. В тот печальный день он отправился прогуляться по пустошам, полюбоваться вереском и бабочками, увидел Бетси, но на помощь прийти не успел.

У Тима пересохло во рту и как-то странно засосало под ложечкой. Вцепившись пальцами в спинку кресла, Андервуд обвёл пустым взглядом гостиную, потряхнул головой и ещё сильнее ослабил воротник.

– Вам нехорошо?

– Всё в порядке, – заикающимся голосом проронил Тим. – Но я, пожалуй, пойду.

– Как вам будет угодно, сэр. – Джонатан ответил лёгким поклоном.

Из гостиной Тим вышел на ватных ногах. Доковылял до широкой лестницы, ведущей на второй этаж, и с тоской во взгляде посмотрел вверх, куда на так давно отпустил свою жертву.

Должна же она была слышать тот проклятый стук! Она не могла его не слышать. Она стояла совсем рядом с дверями, зажатая у этой самой стены, и должна была слышать всё то же самое, что слышал он!

– Нет, – прошептал Тим побледневшими губами, выдернул из кармашка на пиджаке платок со своими инициалами, заботливо вышитыми одной из прежних пассий, вытер со лба пот и отбросил платок в сторону. – Нет, я не могу её больше видеть. Я слишком сильно её ненавижу, чтобы даже просто попытаться заговорить.

Но внутренний голос терзал и задавал так много вопросов, что Тим не выдержал и принялся, перешагивая через ступеньки, быстро подниматься вверх по лестнице. По коридору он уже почти бежал и перевёл дыхание только, когда остановился у двери в комнату, входившую в которую было позволительно немногим, и Тима в том списке не было. Обхватить пальцами ручку двери особого труда не составило, но Тим вдруг на мгновение замер, отсчитал про себя до десяти, скользнул ладонью вверх и постучал в дверь костяшками пальцев. Вначале два раза, потом ещё три. Ответом была тишина.

***Горлица** – в Англии символ любви и крепкого брака. Птица заслужила такое звание своей преданностью партнеру. К символу обращался Шекспир: в его пьесах герои клянутся в вечной любви, сравнивая себя с горлицами.

****ярд** = 0,91 метра; 100 ярдов = 91 метр

Глава 8. У всего своя цена

Тим хорошо знал комнату, у дверей которой стоял.

Спальня его покойной матери, теперь перешедшая во владения мачехи, всегда встречала маленького Андервуда теплом и остро-пряным запахом кардамона. Тим как сейчас помнил стены, обтянутые тканью глубокого зелёного цвета, покрывала и шторы в тон и горшки с геранью на окне. Вся мебель в комнате, включая гардероб, туалетный столик и кресла, была выполнена из тёмного дерева под стать старому, пережившему много поколений, комоду, в котором Тим знал один потайной ящичек, где мать хранила шкатулку с дорогими сердцу побрякушками, миниатюру, изображавшую модного в годы её молодости поэта, и несколько стеклянных флакончиков с дорогими духами и редкими эфирными маслами. Некоторые из них были столь резки, что вдыхать их добровольно решился бы только сумасшедший, но Тим помнил, как иногда (особенно если на непогоду голова кружилась сильнее обычного) мать вытаскивала один из таких флакончиков, подносила к носу, а затем капала по чуть-чуть на подушечки пальцев и растирала виски. В семье все об этом знали и никто не возражал. Гораздо больше возмущались той самой зелёной драпировкой, и особенно негодовал дед. Несмотря на всю глубину цвета, он считал, что было в том оттенке что-то ядовитое, что раздражало и влекло бессонницу.

Однако мать Тима буйству красок не противилась: на этом цвете настоял Джейкоб, сославшись на то, что именно зеленью в то время обивали свои покои все влиятельные семьи, и Андервудам нельзя было отделяться от общества. Для общей же спальни отец, однако, предпочёл классический песочно-бежевый, при этом разбавив скуку кучей безделушек, роскошными коврами и изысканной драпировкой, и о следовании моде почему-то ни разу не заикнулся. Что из себя могла представлять комната матери сейчас, Тим не знал, но где-то а глубине души надеялся, что у мачехи хватило ума всё переделать, иначе воспоминания могли бы захлестнуть Андервуда столь сильно, что он боялся за себя ручаться, стуча в дверь в третий и четвёртый раз.

Открыть ему так никто не открыл.

Тим чертыхнулся. Всё шло не так с тех пор, как он приехал в Девонсайд, и в особенности сегодня. Но если нравом он всегда отличался вспыльчивым и прекрасно знал об этом, то с помутнением рассудка никогда раньше дела не имел и скорее готов был заподозрить Джонатана во вранье и желании наговорить гадостей молодому хозяину, чем мириться с тем, что сошёл с ума и начал вдруг беседовать с покойниками и тем более распивать с ними бренди. Малеста была последней, кто мог бы помочь распутать клубок странностей, и, заставив себя успокоиться, Тим вновь обхватил ладонью ручку двери, резко выдохнул и тихонько толкнул дверь от себя.

Сумерки сгустились окончательно. В комнате было тихо и горело не больше одной-двух свечей. В их слабом свете даже крошечные предметы отбрасывали на стены такие зловещие тени, что Тим содрогнулся, но не отступил, а решительно приоткрыл дверь пошире.

Пол скрипнул под его шагами.

– Малеста... – негромко позвал Тим, будучи совершенно уверенным, что никто не откликнется; видимо, мачеха предпочла уединиться в другой комнате, о какой подумается не в первую очередь.

Вся обстановка в спальне осталась прежней. Новая хозяйка не распорядилась выбросить

даже обшарпанный комод – он стоял на том же самом месте, и Тим сразу его увидел, стоило сделать первый шаг из коридора в комнату.

Покрывало с кровати было стянуто, скомкано и валялось на полу. Но Тима заставило напрячься не это, а то, что рядом с покрывалом, сжав его край в руке, лежала без движения Малеста.

– Чёрт!

Тим бросился к мачехе, потряс за плечо, наклонился, прислушался и коснулся пальцами шеи. Малеста дышала, хоть и слабо.

Рывком поднявшись, Тим кинулся к тазу и кувшину, стоявшим на высоком квадратном столике. К счастью, оба оказались полны воды. Схватив лежащее рядом полотенце, Тим намочил его и, вернувшись к мачехе, промокнул влажной тканью её лицо и лоб, а затем принялся судорожно шарить по платью и остановился только, когда нащупал шатлен* на поясе. Но тот был пуст, и даже связка ключей висела не на крючке, а валялась неподалёку от смятого покрывала.

Стиснув зубы, Тим вскочил и заметался по комнате, с грохотом распахивая дверцы тумбочек и шкафчиков и выворачивая наизнанку содержимое полок туалетного столика. Всякой ерунды было навалом, в том числе и несметного количества лекарственных настоек и порошков, обвёрнутых выписанными рецептами, углубляться в которые у Тима не было ни желания, ни времени, и только нюхательной соли никак не попадалось на глаза.

– Что за чёрт, – пробормотал Тим, проведя рукой по вспотевшему лбу. – Должна же она где-то быть. У них этих флакончиков у каждой по десять штук на один саквояж, а тут целая комната, и ни одного не видно.

Последним из хранителей дамских секретов оставался тот самый комод, и Тим уверенно шагнул в его сторону, чтобы спустя несколько секунд всё там перевероршить.

Однако нюхательной соли не нашлось и среди сорочек и чулок, зато дрожащие пальцы упёрлись в обитую чёрным бархатом стенку и нащупали потайной ящичек, воспоминания о котором были до сих пор свежи. С годами ящичек не стал более податливым, но Тим хорошо знал секрет замка. Щелчок раздался совсем скоро, и Андервуд, посветив себе свечой, бережно провёл пальцами по некогда знакомым «сокровищам». Шкатулка из слоновой кости, малахитовая брошь, кружевная лента цвета первых фиалок... Перед глазами мгновенно всплыло дорогое сердцу лицо, но Тим мотнул головой, прогоняя видение, и принялся рыться в склянках и пузырьках, сваленных в кучу в углу ящика.

Они были здесь. Духи. Те самые, от которых, стоило Тиму вдохнуть их аромат, сразу сильно щекотало в носу и хотелось остервенело чихать. Терпкие, немного сладкие, немного горьковатые и безумно любимые матерью, хоть и душилась она ими редко и только по вечерам. Одной капли хватало, чтобы кожа запомнила аромат и сохранила его до самого утра, обволакивая и дурманя сознание мужчин и разжигая зависть у женщин. Знакомые дамы нередко выпытывали у леди Андервуд название и адрес парфюмерной лавки, втайне желая и себе приобрести подобное, но матушка только закатывала глаза и загадочно улыбалась.

Стеклянная пробка выпрыгнула из флакона, как только Тим поддел её пальцами, и утонула в высоком ворсе тёплого ковра. За десять лет аромат ни капельки не выветрился, и Тимоти, стараясь дышать только ртом, вернулся к до сих пор не пришедшей в сознание мачехе, вновь опустился рядом с ней, приподнял её голову и поднёс склянку прямо к её носу. Малеста дёрнулась, открыла на мгновение глаза и слабо простонала.

Подхватив мачеху на руки, Тим уложил её на кровать, сунув под голову сразу две

большие перьевые подушки, вновь бросился к тазу и кувшину с водой, заново намочил полотенце и в очередной раз промокнул им лицо той, кого проклинал половину своей жизни.

Влажные ресницы дрогнули, и блуждающий взгляд леди Андервуд остановился на лице пасынка, а губы разомкнулись и вытолкнули всего одно слово:

– Воздух...

Тим вскочил с кровати, на краешке которой сидел, и бросился к окну. Распахнул створки, позволив свежему ветру ворваться в комнату, но Малесте лучше не становилось. Пребывая на грани между сознанием и очередной пропастью, она с трудом дышала и отрешенно смотрела вокруг себя. Тугой корсет и сдавливающее грудь платье мешали бороться за жизнь, и Тим, ни секунды не медля, пробежал пальцами по веренице застёжек и завязок, решительно ослабляя их, расстёгивая или просто срывая, если попадались чересчур упрямые. Верхнее платье, лиф, корсет... Всё, что не давало вдохнуть полной грудью и прийти в себя.

Сильные руки не щадили воздушного кружева и выбеленной ткани, купленной на отрез в одном из самых дорогих магазинов столицы. Красивый наряд вмиг превратился в кучу тряпок, среди которых легко можно было отыскать ту самую подвязку, ради которой Тим пренебрёг гордостью и переступил порог дома, в котором поклялся никогда не появляться. Нужно было лишь протянуть руку, провести пальцами по затянутой в шёлковый чулок ножке, как делал это много раз с девицами мадам Лека, задержаться чуть выше колена, и подвязка добыта. Однако бледное лицо Малесты, её до сих пор закрытые глаза и сухие губы, жадно ловившие воздух капля за каплей, делали добычу слишком лёгкой для того, чтобы затем победно трубить о ней перед друзьями в «Сорняках». В итоге, Тим только отвёл взгляд, сделав это не столько из вежливости, сколько в целях не поддаться искушению, поднялся, прошёл к чайному столику, взял пустую чашку, подошёл с ней к кувшину, наполнил водой и вернулся к мачехе. Увидев, что Малеста начала приходить в себя, спокойно произнёс:

– Пей, а я позову слуг.

– Что вы... – Тим застыл на полпути к дверям. – Что вы сделали со мной?

Её голос был настолько слаб, что Андервуд обернулся. Чашка была опрокинута на кровать, а сама Малеста с ужасом во взгляде смотрела на разорванные платье и лиф и на расшнурованный корсет. Пальцы, ещё с трудом слушавшиеся, пытались безрезультатно нащупать покрывало, чтобы прикрыть им наготу, но того тоже не было рядом.

– Гадкий мальчишка... – Это были единственные слова, на которые у Малесты хватило сил. С трудом дыша, она снова закрыла глаза и еле слышно прошептала: – Остановитесь. Не надо никуда идти.

Тим застыл на месте.

– Я всего лишь хотел позвать Хизер.

– Нет, – изо всех сил сопротивлялась Малеста. – Нельзя, чтобы кто-либо видел меня в таком состоянии и рядом с вами. Не так страшен позор, сколько осознание того, что он нём знают больше, чем двое.

– Позор? – Тим наморщил лоб, а затем хмыкнул. – Ты, что же, подумала, что я...

Тим шагнул от дверей обратно к кровати, поднял с пола покрывало и швырнул его Малесте так, что краешком то сумело накрыть грудь.

– Прикройся.

Потом подцепил пальцами чашку, во второй раз наполнил водой и вновь сунул Малесте чуть ли ни под нос.

– Подайте лекарство, – слабым голосом попросила мачеха. – Оно там, в верхнем ящике туалетного столика. Стеклянный флакон из жёлтого стекла. К нему ещё чёрной ниткой привязан рецепт.

Тим поставил чашку, прошёл столику и выдвинул нужный ящик. Сделать это не составило особого труда – несколько минут назад Тим уже всё разворошил в том месте и хорошо помнил, где именно видел настойки и порошки.

Нужный флакончик отыскался быстро. Андервуд взял его в руки, откупорил и поднёс к носу. Микстура сильно пахла анисом, настоящим на спирте, но было в ней что-то ещё, от чего Тима чуть не стошнило. Закашлявшись, он схватил со столика серебряную ложечку и грубо спросил:

– Какая доза?

– Одна ложка.

– Тут указано: две, – ответил Тим, развернув рецепт и поднеся его к свету. Написанных слов было мало, и те, как и полагается, были начертаны едва различимым почерком, но Тиму, как ни странно, он показался знакомым. Мозг, однако, не торопился лезть в дебри памяти и разоблачать непонятное, но Андервуду это было не так уж и важно.

– Две много, – пробормотала мачеха. – От двух у меня под ночь сильно болит голова.

Тим пожал плечами, приблизился к кровати, протянул лекарство, но Малеста смогла лишь приподнять голову и то на пару секунд: в висках неистово застреляло, с губ леди Андервуд сорвался стон, и головой она вновь коснулась подушек.

Маслянистая жидкость карамельного цвета стекла в ложку. Не успела Малеста попробовать встать ещё раз, как та самая ложка оказалась прямо у неё под носом.

– Пей. Ну. – Тим звучал жёстко. – Зубы-то разжать можешь?

Малеста про себя кивнула и приоткрыла рот. Настойка, к вкусу которой она давно привыкла, обожгла горло, а запястье Тима перехватили холодные, тонкие пальцы.

– Не уходите.

Андервуд недовольно поджал губы.

– Это ведь вы, да? – Малеста говорила сбивчиво, с придыханием. – Вы сотворили со мной такое?

И пальцы другой руки принялись заново терзать несчастное покрывало, чтобы прикрыть им всё, что осталось на виду.

– Я сделал это для того, чтобы ты могла дышать. Не должен был? Хорошо, тогда давай повторим. Грохнись в обморок ещё раз – я перешагну и пойду дальше по своим делам.

– Обморок? – Малеста наморщила лоб, вспоминая. – Да-да. Я шла... нет... бежала по коридору, как у самой двери вдруг закружилась голова. Я вошла в спальню, а потом... Это вы во всём виноваты. Вы довели меня до головокружения, а теперь, получается, я должна быть вам благодарна...

Тим снова хмыкнул. Отошёл к туалетному столику, нашёл стеклянную пробку, закупорил ей бутылочку с лекарством и вытер ложку носовым платком, выуженным из вороха разбросанных по комнате вещей.

– Выходит, с какой стороны не посмотри, я всегда буду в выигрыше, а ты... – Тим обернулся. – Да не смотрю я на тебя, не смотрю, не дрожи. Вот. Чтобы тебе было спокойней.

И Тим, в пару-тройку широких шагов преодолев расстояние между туалетным столиком и кроватью, рванул несчастное покрывало на себя, хлопнул им пару раз в воздухе, распрямляя, и оно медленно и плавно осело, укрывая Малесту с головы до кончиков пальцев на ногах.

– Чего вы добиваетесь? Вы уже унизили меня достаточно, чтобы я поняла, что проиграла.

– Ты ведь хочешь, чтобы я уехал?

– Больше всего на свете. Если вам нужны деньги, но вы боитесь просить у отца, скажите мне. У меня скопилось немного, и я всё отдам, только перестаньте мучить меня и убирайтесь. От одного вашего вида мне становится дурно.

Тим нервно рассмеялся.

– Твой кошелёк тощ, но даже если там целое состояние, оно всё равно мне не интересно.

– Тогда что?

– Я скажу, но только на ушко. Вдруг за дверью подслушивают слуги, а я за день столько раз ставил тебя в неудобное положение.

– От вас другого не приходится ждать.

Малеста напряглась, стоило Тиму подойти и наклониться так близко, что его дыхание осталось у неё на щеках. И когда его губы нечаянно коснулись её шеи, по телу пошла дрожь, смешанная со страхом и волнением, и такая сильная, что в висках вновь запульсировало. Но стоило шёпоту, щекочущему мочку уха, проникнуть в сознание, как взрыв возмущения захлестнул леди Андервуд, лицо побагровело, и руки чуть не разорвали край покрывала в ключья.

– Вы... вы просто ничтожество!

Тим выпрямился.

– Стоимость вещицы всего несколько шиллингов, а ты так кипятишься. Пару минут назад ты предлагала мне всё своё состояние, а сейчас распаляешься из-за какой-то ерунды. Я мог снять её, когда ты была без сознания, но джентльмену не положено лапать бездыханную даму.

– Вы не джентльмен, вы чудовище, – прохрипела Малеста.

– Всего-то какая-то жалкая подвязка. У тебя таких десятки в комодке – я видел. Не бойся, отец пропажи не заметит, а я обещаю, что уеду из дома тотчас же.

– И больше никогда здесь не появитесь.

– Как будет угодно. Сам рваться в это место уж точно не буду.

– Будь тогда по-вашему... Возьмите.

– Взять?

– Там, в комодке. Возьмите подвязку и убирайтесь с моих глаз.

– Я не думал, что ты ещё и глухотой страдаешь. Я просил подвязку с твоей ножки. Тебе выбирать, будет это правая или левая.

– В таком случае вы получите её завтра утром. Я слишком слаба и не могу подняться, чтобы броситься исполнять вашу унижительную прихоть.

– Ну, нет, – протянул Тим, – дождь за окном становится всё тише и тише. Если за ночь он прекратится, то не успеет петух пропеть, как меня в Девонсайте не будет. Воздух здесь отравлен ядом, и каждая минута для меня – настоящее мучение. Поэтому, если у тебя нет сил, то у меня их достаточно, и, как снимать подвязки, я знаю. Делал это много раз.

С этими словами Тим в одно движение сдвинул часть покрывала в сторону, задрал юбки верхнего и нижнего платьев, провёл ладонью по шёлковому чулку и стянул заветное кружево.

– Теперь мы в расчёте.

– Паршивец, – Малеста шипела от ярости. – Вон из моей спальни! Ненавижу!

– Потише, а то слуги услышат, примчатся. И что они увидят? Ты ведь так старалась избежать позора...

– Вон.

– Я уйду, – ответил Тим, театрально поклонился и с издёвкой бросил: – Мне было приятно возобновить знакомство с вами, матушка. Надеюсь, больше мы никогда не увидимся.

Дверь за Андервудом захлопнулась уже через пять секунд. Впереди был ужин, а позади – общение, от которого только зубы сводило. Вожденная подвязка была добыта, и мараться пришлось меньше, чем Тим изначально планировал.

В отцовском доме Тима ничто больше не задерживало. Настолько не задерживало, что, остановившись на полпути к своей комнате, Андервуд заехал кулаком по стене в коридоре, заставив тем самым пошатнуться целых две гравюры, и досадливо воскликнул:

– Вот же чёрт. Совсем забыл спросить про сумасшедшую с болот. А ведь шёл именно за этим.

***шатлен** – распространённая вещь дамского гардероба, начиная со второй половины 19 века. Традиционно шатлен – это носившийся на поясе крючок с цепочками, на которые подвешивали ключи, ножницы и прочие атрибуты хозяйки дома. Чуть позже появились сумочки-шатлены, которые тоже подвешивались к поясу и в которых удобно было хранить разные мелочи, включая нюхательную соль, без которой ни одна дама не мыслила жизни.

Глава 9. Отец и сын

Способность спать крепко и сладко – неотъемлемая привилегия тех, кто не умеет мыслить быстро. Чарльз Джонатан, компетентный дворецкий поместья банкира Андервуда в Девонсайте, последний раз мыслил быстро с несколько десятков лет назад, ранней осенью, когда услышал шаги своего отца, приближающиеся к сеновалу, где он, тринадцатилетний подросток, курил свою первую трубку. С тех пор, сделав медлительность и чопорность своими неотъемлемыми чертами и главными плюсами, Джонатан всегда спал крепко. Исключение составила эта ночь. С самого утра компетентный распорядитель был не в себе и лихорадочно расхаживал по мягчайшему ковру парадной гостиной.

В большой комнате он был один, и даже горничные ещё не встали и не потянулись на кухню заваривать чай. Зато на втором этаже уже всюду шумел дверцами шкафа и ящиками комода молодой хозяин, спешно собирая саквояж и швыряя в сумку разложенное ранее по полочкам белье.

О желании Тимоти покинуть Девонсайд Джонатан узнал в четвёртом часу утра, а в пятом уже был как штык на улице, проверяя, затвердела ли дорожная каша после проливного дождя. К его удивлению дорога просохла быстро, и в воздухе не было сырости, а птичье пение обещало солнышко и тёплый денёк. Но, прежде чем будить кучера и готовить экипаж, компетентный дворецкий попробовал уговорить Тима задержаться ещё на денёк, взывая к тому, что дорогой костюм, выполосканный в болотной воде, ещё не удалось прочистить и просушить до конца, но Тим был непреклонен. Желая успеть к первому поезду, он сильно нервничал и был так раздражен, что заикаться о костюме во второй раз Джонатан не решился.

Спускающийся по лестнице Тим выглядел невыспавшимся: лицо было помято, волосы уложены без особой тщательности, лёгкая щетина проигнорирована, и даже жилет был застегнут не до конца, словно о последних пуговицах напрочь позабыли. Появляться джентльмену в таком виде на людях было недопустимо, и Джонатан был бы и рад предложить свои услуги по приведению внешнего вида в порядок, но Тим только сунул дворецкому в руки саквояж и процедил сквозь зубы:

– Лошади готовы? Мне надо уехать из этого чёртова места как можно скорее. – Получив утвердительный кивок, добавил: – Отнеси вещи, а я выйду через минуту.

– Никуда ты не поедешь, – услышали Тим и Джонатан одновременно, и оба тотчас обернулись на голос.

В дверях стоял Джейкоб Андервуд, порядком уставший, в несвежей одежде и с тростью, перепачканной в дождевой грязи. Кучер, доставивший хозяина поместья и получивший за старания щедрую плату, с нескрываемым удивлением глазел на величественный дом и ожидал, когда к нему выйдут, чтобы попросить наполнить водой прикрепленную к поясу флягу. Путь назад был неблизкий, и никогда не знаешь, где придётся застрять и в какую минуту к горлу подступит жажда.

– Отец? – Тим побледнел.

– А ты кого ожидал увидеть? – устало проворчал Джейкоб. – Одного из своих дружков? Пирсона или Сандерса?

Лорд Андервуд стянул с рук пыльные перчатки и бросил их на столик на выгнутых ножках, стоявший у стены прямо под роскошным и богатым на краски пейзажем с маками.

– Приехал всё-таки, не соврал, – хмыкнул Джейкоб. Шляпа тоже нашла место на столике, а вот трость была заботливо передана Джонатану, который, увидев хозяина, мигом отставил саквояж Тима в сторону и принялся угодать старшему Андервуду. – Зачем явился, выпытывать не стану, чтобы раньше времени сердечный приступ не схватить. Придёт время – сам сознаешься, а сейчас иди к себе в комнату и приведи себя в порядок. К завтраку чтобы явился, как подобает, а не как из кабаков вываливаешься!

При этом Джейкоб скользнул недовольным взглядом по сыну и покачал головой.

– Значит, дороги уже просохли... – протянул Тим.

– Просохли, – кивнул отец, прошёл в гостиную, упал в кресло и вытянул ноги.

– В таком случае, надеюсь, после завтрака ты позволишь мне уехать.

Джейкоб повернул голову в сторону Джонатана, давая тому понять, что он может быть свободен, а затем развернулся к сыну.

– Я смотрю, тебе здесь не очень понравилось, раз уже рвёшься обратно к своим вертихвосткам.

– А я смотрю, и ты не тосковал по дому, пока лил дождь и не было возможности вызвать кэб.

Джейкоб перехватил взгляд сына: тот смотрел в упор на воротник белоснежной сорочки, на краю которого остался легкий след то ли от румян, то ли от пудры. Кашлянув в кулак, Андервуд-старший поднялся, огляделся и, убедившись, что поблизости точно не подслушивает ни дворецкий, ни горничная, спросонья спустившаяся вниз, прошёл к винному шкафу, достал бутылку с виски, плеснул себе на дно бокала, залпом выпил, плеснул ещё. Затем наполнил второй бокал и протянул сыну:

– Поговорим?

Тим взял бокал и одним махом опрокинул виски в себя. От увиденного Джейкоб только повёл бровями, но впервые за много лет не упрекнул, а молча налил ещё.

– Когда ты приехал?

– Пятого утром.

– А должен был шестого вечером.

– Освободился раньше.

– Уже решил насчёт практики?

– В адвокатской конторе мистера Лудлоу.

Джейкоб помотал головой.

– Нет.

– Прости?

– Я сказал: нет. С первых чисел августа заступишь помощником к сэру Пикли. Сэру Фредерику Пикли.

– Это не тот Пикли, который без ума от скачек? – спросил Тим.

Скачки его тоже привлекали, но больше всего привлекали молоденькие барышни в чудных шляпках. Судя по шляпкам, фантазия у тех девиц была столь изощрённой, что у Тима текли слюнки: он и так старался не упускать из вида ни одной симпатичной девушки, а уж если они были при этом и ярыми фантазёрками...

– Тот самый, – ответил Джейкоб. – На днях ты познакомишься с ним. Мы приглашены в Аскот, и сэр Пикли будет там вместе с супругой и дочерью.

– С чего вдруг столько заботы?

– Скажем так, последние десять лет я тратил немалую сумму денег, чтобы ты мог

получить достойное образование и имел всё, что твоей душе будет угодно, включая золотые часы и членство в клубе «Сорняки». Да-да, не делай такой глупый вид, будто слышишь об этой клоаке впервые. Я всё знаю. Клуб идиотов, честное слово. Понимаю ещё, сыновья Сандерса и Пирсона недалеко от идиотов ушли, но ты-то...

– Контора сэра Пикли не так известна, как у Лудлоу, – пошёл в контракату Тим, чтобы сменить тему «Сорняков». – Чему я там научусь? Клиентские счета по конвертам раскладывать?

– И всё же ты поступишь на практику к сэру Пикли. Я обо всем договорился и даже отправил письмо мистеру Лудлоу о том, что ты отказываешься от его приглашения.

Тим подозрительно прищурился.

– Кажется, я понял... Пикли – твой школьный дружок, ведь так? И, отправляя меня к нему, ты просто хочешь, чтобы тебе доносили о каждом моём шаге, верно? Чтобы докладывали о том, что я делаю, где бываю и сколько, черт возьми, трачу?

– Ты необыкновенно проницателен, – протянул Джейкоб и потёр глаза, на которые после изрядной порции крепкого алкоголя начал наворачиваться сон. – Только не забывай, что деньги, которые ты тратишь, даю тебе я, а дохода такие «инвестиции» мне пока ещё не принесли. Ни пенни.

– Какое тебе дело до того, чем я живу? – Тим взъелся. – Восемь лет ты как-то обходился без этого. Ты вспоминал обо мне только под Рождество, а сейчас чуть ли ни надзирателя готов приставить.

– Ну, допустим, ты преувеличиваешь.

– Преувеличиваю? Моя дядя умер в прошлом месяце, а меня не известили. О его смерти я узнал вчера и то из газет!

– Так ты о старине Биготе... – Джейкоб лениво потянулся, как будто не смерть родственника обсуждалась, пусть и дальнего, а партия в бильярд. – У тебя были серьёзные экзамены, и я решил, что такая новость может навредить подготовке.

– Это же дядя Реджи...

– Ты его давно не видел. Он стал настоящим отшельником с той поры, как заполучил графский титул и замок. Но если первое время он несколько раз в год да выбирался в Девонсайд или на благотворительный ужин, то с прошлого ноября совсем в затворника превратился. Я ездил к нему зимой. Жалкое зрелище.

– От чего он умер?

Андервуд-старший равнодушно пожал плечами.

– Не имею ни малейшего понятия. Его экономка сказала, что нашла Бигота лежащим мёртвым в его спальне, прямо у зеркала. По всей видимости, сердце.

– Его адвокат уже зачитал завещание?

– Встреча была перенесена. Сейчас из всех щелей повылазили всевозможные претенденты на имущество, а так как старина Бигот несколько раз переписывал завещание, то адвокаты всех заинтересованных сторон стараются на сто раз перепроверить, что зачитано будет самое последнее волеизъявление и что не будет места подкупу и подмене бумаг.

– Может, мне перепадёт хотя бы деревянный пони? Тот, на которого я пролил кувшин дядиного пунша в детстве. – веселился Тим.

Джейкоб пропустил сказанное сыном мимо ушей.

– Интерес нашей семьи во всей этой истории представляет адвокатская контора сэра

Пикли. Того самого, которого пару минут назад ты окрестил доносчиком.

Тим стиснул зубы.

– Я уже понял, что мистера Пикли с его бумажной волокитой мне не избежать. Безумно рад, что ты дал мне об этом понять не один раз и не два. На этом можно считать разговор оконченным? Я, наконец, могу отправиться на вокзал? Поезд, знаешь ли, всегда ходит по расписанию и согласится подождать разве только королевскую особу. А я не королевская особа. Может, ты?

Тим бы ещё что-нибудь добавил, но отец вдруг с такой силой ударил кулаком по подлокотнику кресла, в котором сидел, что Тим вздрогнул.

– Перестань кривляться! Пора бы уже взяться за ум – тебе не пять лет. Хватит бездельничать и брать пример с идиотов Сандерса и Пирсона, и... как там этого третьего? Впрочем, не велика птица, чтобы я напрягал память. Я сказал, что ты никуда не поедешь, – ты никуда не поедешь. Я сказал, что на днях мы встретимся в Аскоте с сэром Пикли и его семьей, – мы встретимся. И раз я уже дал согласие на твой брак с дочерью Фредерика Пикли, Кэтрин, – ты женишься, и обсуждению моё решение не подлежит. И ещё. Попытаешься послушаться или сбежать – лишишься всего, что имеешь и что мог бы иметь в будущем.

Утренние часы – не лучшее время для серьёзных разговоров. Они хороши для размеренного потягивания крепкого чая с молоком и чтения светской хроники, но совсем не подходят для обсуждения будущего молодых отпрысков знатных и не знатных родов, у которых ещё ветер в голове, и которые любое слово родителя воспринимают только в штыки, а не во благо.

Для своих лет Тим хоть и был молод, но не на столько, чтобы ошестиниться и тут же записать отца в лютые враги. Впрочем, отец и так уже давно состоял в том списке, правда не на самой верхней строчке, поэтому причислять его к стану врагов было уже бесполезно, как и открыто бунтовать против его решения. Только шишек набьёшь и ничего не добьёшься, тем более где-то в глубине души Тим уже давно ожидал такой подставы. Только был уверен, что новостью его огорошат как минимум после выпуска из университета, а не прямо сейчас, ранним утром, в минуты, когда за окном заливисто поют птицы и через приоткрытую дверь в гостиную струится нежный аромат роз. Поэтому Тим начал издали.

– Прости, но у меня нет никаких чувств к Кэтрин Пикли. Я даже её ни разу не видел – вдруг она больна или у неё бородавка на носу.

– Вот и увидишь в Аскоте, на скачках. А чувства... – Джейкоб поправил воротник сорочки, начинавший накрахмаленностью раздражать чувствительную кожу шеи, – в них нет ни надобности, ни толка. Со временем от них не остаётся и следа, и корить тебя за их отсутствие я точно не буду.

– Конечно. – Тим второй раз за утро задержался взглядом на одежде отца, – румяна оставляют след куда заметнее, и толку от них куда больше, чем от чувств. Нарумянится девка – глядишь, не так страшна, и можно с ней даже в театр выйти.

– Вот-вот, – устало заметил Джейкоб, подняв указательный палец вверх. – Я рад, что ты схватываешь на лету.

– Твоя школа, – ответил Тим и сжал пустой бокал из-под виски с такой силой, что стекло хрустнуло и зашлось змейками, а на ладони Тима проступили капельки крови. – Ты её хоть любишь?

– Кого? – рассеянно пробормотал Джейкоб.

– Ту, из-за которой выпер меня из дома.

Андервуд-старший вздохнул так тяжело, будто половину ночи провёл, не просто качаясь в коляске, прыгающей по ухабам и рытвинам просёлочной дороги, но ещё и с мешком картофеля или свёклы на плечах.

– Между прочим, ты не горел желанием оставаться с ней под одной крышей.

Тим сглотнул и повернул ладонь к себе внутренней стороной. Кровь собиралась в тоненькие струйки и норвила вот-вот прыгнуть на дорогой ковёр.

– Зачем она тебе? Что в ней такого? Ни связей, ни состояния...

– А вот это ты верно подметил, дорогой сын: ни связей, ни состояния. Да только, понимаешь ли, когда у тебя уже есть и связи, и состояние, то больше всего на свете хочется совсем другого.

– Чего же именно?

– Хочется окружить себя красотой. Неземной красотой. Такой, от которой дыхание сводит, и которая будет принадлежать тебе одному и делать всё так, как ты просишь.

– Сдалось тебе это? Купил бы лучше пару новых картин. Они с годами станут дороже, а женская красота только увядать горазда.

– А вот тут ты не прав. Женская красота, если ей воспользоваться с умом, не только приятна для глаз, но может и выгоду принести. И горазда больше, чем то же полотно Рубенса или Брюгге. Понимаешь, на любое состояние найдётся состояние побольше; на любые связи – связи посильнее или даже законы и вдобавок к ним какой-нибудь прыщавый блюстититель, которого не подкупить. А красота... она единична. Даже королева и её дочери, уж на что богаты и властны, той красотой не обладают, а потому, видя их скучный цвет лица и жидкие волосы, их супруги тут же переводят взгляд на мою жену, и внутри них разливается такое приятное ликование, что за одну её улыбку они готовы отписать ей то или иное графство. Ну, а что принадлежит Малесте, то по заключённому между нами брачному договору принадлежит мне. И это я привёл самый простенький пример. Аудиторов и судей обсуждать не будем. Женская красота – страшное оружие, сын мой, и силён тот, кто знает, как и когда это оружие применить. Ты всё понял?

Ответа Джейкоб не получил, а потому открыл глаза, приподнял голову и огляделся. Тима в гостиной не было. Зато через некоторое время хлопнула дверь, ведущая на летнюю веранду. Джейкоб довольно хмыкнул, закрыл глаза и погрузился в лёгкую дремоту, о которой мечтал всю ночь.

Глава 10. Почтовый день

Когда Малеста проснулась, утро было в разгаре. По полу разливались лужицы солнечного света, а снаружи доносилось бодрое гроыхание тележки садовника. Погода наладилась, а, значит, ненавистный сердцу и мыслям мальчишка уехал. Тот, кто вчера спас ей жизнь, одновременно был противен во всех отношениях. И только осознание, что избалованный разгильдяй, привыкший всю жизнь выходить сухим из воды лишь благодаря связям и капиталу отца, сейчас далеко-далеко, придало сил и сделало яркое утро по-настоящему ярким.

В дверь постучали, и Малеста услышала голос Хизер. Служанка принесла хозяйке завтрак, состоявший из традиционной жидкой каши, гренок с мармеладом и травяного чая.

– Хозяин распорядился, – коротко ответила Хизер, поймав на себе вопросительный взгляд леди Андервуд. – Сказал, что вам лучше резко не вставать, а набраться сил и только потом спускаться вниз.

Хозяин? Малеста повернула голову в сторону окна и прищурилась от слепящего света.

Значит, вернулся Джейкоб. Что ж, в Девонсайте всё встало на свои места, и можно вычеркнуть из памяти последние два дня, обернувшиеся настоящим кошмаром.

– Мистер Андервуд внизу? – поинтересовалась Малеста, слегка удивившись, что возвратившийся из затянувшейся поездки супруг не поднялся к ней в комнату и не поцеловал, как часто это делал. Впрочем, часто он это делал много лет назад, а в последние годы – всё реже и реже.

Ответ служанки ошеломил.

– Какой именно, госпожа?

– Что значит, какой? – растерялась Малеста и замерла на месте, так и не просунув руки в рукава платья. На помощь замешкавшейся хозяйке пришла Хизер.

– Так ведь мистеров Андервудов у нас теперь двое, – смело рассуждала служанка. – Старший и молодой. Старший, конечно, поважнее будет, но, я слышала от Мэри, сегодня перед завтраком молодой так костерил беднягу Джонатана, что тот не выдержал и, как только хозяин отвернулся, схватил с тарелки кусок ветчины и сунул в рот.

Услышанное едва укладывалось у Малесты в голове.

– Зачем?

– Если он будет что-то жевать, то не сорвётся и не кинется возражать. А возразить, видимо, очень хотелось, раз Джонатан пошёл на такие крайние меры!

– Я не о дворецком.

– А о ком же?

– О мистере Андервуде. Зачем ему понадобилось препираться с Джонатаном? Впрочем, можешь не отвечать, я сама догадалась. Наверно, гренки были прожарены не так, как он привык, или молока в молочнике было недостаточно. Сомневаюсь, что причина может быть важнее.

– Молока точно было ровно столько, сколько нужно. И с прожаркой кухарка угадала. А хозяин возмущался по поводу каких-то лишних приборов. А уж каких – это мне неизвестно.

– Ему уже и фамильное серебро не угодило, – покачала головой Малеста. – А клялся, что утром уедет...

– Вы про молодого хозяина? – с наивностью в голосе переспросила Хизер, расставляя на

столике тарелки. – Так он уехал... Выпил две кружки чая с молоком и уехал. Даже газету читать не стал.

– Как уехал? Ты же только что говорила, что у нас два мистера Андервуда, когда я спрашивала тебя о том, что творится внизу.

– Ну, одной ногой-то он был ещё в доме, а второй – точно уехал!

– Поясни.

– Когда я поднималась к вам с подносом, молодой хозяин как раз стоял на крыльце и ждал, когда подадут лошадь.

– Лошадь? Не экипаж?

– Может, и экипаж. Я не вслушивалась. – Хизер наморщила лоб. – Да-да, точно! Это был экипаж! Теперь вспомнила.

Леди Андервуд облегчённо выдохнула, и даже бывший изначально слабым аппетит вдруг усилился.

– Будем надеяться, что он действительно покинул Девонсайд. А мой супруг? – спросила Малеста. – Он тоже внизу?

– Он отдыхает. Джонатан говорил, что мистер Андервуд провёл в дороге всю ночь и так устал, что даже ни к одному блюду толком за завтраком не притронулся. Повозил что-то там вилок по тарелке и сразу поднялся к себе. Наверняка, проспит до обеда.

– Тогда не вздумай его будить! И другим передай, чтоб не будили.

Поправив волосы и нанеся на кожу шеи и рук немного розовой воды, Малеста улыбнулась своему отражению в зеркале. Улыбка, однако, получилась какой-то неубедительной. Это была улыбка загнанной лани, измученной и истощенной, больше всего на свете желавшей оказаться где-нибудь в другом месте. Таком, где не было ни суеты, ни людского лицемерия, ни грязи в отношениях.

Неторопливый стук в дверь прогнал тоскливые мысли.

– Входите, Джонатан, – ласково позвала леди Андервуд.

Пожилого дворецкого она всегда ценила и ставила высоко; за все годы, что Малеста его знала, он не позволил себе ни одного лишнего слова, ни одного лишнего движения и ни одного сомнительного поступка. Иными словами, вёл себя как самый настоящий дворецкий, служащий у самого настоящего английского джентльмена, обладающего самой настоящей длинной-предлинной родословной, где даже собака и та была знатных кровей и с документами.

– Я всего лишь на пару минут, леди Малеста. – Джонатан прямо с порога начал с извинений. – С утра открыли дороги, и с час назад пришла почтовая карета. Привезли свежие газеты, а ещё письма.

– Все письма для фонда или что-то личное?

– Только для фонда. За две недели их накопилось больше сотни, и я хотел поинтересоваться, выделите ли вы сегодня с час-два, чтобы ответить хоть на дюжину? Если да, то я приготовлю принадлежности для письма в кабинете.

– Да. – Малеста кивнула. – Именно этим я и займусь, пока Джейкоб отдыхает.

– Хорошо. – С лёгким поклоном дворецкий принял немое распоряжение.

Благотворительность – неотъемлемая часть жизни любого англичанина, обладающего солидным состоянием и громким именем. Джейкоб Андервуд с лёгкостью входил в список тех самых состоятельных и важных для коронованного двора персон, кого время от времени приглашают на королевские благотворительные чаепития и ярмарки, и кто не только

отстёгивает на таких ярмарках и чаепитиях приличные суммы нуждающимся, но и содержит собственный фонд помощи, будь то поддержка сирот или вдов моряков, или же нечто другое, тоже полезное обществу.

Об «Алых сердцах» нередко писали в газетах. Начатый ещё первой женой Джейкоба, фонд помогал небольшим сельским школам для девочек, в которых помимо слова божьего обучали азам счёта, письму и рукоделию. После смерти леди Андервуд фонд приостановил работу: у Джейкоба совсем не оставалось ни времени, ни сил, чтобы заняться им как следует. Но Малеста согласилась возродить хорошее начинание.

Будучи не в ладах с финансами, она оставила их на попечение мужа, а сама с большим рвением занялась статьями для газет, призывавшими не обходить стороной благотворительность и с пониманием относиться к важности элементарного образования, а также перепиской с теми, кто предлагал помощь, и с теми, кто её просил. Все письма приходили на адрес регистрации фонда, то есть в город, а нанятый на полставки секретарь разбирал ежедневную корреспонденцию и отправлял всё, что требовало ответа, в Девонсайд раз в пару недель.

За несколько лет фонд так разросся, что Джейкобу стало не под силу совмещать заботы о фонде с банковской рутинной, и он нанял в помощь себе и супруге смышленного бухгалтера, который исправно вёл учёт взносов и трат и ежемесячно присылал отчёт. Отчёты были Малесте не интересны, и они прямиком попадали к Джейкобу, а тот их или утверждал, или вызывал к себе бухгалтера и просил разъяснений. Последнее случалось редко, так как нанятый помощник так славно справлялся со своими обязанностями, что подписывать присылаемые документы Джейкоб уже был готов не глядя, однако никогда этого не делал, даже если был сильно болен и с трудом разлеплял глаза.

Письменный стол к приходу Малесты был убран, перо и чернила приготовлены, а письма, требующие ответа, сложены аккуратной горкой по левую руку. После прочтения каждое распечатанное письмо отправлялось в небольшую плетёную корзинку, стоящую тут же на столе, а ответ аккуратно запечатывался и складывался в стопку, расположенную по правую руку. И с каждой задорной кукушкой, выпрыгивающей из окошка стоящих в углу напольных часов, стопка с левой стороны уменьшалась, а с правой – увеличивалась. И так продолжалось до тех пор, пока в руки Малесты не попался гладкий, иссиня-белый конверт, какими обычно пользовался Джейкоб при переписке с партнёрами банка или близкими знакомыми. «Мистеру Генри Арчибальду Сандерсу», значилось на конверте, прямо над адресом. А ниже была приписка: «От мистера Тимоти Андервуда. Девонсайд».

– Этот дрянной мальчишка преследует меня повсюду.. – пробормотала Малеста и провела рукой по лбу, ставшему слегка влажным из-за внезапной вспышки волнения. – Джонатан! – крикнула леди Андервуд.

Дворецкий не заставил себя долго ждать.

– Вы звали? – обеспокоено спросил он, появившись в дверях. – Что-то случилось? Чернила закончились, или сломалось перо?

– Среди привезённых писем было это.

Малеста показала конверт, и Джонатан, достав из кармана жилета монокль и прищурившись, взгляделся в надписи.

– А, – протянул он, – это... Это моя ошибка, леди Андервуд. Видимо, старею. Это письмо вчерашним днём написал молодой хозяин. Просил, чтобы я отправил с первой же почтовой каретой. Как оно попало к письмам с фонда – ума не приложу! Ведь точно помню,

что откладывал его в корзину для корреспонденции на отправку. Я отнесу его к корзине ещё раз. Обещаю, что теперь оно уйдёт как положено. Я с него глаз не спущу.

– Не стоит. – Малеста в который раз за солнечное утро одарила дворецкого ослепительной и мягкой улыбкой. – Я просто отложу его к тем письмам, которые уже написала в ответ на прошения. Как закончу – заберёте сразу все. Так оно точно не потеряется.

– Как вам будет угодно,, – поклонился Джонатан и исчез в темноте коридора.

Письмо в элегантном конверте перекочевало в стопку с правой стороны стола и легло поверх остальных писем.

Малеста распечатала следующее прошение. В нём говорилось об одежде для воспитанниц одной из школ поблизости, и ответить на него не составляло особого труда, но леди Андервуд вдруг отложила перо в сторону и вновь взяла в руки тот самый конверт.

Он пробыл в доме отца всего два дня и уже успел написать что-то в Лондон? Кто такой этот Генри Сандерс, которому он пишет? Такой же хам и негодяй?..

А что если так оно и есть? И некий мистер Сандерс ничем не лучше сына Джейкоба: ни в манерах, ни в привычках, ни в отношении к людям вокруг. А если это так, то о чём могут переписываться два откровенных негодяя, хоть и красивых снаружи, но гнилых внутри?.. Дрожаящими руками Малеста надорвала конверт и вытащила лист бумаги, такой же иссиня-белый, исписанный от начала до конца идеальным, летящим, словно птица, почерком.

«Дружище, Генри, – начиналось в письме, – как ты? Как Лондон? Как наши очаровательные приятельницы-хохотушки? Только не говори, что ты забросил это дело и все дни проводишь у ног кухни Кэтрин. Ведь не проводишь, так? Что касается меня, то вот уже сутки я схожу с ума в этой глухомани. Ты, наверно, сейчас смеёшься и думаешь, что я вовсю претворяю в жизнь нашу шалость и соблазняю мачеху? Не угадал! Я пытался. Честно пытался. И улыбался ей, и намекал на свой интерес, но после каждой такой попытки мне становилось так тошно, как бывает, когда весь вечер пью на голодный желудок.

Здесьняя скука сводит меня с ума. Я бы и рад чем-то заняться, да только в голову ничего не идёт. Судя по всему, покер здесь не в почёте, и вечера будут долгими и серыми. Спасти меня может только чудо, и имя тому чуду – подвязка. Вот сижу, пишу тебе это письмо, а сам всё время думаю, как бы быстрее заполучить эту никчёмнейшую вещицу и удрать обратно в Лондон, где кипит жизнь и каждый день полон событий. Но чувствую, надолго меня не хватит, и я либо возьму желаемое силой, либо плюну на всё и вернусь в город. Уж лучше кукарекать всем на посмешище, чем провести ещё один день в глуши, в компании неотёсанных слуг и безмозглой курицы, на шее которой ожерелье моей матери...»

Малеста на минуту оторвалась от письма, перевела дыхание и помахала рукой перед лицом, прогоняя волнение. Возмущение переполняло её всю, читать дальше было противно, но глаза так и тянулись к письму, и Малеста снова развернула листок и продолжила читать.

«...Утром я согрел её в своих объятиях. Ну, ты, верно, помнишь мой любимый трюк с накидкой, на который покупались все знакомые нам девицы. В ответ на мою заботу она чуть мне не врезала. А в первые же минуты нашей встречи огрела меня статуэткой по голове. Да так, что к шишке до сих пор больно прикасаться. На жалость я тоже пробовал давить, но... Не знаю, каково тебе с твоей кухней, а мне – стоит увидеть её глаза – сразу становится не по себе. И в дрожь бросает, и выворачивает, и руки трясутся... Мягко говоря, рядом с ней я чувствую себя полнейшим идиотом; выразиться сильнее не стану, иначе это наполненное

чисто дружеской любовью письмо превратится в сборник непотребных ругательств, а мне бы не хотелось портить тебе настроение, особенно если в руках у тебя сейчас отличный бренди, выуженный из отцовских погребов. Всё не пей – оставь мне немного. Встретимся – поведаю о своих мучениях в подробностях. Искренне надеюсь, что у тебя всё идёт с кулинарой гладко, и так же искренне тебе завидую. До встречи в «Сорняках», а лучше на лодочной станции в Королевском парке. Возьмём напрокат лодки и вёсла, и в этот раз я тебя точно уделаю! Обещаю! Вот теперь уже прощаюсь окончательно и откладываю перо в сторону. Твой преданный друг, Тим Андервуд. Девонсайд».

Малеста швырнула от себя письмо. Её руки и губы дрожали, и глаза ярко блестели, но причиной того блеска были вовсе не глазные капли, прописанный доктором Уотнером, а обычные слёзы, солёные и горьковатые, делающие любого человека в глазах остальных крайне беспомощным, слабым и отличным предметом насмешек и пересуд.

Нет. Не бывать этому. Малеста стиснула зубы так сильно, как только могла, чтобы перестать жалеть себя, а, наоборот, разозлиться как следует. Это чудовище не достойно проявления ни одного из её чувств, кроме презрения. И впервые Малеста всем сердцем пожалела, что Тим уехал: больше всего на свете ей сейчас хотелось, чтобы мерзкий мальчишка снова переступил порог дома, и уж она бы в этот раз церемониться с ним не стала... Не поверила бы ни одному его слову, ни одной улыбке. Не позволила бы пользоваться собой, как вещью, а...

А что бы ты сделала?

Вопрос, заданный самой себе, заставил Малесту перевести как дыхание, так и взгляд. Однотипные письма были оставлены без внимания, зато, впервые за много лет коварно прищурившись, леди Андервуд, некогда теоретически талантливая, но по меркам театральных критиков всё-таки третьесортная, актриса Жданович, пристально смотрела на книжный шкаф, заставленный тоненькими и потёртыми из-за частого прочтения, короткими, но остроумными пьесками, где обиженная жена ставит на место нерадивого муженька. Прокрутить бы только стрелки часов на двое суток назад, когда в соседней комнате Тим влезал через окно, а она сидела на диванчике, скучая от безделья, и читала ерунду на двести страниц про выдуманную любовь. Прокрутить, отложить глупый роман в сторону да вместо статуэтки врезать наглецу как следует тем самым веслом, о котором он так мечтает, пусть и взятым напрокат в Королевском парке, а у слуги, ютившемся в сторожке на выезде из Девонсайда. Лишь бы крепкое было да не сломалось раньше, чем обрушится на голову избалованного мерзавца!

Но – и тут Малеста тяжело вздохнула и приготовилась снова уткнуться в скучные письма, оставшиеся неотвеченными, – время не повернуть назад, и оставалось только негодовать и изводить себя, постоянно думая о том унижении, которое пришлось пережить. Сделать было уже ничего нельзя. Если только рассказать обо всём Джейкобу...

Нет. Не выход. Малеста точно знала, что язык у неё ни за что в жизни не повернётся поведавать о случившемся мужу. Слишком велик был позор, чтобы о нём узнал кто-то кроме неё. Но, с другой стороны, бесстыдник-мальчишка не стесняется обсуждать её со своими дружками-лентяями. Не постесняется он и похвастать завоёванным трофеем, и рассказать подробности его получения, при этом солидно приврав. Что же делать?

Малеста вцепилась руками себе в волосы и от отчаяния чуть не вырвала клоч. Ну, или чуть не испортила себе причёску. Придумывать планы возмездия и возмущаться можно было теперь вечно – ничто из гениально состряпанного не воплотится в жизнь, ведь Тим сделал

своё дело и уехал, и уже никогда не решится снова переступить порог отцовского дома.

Малеста встала и вышла из-за стола. Разгребать просьбы об атласных лентах, кружевах и гребнях для волос не было настроения. И вдвойне тяжело было читать о том, что каким-то школьницам не хватало на осень и зиму тёплых чулок. В конце концов, до первых заморозков ещё полных четыре месяца, и Малеста успеет что-нибудь сообразить, чтобы помочь воспитанницам, но сейчас лучше подышать свежим воздухом.

Залитый солнечным светом сад встретил хозяйку ароматами роз и жасмина. Безумно красивые цветы с недоумением смотрели на Малесту, искренне удивляясь, почему в такой прекрасный день её лицо чернее грозовой тучи, а руки прохладнее осеннего дождя.

Плотно переплетенные ветки разросшихся кустов странно дрогнули. Малеста смахнула последние слёзы с лица. Не дело, если трудолюбивый садовник увидит хозяйку ревушей в три ручья. Но едва леди Андервуд успела привести себя в порядок и натянуть на лицо лёгкую улыбку, чтобы выразить скоромную радость в ответ на пожелание доброго утра, как из кустов вынырнул совсем не садовник и даже не его сын, и даже не его племянник, а тот, кого Малеста совсем не желала видеть. И взгляд у леди Андервуд вмиг стал ледяной, и руки вновь похолодели, словно в саду пошёл снег.

Зелёные глаза смотрели прямо и дерзко, руки держали хлыст, а к сапогам приклеились опилки, коих много было в конюшне и рядом с ней. Неподалёку фыркнула лошадь – конюх вёл её в стойло, взяв под уздцы.

– Вы? – Малеста сделала шаг назад.

– Я, – ответили сдавленно.

– Разве вы не уехали, как обещали?

– Я собирался, но... – Зелёные глаза скользнули с лица Малесты на её волосы, а затем посмотрели через плечо. – Вы выглядите растрепанно, – произнёс Тим и добавил: – матушка.

Каков нахал, приготовилась змеёй прошипеть Малеста, но смелые прикосновения к шее и выбившимся из причёски прядям не дали и слова сказать.

– Здравствуй, дорогая. Я смотрю, вы без меня отлично поладили.

Голос и прикосновения принадлежали Джейкобу.

Возникла неловкая пауза, когда двое стоят друг против друга и мечтают о том, чтобы выговориться, пусть даже и бросая в лицо друг другу отнюдь не комплименты, но им мешает третий, который находится рядом и о том, что именно он и есть тот самый «третий лишний», совсем не подозревает.

Рука Джейкоба скользнула с шеи и плеч Малесты ей на талию и осталась там. Едва уловимо даже для наблюдательного взгляда Тим проследил за этим движением и скептически хмыкнул, вспомнив о следе на воротнике.

– Я рад, что ты покончил с вечным и глупым упрямством и начал вести себя подобающим образом, – произнёс Джейкоб.

Тим развёл руками.

– Ты загнал меня в тупик. Признаюсь, после нашего столь раннего разговора мне очень хотелось броситься догонять поезд, но я предпочёл выместить злость на лошади. Загнал бедную так, что отходить будет долго.

Андервуд-старший беззвучно пошевелил губами. Лошадь было жалко, но это была меньшая забота по сравнению с теми, которые предстояли, если с помолвкой сына всё сложится.

– В двадцать лет уже пора начать дружить с головой, а не с отбросами из «Сорняков», – ещё немного поворчал Джейкоб, но то ли солнечная погода не располагала к дальнейшим выговорам сыну, то ли Джейкоб просто выспался, но выглядел он довольным и быстро и без малейшего колебания перескочил на занимающую все его мысли тему. – Мы приглашены в Аскот в следующий четверг...

Тим делано закатил глаза.

– Зачем повторять? Я уже имел удовольствие это услышать.

Зато Малеста внезапно забеспокоилась и впервые за те минуты, что все трое стояли в саду среди пышущих красотой роз, повернула голову в сторону мужа и недоуменно уточнила:

– Аскот?

– Ты не ослышалась. Именно Аскот. У меня не было возможности объявить тебе об этом утром: ты долго спала и не спустилась к завтраку.

– Мне... – начала было Малеста.

В памяти опять всколыхнулись обжигающим пламенем воспоминания о вчерашнем кошмаре. Ослабленный корсет, расстёгнутое платье, та самая подвязка... И все мысли в голове мигом спугались, а ведь Малеста просто собиралась сказать, что ей с вечера и всю ночь нездоровилось. В который раз.

– Я сообщил отцу, что вам было плохо, – неожиданно пришёл на помощь Тим, и Малеста затаила дыхание. Ей очень хотелось надеяться, что её слабость – единственное, о чём этот мальчишка доложил Джейкобу.

Малеста снова посмотрела на мужа. На этот раз украдкой. Нет, в его глазах не было ни толики гнева, ни капли презрения. Джейкоб ничего не знал о её позоре. Мальчишка не проболтался, и Малеста выдохнула.

– Ты же знаешь, я равнодушна к скачкам. С твоего позволения я останусь дома.

Терпеть надменного нахала ещё и на публике было выше её сил. А нахал незамедлительно вмешался в разговор, словно свои мысли мачеха произнесла вслух, и его слова зазвучали столь естественно и непринуждённо, что Малеста, не зная она всех красок его притворства, точно поверила бы:

– Как же так? Мы только нашли с вами общий язык, и вы... Без вас нам будет скучно.

Малеста перевела взгляд с мужа на хлыст, который Тим так крепко сжимал в руке, что было видно набухшие под кожей вены. Желание вырвать тот хлыст из его рук и отомстить за себя было велико, но... одного удара этому мерзавцу однозначно будет мало. И, подумав так, леди Андервуд гордо подняла голову, словно после десяти лет паузы вновь вышла на сцену в роли той самой уверенной в себе королевы, в которой всегда была неподражаема, и приняла вызов.

– Я поеду. С удовольствием отвлекусь от повседневных дел и даже сделаю ставку на одну из лошадей.

Джейкоб не скрывал удивления от услышанного.

– Я думал, тебя придётся уговаривать часами. Готовился.

– Зачем же меня уговаривать? Давно хотела посетить именно скачки, но никак не находила повода тебе об этом сказать.

– Вот как.

– Только все мои шляпки устарели. Ни одна не подойдёт к тому платью, которое ты привез мне в начале весны. Придётся на днях ехать в Девон.

– Я не возражаю. Возьми с собой Хизер. Будет, с кем поболтать и кому таскать коробки.

– У меня есть предложение получше, – решительно ответила мужу Малеста и оценивающе оглядела стоящего напротив Тима. Тот в ответ подозрительно прищурился: глаза мачехи коварно блестели, и это шло в разительный контраст с той робостью и той неловкостью, к которым Тим привык и при виде которых презрительно кривил губы.

Джейкоб удивился второй раз за утро.

– Я тебя сегодня не узнаю, – протянул он. – Что за предложение?

– Я бы предпочла взять с собой не Хизер, а Тимоти. Если, конечно, ни ты, ни он не против.

– Таскать дамские шляпки?

– Как ты мог такое подумать?! Ни в коем случае! Скачки в Аскоте – мероприятие серьёзное. Сомневаюсь, что в том саквояже, с каким приехал твой сын, лежит что-то, что можно надеть и при этом не опозориться. Не в этом же клетчатом жилете он там появится! Своим видом он распушает всех твоих знакомых.

Теперь Тима оценивающе оглядывал уже Джейкоб.

– Прекрасный жилет, – пожал плечами Тим. – Сойдёт, чтобы предстать перед занудой Пикли.

Джейкоб чуть не поперхнулся от возмущения.

– Чтобы больше такого о Пикли я не слышал! А твоя мачеха права: в таком виде не связи заводить, а чучелом посреди поля стоять. Поедешь в Девон, к мистеру Хиггинсу, в его лавку готового платья. Я черкну ему пару строк, и он подберёт тебе фрак по размеру. Заодно и какие надо коробки до экипажа донести поможешь.

– С коробками пусть горбатится кучер, – фыркнул Тим.

– С этим вы уже сами разберётесь, – буркнул Джейкоб и, убрав руку с талии жены, пошёл в направлении дома.

Стоило отцу скрыться за плотными тисами, стоявшими в том месте, где кончались розы и начиналась выложенная мелким камнем дорожка, как Тим тут же схватил Малесту за руку, не дав мачехе и шага ступить. Цепкие пальцы с силой впелись в нежную кожу, оставляя на ней небольшие синяки.

– Пустите. Если Джейкоб увидит, вам несдобровать!

– Что это ты удумала?

– При отце вы вели себя по-другому.

– Ты тоже лукавила. Я слышал, вы с отцом годами никуда не вылезаете вместе. С чего сейчас такая прыть? Аскот, Девон...

– Вы сами изволили заметить, что без меня вам в Аскоте будет скучно.

– А Девон? Туда тоже тащишь меня, чтобы я не помер со скуки?

– Вы уже слышали причину, по которой завтра едете со мной.

– Подавать шляпки? Собачонку из меня хочешь сделать?

– Ваш костюм, в котором вы свалились в болото, починке уже не подлежит. То, что на вас сейчас, пойдёт только, чтобы к престарелой миссис Мерит с визитом наведаться. Ну, или к монашкам. Вас как минимум надо приодеть, а как максимум ещё подучить манерам, потому что в столовом серебре вы, может, и разбираетесь, а вот с людьми беседовать совсем не умеете. Опозорите отца – лишитесь средств к существованию и опять будете винить во всём меня, вместо того чтобы посмотретья в зеркало.

От неожиданного выпада в свой адрес Тим выпустил руку мачехи. Та этим тут же воспользовалась и скорым шагом пошла к дому. Белокурая прядь, ранее поправленная

Джейкобом, снова выбилась из причёски, а к ней добавились ещё две. Решив, что поправит всё в своей спальне, Малеста открыла дверь и почти с порога услышала:

– Ты и впрямь плохо выглядишь. Когда Тим велел Хизер отнести завтрак тебе наверх, я было подумал, что он опять взялся за старое... Опять будет всячески избегать твоего общества и начнёт изводить меня этим прямо с утра. И я был сильно удивлён, узнав, что всё дело в твоей слабости.

Так служанка пришла по распоряжению мальчишки? Не Джейкоба? Так вот, значит, кого имела в виду Хизер, когда говорила, что хозяин распорядился прежде набраться сил и только потом спускаться вниз.

Малеста вяло улыбнулась. Улыбнулась не столько своим мыслям, сколько тому, с каким равнодушием Джейкоб взял со столика свежую газету, бухнулся с ней в кресло у окна и раскрыл в аккурат посередине.

– Ты заблуждаешься. Своего отношения Тим ко мне не поменял. И моя слабость – лишь предлог, чтобы сыграть перед тобой исправившегося сына.

– Я всё же думаю, он изменился, – пробубнил Джейкоб, окончательно погружаясь в ворох последних светских сплетен.

– Он столько лет меня избегал и вдруг в одночасье стал проявлять заботу? Не смей меня. Это был не более чем фарс!

– Фарс, драма... Бросай свои актёрские замашки, они тебе не к лицу.

– Но ведь это правда!

– Фарс там был или не фарс – не знаю. Но ругался Тим из-за лишнего прибора с Джонатаном знатно! Я и не думал, что у моего сына такой богатый запас слов!

– Я уже слышала от Хизер, что ему чем-то не угодил столовый сервиз...

Джейкоб посмотрел на жену поверх газеты.

– Ты о чём?

– Я о том, что твой сын разыграл перед тобой целую комедию, а ты купился! Он ничуть не изменился и ненавидит меня так же, как и раньше. Он всё здесь ненавидит! Даже с Джонатаном сцепился из-за каких-то тарелок.

– Я же сказал, что Тим вспылал, потому что стол был накрыт на троих. Он посчитал, что Джонатан плохо следит за домом, раз о здоровье больной хозяйки до сих пор не справились и ожидают, что она вдруг спустится и присоединится к завтраку.

– Совсем непохоже на твоего сына.

Джейкоб снова – и в этот раз с большим недовольством – отвлёкся от газеты и бросил на жену раздражённый взгляд.

– Дорогая, мне кажется, ты перебарщиваешь. Мальчик вырос и понял, что его детские принципы не стоят и ломаного гроша, и посмотрел на мир заново. И тебе пора бы тоже поумнеть и перестать видеть в моём сыне угрозу.

– Но, Джейкоб...

– Ты меня поняла? Если да, то позволь мне насладиться новостями, а сама ступай и готовься к поездке в Аскот. И насчёт Девона... Купи себе всё, что пожелаешь, о деньгах не беспокойся. Пусть всё запишут на мой счёт. Хочу, чтобы в Аскоте ты блистала и Пикли мне обзавидовался! И не стесняйся просить Тима помочь. В конце концов, я даже рад, что он с тобой поедет. Около лавки шляпницы всегда водится много сомнительных незнакомцев, поэтому от Тима точно будет больше проку, чем от твоей лупоглазой Хизер.

И на этой вялой нотке ревности Джейкоб снова нырнул носом в газету, и ничто более

уже не могло оторвать его от скандальных и не очень новостей.

Глава 11. Шляпки и чаепитие

Шляпных дел мастерица миссис Кроу* и впрямь походила на ворону. Её чёрные волосы были собраны в тугий, строгий пучок, крепящийся на затылке сразу пятью невидимыми шпильками, а вытянутый нос, сильно похожий на клюв, то и дело нырял то в одну корзинку с шёлковыми бантами, то в другую – с перламутровыми бусинами, выбирая для новой шляпки украшение посимпатичнее и помоднее. А такие же чёрные, как и волосы, глаза внимательно следили за каждым шиллингом, которым расплачивались небогатые и незнатные дамы, тоже желавшие приобрести шляпку наравне с дамами из высшего общества, но экономившие каждый пенни, а потому расстававшиеся с деньгами крайне неохотно.

Малесту Андервуд миссис Кроу знала и, завидев ту на пороге своего заведения, сразу отложила в сторону новый головной убор, над которым трудилась не разгибая спины с самого утра. Одарив состоятельную посетительницу заискивающей улыбкой, тут же бросила недоумённый взгляд на молодого человека, показавшегося из-за спины леди Андервуд, и скользнула ладонями по чепчику на голове и по платью, проверяя, всё ли в порядке, не слезло ли чего набекрень и не задралось ли где неприглядно кружево.

Экипаж Джейкоба Андервуда остановился прямо по центру главной площади Девона – небольшого городка, в котором из всех радостей были только модные салоны и лавки сладостей. Стоило же чуть завернуть за красивый фасад, так сразу глянца как не бывало, и видишь перед собой лишь узкую, полную песка, улочку, по которой вольно бродят и разгребают лапами землю в поисках тощих червячков куры.

Лавка готового мужского платья мистера Хиггинса тоже находилась на центральной площади, но только кучер, привезший Малесту и Тима в Девон, заикнулся о готовности проводить туда молодого хозяина, как Малеста гневно цыкнула на него, вытащила из привязанного к поясу атласного мешочка сложенный вчетверо листок, сунула его кучеру в руку и велела идти в лавку мистера Чаттерсона и не возвращаться, покуда корзины не будут наполнены строго по списку. Кучер спорить не смел, закивал и спешно потопал в направлении лавки того самого мистера Чаттерсона, рядом с которой находилась одна захудалая аптекарская контора. Микстур и мазей в ней хороших было не достать, зато всем посетителям охотно наливалась рюмка-другая крепкой анисовой настойки, и стояла та настойка считанные гроши.

Тим зашёл в салон миссис Кроу с видом неохотным. Его губы были церемонно поджаты, взгляд холоден и даже презрителен, а на его лице не было даже тени той показной приветливой вежливости, которая присуща всем джентльменам и леди на людях, и которую они с легкостью скидывают, стоит им оказаться вдали об общества.

Встав у окна и оперевшись на отцовскую трость, Тим с равнодушием смотрел на то, как мачеха и хозяйка салона обмениваются приветственными поцелуями в щёку, как обнимаются и как громко шумят, обсуждая то недавнюю грозу, то завезённый неделю назад из Лондона фетр. Дамские дела Тиму были неинтересны, и он с мученическим видом отсчитывал про себя секунды, складывая те в минуты, и ждал, когда же пытка закончится и он сможет вернуться домой. Впрочем, в Девонсайте тоже ничего не радовало, поэтому, осознав, что по сути менять придётся шило на мыло, Тим всё-таки повернул голову в сторону рабочего стола миссис Кроу, заваленного лентами и искусственными цветами, и скользнул взглядом привередливого критика по готовым головным уборам.

– Кто это? – услышал он внезапно заговорщицкий шёпот по левую руку. Там, за слоями тканей, наброшенных друг на друга, начиналась потайная комнатка, где две помощницы хозяйки трудились над шляпками, что были в разы скромнее и дешевле.

– Откуда я знаю? Первый раз вижу его в Девоне.

– Экий фронт! Таких в наших краях я не встречала.

– Много ты людей вокруг видишь! Ты и иголку на столе едва разглядишь. Он приехал с миссис Андервуд. Значит, из Девонсайда.

– Но на мистера Андервуда он не похож. Я видела того раз десять – ничего общего! Тот ниже ростом да и стар уже. И седой на висках.

– Этот точно не седой.

– Вот-вот. У этого не то чтобы ни одного седого волоска – морщинки не найти! А у того весь лоб испещрён.

– Точно! Этот такой хорошенький!

– А как он подставил согнутую в локте руку миссис Андервуд! Ты видела?

– Это было так прекрасно...

Тим хмыкнул. Он действительно взял мачеху под руку, стоило им обоим выйти из экипажа, но лишь потому, что та как бы невзначай заметила, что в душе он может питать к ней какие угодно чувства, но на людях обязан быть учтивым, иначе она расскажет Джейкобу о его выходке с подвязкой. Так как за последние годы репутация Андервуда-младшего была запятнана дальше некуда, Тим не сомневался, что отец скорее поверит жене, чем сыну, поэтому временно (пока не придумано достойного ответа) предпочёл смириться с тем, как по-свойски затянута в кружевную перчатку рука мачехи легла на его руку, а от светлых волос и шеи заструился такой сладкий цветочный аромат, что у Тима приятно защекотало в носу.

– Вот что я тебе скажу. – Тим продолжал подслушивать. – Так руку подставляют не все мужчины, а только те, кто к своей спутнице равнодушен.

От неожиданного заявления Тим поперхнулся слюной и закашлял. Да так сильно, что миссис Кроу, нахваливающая перед Малестой ленты фиштакшоваго цвета, на секунду отвлеклась от своего занятия и покосилась в сторону молодого человека. Тим кашлянул ещё раз и вновь нацепил на лицо равнодушно-скучающую маску.

– Как же он может быть к миссис Андервуд равнодушен? – Швей не прекращали шептаться. – Она же замужем.

– Как-как? – Голос был ворчлив донельзя. – Сердцу не прикажешь, а любовь не спрашивает, давал кто клятву в церкви или нет. А раз мужем её он быть не может, значит, он – её любовник!

Тим снова едва не сорвался на кашель, но в этот раз всё же сдержался.

– Да ну?

– Вот тебе и «да ну». Ты погляди на него. Обычно мужчины не заходят вслед за дамами в наш салон, а предпочитают переждать в питейной мистера Кларка, а этот не просто зашёл, а ввалился уверенной поступью. А потом как застыл на месте, словно прилип к нему и ничем не сдвинешь, да ещё вид сделал такой, как будто ему всё равно, а на самом деле уши наострил и слушает, о чём миссис Андервуд болтает с миссис Кроу.

В этот раз правда была на стороне мастериц: Тим действительно внимал каждому слову двух дам, только то были совсем не мачеха и не популярная в Девоне шляпница, а две сплетницы-рукодельницы, ни лиц, ни имён которых он не знал. А жаркое обсуждение тем

временем становилось ещё жарче.

– Да не любовник он её. Не верю.

– А кто тогда? Зачем появился за ней в салон? Говорю тебе: он к ней равнодушен и сильно.

– Ей сколько лет? Давно за тридцать. А этот совсем молоденький. Не старше моего брата.

– И это ещё раз доказывает, что он в ней души не чает. Сама подумай, она – дама с опытом, а ему, видимо, как раз такие и нравятся. К тому же она – дама с деньгами, а по этому видно, что не шибко богат, хоть и франтом вырядился. Уж у меня-то глаз намётан! Уж меня-то не проведёшь! Глянь, какой у него жилет под пиджаком. Совсем не идёт к костюму. Вразнобой всё приобреталось.

– А трость?

– А трость в наше время из любой деревяшки можно сообразить.

– Но та выглядит очень солидной.

– Это просто свет так падает. А так... палка и палка.

– И всё-таки мне не верится.

– Только ослеплённые любовью юноши готовы променять питейное заведение на унизительное пребывание в лавке дамских безделушек.

– Так уж и унизительное.

– Для них – унизительное. Я слышала от одной клиентки, что её муж скорее пройдёт по городу без шляпы, чем ступит хоть одной ногой в салон дамского платья.

– Без шляпы? – Тим услышал неодобрительные ахи и охи. – Какой позор!

– Вот и я о том же. Теперь представь себе: молодой и симпатичный джентльмен, с наивным румянцем на щеках и губами, похожими на лепестки роз, переминается с ноги на ногу в шляпной мастерской. А всё почему? Да потому что не может глаз отвести от своей возлюбленной, пусть та и на два десятка лет старше!

– Меньше! Полтора десятка! Хотя точно утверждать не берусь.

– Какая разница? Ему девушек мало вокруг, что он на старуху заглядывается? Вот я, например, чем хуже?

– Сказала тоже. У тебя никогда не было и не будет того шарма, какой есть у миссис Андервуд.

– А у миссис Андервуд нет моей молодости, но за мной всё равно никто не бегаёт собачонкой с преданным взглядом, а за ней бегаёт! А ведь она давно замужем! Какая несправедливость!

Слова про собачонку были последней каплей. Тим не выдержал, крепко перехватил пальцами трость и уже собрался чуть ли ни со всей силы толкнуть от себя входную дверь, как та вдруг сама распахнулась, колокольчик зазвенел, и в салон миссис Кроу, тяжело дыша, ввалилась пожилая женщина. От её платья и шали несло табаком, а серая шляпка на голове уже так сильно износилась, что скорее напоминала мышь, зарывшуюся в седых волосах, чем головной убор. Идти старой женщине помогал такой же старый слуга. Он трепетно поддерживал хозяйку за локоть, а та время от времени била его шёлковым веером по затылку или плечу, когда тот вдруг по неуклюжести наступал на подол её платья или слишком сильно сжимал её руку.

– Миссис Мерит! – воскликнула миссис Кроу и протянула вперёд руки, желая по-свойски обнять пожилую даму, которая мало того что являлась самой старой жительницей в

округе, так была ещё и самой старой клиенткой шляпного салона, крайне требовательной и чрезмерно строптивой.

– Посторонитесь, юноша, – проворчала миссис Мерит выросшему на её пути Тиму. А чтобы тот скорее сделал шаг обратно к окну, ткнула Андервуда-младшего всё тем же веером в грудь. – Какая бесцеремонная нынче молодёжь! Старому человеку пройти не дают. Норовят сами первыми везде протиснуться. И не возражайте, юноша! Вижу, уже собрались выкручиваться. Со мной не выйдет. И мне, кстати, сильно знакомо ваше лицо. Я с вашим отцом случайно не пила чай в прошлое воскресенье! Ну да неважно, пила или не пила. Явно это не доставило мне удовольствия, раз не помню... Посторонитесь. Ещё. Ещё один шаг... Бог мой, как она обворожительна!

Растерявшийся Тим проследил за взглядом пожилой дамы и... обомлел.

Если бы солнце решило заглянуть в шляпную мастерскую, то тут же скуксилось бы и убралось за облака, потому что ни одним своим лучом не было столь ослепительно, как женщина, стоявшая у витрины, уставленной товаром на любой вкус и цвет, и примерявшая самую обычную шляпку, коих Тим в своей жизни видел тысячи. Если бы на столе, кроме тканей, бусин, пёстрых лент и скорых зарисовок новых фасонов будущих шляп, лежали ещё и свежесрезанные розы, то, сколь бы роскошны они ни были, в тот же миг поникли и скукожились бы, отдав первенство той, что задумчиво завязывала ленточку под подбородком и, когда с игривым бантом было покончено, голосом мелодичным и нежным, как весенние цветы, робко высунувшиеся из-под талого снега, незатейливо и без какого-либо напускного кокетства спросила:

– Как вам?

Отличная возможность съязвить, прикопаться хотя бы к искусственным макам, которые Тим недолюбливал, но почему-то в горле резко пересохло, дыхание стало неровным и ни одна колкая шутка в голову не шла. А ведь за ними в карман Тим никогда не лез. Но ни одно слово не сорвалось с его губ, и даже маки на шляпке на мгновение перестали раздражать, хотя раньше при виде этих ярких цветов на лугу Тим всегда морщился.

– Прелестно, дорогая! – абсолютно и бесповоротно игнорируя хозяйку салона, воскликнула миссис Мерит и направилась к Малесте, на ходу снимая перчатки. – Как я рада вас видеть! Ехала сюда, чуть не уснула по дороге, думала, весь день придётся провести в компании Уила. – Миссис Мерит кивнула на слугу, замершему у порога и загоротившему сутулой спиной дверь так, что теперь уж точно единственным выходом из салона был выход через окно, а через окно, как известно, джентльмены не ходят. – А тут такая радость в виде вашего милого личика! Вам очень идёт эта шляпка! Берите, не раздумывая. Сама бы взяла, будь я помоложе и так же красива, как вы.

Опустившись на стул, который ей заботливо поднесла одна из помощниц миссис Кроу, вынырнувшая из-под занавески и прыснувшая в кулак при виде застывшего на месте Тима, миссис Мерит продолжала восхищаться всем вместе: и чудесной шляпкой, и воздушной вуалью, которую к той шляпке захотела прикрепить Малеста, и даже погодой, которая на удивление была непривычно хороша. А Тим так и стоял, не сводя взгляда с треклятых маков, и ему казалось, что этих цветов принесли в мастерскую целую охапку, так сильно вдруг помутнело перед глазами и шея вспотела под элегантным белым платком, как обычно потеет, стоит Тиму много выпить или же просто надыхаться цветочными ароматами, с которыми не брезговали перебарщивать девицы мадам Лека. Из задумчивого состояния Тима вывел слуга миссис Мерит. Тяжело вздохнув, он бросил на Андервуда-младшего

тоскливый взгляд и с зевотой (неужели, тоже маки подействовали?) протянул:

– Теперь ждать чуть ли ни до вечера... Тоже за хозяйкой по лавкам таскаешься?

Тим вскинул брови.

– Простите?

– Я говорю, тоже бегаешь по суконщикам да башмачникам, вместо того чтобы с мужиками по-мужски в питейной время скоротать? Значит, не один я такой. Тяжела наша участь. Ой, тяжела.

– Простите, это вы мне?

– Тебе-тебе, кому ж ещё?

– Вы в своём уме, если так ко мне обращаетесь? Я сын хозяина Девонсайда.

Слуга выпучил глаза, прикрыл рот ладонью и, глотая слова, забормотал:

– Простите ради бога, сэ. Вот я дурак! Как мог вас за слугу принять с такой-то тростью? А всему виной моё зрение. С годами совсем стало слабое. Бывает, в питейной пива нальют – всё вижу, а как за выпивку платить – так хоть убей! Ни одной монеты, что лежат в кармане, разглядеть не могу. Всё перед глазами плывёт и в одну кашу сливается. Даже подаренный миссис Мерит окуляр не помогает! Увидел вас тут с леди Малестой и принял за её сопровождающего. Одна-то она никогда никуда не ездит.

Тим усмехнулся. Действительно! За кого ещё его можно принять? Любовником обозвали – дело за слугой. А помощник миссис Мерит не умолкал:

– Это хорошо, что в этот раз вы с леди Малестой приехали, а не Хизер. Обычно она повсюду за миссис Андервуд таскается, но, скажу вам честно, случись чего с вашей мачехой, так Хизер не справится. Руками махать начнёт, кричать, звать на помощь, а всего-то надо нюхательную соль к носу поднести да порошок в водичке развести. Поэтому рядом с леди Малестой должен быть человек твёрдый, уверенный в себе, сильный и не поддающийся панике. Вот как вы, например. Или как я. Только у меня уже зрение совсем того – могу вместо нужного порошка ненужный насыпать.

– Это всё очень занимательно, но позвольте мне пройти.

– Конечно, сэ. Только найду, в какой стороне дверь открывается. Совсем ослеп что-то. Как крот.

– Да вот же. Подвиньтесь вправо.

– Сейчас, сэ. – Слуга так переволновался, что даже забыл, в какой стороне право, а в какой – лево.

– Не испытывайте моего терпения.

– И не думал.

– Тимоти!

– Ко мне следует обращаться «мистер Андервуд».

– Знаю, сэ.

– Тогда какой я вам, к чёрту, Тимоти?

– Так это не я вас позвал.

Тим недоуменно заморгал. А ведь слуга был прав: голос, с пару секунд назад назвавший его имя, был звонким и приятным, как ручей по весне, а не скрипучим и унылым. Что на него нашло, что толстокожему слону он приписал птичью трель? А что на него нашло два дня назад, когда, распивая отцовский бренди двадцатипятилетней выдержки, он потом пытался убедить дворецкого, что был не один, а с какой-то нищенкой по имени Бетси? Чёрт, опять вспомнилось! Бетси, Бетси...

– Тимоти!

Нехотя обернувшись и напустив на лицо привычное равнодушие, стараясь не встречаться взглядом с обволакивающими рассудок маками, Тим небрежно посмотрел в сторону мачехи, всем своим видом давая понять, что чересчур торопится, чтобы отвлекаться на чепуху, но всё же надеется, что чепухой то, ради чего его окликнули, не окажется. Однако мачехе было абсолютно всё равно, задыхается ли Тим от одного только вида алых цветов или же причина его волнения в чём-то другом. Безразлично ей было и то, что Тим ослабил платок на шее и сделал это в присутствии сразу трёх дам, не считая двух помощниц. Не задело её и то, что один конец того платка был вытянут из-под жилета и теперь безобразно свисал, дотягиваясь чуть ли ни до второй пуговицы. Всё это Малестой напрочь игнорировалось, зато с несказанным оживлением она без умолку о чём-то говорила миссис Мерит, и только спустя минуту Тим вдруг понял, что этим чем-то был он сам.

– Сын Джейкоба? – с изумлением спросила миссис Мерит и жестом домоправительницы, которую слушались и которой не перечили ни в чём, поманила к себе Тима. – И как я сразу не узнала? Малеста, душечка, вы должны были сразу поставить меня на место! Ведь я так бесцеремонно с ним обошлась! Вылитый Джейкоб. Такой же волевой подбородок, такой же упрямый лоб. Только глазами в мать пошёл. Нравом и лицом она была чудесна, хоть и проста. Столь же чудесна, как вы, душечка. – Миссис Мерит обернулась к Малесте. – И столь же проста, как Элизабет... – И на этих словах миссис Мерит поникла.

– Всё никак не забудете Элизабет? – вставила миссис Кроу. Она была до сих пор обижена, что так и не удостоилась должного приветственного внимания, но обиды не выказывала и была занята тем, что укладывала в коробку шляпку с маками.

– Она чудесно готовила имбирный кекс.

– Прекрасная была работница, – подхватила шляпница. – С весёлым нравом и озорными веснушками. Один раз я угощалась её миндальным пирогом... Бесподобно!

– Миндальный был неплох, но вот имбирный...

– У меня есть примерно такой же. Не желаете отведать?

Миссис Мерит желала, так как путь из «Золотых буков» до Девона для пожилой леди был утомителен, особенно в жаркую погоду, и чашка чая в компании вкусного десерта никогда не казалась лишней.

Чаепитие было обставлено со всей торжественностью. По сигналу миссис Кроу две её помощницы вынырнули из-за разделявших комнаты портьер и принесли подносы с двумя чайниками, заварочным и для кипятка, чашками, сахарницей, сливочником, тонкими ломтиками лимона и салфетками. Поставив на стол посуду, поспешили за сладостями и быстро вернулись, нагруженные выпечкой, среди которой был роскошный кекс с тмином, о котором в Девоне слагали легенды и полакомиться которым можно было только у миссис Кроу, после того как сделаешь большой заказ на крупную сумму. Пропитанный бренди, кекс пах мускатом и имбирём, а добавленные в тесто изюм и цукаты окончательно делали его незабываемым и заставляли приходить к миссис Кроу за шляпками ещё и ещё раз.

Насладиться размеренным чаепитием в этот раз, правда, удалось не в полной мере: миссис Мерит заняла за столом столько места, что его с лихвой хватило бы человека на три, но всем присутствующим пришлось из вежливости и молча пойти на поводу у пожилой дамы, возможно, уже слегка свихнувшейся. Ютясь на свободных местах, каждый про себя обрадовался, что тех хватило в аккурат на нужное количество персон и никому не пришлось чаёвничать стоя или вдыхать запах табака, разреши миссис Мерит пристроиться к себе

поближе. Хотя Тим и рад был бы оставить компанию: по его левую руку села Малеста, и аромат её духов, лёгкий, как облако, с нотками ванили и жасмина, вновь заставил сердце непонятно биться, а шею – потеть так, что Тим уже почти вскочил, но вдруг мачеха незаметно для всех положила ему на колено руку и слегка надавила пальцами, тем самым напоминая, что они находятся в обществе и приличия надо соблюдать. Пришлось, сославшись на слишком горячий чай, снова ослабить платок на шее. Увидев такое во второй раз за день, миссис Мерит неодобрительно покачала головой, но ничего не сказала, зато про себя отметила, что обязательно выскажет всё Джейкобу Андервуду, когда встретит его в Девоне. Если встретит...

Первая чашка была передана миссис Мерит, вторая – Малесте, затем – Тиму, и даже пожилого слугу не обошли стороной и тоже подозвали к общему столу, заставив, правда, потом отсесть к окну, потому что своей нескончаемой зевотой он всех сильно смущал.

– Очень недурно, – причмокивая и вытирая салфеткой крошки с губ, сказала миссис Мерит и взглядом приказала девчонке-помощнице положить ей на тарелку ещё один кусок кекса.

– Не хуже, чем у Элизабет!

– Не хуже, но и не лучше. Элизабет в приготовлении сладостей была чудо как хороша. За это, а, впрочем, и за многие другие качества, я к ней всем сердцем прониклась. Намеревалась заменить ей мать. Мечтала, чтобы перед ней открылись новые возможности, и так рада была, когда она объявила о помолвке с этим... как его...

– Мистером Хиггинсом, – пришла на помощь миссис Кроу.

– Точно! Он, кстати, ещё не разорился?

– Его магазин мужского платья процветает.

– Вот как? Хм. А я-то думала, что он осёл, каких мало, после того как он продал земли к западу от Милтон-парка и переехал в город.

– Это он от несчастной любви так поступил. Любовь, знаете ли, многих людей делает совершеннейшими глупцами.

– Вот уж верно. Ведь я помню его очаровательнейшим молодым человеком, и он составил бы счастье Элизабет. Но вместо того чтобы выйти за него, она бежала с этим... с этим беспутным мерзавцем! – Голос миссис Мерит завибрировал. Никто не сумел бы втиснуть больше брезгливости в три коротеньких слога. – После этого я твёрдо решила ничего общего с ней не иметь, выставила из дома и отказала ей в любой помощи. Все вокруг говорят, что я женщина справедливая, но должна сказать, что после того, как Бетси показала себя такой глупой...

Чашка с чаем, которую Тим только что взял с блюдца, выпала бы из рук, если бы Тим не поспешил поставить её обратно. Костяной фарфор некультурно брякнул, а Тим, даже не извинившись, прямо спросил:

– Вы сказали: Бетси?

Миссис Мерит поморгала глазами, в которых жизни осталось ровно столько, сколько воды в усыпанной песком пустыне, и неторопливо произнесла:

– Именно, молодой человек. Мою служанку звали Бетси.

– Она умерла?

Уже не в первый раз за день миссис Мерит недовольно поджала губы.

– Если хотите знать, то я к её смерти непричастна. Всему виной её беспутство и легкомыслие! Я предупреждала, что гуляния по ночам до добра не доведут. И что же?

Скажете: я была не права? Бедный мистер Хиггинс! Он поседел на половину головы, когда узнал о её проделке. А уж когда узнал, что она упала в болото, то поседел окончательно.

– Точно, – поддакнула миссис Кроу. – Совсем седой с молодых лет. Крошка Бетси была ему так дорога...

Едва уловимо миссис Кроу посмотрела в сторону миссис Мерит, поднёсшую чашку с чаем к иссохшим губам, и добродушие на круглом лице шляпницы внезапно сменилось мятежным порицанием. Мятежный дух овладевал миссис Кроу крайне редко – привыкшая работать с требовательными клиентками, она во всём им потакала и никогда не осуждала ни словами, ни в мыслях, но сейчас она тихо взбунтовалась. Осуждающе смотрела она на пожилую леди, всецело поглощённую поглощением выпечки, и уже приготовилась произнести вслух, что бросить бедную девочку в беде было со стороны миссис Мерит дьявольским бессердечием, как миссис Мерит вдруг закончила жевать кекс, повернулась к кучке перемерянных шляп, ткнула пальцем в тёмно-синюю и сказала:

– Уложите. Беру эту и пару перчаток в тон.

– А Бетси точно умерла? – не унимался Тим, за что его колено во второй раз испытало силу пальцев мачехи.

Миссис Мерит сверкнула глазами. Любые разговоры о смерти любимой служанки утомляли её быстрее, чем чтение нудной книги.

– Мистер Андервуд, это случилось много лет назад. Даже мистер Хиггинс уже смирился с потерей Бетси. Вы-то к чему ворошите прошлое?

– Дело в том, что на днях я имел неосторожность познакомиться с ней.

– С кем? – хором произнесли все три дамы.

– С Бетси.

Миссис Кроу схватилась за веер, рывком распрямила его и принялась обмахивать себя, а заодно и побледневшую миссис Мерит, а Малеста, сообразив, что колено делу не поможет, чуть приблизилась к Тиму и шёпотом зачастила:

– Что за ерунду вы несёте? Вы когда-нибудь можете быть серьёзным? Хотя бы с людьми, к которым не питаете ненависти?

– Я не шучу, – почти не разнимая губ, ответил Тим. Вот, когда пригодилось умение, которым он раньше пользовался только для того, чтобы подсказать текст внезапно забывшему роль партнёру по спектаклю. – Я даже пил с ней.

– И почему я не удивлена?

– Тому, что я видел её?

– Тому, что вы пили.

– Если вдруг вы не осведомлены, то уже давно закончил колледж.

– Джейкоб говорил, что вы ведёте развязный образ жизни в столице. Если бы я знала, что на почве беспробудного пьянства у вас развиваются галлюцинации, я не позволила бы доктору Уотнеру так быстро покинуть Девонсайд.

– Это вам нужен доктор, матушка. Вам, а не мне. Это вы чуть что жалуетесь на мигрень, и это ваша комната завалена микстурами, а не моя.

– Вы ничего не знаете обо мне.

– А вы?

– Я?

– Вы. Вы-то что знаете обо мне?

На этих словах Тим резко повернул голову. Зелёные глаза оказались совсем рядом, и

смотрели они пристально, не ехидно, не вызывающе, с лёгкой грустью и поразительным спокойствием.

Малеста пугливо покосилась в сторону уважаемых миссис, но те были заняты, приводя себя в чувство при помощи широких вееров и хрустальных бокалов, наполненных прохладной водой, и ничему вокруг не придавали внимания.

– Достаточно, – пробормотала Малеста.

Тим фыркнул и отвернулся. Отпил остывшего чая из чашки и только сейчас вспомнил, что забыл подлить в чай сливок.

– Я этот разговор на начинал.

– Я имела в виду, что знаю о вас достаточно, чтобы вас бояться и ненавидеть.

– Ну, с ненавистью у нас взаимно. А вот с боязнью вы меня удивили.

– Вы взяли мою вещь. И ваши намерения в отношении этой вещи мне не понятны. Вы собираетесь с её помощью проводить какой-то обряд?

Последнее звучало насмешливо. Тим снова фыркнул и в этот раз неудачно, потому что получилось прямо в поднесённую к губам чашку. Чай брызнул в разные стороны, и ослабленный шейный платок, белый, как первый снег, оказался весь в мелких бледно-коричневых пятнышках.

– Чёрт.

– Не забывайте, что вы находитесь в обществе трёх дам.

– Одна из которых уже слепа на один глаз и глуха на одно ухо, – бормотал Тим, осматривая перепачканный платок, – вторая волнуется лишь о собственной выгоде и крепкое словцо клиенту всегда простит, а третья...

– А с третьей вы взяли за привычку хамить, когда вам вздумается. Но я рада, что в Девоне вы стараетесь держать себя в руках и обращаетесь ко мне, как подобает джентльмену.

– Не обольщайтесь. Мы скоро выйдем отсюда, и всё вернётся на свои места.

– Вы невозможны.

– И всё же вам придётся меня терпеть. До окончания скачек в Аскоте точно. А потом наши пути разойдутся, и, будем надеяться, я вас больше никогда не увижу.

– Я не возражаю. Только сначала верните мне то, что принадлежит мне.

– Что же это?

– Вы прекрасно знаете.

– Знаю. Просто стало интересно, хватит ли у вас смелости заявить об этом во всеуслышание.

– Захотели ещё раз меня унижить?

– А что мне ещё с вами делать?

– Мерзавец.

– Прикусите язык. Эта старуха только что повела ухом в нашу сторону. Кажется, её слух острее, чем я думал.

– Это потому что вы устроили тут балаган. Заладили про Бетси, которую никогда не видели и о которой никогда не слышали, и чуть не свели с ума несчастную миссис Мерит.

– Это была ваша затея тащить меня в шляпный магазин! Как и ваша затея сюда приехать.

– Не отрицаю. Раз нам суждено провести вместе больше дней, чем хотелось бы, то вы должны раз и навсегда уяснить: в Аскоте я не потерплю рядом с собой вульгарно одетого пугала!

– Обещаю, что оденусь по моде. Лишь бы только не по моде прошлого столетия. Уверен, именно такое в этом захолустье и продают. Как, например, та шляпка, которую вы выбрали. Кстати, она вам совсем не к лицу.

– А мне показалось, вам понравилось.

– Я хорошо притворяюсь. В этом пошёл в отца.

– Ваш отец – всеми уважаемый и благородный человек.

Тим отвлёкся от разглядывания разводов на платке и поднял глаза на мачеху. От насмешки во взгляде Малеста поёжилась.

– Это не мешает ему жить двойной жизнью.

– А вам, как истинному сыну своего отца, удаётся и это повторять.

– Вот тут вы неправы. Театр я люблю, но жить притворством вечно не собираюсь. Если кого-то ненавижу, то этот человек сразу узнаёт о моих чувствах, и ему становится страшно. Если люблю, то он становится самым счастливым на свете.

– А вы умеете любить?

– Малеста, душечка! – Миссис Мерит отдышалась и с удивлением заметила, что ахать и охать долгое время продолжала она одна. Все остальные занимались каждый своим делом: пожилой слуга, сопровождавший миссис Мерит из «Золотых букв» до Девона тихонько похрапывал, подставив лысину солнечным лучам, прорывающимся через оконное стекло, миссис Кроу прибирала разворошенную витрину, а молодой Андервуд о чём-то горячо спорил с мачехой, и оба выглядели так взволнованно и были так напряжены, что миссис Мерит тут же разволновалась не на шутку. Уж не случилось ли чего непредвиденного, пока она занималась собой? Может, разразился политический скандал, или умерла королева, или уличная собака укусила мистера Хиггинса, вышедшего из магазина на улицу, чтобы поприветствовать джентльмена, явившегося к нему на примерку? И, подумав так, миссис Мерит вздрогнула, ведь скандалы и смерти её сердце переживало легко, а вот беспризорных собак оно боялось больше всего на свете.

– Ворчливая старуха вас зовёт, – уклонился от ответа Тим.

– Что? – растерялась Малеста, совсем не заметившая, что её позвали по имени.

Развернувшись, леди Андервуд посмотрела на свою единственную в округе приятельницу таким рассеянным взглядом, словно пыталась усиленно вспомнить, что за женщина сидит напротив и как она вообще здесь оказалась.

– Я прервала вашу беседу, – начала миссис Мерит, – но только потому, что мне пора с вами прощаться. Я никогда не проводила в Девоне больше двух часов – не буду и сейчас нарушать привычку. Не поможете мне встать, душечка? А то этот болван, – миссис Мерит сердито зыркнула в сторону спящего слуги, – храпит, как стая собак на заднем дворе.

Птицей, спугнутой с садовой изгороди, Малеста сорвалась с места, но воздушное кружево на платье вдруг зацепилась за край стола, и леди Андервуд замерла на месте.

– Тимоти, – робко позвала она и уже спустя мгновенье увидела, как тот коснулся руками ленты, желая помочь. – Нет. – Малеста остановила Тима. – Платье не трогайте. С платьем разберусь сама. Лучше помогите подняться миссис Мерит.

– Стойте, где стоите, юноша, и не вздумайте ко мне приближаться! – тут же взвизгнула пожилая дама. Странно, в этот раз слух её не подвёл, впрочем, все уже давно заметили, что миссис Мерит обладала удивительным даром: прекрасно слышала всё, что ей было интересно, и была идеально глуха к тому, что интереса не составляло. – Из того, что вы болтали о Бетси, я делаю вывод, что у вас помутнение рассудка. Вас нужно срочно показать

доктору! Вдруг это заразно? Малеста, милая, отвезите его к мистеру Уотнеру да поскорее. Сына вашего супруга надо спасать!

– Я абсолютно здоров, – отрезал Тим, чем вызвал новую вспышку негодования на старом лице миссис Мерит. – Могу поклясться, что на днях в Девонсайте разговаривал с женщиной по имени Бетси, и она даже гадала мне на картах.

– В Девонсайте? – Малеста отвлеклась от кружева и повернула голову в сторону пасынка. – Почему же я ничего не знаю о её визите?

– Потому что такого не могло случиться. – Миссис Мерит поджала губы. – Мистер Андервуд был ещё совсем крошкой, когда Бетси засосало болото. Он не может знать её.

– Но я её знаю! – воскликнул Тим. – Худая, грустная, волосы собраны на затылке, серого цвета платье и тряпичная сумка через плечо, а в той сумке – карты, на которых она якобы гадает, а на самом деле несёт полную бессмыслицу.

– Мистер Андервуд, – ледяным тоном начала миссис Мерит, возмущение которой от поведения столичного баловня уже зашкаливало, – как вы смеее заявлять подобное? Если я говорю, что Бетси мертва, значит, она мертва.

– Да она живее всех живых!

– Вы обвиняете меня во лжи?

– Нет, я просто говорю, что в Девонсайте видел живой и невредимой женщину, о которой все твердят, что она утонула в болоте. И эта женщина хлестала бренди не хуже любого мужика и гадала мне на картах. Я вытащил чёртову горлицу.

– Бетси никогда не брала в руки карт, – уже не ледяным, а железным тоном отчеканила миссис Мерит. – И к выпивке была равнодушна. Я хоть и обижена до глубины души на эту чертовку и старалась всячески вычеркнуть её из памяти, но моя любовь к её выпечке всё же оказалась сильнее. Когда Бетси сбежала, я даже в её комнату никого не заселила. Всё верила, что она одумается и вернётся. Та комната до сих пор стоит пустая, и всё в ней осталось таким, каким было при жизни Элизабет. А жила она, между прочим, в разы лучше любой другой служанки. В отдельной пристройке, а не на половине со всеми слугами. И всё равно оказалась беспутной и предала меня и мою заботу о ней.

– Я знаю у вас только одну пристройку, – неожиданно вымолвила Малеста, теребившая кружево, никак не желавшее отцепляться от стола. – Ту, что в окружении кустов жасмина.

– Именно о ней я говорю, – кивнула миссис Мерит.

– Я ещё удивилась, как странно она смотрится на фоне остальных построек. А потом увидела женщину с большой холщовой сумкой в руках около двери. Внутрь она зашла так быстро, что я не успела разглядеть её лица. Вначале я подумала, что там вы, должно быть, храните садовый инвентарь, но, вероятно, то была одна из горничных, что обычно там прибираются.

– В то место не навещают горничные, – строго ответила миссис Мерит, на которую в последние минуты сыпалось столько несуразностей, что она едва успевала отбиваться. – Там уже давно не за кем прибирать, а ключ есть только у меня.

– Ключ есть только у вас? – переспросил Тим, и в этот момент миссис Мерит осознала всю странность разговора.

– Эван! – От пронзительного крика хозяйки пожилой слуга вздрогнул и проснулся. – Живо найди кучера! Мы срочно едем в «Золотые буки». А вы, – миссис Мерит окинула взглядом Малесту и Тима, – поедете вместе со мной. Я лично покажу вам, что не прячу у себя никого и ничего, кроме разве что серебряной монетки, зарытой на счастье под одним из

буков.

– Это лишнее, – принялась оправдываться Малеста, и без того вся переволновавшаяся из-за неподдающегося кружева. – Миссис Мерит, мы ни в коем случае не хотели ставить под сомнение ваши слова...

– А я бы съездил, – выдал Тим и направился к выходу. – Эван, показывайте, где в этом захолустье может ошиваться ваш кучер. Полагаю, наш тоже где-то там.

– Тимоти, стойте! – крикнула Малеста. – А как же мистер Хиггинс?

Тим на мгновение замер.

– Эван, – обратился он к слуге миссис Мерит, – ищите вашего кучера без меня. Заодно и нашего поторопите. – И, убедившись, что слуга всё понял, вернулся к мачехе.

– Тимоти, мы не можем ехать в «Буки», – твердила Малеста. – Отец не простит вам, если в Аскоте вы будете...

– ...выглядеть вульгарно одетым пугалом, – закончил за мачеху Тим. – Знаю. Но всё равно поеду. Мне претит, когда меня считают больным на голову, а на этой неделе таких людей стало на двое больше: эта ваша старая карга и этот ваш усач дворецкий. Поэтому прошу меня не останавливать. Хотите – можете поехать со мной, и я даже обещаю на время перестать язвить. – Тим хмыкнул. – А не хотите – возвращайтесь к отцу, а я всё равно сделаю по-своему.

– Я бы поехала с вами, – неожиданно ответила Малеста, – ведь миссис Мерит считает, что и я болтаю то, чего быть не может, вот только платье зацепилось за деревяшку так крепко, что, потяни я сильнее, кружево порвётся.

– Прямо так и порвётся? – Тим бросил взгляд на юбку, отвёл руку мачехи в сторону, чуть приподнял ткань и высвободил ту из плена. – Вот и всё. И не благодарите, – опередил он Малесту, с губ которой вот-вот собирались сорваться слова.

Перекинув трость из левой руки в правую, Тим быстрым шагом направился к выходу, но у дверей был бесцеремонно остановлен помощницей миссис Кроу. Румяная от робости, та протягивала Тиму коробку, обвязанную алой лентой, и мило улыбалась.

– Что это? – вздрогнул Тим.

– Шляпка для леди Андервуд, сэр, – пролепетала девчонка.

– Ах, да, – опомнился Тим, принимая коробку.

– Миссис Андервуд будет в ней бесподобна. – Девчонка не уходила, наивно крутила носом башмака и глядела в пол.

– Сколько с меня?

– Вам незачем беспокоиться, мы всё записали на счёт мистера Андервуда, как миссис Андервуд и просила.

– Тогда... Хотя я, кажется, понял.

Тим повесил трость на левую руку, которой держал коробку со шляпкой, а правой рукой нырнул в карман жилета, в котором всегда валялось несколько пенни. Девчонка вроде ничего – такой можно и два пенни на чай дать. Пусть купит себе бусы. Или брошь. Или заколку. Да хоть простенькую ленточку повязать волосы, лишь бы... Лишь бы хоть один пенни нашёлся в кармане. А в кармане было пусто.

«Чёрт бы побрал эту Еву», вспомнил Тим о горничной Девонсайда, на подкуп которой истратил всю мелочь. Теперь юной швее было дать нечего.

– Держи!

В руку девчонки лег целый шиллинг.

– Благодарю, миссис, – помощница шляпницы кокетливо присела и, прыснув со смеха в сторону Тима, убежала за шторку, где пряталась её напарница.

– Не стоило, – бросил Тим мачехе и отвёл взгляд. Впервые в жизни ему было не по себе: за дам он привык расплачиваться сам, шла ли речь о дорогих румянах или дешёвой шпильке для волос. – Я бы обязательно нашёл, чем её отблагодарить.

– Очередным братским поцелуем? – уколола пасынка Малеста и, подобрав юбки, вышла из шляпного магазина. Тим переложил коробку в другую руку и направился следом.

Две юные помощницы тут же вынырнули из тесной каморки и прилипли к окну. Проводя взглядами оба экипажа, та, что отхватила шиллинг, поводила носом и с укоризной в голосе вздохнула:

– А произвёл такое приятное впечатление...

– Вот уж точно, – поддакнула её приятельница. – Бедная миссис Андервуд. Иметь такого жлоба-любовника, который даже шляпку ей купить не может, а всё записывает на счёт её влиятельного мужа!

– Да что там шляпка?! У него даже на чай** в карманах ничего не было! Я получила монетку от миссис Андервуд.

– Какой стыд!

– И не говори.

– Это ж надо было так в него влюбиться!

– А что будет, если её муж обо всём узнает?

– Зуб даю – застрелит обоих.

– Типун тебе на язык. Миссис Андервуд такая милая!

– Тогда хотя бы любовничка.

– А вот насчёт того петуха я согласна. Но лучше бы миссис Андервуд одумалась раньше, чем до её мужа дойдут сплетни.

– Конечно-конечно, – снова поддакнула приятельница, и обе швеи ещё долго вились у окна, обсуждая то молодого человека, спешившего в аптекарскую лавку, то престарелую леди, зонтик которой никак не хотел открываться, а солнце палило так сильно, что у дамы вот-вот мог случиться солнечный удар.

Обсуждали они ещё много чего, но о миссис Андервуд больше не вспоминали, однако девчонка, получившая шиллинг, про себя время от времени да вспоминала высокого зеленоглазого молодого человека и втайне от подруги мечтала о том, чтобы тот, наконец, бросил женщину, годившуюся ему в матери, и нашёл себе кого-то по возрасту. Например, её. И пусть денег у него нет даже, чтобы подбросить слугам пенни-другой, это не главное. Главное – любовь.

К месту сказать, подруга той девчонки думала точно так же, но только в отношении самой себя...

*Crow – ворона (англ.)

**Точная дата появления такого понятия, как чаевые, не известна. Одни исследователи предполагают, что традиция появилась вместе с развитием сферы обслуживания. Другие называют местом появления чаевых Британию XVI века. Тогда у англичан появилась традиция пить чай, а гости, которые останавливались на ночлег в доме хозяина, давали его слугам деньги.

Глава 12. Тайна горшков с геранью

Буки в «Золотых буках» действительно отливали желтизной даже летом. Листья с лимонными крапинками были повсюду: на аллее, ведущей к дому, у крыльца и даже на поверхности пруда, небольшого, овального, окружённого камышами. Рядом с прудом стояла крохотная, декоративная мельница, обложенная камнями, которую птицы давно облюбовали под гнездо и под кормушку. Ютились пернатые и под крышей старой деревянной постройки, окна в которой не открывались даже в жаркие дни. По заросшей травой тропинке давно никто не ходил, кусты никто не подрезал, и от всего вокруг веяло такой унылой заброшенностью, что непонятно было, заболел ли хозяин и потому не приглядывал за садом или просто уехал и не сказал, когда возвратится.

Но сонная тишина была безобразным образом нарушена, когда послышался топот копыт и по мелкому камню зашуршали колёса двух экипажей. Пение птиц и шелест листвы тут же отступили на второй план, а на первый вышли громкие голоса, среди которых особенно выделялось неугомонное верещание миссис Мерит.

– Смотрите, – надрывалась она. – Вот та пристройка, о которой я говорила. Именно здесь я и поселила Элизабет, когда начала выделять её среди прочих работниц. Окна заперты изнутри. Можете подёргать – ни одно не откроется. А вот дверь. Тоже на замке. И ключ только у меня. Всегда прикреплен к поясу, к другим ключам.

Миссис Мерит дотронулась пальцами до шатлена и проверила, на месте ли увесистая связка.

Следовавшие за хозяйкой «Буков» Тим и Малеста каждый думали о своём. Леди Андервуд всё происходящее жутко не нравилось: с одной стороны, она никак не считала, что её престарелая знакомая от неё что-то утаивает; с другой стороны, чувство, что кто-то смотрит на тебя и про себя вертит у виска пальцем, было не из приятных. Оставалось надеяться, что правда не окажется слишком болезненной для миссис Мерит, и та смиренно согласится признаться в своей забывчивости, списав недуг на особенности возраста.

Медного цвета ключ два раза повернулся в замке. Дверь скрипнула, и из постройки на всех любопытствующих потянуло многолетней затхлостью.

Внутри было тихо и прибрано. Стоявшая у стены кровать с проваленной периной была укрыта цветастым покрывалом, две подушки были сложены одна на другую, а из-под кровати выглядывало два небольших ящика, в которых вполне могли уместиться различные дамские безделушки. Ничем жилым в комнатке и в помине не пахло. Стоило переступить порог, и сразу становилось понятно, что эти стены были покинуты много лет назад и с тех пор не слышали ни смеха, ни плача, ни самой простой, пусть и пустой на смысл, болтовни.

Тим зашёл в комнату быстрым и уверенным шагом, словно был в этом месте самым настоящим хозяином. Так же по-хозяйски оглядел он и куцые занавески на окнах, короткие и просвечивающие, шкаф, где всей одежды было два серых платья и вязаная шаль, в которой навсегда поселилась моль, и простенький деревянный стол, около которого Тим и встал как вкопанный, совершенно растерявшись и абсолютно не понимая, к чему бы прицепиться в надежде отыскать хоть что-то, что могло привести на мысль о той самой Бетси, которая не так давно переступала порог отцовского дома.

Малеста Андервуд дальше дверей пройти не решилась, да и положение дел начало её утомлять. Было понятно, что выглядевшая победительницей миссис Мерит так просто не

сдастся, своей забывчивости не признает и не будет со страстью допрашивать служанок на предмет того, завладевал ли кто в таком-то месяце ключами от постройки. Из увиденного и так становилось ясно, что домик не знал гостей много лет: достаточно было провести пальцем по тому же столу, по многочисленным стеклянным флакончикам на нём, по высохшей чернильнице и затупленному перу, чтобы понять, что столько пыли могло накопиться только за долгие-долгие годы.

– Бетси не только прекрасно готовила. – Миссис Мерит перехватила взгляд леди Андервуд и тоже посмотрела на флакончики. – Она ещё превосходно разбиралась в травах. Я позволяла ей с час бродить по лугу после того, как вся работа была выполнена, и Бетси всегда возвращалась с полной корзинкой. Свободными днями она готовила себе то душистую воду, то настойку от мигрени. Я подарила ей все эти склянки. Они стали мне не нужны, а Бетси была невероятно благодарна за такую щедрость. Вот в той, что ближе всего к вам, мистер Андервуд, ещё осталось несколько капель розмариновой воды, а в том голубоватом пузырьке – жасминовой.

От нечего делать Тим взял в руки голубой флакончик и выдернул пробку. Нос защекотало приторной сладостью. Тим поморщился и поставил склянку на прежнее место. Найти его было несложно: пыль со стола не смахивали годами, и яркий кружок чётко указывал на место, на которое следовало вернуть флакончик.

– Ещё я понемногу учила Бетси грамотности. Я делала это для того, чтобы она могла подписывать настойки и не путаться в них. Я писала на листке название и заставляла её переписывать по несколько сотен раз, пока написанное не начнёт выглядеть идеально. Столь идеально, что порой мне было тяжело разобрать, я это писала или моя ненаглядная Элизабет.

Миссис Мерит довольно захихикала, и её смех был полон гордости.

– Теперь вы убедились, что прятать мне здесь некого и что сюда уже слишком давно никто не заглядывал? Вон сколько паутины у шкафа. Или вы думаете, мои горничные столь халатны, что, прибирая здесь, пройдут мимо этого безобразия? – Миссис Мерит шустро смахнула паутину со стены зонтиком. – И вы не найдёте здесь никаких карт и никакой выпивки, мистер Андервуд. – Последнее пожилая леди добавила уже тоном строгим и с долей укоризны.

– Простите нас, миссис Мерит, – от всего сердца принялась извиняться Малеста. – Мы были неосторожны в своих словах и заставили вас принять их слишком близко к сердцу. Ехать сюда не было никакой нужды, как я и полагала изначально.

– Нет ничего лучше, чем собственными глазами убедиться в своей неправоте, – отчеканила приговор миссис Мерит и, заметив, как Тим потянулся к ещё одному флакончику, добавила: – Там должны быть духи из лепестков роз. Помню, Бетси всегда предпочитала для них именно цветное стекло.

Миссис Мерит не ошиблась: вторая поднятая Тимом склянка дышала розами. На мгновенье Андервуду показалось, что он перенёсся в сад Девонсайда, где только вчера стоял в окружении дурманящих сознание цветов и препирался с мачехой.

Тим поставил склянку на место, достал из кармана платок, вытер пыль с пальцев, но тут же пожалел о том, что сделал, так как рука сама собой потянулась к ещё одной бутылочке, и пачкаться пришлось снова.

Выдернуть пробку труда не составило – на удивление та легко выскочила, но Тим быстро вернул её на место, ведь содержимое желтоватого пузырька обдало Андервуда такой

горечью, что тяжело было сдержаться и не зайти кашлем.

– Ваша Бетси точно не обладала тонким нюхом. Что это? Этим только комаров отпугивать, – продолжая кашлять, выдавил Тим и собрался уже вернуть флакончик на место, как вдруг на секунду-другую замер взглядом где-то между склянкой, пахнувшей жасмином, и склянкой, богатой на ваниль.

– Ошибаетесь, – почти обиделась миссис Мерит. – Элизабет могла с закрытыми глазами отличить один сорт гвоздики от другого. И в ароматах она разбиралась отменно.

– В таком случае содержимое этого бутылка уже давно пришло в негодность, – ответил Тим и поставил флакончик на место.

– Не может быть, – безапелляционно произнесла хозяйка. – Пройдемте в дом. Я покажу вам духи, которые Бетси смешала лично для меня. Мимоза и кардамон – чудеснейшая пара! Она – сама трепетная нежность, а он – жгучая пряность! Невероятное сочетание! Нужно быть очень смелым, чтобы носить на себе такой аромат. Этим духам почти двадцать лет, а они всё как новенькие. Малеста, душечка, вам они тоже пойдут. Не сомневайтесь.

– Нам пора ехать, – заупрямилась Малеста, как вдруг почувствовала, что её уверенно подхватили под локоть и проделали с ним то же самое, что она совсем недавно проделывала с коленом, а именно довольно крепко сжали пальцами, явно намекая, что чрезмерная болтовня может быть не к месту.

– Леди Андервуд с удовольствием оценит, – ввернул Тим, и Малеста поморщилась от переизбытка притворства в голосе пасынка. – Она обожает мимозу. Ведь так? – Тим добавил к сахарно-сиропному тону слащавую улыбку и снова сжал локоть мачехи. – Ведите нас, миссис Мерит. Мы никуда не торопимся.

– Что вы опять творите? – зашипела на Тима Малеста, как только довольная миссис Мерит важно поплыла в сторону парадного крыльца двухэтажного дома, выложенного из жёлтого камня. – Пустите. Мне больно.

Ответ был произнесен не менее напряжённым шёпотом:

– Прошу вас, не спорьте и соглашайтесь на всё, что предложит старуха. Чем больше времени мы здесь пробудем, тем лучше. Вашей приятельнице скучно в одиночестве, и, уверен, она будет счастлива, если мы задержимся здесь на ужин. А лучше – на всю ночь. Используйте весь свой шарм и постарайтесь развести её на приглашение заночевать здесь.

– Ночевать? Да вы с ума сошли!

– Не первый раз слышу и уже начинаю верить, что это действительно так.

– Тимоти, мы не можем оставаться здесь на ночь, даже если миссис Мерит будет упрашивать. Что подумает ваш отец?

– Да ему пле... – Тим осёкся. – Он подумает, что его супруга решила провести вечерок в компании своей знакомой, а, зная возраст той знакомой, в измене подозревать вас точно не будет.

– Но зачем это вам?

– Видите ли, у меня появилось стойкое намерение вернуться в это место ночью и осмотреть здесь всё ещё раз.

– В эту каморку? Вы точно не дружите с головой! Здесь всё заперто, а ключ только у миссис Мерит! Вы же не опуститесь до воровства и не снимете ключ с пояса бедной старушки так, как проделали это со мной?

– Ни в коем случае. Вы – это вы, а миссис Мерит – это... Впрочем, неважно. Когда она отвернулась, я поддел ногтем защёлку на окне. Толкнуть его труда не составит, а по окнам я

лазить умею.

– В этом умении с вами никто не сравнится, – съязвила Малеста, вспомнив первую встречу. – Но зачем вам это нужно? Что за глупая выходка?

– У меня есть стойкое ощущение, что меня дурят. И я не шучу.

– Вы потеряли всякий стыд!

– Вы вправе так обо мне думать. Но, поможете вы мне или нет, я всё равно наведаюсь сюда этой ночью. Лучше, конечно, если согласитесь помочь. Тогда, в случае если меня поймают, я отделаюсь шуткой, что иногда гуляю во сне, а вы меня спасаете от падения в пруд.

Малеста покачала головой и еле слышно простонала:

– Будь проклят тот день, когда вы вернулись.

– Я с вами солидарен, – получила она в ответ спокойное и тут же вздрогнула от взволнованного крика: – Осторожней!

Малеста охнула и скривилась от неприятной боли.

Как получилось проглядеть небольшую ямку в земле и умудриться на ней подвернуть лодыжку, Малеста понимала с трудом. Она всегда была внимательна к камешкам на дороге, а тут забылась. От совсем уж постыдного падения её уберёт Тим, вовремя поддержавший за руку.

Ушедшая далеко вперёд миссис Мерит поспешила вернуться и принялась громко причитать, глядя, с каким трудом шагала её любимица.

– Это всё я виновата, – голосила хозяйка. – Здесь много лет стояли горшки с геранью, но чёрт меня дёрнул именно сегодня утром решить, что их пора перенести к оранжерее, а место перекопать и засадить люпинами.

– Скоро пройдёт, – успокаивала себя и заодно миссис Мерит Малеста, до сих пор при каждом шаге морщившаяся от боли.

– Держите её крепче, – наставляла Тима старая женщина. – Нужно срочно наложить компресс.

– Конечно, – охотно согласился Андервуд. – Миссис Мерит, мы можем воспользоваться вашим гостеприимством и убедиться, что с ногой моей матушки всё в порядке?

– А я о чём твержу, юноша? И думать не думайте покинуть мой дом прежде, чем ваша матушка станет чувствовать себя лучше.

– Это всего лишь вывих, – взмолилась Малеста, за что её локоть в очередной раз ощутил на себе всю силу пальцев Тима.

Но проще было погнуть кусок железа, чем стальной характер миссис Мерит.

– Этот вывих вы получили в моём доме, и, если я позволю вам вернуться в Девонсайд в таком состоянии, ваш супруг никогда мне этого не простит. Я немедленно распоряжусь приготовить для вас комнату, и вы можете провести у меня столько времени, сколько понадобится. Ни о чём не беспокойтесь. А к мистеру Андервуду я пошлю слугу. Скажем, что решили провести денёк за партией в вист. Вместе с этим юношей и Эваном нас как раз будет четверо. Достаточно для увлекательной игры.

– Джейкоб будет очень недоволен.

– Пусть выплёскивает недовольство на мне, – поджала губы миссис Мерит. – А мне он не посмеет и слова против сказать.

– А старуха ничего так, бодрая, – шепнул мачехе Тим. – И вы тоже ничего. Не думал, что так быстро придумаете способ, как здесь задержаться, да ещё пожертвуете ногой ради

этого...

– Если бы я пожертвовала, – простонала Малеста.

– Так это вышло случайно?

– Разумеется. Ваши планы не достойны и волоска с моей головы.

– Вот же чёрт!

– Поаккуратней с выражениями. Иначе меня-то здесь точно оставят, а вас попросят вернуться в Девонсайд, и плакали ваши планы.

– Хм, об этом я как-то не подумал.

– А вы думайте иногда, прежде чем говорить и делать. Это полезно.

Тим ничего не ответил. Только хмыкнул.

Ужин в «Золотых буках» всегда подавали рано. Столь же рано отходили ко сну, в то время как в большинстве расположенных по соседству поместий ещё вовсю царили веселье и бильярд до полуночи. Но и вставали здесь раньше всех, а именно с первыми лучами солнца и первым пением птиц. В любой другой раз Тимоти Андервуд над такими порядками посмеялся бы, затем взбунтовался от невозможности что-либо изменить и покинул дом миссис Мерит тотчас и даже пешком, если экипаж по какой-то причине не был бы подан. Но это всё с легкостью могло бы произойти в любой другой день, кроме сегодняшнего, когда Тим вдруг стал сама учтивость и с нескрываемой заботой в голосе всё твердил и твердил о том, что день выдался шумным и партию в вист хорошо бы отложить на завтра, что отдыхать следует пойти пораньше, а отдохнуть – подольше, причём как хозяевам, так и гостям, и даже слугам.

В ответ на такое внимание миссис Мерит неустанно восхищалась воспитанием и манерами молодого Андервуда, про себя коря всех тех, кто распускал сплетни о том, что сын Джейкоба – неотёсанный болван и грубиян, каких ещё надо поискать. Поддакивая и кивая в ответ на каждое слово Тима, миссис Мерит, хоть и расплылась в нескончаемом удовольствии и уже предвкушала скорый отход ко сну, всё же не забывала об обязанностях гостеприимной хозяйки и ужин, как и полагается, провела с пафосом и с той переменной блюд, которая была рекомендована на случай приезда незваных гостей всеми уважаемыми книгами по домоводству.

Так, гороховый суп сменился вареным окуном под голландским соусом, а салат из омаров – бараньими отбивными с огурцами. Яблочный пирог и пудинг с глазурью произвели должное впечатление, хоть и остались почти нетронутыми. Но главный восторг получил сытый вздох хозяйки и её слова, произнесённые после того, как в обеденную залу заглянули две горничные:

– Комнаты готовы. Как ваша нога, душечка?

Последнее предназначалось Малесте, до ужина почти не встававшей с брусничного цвета дивана с золотыми кистями по бокам.

– Обо мне волноваться совершенно не стоит.

С того момента, как подвернула ногу, Малеста не сдавалась и упорно настаивала на возвращении домой, но Тим и миссис Мерит так спелись, что, стоило одной начать беспокоиться о самочувствии леди Андервуд, второй тут же подхватывал, а Малесте не давали и слова вставить и уж тем более подняться и без дела прогуляться до сада и обратно.

Противостояние сошло на нет, как только миссис Мерит отправила в Девонсайд слугу с письмом, но время от времени Малеста всё же напоминала о своём мнении и укоряла и

Тима, и хозяйку в излишнем беспокойстве.

Из-за стола все трое поднялись одновременно; Тим едва успел подставить мачехе руку, чтобы та могла на неё опереться.

– Я провожу вас, – заботливо произнёс он, а миссис Мерит оставалось только до слёз в глазах восхищаться «наивоспитаннейшим молодым человеком», как про себя она окрестила Тима.

Лестница закончилась быстро, и Малеста не заметила, как оказалась на втором этаже рядом с дверью в отведённую ей спальню.

– Можно уже перестать притворяться. – Леди Андервуд высвободила руку и коснулась пальцами дверной ручки.

– Не поверите, но сейчас я действую от чистого сердца.

– В его чистоту мне с трудом верится.

– К обитателям этого дома у меня слишком много вопросов, а благодаря вашей неуклюжести мы остались здесь на ночь. В этом и кроется причина моей благодарности – не более.

– И почему я в который раз позволяю вам собой пользоваться?

– Может, вы, наконец, почувствуете, что виноваты передо мной?

Малесту чуть не захлестнуло негодование. И он это говорит после того, как вытворил с ней чёрт знает что да ещё непристойно выразился о ней в письме своему приятелю?!

– Виновата? – Леди Андервуд искусно скрыла волнение. – В чём же? Впрочем, не желаю знать. Весь этот разговор лишён смысла. Особенно в такой час.

– Полностью разделяю ваше мнение, что для меня впервые. Боюсь даже представить себе, что будет дальше, если не прошло и недели, а я уже начинаю соглашаться с вами в таких мелочах.

– Дальше мне придётся терпеть вас вплоть до окончания скачек в Аскоте, а потом вы, надеюсь, оставите меня, но перед этим вернёте мне мою вещь.

– Какая у вас бурная фантазия!

– Или я найду другой способ, как её вернуть, и он вам не понравится.

– Давайте обойдёмся без нелепых угроз. Мы только начали ладить друг с другом, и я даже стараюсь вести себя, как положено, а вы... Любое ваше действие приведёт к вашему же позору. Вы этого хотите? Чтобы о вас судачило общество?

– Больше всего на свете я хочу сделать то, что до меня никто никогда не делал: заставить вас извиниться передо мной.

– В таком случае давайте отложим ваши планы на завтра. Сегодня я хочу разобраться с тем, что наплела нам ваша престарелая приятельница. Сладких снов, матушка, спите спокойно и не вставайте с кровати без крайней необходимости. Ведь, если не будете беречь ногу, пропустите Аскот и лишитесь возможности лицезреть меня там весь день с утра до позднего вечера. А ещё не сможете разделить со мной отвратительнейшее тёплое шампанское, безвкусный обед и...

Перед носом Тима захлопнулась дверь.

Прислонившись спиной к стене, Тим закрыл глаза и облегчённо выдохнул. Простояв так с минуту, вяло улыбнулся своим мыслям и медленно побрел в сторону той комнаты, в которой спать уж точно не собирался. Задвинув щеколду на двери, снял пиджак, расстегнул пуговицы на жилете и прямо в обуви повалился на кровать.

Он лежал так с час или два, дремал понемногу, но снова и снова дёргался, открывал

глаза, часто моргал и прислушивался к шуму внизу, который постепенно сходил на нет, а вскоре и полностью стих, когда уставшая прислуга разбрелась по своим каморкам и крепко уснула.

Однако Тим выходить из спальни не спешил. Тёплая постель и загадочный полумрак, создаваемый светом лишь двух свечей и месяца за окном, разморили настолько, что голову от подушки было не оторвать. Клятвенно пообещав самому себе, что подремлет ещё не более получаса и затем уж всенепременно отправится скрупулёзно изучать пристройку, где обитала Бетси, Тим повернулся на бок и, широко зевнув, в который раз за ночь закрыл глаза...

Из многочисленных наблюдений известно, что отношение большинства людей к ночному шуму проходит по категории осмотрительного невмешательства. Миссис Мерит, например, могла бы безоговорочно примерить на себя это утверждение, вот только именно в эту ночь она спала так сладко, что даже мышь, шуршавшая за стеной и обычно являвшаяся причиной бессонницы пожилой леди, была не в состоянии нарушить ровного сна старушки. Но кто знает, как бы миссис Мерит подпрыгнула от страха на кровати, будь прошедший день менее насыщен событиями и менее утомителен. Зато Тимоти Андервуд не без удивления для себя узнал, что скроен из более крепкого материала, чем изначально думал.

Звук, который заставил Тима открыть глаза и выскочить из полудремы, донёсся откуда-то снизу, возможно, даже с улицы. И звук тот был слишком навязчив и подозрителен, чтобы Тим мог так легко его игнорировать.

Сев на кровати, Андервуд потрянул головой, прогоняя остатки сна, и снова вслушался в ночь. Странное скрежетание не замолкало. За ним последовало подозрительное шебаршание, а потом вдруг резко наступила тишина. И та тишина поселилась везде: от погребов до крыши. Но это почему-то Тима не убедило.

Выскользнув из-под одеяла и сунув ноги в холодные ботинки, Андервуд приоткрыл дверь комнаты и вышел в тёмный вестибюль. Его спальня, как и все соседние, находилась на втором этаже, но дверь выходила не к парадной лестнице, а к той, что вела к длинной оранжерее, в которой запутаться было легче, чем в Кносском* лабиринте. Именно около этой лестницы, прислонившись к перилам, Тим и застыл, как статуя.

Слабо-слабо из чёрного провала вестибюля снова донёсся непонятный звук. Словно опять что-то зашелестело в темноте, и даже как будто лязгнула цепочка и скрипнул засов. По спине Тима пробежал холодок. Скрип повторился, и Андервуд, мысленно жалея, что не захватил с собой хотя бы кочергу из камина, крадущимся шагом бесшумно приблизился к краю верхней ступеньки и начал спускаться.

Оранжерея миссис Мерит встретила Тима прохладой, темнотой и относительной пустотой в том смысле, что различных растений и цветов, в том числе экзотических, в оранжерее было много, а вот живой души – ни одной.

Глаза мало-помалу свыклись со слабым светом, льющимся с улицы в дом через высокие окна. Теперь, когда всё вокруг стало более менее доступно взору, Тим увидел, что подозрительный шелест производит оконная занавеска, колыхаемая ветерком, а сам ветерок непринуждённо и без спроса врывается в приоткрытую дверь, что ведёт в сад, и дёргает её туда-сюда, создавая леденящий кровь шум.

Осторожно и почти на цыпочках Тим приблизился к двери и резко рванул ту на себя. С охотничьим азартом выпрыгнул на улицу, но никого там не застал, а только порвал рукав рубашки и ободрал кожу о шипы выпирающей ветки разросшегося розового куста. В саду

тоже было тихо, а распоясавшиеся жабы нагло поквакивали в укрытой росой траве.

Досадно сплюнул на землю, Тим повернулся и медленным шагом направился обратно к двери, ведущей в оранжерею, где было тепло и, главное, сухо, взялся за металлическую ручку, в некоторых местах покрытую невидимой по ночам ржавчиной, и с удивлением для себя обнаружил, что дверь заперта.

Вытерев пот со лба, Тим дёрнул дверную ручку сильнее. Он даже зашёл так далеко, что злобно пнул входную дверь, но та ни в какую не поддавалась, и казавшийся поначалу шатким замок оказался основательным. Убедившись, что он только ушиб пальцы на ноге, ничего при этом не достигнув, Тим снова сплюнул на землю и взъерошил волосы на голове. Игра в кошки-мышки начинала казаться более чем странной.

Высушив вспотевшие от волнения ладони о рубашку, концы которой были давно выдернуты из-за пояса и теперь куце свисали как спереди, так и со спины, Тим прошёл немного по саду и осмотрелся. «Золотые буки» спали крепким и ровным сном, собаки на псарне не лаяли, и птицы не торопились приветствовать выползающее из-за холмов солнце, а до пристройки, числившейся за Бетси, было всего каких-то сто ярдов, но Тим не торопился срывать с места и приводить свой план в действие.

В летние месяцы светает рано, и в небе уже начала появляться какая-то нездоровая бледность, а предметы, недавно укрытые мраком, принялись обретать смутные формы, и среди тех, которые внезапно оказались в поле зрения Тимоти Андервуда, был ряд из двенадцати цветочных горшков.

Они стояли по левую руку, прямо вдоль узкой тропинки, круглые, манящие, и каждый давал приют герани в нескольких ковшах садовой земли. Двенадцать цветочных горшков, на которые Тим никогда в жизни не посмотрел бы, если бы... если бы кое-какие цветы не были отвратительнейшим образом из тех горшков выкорчеваны, а земля не валялась комьями то в одной стороне, то в другой, и от комка, оказавшегося прямо под каблуком ботинка Андервуда, не шёл знакомый горьковатый запах, а среди травы, мелких камешков и гумуса не поблёскивала пара крохотных желтовато-мутных осколков.

Поиски всего непонятного, а от того таинственного, во все века неотразимо влекли к себе род человеческий. Оказавшись на месте, где может быть спрятано нечто, будоражащее воображение, люди не раздумывают, чем и как им копать, а берутся за дело обеими руками.

Сочувствие к и без того потрёпанным гераням миссис Мерит никоим образом не остановило молодого Андервуда от его дальнейших действий. Ухватить первый горшок и вытряхнуть содержимое заняло у него секунду-другую. И он тут же пропустил кучку земли сквозь пальцы.

Ничего.

Вторая герань, надломившись, распростёрлась на дёрне.

Тоже ничего.

Третья...

Тимоти Андервуд с трудом выпрямился. Он не привык нагибаться, и у него разболелась спина, а ещё от запаха сырой земли так неприятно щекотало в носу, что Тим готов был расчихаться. Но боль и непереносимость гнили и сырости были забыты в погоне за разгадкой той самой тайны, которую Тим сам для себя ещё не до конца сформулировал.

Он стоял, сжимая в руке проклятый осколок, откровенно плюя на исцарапанную в кровь ладонь, а двенадцать гераниевых трупов взирали на него с горькой укоризной. Но Тимоти Андервуд не мучился от раскаяния. Ко всем гераням, ко всем обитателям «Золотых буков»,

где он оказался волей случая и не без участия своего неуёмного любопытства, ко всем женщинам по имени Бетси и вообще к значительной части человечества в эти минуты Тим испытывал самую настоящую чёрную ненависть.

– Что вы делаете? – Голос за спиной чуть не лишил Тима дара речи.

Резко обернувшись, Андервуд облегчённо выдохнул и шмыгнул носом. Проклятая сырость!

– Я спросила, что вы делаете?

Из-за розового куста, того самого, благодаря которому рубашка Тима сейчас напоминала робу неудачливого разбойника, вынырнула Малеста. В свете утренней зари она была похожа на фею: светлые волосы, распущенные перед сном, переливались волшебным золотом, а белоснежная шерстяная накидка, наброшенная поверх такого же белоснежного нижнего платья, предназначенного исключительно для сна, а не для прогулок, своей воздушностью не уступала облаку, в объятиях которого фея могла бы укрыться и спастись от пакостей жадных гномов, орудующих кирками по ночам.

– А вы? – вопросом на вопрос ответил Тим и окинул взглядом растерзанное садовое сокровище.

– Окна моей спальни выходят на сад. Я слышала странные звуки, которые никак не прекращались, и решила узнать, в чём дело. Если бы я знала, что снова встречу с вами...

– Я же просил не выходить из комнаты... Как нога?

– Уже лучше... У вас лицо испачкано, – внезапно заметила Малеста, вглядываясь в Андервуда.

– Я копался в земле, – угрюмо произнёс Тим.

– Что-что?

– Копался в земле!

– У вас комплекс фокстерьера? Простите за дерзкий вопрос: но... что вы надеялись выкопать?

Андервуд колебался с ответом.

– У вас и ладонь в крови! – воскликнула Малеста, переведя взгляд с лица Тима на его руку. – Вы подрались? Да что здесь произошло? Скажите же ради бога?

Тим медлил, ещё раз посмотрел на ненавистную герань и комки земли под ногами, затем на розовый куст, тоже ставший причиной одной из многочисленных неудач этой ночью, а потом вдруг побледнел и спросил:

– Вы прошли в сад через оранжерею?

И тут же усмехнулся, ведь глупее вопроса он не мог себе представить. Ответ поразил в самое сердце.

– Конечно.

– Этого не может быть.

– Простите?

– Вы не могли выйти сюда из оранжереи.

– Но именно так я и сделала.

– Так дверь же заперта.

– Она прекрасно открывается, стоит только легонько потянуть.

– Вы уверены?

– Тим.

– Да?

– Вы точно хорошо себя чувствуете? Все эти вопросы и... это копанье в земле. Что плохого вам сделали бедные герани? Тим, вы мне ответите?

– Вначале я разберусь с дверью, – пробормотал Андервуд.

Быстро, почти бегом, он обогнул розовые кусты и оказался у входа в оранжерею, у которого совсем недавно стоял столбом и ничего не понимал. Дрожащей рукой дотронулся до ручки двери и надавил. Дверь и в этот раз не поддавалась и в сопротивлении не уступала дюжине стойких солдат. И эта железная стойкость обдала Тима примерно так же, как обдаёт ледяная вода, выплеснутая из ведра прямо в лицо.

– Да что, чёрт возьми, здесь происходит? – не сдержалась Малеста, сорвавшаяся следом за Тимом.

– И вы мне ещё говорите, чтобы я следил за речью?

– Я много лет провела в Сохо, могу и не таким словцом огреть, если вы немедленно не объясните, что стряслось.

Тим оценил сказанное, но молча и вида не подал. Зато пару раз подёргал ручку на двери и, убедившись, что в оранжерею точно не попасть тем способом, каким обычно попадают туда приличные люди, повернулся к мачехе и выдохнул:

– А теперь дверь заперта.

Та не понимала.

– И что же?

– Вы сказали, она была открыта, когда вышли в сад.

Малеста побледнела.

– Верно.

– А сейчас она закрыта на замок, и тот замок никак не выбить и шпилькой из ваших волос не вскрыть хотя бы потому, что у вас просто нет никакой шпильки в волосах. Но ведь вы ту дверь не запирали.

– Нет, конечно. У меня и ключа нет.

– Тогда кто это сделал?

Тим скрестил руки на груди, и Малеста тут же поморщилась, словно ей вдруг стало больно.

– Не могу смотреть на вашу руку. – Тим перехватил взгляд мачехи и спрятал оцарапанную стеклом ладонь за спину. – Рану нужно промыть и перевязать, иначе это может плохо кончиться.

– Порез подождёт. Сейчас мне важнее узнать, кто столь бесцеремонно со мной играет и наверняка ещё исподтишка насмехается.

– Вы преувеличиваете. Виной всему, вероятно, ветер? Захлопнул дверь – и всего делов.

– В первый раз тоже был ветер, когда я вышел в сад? А когда вам вздумалось ко мне присоединиться, тоже ветер ковырялся в замке, чтобы открыть его?

– Я ничего не понимаю...

– Я тоже.

– Если дверь закрыта, значит, в оранжерею спустился кто-то из слуг. Увидел, что дверь нараспашку, и повернул ключ. С его стороны это правильное решение, а вот о чём думала я, выбираясь на улицу в такое время?

– Предлагаете покричать, чтобы тот слуга нас услышал и вернулся? Не бойтесь, что криком разбудим весь дом?

Малеста поёжилась от сырой утренней прохлады и поправила накидку на плечах.

– Но нужно же попасть внутрь... Мы не можем оставаться на улице и ждать, когда слугам опять вздумается дойти до оранжереи.

Тим, однако, думал о своём.

– В земле из-под герани я нашёл вот это.

Андервуд протянул мачехе стёклышко, которое не вызвало на её лице никакого чувства, кроме недоумения.

– Из-за такой чепухи вы испортили двенадцать чудеснейших кустов?

– Это не чепуха. Помните стол, уставленный флаконами для духов, в каморке у Бетси? – Малеста кивнула. – Одна из склянок на том столе была точь-в-точь из такого же стекла, и её содержимое воняло точно так же.

Малеста взяла в руки стёклышко и поднесла к носу.

– Пахнет растёртыми травами. Не более.

– Не более? Да меня чуть не вывернуло, когда я открыл флакон днём у Бетси.

– Я помню тот флакон у вас в руках... Мне ещё пришлось по нраву его форма и яркий цвет. Но вы уверены, что это стекло имеет к нему отношение? И что запах сходится? – Малеста снова повела носом. – Я ничего подозрительного не чувствую. А вот запертая дверь меня действительно беспокоит.

– Вы мне не верите? Ну, конечно, не верите. Чего ещё я могу ожидать?.. Хотите, прогуляемся до пристройки, и вы сами убедитесь, что того самого флакончика на столе нет? Вот прям зуб даю, что его там не будет, а этот осколок – его часть.

– Зубы оставьте при себе; мне лишь нужна одна моя вещица, которой в вашем саквояже явно не место.

– Да забудьте вы про подвяз...

– Тише! – Малеста подскочила к Тиму и накрыла ладонью его губы. – Вдруг кто услышит.

Тим отнял руку мачехи от своего лица и не без ехидства заметил:

– Так замечательно же. Откроют нам двери, и вы, наконец, оставите меня в покое и, может, ещё успеете выспаться, прежде чем миссис Мерит разбудит к завтраку.

Но Малесте такая перспектива радужной не казалась. Что может быть позорнее, чем на рассвете попасться на глаза слугам, будучи почти не одетой? На многолетней дружбе с миссис Мерит тогда придётся поставить крест, а других подруг в округе у леди Андервуд никогда не было.

– Крикнуть ещё раз? – Тим выдернул мачеху из затянувшихся раздумий.

– Идёмте уже, – проворчала та. – Посмотрю, как ваши подозрения насчёт флакона разобьются в пух и прах. А там, может, дверь снова окажется открытой. Но сначала приведите здесь всё в порядок. – Малеста обвела рукой цветник, больше похожий на поле битвы, заваленное мёртвыми гераниевыми солдатами. – Нельзя, чтобы миссис Мерит это увидела. У неё слабое сердце.

– Насчёт старухи не волнуйтесь, – протянул Тим, запихивая первый истерзанный куст обратно в горшок. – Она нас всех переживёт и по всем поминки справит.

– Сколько же злобной насмешки в ваших словах, – заметила Малеста, приблизившись к Тиму и взяв в руки второй гераниевый труп. – Неужели вы не можете по-другому? Вы никогда не пробовали просто любить людей?

В терракотовый горшок со сколотым ободком полезла третья герань.

– А за что их любить? Вот, например, за что любить миссис Мерит?

– Хорошо. К миссис Мерит можно относиться просто по-человечески уважительно. А к остальным...

– То есть остальных всё же надо любить. – Тим фыркнул, но не рассчитал силы, и подсохшая земля взметнулась мелкими хлопьями вверх и прямо Тиму в ноздри. В носу снова защекотало, и снова стал напрашиваться чих. – И даже вас?

Словами Тим умел резать по сердцу искусно. Малеста тут же выпрямилась, отряхнула руки и бросила Андервуду:

– Знаете что? Копайтесь-ка вы сами в ваших цветах!

– Эй, а вы куда?

– Пойду в дом! Находиться рядом с вами нет больше сил.

– Так двери же заперты. Хотя... Идите! Вдруг какое окно открыто. Вы ведь так ко мне прикипели, что повторяете каждый мой шаг. Сможете, наверно, как я, и через окно в дом сигануть.

– Я? Прикипела? К вам?

Тим тоже выпрямился. Плевать было, что шестая герань торчала из горшка вкривь и вкось и больше напоминала пугало с раскинутыми в разные стороны руками, чем нежный цветок.

– Конечно. Бегаете за мной – шагу ступить нельзя. Даже в геранях спокойно ночью не покопаться – всюду вы появляетесь.

– Ну, знаете ли...

Малеста закуталась посильнее в почти сползшую с плеч накидку и быстрым шагом пошла к дому. Дёрнула дверь в оранжерею, но та, как и прежде, была странным образом заперта. Малеста сердито потрянула головой и, подобрав платье, двинулась вдоль стены дома, как вдруг ей дорогу преградил Тим.

– Уйдите, – сквозь зубы процедила леди Андервуд.

– Остановитесь.

– Это вы остановитесь. Вы идёте спиной и ни черта не видите!

– Я так иду, чтобы видеть ваше лицо.

– Оно вам всегда было безразлично.

– Просто раньше я не понимал, насколько оно хорошенькое...

Выпустив платье, Малеста вскинула руку, чтобы в очередной раз одарить нахального пасынка пощёчиной, но тот был готов, тут же перехватил за запястье, сжал и ровным голосом произнёс:

– Я всего лишь имел в виду, что ни отец, ни ваша приятельница не простят мне, если вы вдруг надышитесь сыростью, простынете и будете пугать всех в Аскоте нездоровым румянцем на бледной коже и осипшим голосом.

– Если я буду продолжать здесь стоять и слушать вас, то точно простыну. Отойдите. Дайте пройти.

– Куда же вы идёте? Всё же рискнёте в таком виде разбудить слуг?

– Ищу окно пониже и пошире, чтобы повторить ваш трюк. Если уж у вас получилось, то я точно смогу.

– Окно? – Тим усмехнулся. – Да вы посмотрите на этот дом! Ему же лет пятьсот, не меньше! Гляньте сюда! – Тим пнул ногой стену толщиной в приличных три-четыре фута. – Это не дом, а настоящая неприступная крепость! Окна здесь годятся лишь для того, чтобы из них лить расплавленный свинец на головы посетителей. А вы собрались по ним лазить...

Как бы абсурдно это всё не звучало, а Тим был прав. Даже если приставить к стене лестницу и забыть о том, что по-хорошему дамам не пристало забираться в здания через окна, задуманное на горячую голову всё равно выглядело неосуществимо.

– Идёмте.

Тим взял Малесту за руку и повёл за собой.

– Куда... – только и хватило сообразительности что сказать, но Тим опередил.

– В каморке Бетси вы сможете согреться и даже прилечь. Кровать там имеется, я видел. А я изучу те самые флаконы, которые не дают мне покоя. Как проснутся слуги и загремят входными дверями, мы незаметно проникнем обратно в дом. И не спорьте. Из нас двоих сейчас принимать решения буду я.

– Ваше нахальство по отношению ко мне не перестаёт меня удивлять.

– Пусть удивляет. Вы можете называть это нахальством, можете – наглостью... Как угодно.

– Сейчас это скорее похоже на заботу.

– Тогда наслаждайтесь. Другой такой случай вряд ли ещё представится. А причину я объяснил. Видеть вас с красными глазами – то ещё зрелище. Брр. Отлично. Пришли.

Крохотная пристройка смотрелась воистину величаво в ещё блёклых лучах рассветного солнца. Местами свет падал так, что можно было разглядеть под крышей замысловато сплетенную паутину, кишашую мелкими мошками и комарами. Ямки, на одной из которых Малеста вчерашним днём неудачно подвернула ногу, теперь были тщательно засыпаны землей, и шагать можно было смело, не боясь оступиться и снова повредить лодыжку.

Тим с трудом дотянулся до высокого окна (крохотный домик, видимо, тоже строили в оборонительных целях), надавил на деревянную раму, и оконная створка неторопливо отворилась, запуская внутрь каморки свежий ветерок и выпуская на улицу удушливую затхлость.

– Готово.

– Стойте. – Малеста напряглась. – Вы же не думаете, что я полезу внутрь через окно?

Тим обернулся.

– Вас что-то смущает?

– Я войду внутрь только через дверь.

– Я не волшебник, ключа у меня нет.

– Но неужели нет никакого другого способа, как попасть внутрь?

– Только окно. И мне странно видеть, как вы сейчас брыкаетесь и пятитесь назад. Вы же совсем недавно уверяли меня, что с такой задачей легко справитесь. Бросали мне вызов и говорили, что ни в чём мне не уступите.

– Речь шла о нормальных, высоких и широких окнах, а не о какой-то там дыре.

– Да в эту дыру легко пролезут двое.

– Я в этой комедии отказываюсь участвовать.

– Ну, как хотите. Лично я под кустом сидеть не собираюсь, тем более что мой нос уже начинает шалить на сырость и садовую плесень. Один чёрт знает, в котором часу в этих краях просыпается жизнь. Хорошо, если ждать полчаса. А если три? Впрочем, зачем я вас уговариваю? Всего хорошего, матушка. И советую не садиться на траву. Она вся в росе – простудитесь.

– Тимоти, стойте, – выкрикнула Малеста, когда Тим уже собирался подпрыгнуть, ухватиться за подоконник и подтянуться на руках. – Я согласна.

Тим посмотрел по сторонам.

– Хорошо бы найти лестницу.

– Не вижу ни одной, – ответила Малеста и в который раз за утро поёжилась. Но не от сырости, а от осознания того, насколько же важную роль в жизни мужчины и женщины могут играть несколько деревянных палок, сколоченных между собой.

– Тогда выход только один. – И Тимоти, мысленно попрощавшись с дорогими, штучного пошива, брюками, заказанными и выкупленными на неделе моды в Лондоне, но совсем не оценёнными деревенщиной Девона и близлежащих окрестностей, опустился на землю на четвереньки и пробурчал мачехе: – Чего застыли-то? Или думаете, я так до обеда буду стоять?

– Мне что же... встать вам на спину?

– Нет. Это я от нечего делать сейчас порчу одежду и пачкаю руки в грязи.

– Но, Тимоти, я не думала, что всё будет так сложно...

– Сложно будет, если к вечеру вы сляжете с лихорадкой. Давайте уже. Будьте смелее. Я не фарфор. Не тресну.

– Я попробую.

– Сколько же в вашем голосе робости... Эй! Туфли снимите. Не то к вашей лихорадке прибавится ещё и мой труп.

– А вот это заманчивая идея. Жаль, я вчера предпочла обувь удобную и на широком каблуке.

– Я знал, что судьба ко мне благосклонна.

– Так цените её расположение.

Показавшиеся из-под воздушной юбки ножки лишились туфель быстро и всего двумя решительными движениями. Приподняв подол лёгкого платья, Малеста осторожно поставила одну ногу на спину Тима. Держась рукой за стену дома и при этом всё же слегка покачиваясь от неуверенности в себе, но больше – из-за опоры под собой, оторвала от земли вторую ногу и... Как же к месту пришлась стена! Потому что именно в этот момент Тим охнул так громко, что Малеста чуть не соскользнула на влажную траву.

– Что ж вы такая... такая... тяжелая? – кряхтел Тим.

– Вы лондонским девицам такие же комплименты отвечаете?

Ответ был более чем невпопад.

– Чёрт, ну вы же играли в театре...

– Не вижу связи.

– Как? Все актрисы такие тоненькие и как пушинки... Я проверял.

– Вы, вероятно, не отличаете театра от балета, а театральных актрис – от цирковых гимнасток.

– Обижаете. Я – заядлый театрал. Я даже состою в университетской труппе и получаю главные роли почти во всех спектаклях. Новый сезон мы открываем «Гамлетом».

– В таком случае почитайте-ка мне монолог принца из третьего акта.

Тим стиснул зубы.

– Вы уверены, что сейчас подходящий для этого момент?

– Почему нет? Настоящего актёра ничто не способно сбить с текста.

– И всё же я прошу отложить премьеру... Хотя бы до того момента, как вы уберёте свои ножки с моей спины. А то, знаете ли, мой позвоночник не железный. Чёрт! Да что вы творите? – Тим приподнялся на коленях, отряхнул руки и вопросительно посмотрел на

мачеху. – Зачем спрыгнули? Всё же так отлично получалось.

– Ничего не получалось, – отмахнулась Малеста и сунула ноги обратно в туфли. – Даже с вашей помощью мне не пролезть в окно. Глупая затея.

Тим не сдавался.

– Тогда попробуем по-другому. Я полезу внутрь, а вы ждите здесь. Уверен, в каморке найдётся хоть что-то, чем я смогу подковырнуть замок.

– Этот вариант мне нравится больше.

Тим выпрямился.

– Тогда помогите.

Малеста испуганно отшатнулась.

– Помочь? Вы, что же, хотите, чтобы я... вот прямо так, как вы?..

Тим перехватил взгляд мачехи, который пал на то самое место, где в земле ещё были свежи отпечатки его ладоней и следы его коленей, и расхохотался.

– Ну, вы даёте! И как вам в голову могла прийти такая чушь?

– Вот и не чушь. – Малеста покраснела. – С вами не расслабишься. Приходится всегда быть наготове. Все эти дни с вами я словно на поле боя: надо смотреть в оба и держать ухо востро, чтобы не проиграть битву. А я, знаете ли, всего лишь бывшая актриса – никак не солдат и уж тем более не генерал.

– Нет, я, конечно, всё понимаю... Я несносен, непослушен и надоел вам уже до чёртиков, но не опускаюсь же я до того, чтобы...

– Вы уже достаточно опустились в моих глазах, – перебила Тима мачеха. – Напомнить, как?

Андервуд перевёл взгляд на высокое окно и прищурился, словно отмерял про себя, насколько сильно нужно оттолкнуться от земли, чтобы в прыжке основательно ухватиться за оконную раму, подтянуться на руках и кувыркнуться внутрь. Ловкость потребуется немалая; скорее получится повиснуть на той раме тяжёлым мешком, чем с первой же попытки оказаться в комнате и довольно выдохнуть. Но отступать Тим не привык.

Разбежавшись, Тим что было сил оттолкнулся ногами и прыгнул. Пальцы стукнулись о дерево и вцепились в него мёртвой хваткой. Пара-тройка мелких, противных заноз была гарантирована. Руки напряглись, но удержаться не получилось, и Тим, сорвавшись, шлёпнулся прямо к ногам мачехи. Сплюнув, стиснул зубы и процедил:

– Попробую ещё раз.

Снова разбег, и снова Тим повис на окне, хаотично брыкаясь ногами.

– Помогите же, – прохрипел он, стараясь подтянуться.

– Сейчас, – подхватила Малеста.

– Поддержите меня, а я уж как-нибудь дальше сам.

– Поддержать? – рассеянно переспросила Малеста, прикидывая, за что именно ухватиться.

– Быстрее. Иначе я снова грохнусь.

– Значит, поддержать... – повторила для себя Малеста и тряхнула кистями рук, словно разминала их, примеряясь поочерёдно то к локтю, то к колену Тима.

Но выбор был очевиден. Как бы Малеста ни противилась этому в душе, как бы ни возмущалась про себя и ни краснела, осознавая, насколько неприлично это может выглядеть со стороны, она всё же решительно мотнула головой, прогоняя последние сомнения, и, зажмурившись от стыда, обхватила ладонями ту самую мягчайшую заднюю часть тела Тима,

которая, возможно, и являлась причиной перевеса.

– Сегодня мы как никогда сблизились с вами, матушка, – раздалось язвительное над головой.

– Лезь уже, – огрызнулась Малеста, не отнимая рук от ягодиц.

– Вы настолько очарованы происходящим, что забыли о манерах? Обещаю, об этом конфузе никто не узнает.

– Если ты немедленно не залезешь в это чёртово окно...

Малеста не успела договорить, как Тим оказался внутри.

Её руки освободились от постыдного плена, и оставаться во власти неловких воспоминаний долго не пришлось: по ту сторону стены, в каморке, раздался сильный шум. Что-то загрохотало, задрезжалось, зазвенело, и за всем этим последовал мученический стон.

– Тимоти, – позвала леди Андервуд, – с вами всё в порядке?

– В порядке, – послышалось страдальческое. Произнесённые слова были подхвачены непонятной возней, которая закончилась громкими шагами по направлению к двери.

– Только с замком не шумите, – крикнула в окно Малеста. – Надо сломать аккуратно и тихо.

– За кого вы меня принимаете? Я всего лишь начинающий помощник адвоката, но никак не взломщик.

– Я всё понимаю, но всё же попытайтесь обойтись без громыханий. Не хотелось бы увидеть здесь...

Ведущая в каморку Бетси дверь отворилась с лёгким скрипом.

Изумлённая мастерством Тима Малеста уже подбирала слова похвалы, как вдруг услышала невообразимое:

– Дверь была открыта.

Тим стоял в дверном проёме, весь взъерошенный и помятый, и протягивал мачехе руку.

– К-как открыта? – пробормотала та, вкладывая свою ладонь в его и переступая порог.

– Так. Видимо, ключ от этого местечка имеется не только у миссис Мерит, либо старуха что-то недоговаривает.

– Она, наверно, просто позабыла запереть дверь, после того как показала это место нам. Миссис Мерит – женщина в годах и легко может пропустить такую мелочь.

– Я наблюдал, как ловко она тасовала карты, перед тем как разложила пасьянс. Даже руки не дрожали. И как она взвешивала в уме каждое блюдо, поданное за ужином, просчитывая, не положила ли кухарка шпината больше, чем положено. Поверьте, миссис Мерит не имеет ничего общего с теми пожилыми дамами, которые уже давно в полузабытьи. Я более чем уверен, что ключ в этом замке миссис Мерит поворачивала и не один раз.

– А у меня вот всё больше возникает ощущение, что вы что-то там себе навывдумывали и теперь пытаетесь подвести под свои выдумки поступки других людей и прочие мелочи жизни.

– Я бы доказал вам обратное и немедленно, но... Каким же неуклюжим ослом надо быть, что уничтожить единственную улику, способную вывести всех этих врунов на чистую воду!

Малеста уже вознамерилась возмутиться такими речами, но увиденное заставило её сдержаться слова и, подобрав платье, пройти по тесной комнатёнке с осторожностью и неторопливо.

Весь пол вокруг был в битом стекле и источал такие сладкие и приторные ароматы, что

начала кружиться голова. Разноцветные флакончики, некогда величаво смотревшиеся на полном пыли столе, теперь валялись в разных местах: около шкафа, под стулом, под окном и даже возле стоявшей в углу щётки, редкой на щетину, но с длинной деревянной ручкой. Разбитые и уцелевшие, с выбитыми пробками и до сих пор закупоренные, склянки разных цветов и форм являли собой зрелище по жути не менее впечатляющее, чем выкорчеванная с корнем герань. Разница была лишь в одном: если герань растоптали умышленно, то в случае с флаконами всё вышло совершенно случайно.

– Это... это вы натворили?

– Нога подвернулась, – оправдывался Тим. – Да и откуда мне было знать, что стол с кучей стекляшек находится прямо под окном?

– Вы были так наблюдательны в отношении миссис Мерит, но не смогли элементарно проработать план вторжения в этот убогий сарай? Не сумели запомнить, где именно на площади в три квадратных ярда стоит один чёртов стол?

Тим хмыкнул.

– Первый раз в жизни встречаю женщину, мыслящую понятиями из области математики.

– Вам скоро придётся мыслить так же. Когда миссис Мерит узнает, что вы учудили, то выставит счёт. Такой счёт, что считать – не пересчитать.

Тим отмахнулся, аккуратно обошёл лужу из осколков и душистой воды, присел на корточки и начал внимательно всё разглядывать. Поднимающееся из-за леса солнце помогало и щедро посылало в распахнутое окно яркие лучи, но всё же было ещё слишком слабо, чтобы осветить каждый уголок и позволить рассмотреть каждую стекляшку, даже самую крохотную.

– Ничего не выйдет, – разочарованно выдохнул Тим и уселся на пол, прислонившись спиной к кровати. – Сейчас в этой каше уже ничего не разобрать.

– А что вы собирались тут высмотреть? Хотели убедиться, что найденное среди гераней стёклышко как-то связано с пузырьками?

– А оно точно связано. Тот же цвет, тот же запах... Этот осколок – частичка одного из флаконов со стола. Кто-то был так неосторожен, что разбил его в саду. Может, испугался моих шагов? Если бы я не опрокинул тут всё, то смог бы убедиться, что нужного флакона нет, и смог бы доказать, что кто-то вовсю шарится в этом местечке и делает это чаще, чем думает миссис Мерит.

– Погодите. Вы утверждаете, что кто-то разбил в саду флакон, а затем принялся прятать осколки среди цветочных горшков?

– Скорее искать, чем прятать. Да. Точно. Кто-то рылся в земле из-под гераней, услышал мои шаги, встрепенулся, выронил флакон, а тот ударился о камни и разбился. Куда делись остальные осколки – не берусь судить, но, возможно, они тоже где-то там, в земле или под камнем, или ещё под какими кустами.

– Так вы копались в геранях, потому что полагали, что там что-то спрятано? Какая чушь! Я понимаю, что по ночам все чувства обостряются, но вам следовало бы умерить свою подозрительность.

– Тогда как вы объясните это? – Тим кивнул на пыльный стол.

– Ничего странного не замечаю.

– А я заметил. Ещё днём.

– Так поделитесь.

– Миссис Мерит клялась, что каморка не открывалась годами и с момента смерти Бетси сюда никто не входил. Верно? Покрывшийся пылью стол был отличным тому доказательством. Уборку уже лет двадцать не делали, а к флаконам не прикасались, вот под ними и было чисто и ни пылинки. А теперь представьте, что я почувствовал, когда под одной из склянок обнаружил толстенный слой пыли. Выходит, пузырёк поставили на стол не так давно. Возможно, не прошло и недели. Но кто, если ваша обожаемая миссис Мерит без устали твердит, что это место пусто и всегда взаперти?

– От вашего отца я слышала, что вы ещё тот злостный прогульщик и занятия в университете пропускаете чаще, чем обналачиваете отцовские чеки.

– К чему вы клоните?

– К тому, что вы переборщили с чтением детективных романов, иначе с чего такой полёт фантазии? Лекции вы прогуливаете, а более нет места, откуда вы могли бы почерпнуть такие знания. Значит, виной всему дешёвые романы, да и рассуждаете вы так же, как их герои.

– Может, у меня талант к сыскному делу?

Малеста презрительно фыркнула.

– У вас талант к выдумке. Вы что-то там себе вообразили, чего не может быть. Вот увидите: солнце взойдёт, начнётся день, и то, что казалось ночью странным, перестанет таким казаться, обретёт правильные формы и развеет ваши подозрения.

– Сомневаюсь, – вздохнул Тим и принялся осматривать оцарапанную ладонь. – Если мне что-то втемяшится в голову, то выбить это будет трудновато.

– Я в этом убедилась на личном опыте. Восемь лет назад вы за что-то возненавидели меня и несёте эту ненависть в своём сердце до сих пор. И она настолько сильна, что вы готовы унижать меня любыми способами. – Малеста подняла с пола один из счастливым образом уцелевших пузырьков, откупорила и втянула носом аромат. – Возьмите. Это поможет. Найдите полоску ткани почище, промочите духами и протрите рану.

– Вы заняли место моей матери...

– Вы уже достаточно умны, чтобы понять, что меньше всего тем поступком я хотела досадить вам.

– Отец никогда её не любил...

– Я, кажется, не просила вас откровенничать.

– Прошу, молчите. Когда и где ещё это делать, как не в тесноте и не в рассветных сумерках? Пользуйтесь сложившейся ситуацией и моим расположением: другого шанса вывести меня на откровенный разговор не будет.

Тим осмотрел разорванную в нескольких местах рубашку. Для носки она уже не годилась, зато для обработки царапин – вполне. Оторвав длинную и широкую полоску, Тим смочил краешек богатыми на луговые травы духами и приложил ткань к ранкам. Защицало.

– В молодости отец любил покутить, – продолжал Тим, будучи всецело поглощённым обработкой ладони. Он даже не заметил, как Малеста пристроилась прямо за его спиной, на кровати, и, сунув руку под одну из подушек, внимательно слушала, прикрыв от усталости глаза. – И даже в зрелом возрасте своим привычкам не изменил: достаточно вспомнить, в каком кошмарном месте он отыскивал вас...

– Вы опять взялись за старое?

– К сорока годам он промотал столько и залез в такие долги, что если бы не матушкины деньги, мы пошли бы по миру.

– Вот видите. Ваш отец всё же сумел сдержаться. Другой на его месте спустил бы и её сбережения.

– Всё это было очень странно. Каким-то образом мы вдруг стали снова богаты. Баснословно богаты. И всё это случилось почти сразу после смерти матери. Помню, отец много ездил по разным адвокатским конторам, а потом в один прекрасный день завалился в дом с карманами, полными денег, и его шейный платок был перепачкан пудрой и румянами. В тот день я его возненавидел.

– А потом вы возненавидели меня...

– Вы появились двумя годами позже. Тогда мне было уже всё равно. Вы просто пополнили мою копилку ненависти. Ведь вы такая же, какими были все остальные. Рыженькие, брюнетки, высокие, толстые... Чем вы отличались от них? Лишь тем, что повезло вам больше и вы сумели заполучить кольцо на палец. А в остальном – одно и то же.

– А чем вы отличаетесь сейчас от своего отца? Чем вы лучше его? Разве вы ведёте праведную жизнь в столице? Разве старательно учитесь и не проводите время за выпивкой и картами? Разве вы цените жизнь, не прожигаете её? Может, вы с уважением относитесь к другим людям? Может, создаёте что-то во благо будущего? Какую радость вы принесли в этот мир, какому человеку бескорыстно улыбнулись, чьё сердце согрели и какого несчастного искренне выслушали? Вы играете в театре, вы примеряете маски каждый день, но вы упустили тот момент, когда одна из масок намертво приклеилась к вашему лицу. И она отвратительна, Тимоти. Она настолько омерзительна, что даже говорить о ней мне сейчас трудно.

– А я и просил помолчать, если вы вдруг забыли.

Тим несколько раз обернул тканевую полоску вокруг ладони и закрепил.

– Если вам неприятно слушать, значит, в вас ещё осталась капля сострадания... Нет, только не сейчас.

Дрожащий голос мачехи заставил Тима резко обернуться.

Малеста, как и прежде, лежала на кровати. Её глаза были закрыты, а пальцы касались висков.

– Что случилось? Опять болит?

– Схватило так, что, кажется, вот-вот взорвётся.

Тим вскочил с пола и присел на краешек кровати. Накрыв своими руками руки Малесты, бережно отвёл её пальцы в сторону и сам надавил на виски.

– Не лучше?

– Немного. Но долго не продержаться.

– Не вздумайте мне тут грохаться в обморок. Мы не в Девонсайде, а миссис Мерит – дама строгих принципов и высокой морали. Боюсь представить, что она подумает.

– Она подумает, что мне опять стало плохо...

– Что-то мне в это не верится. Так. Ладно. Лекарство при вас?

– Я не взяла его. Не думала, что мы после Девона завернём в «Буки» и останемся здесь на ночь.

– Чёрт. Оно всегда должно быть с вами. Всегда! Ясно? Я сейчас.

– Куда...

Малеста не успела договорить, как Тим уже вернулся. Ещё одна полоска ткани была оторвана от рубашки и смочена во всех возможных ароматных настойках, как разлитых по полу, так и уцелевших во флаконах.

– Поднесите к носу и держите. Не морщитесь – в вашем состоянии сейчас не до привередничества.

– Тут намешано всего подряд...

– Знаю. Так и надо. Чем резче – тем больше шансов, что вы не окажетесь внезапно без сознания.

– Одна мысль о том, что миссис Мерит может застукать меня на этой кровати, заставляет меня держаться.

– Вот и держитесь, и тряпку у носа тоже держите. А ещё ложитесь поудобнее и попробуйте уснуть.

– Если я усну, то точно позора не избежать.

– Я разбуду вас. Слуги проснутся не раньше, чем часа через два. Так что у вас достаточно времени, чтобы вздремнуть.

– Вы точно меня разбудите?

– Не доверяете?

– Боюсь оказаться в центре очередного розыгрыша.

– Ваша подозрительность не лишена смысла, но... – Тим снова опустился на пол, снова прислонился спиной к краю кровати и вытянул ноги вперёд. – Сегодня обойдёмся без шуток. Спите. Я прослежу за вашим дыханием и разбуду, когда настанет момент. Обещаю, что мы вернёмся в дом незаметно для всех и уж точно до того, как миссис Мерит спустит ноги с кровати.

Малеста не ответила. Укрывшись накидкой, она подложила руку под голову и закрыла глаза. Усталость была столь сильной, что сон пришёл в ту же минуту. А Тим всё болтал и болтал, пока вдруг не остановился и не обернулся. Увидев, что Малеста мирно дремлет и даже улыбается во сне, хмыкнул и сладко потянулся. Его тоже разморило, и Тим даже пару раз ударил себя по щекам, чтобы взбодриться. Получилось, однако эффект длился не больше пяти минут, и спустя некоторое время Тим уже потихоньку клевал носом, затем вздрагивал, просыпался, вставал, ходил по комнате, выглядывал в окно, каждый раз убеждаясь, что в доме по-прежнему все спят, снова устраивался у кровати и снова принимался дремать, при этом чутко реагируя на каждый шорох, включая шелест листьев на улице и возню белок среди травы и сухих, обломившихся веточек. И так продолжалось до тех пор, пока сон не победил и Тим не уснул так крепко, как обычно спал после нескольких карточных раундов в «Сорняках», когда мозг был уже настолько отравлен табаком и алкоголем, что не соображал ничего, а только отключался, стоило Тиму развалиться на диване или широком кресле, и включался не раньше полудня следующего дня...

***Кносский лабиринт** – в древнегреческой мифологии сложное сооружение со множеством запутанных переходов, спроектированное легендарным изобретателем и инженером Дедалом на острове Крит. Согласно афинской мифологии лабиринт был так хитро построен, что сам его создатель едва смог выбраться оттуда. В лабиринте заключили чудовище-людоеда Минотавра, на съедение которому афиняне должны были отправлять семь юношей и семь девушек ежегодно. Предназначение лабиринта состояло в том, чтобы удерживать чудовище и не дать ему выбраться наружу. Позднее на остров в числе юношей для Минотавра прибыл герой Тесей. Его полюбила Ариадна и, чтобы помочь выбраться из Лабиринта, дала ему с собой клубок ниток. Тесей привязал конец нити к двери у входа в лабиринт и, убив Минотавра, благополучно выбрался из запутанных ходов.

Глава 13. Платяной шкаф

– Мистер Андервуд, здесь приличное место, а не притон, как вы изволили, верно, подумать!

– Уважаемая миссис Мерит, во-первых, подумал я совершенно другое, а, во-вторых, вы исключительно правы в выборе нужного слова. Именно притон! По-другому это место не назовёшь, если прошёл уже час, а мне так никто и не сумел чётко и без бляения объяснить, где мои жена и сын.

– Мистер Андервуд, наберитесь терпения! Где ваши манеры?

– Боюсь, что манеры – меньшее, о чём я способен сейчас думать. Миссис Мерит, я ожидал увидеть здесь свою супругу, которой больно ходить и которая лежит в постели, не вставая. А что увидел? Пустую спальню? Хорошенькое дельце!

...Тим поводит носом и отмахнулся от комара. Тот пищал прямо над ухом и мешал досматривать такой интересный, но и одновременно нелепый, сон. Как будто отец был где-то рядом, и как будто он был сердит и весь красный, как варёный рак, а старушка миссис Мерит прыгала вокруг него, махала руками и о чём-то сбивчиво вещала. Очень странный сон.

И если отец в гневе нет-нет да и снился Тиму раньше, особенно в дни провала экзаменов или других неприятностей, то миссис Мерит в своих снах Тимоти никак не ожидал увидеть. Во-первых, она была совершенно не в его вкусе, и, во-вторых, о ней Тим думал меньше всего на свете просто потому, что узнал её всего день назад. Даже о мачехе, которую не мечтал увидеть и в кошмарах, Тим вспоминал чаще. Но ещё страннее в сегодняшнем сне было то, что чем дольше он длился, тем больше начинал походить на реальность, которая, стоило открыть глаза, огорошила бы Тима по голове не хуже стального молота.

– Мистер Андервуд, – полный абсурда сон продолжался, а пожилая леди не умолкала, – прошу вас вернуться в дом. Вы потоптали мне уже все левкой.

– Миссис Мерит, я провёл в вашей гостиной час. Час! За это время можно было иголку в стоге сена найти! Что это за кривая сторожка?

– Каморка моей бывшей служанки. В ней никто не живёт уже почти двадцать лет.

– В ней искали?

– В этом нет никакой необходимости. Она день и ночь заперта.

– Значит, надо проверить.

– Мистер Андервуд, вы ставите под сомнения мои слова? Какая бестактность!

...Хлоп!

Тим всё-таки прищёпнул назойливого комара на своей шее и открыл глаза.

Яркое солнце стояло высоко. Птицы весело щебетали, а особо деятельные тягали из стороны в сторону жирного червяка. Роса на траве давно высохла, и садовые цветы, свернувшиеся на закате, вновь распустились и подставили бутоны и лепестки солнечным лучам, спеша насладиться их теплом, прежде чем на небо придут тяжёлые и полные влаги тучи.

Солнце? Ясное небо? Голоса?

Тим в панике обернулся.

Вымотанная за день и ночь Малеста мирно спала на кровати, всё так же положив одну руку под подушку, а другой сжимая край накидки. Та согревала отлично, и оттого сон был крепок и ровен.

Тим привстал и тихо, крадучись, приблизился к окну. Осторожно выглянул, и неприятный холодок побежал по спине.

Это был не сон. Миссис Мерит и отец действительно стояли всего в тридцати ярдах от домика Бетси и всюду припирались. Отец при этом размахивал найденной в комнате Тима тростью и, казалось, готов был вот-вот прибить той тростью хлипкую на вид старушку, но старушка оказалась крепким орешком и махала разложенным веером так, что, случись схватка, неизвестно что одержало бы верх: лакированная палка с выгравированными на набалдашнике инициалами или расписанное цветами и райскими птицами бамбуковое опахало.

– Вы уподобились настоящему варвару! – продолжала вопить миссис Мерит, не позволяя отцу Тима и шагу ступить. – Вы, что же, возомнили себя беспардонной ищейкой, которой всё дозволено? В таком случае предъявите документы на обыск!

– Миссис Мерит, – по голосу Джейкоба было件нятно, что спор ему порядком поднадоел, и он уже сто раз успел пожалеть, что вступил в словесную перепалку, ведь первенство в этом искусстве явно было на стороне сухопарой старушки, – речь идёт о моей жене. Вчера в ночь я получил сообщение, что ей нездоровится и что она осталась у вас до утра. Утром она не вернулась. Сейчас время уже близится к обеду, а я до сих пор не увидел её ни в Девонсайде, ни здесь, в «Буках». Вам не кажется, что на одном только этом основании я имею полное право учинить здесь самый настоящий обыск? Отойдите в сторону, не то мне придётся сойти на газон.

– Не двинусь с места! – безапелляционно заявила хозяйка, решив, что лучше поступиться аккуратно стриженной травой, чем принципами. – Ваша бесцеремонность раздражает. Если бы не ваша супруга, я никогда не приняла бы в «Буках» никого из рода Андервудов и наказала бы кучеру объезжать ваш дом далеко за миллю и никогда к нему не приближаться!

– Это было бы замечательно! А теперь подвиньтесь. Последнее предупреждение.

Тим не стал дослушивать, чем закончится противостояние. Упрямство миссис Мерит было на руку, и нужно было им пользоваться как можно быстрее.

– Эй... – пробормотал Тим и коснулся плеча Малесты. – Эй, просыпайтесь. Проснитесь же, ну, пожалуйста.

Малеста зашевелилась, но сон был крепок, и Тиму пришлось снова трясти мачеху за плечо.

– Да проснитесь же! – Тим смахнул капли пота со лба. – Чёрт, что же делать? – прошептал он, испуганно озираясь по сторонам.

Счёт шёл на минуты, и вот уже сухая ветка хрустнула под тяжёлым сапогом отца.

– Малеста – продолжал тихонько звать Тим, – откройте же, наконец, глаза!

И от отчаяния с такой силой сжал плечо мачехи, что та вздрогнула, проснулась и взвизгнула бы громко и пронзительно, если бы Тим вовремя не сообразил накрыть её бледные губы своей холодной и влажной ладонью.

– Тише, – всё тем же шёпотом пробормотал Андервуд. – Ради бога, ничего не говорите. Нам надо выбираться отсюда. Там... – Тим ткнул пальцем в сторону окна, – там мой отец и миссис Мерит.

Теперь и Малеста была белее снега и холоднее льда, которым покрывались озёра особенно холодными зимами.

– Сейчас не время выяснять отношения, – ответил Тим, прочитав полный укоризны вопрос в глазах мачехи. – Надо срочно делать ноги, иначе вам не избежать позорных слухов, а мне... Страшно даже подумать, что со мной будет.

– Какая же я была дура, что доверилась вам, – проронила Малеста.

– Я же сказал, что сейчас не время. Вставайте. – Тим протянул руку. – Мы ещё можем успеть ускользнуть отсюда.

– Вы в своём уме? Дверь выходит прямо на дорожку. – Малеста вытянула шею и попыталась рассмотреть, что творилось на улице. – Да мы не успеем и шага ступить, как нас заметят. Пригнитесь! Джейкоб уже у окна!

Стена в виде непробиваемой миссис Мерит пала, и шаги отца становились слышны всё отчетливее и отчетливее.

– Сюда! – шепнула Малеста и толкнула Тима к стене, у которой стоял высокий платяной шкаф. Тот тут же распахнул свои объятия и выпустил прямо в лицо Тиму стайку порхающей моли. – Живо! Внутри!

Два мышинного цвета платья заволновались, как только Малеста отодвинула их рукой в сторону.

– Это глупо! – возмутился Тим.

– Глупо будет, когда через несколько секунд сюда ворвётся Джейкоб!

– Я не об этом. В шкаф надо лезть не мне, а вам!

– Что?

– Сами подумайте. Если отец застукает здесь меня, а не вас, то даже бровью не поведёт!

Сын – обормот, от которого и ждать нечего, кроме как таких идиотских поступков! Сегодня ночью в сторожках, завтра – в Сохо, в следующем месяце – под мостом через Темзу... Он к моим выходкам давно привык. Покричит, погрозит урезать содержание – и всего делов.

– Но...

– Не спорьте и быстрее внутрь! Давайте я вам помогу.

– Не прикасайтесь ко мне!

– Это всего лишь платье. Я прячу его в шкаф.

– Вы распускаете руки!

– Вы на осмотре у доктора Уотнера так же верещите? Считайте, что сейчас я ваш врач, и я всего лишь спасаю вашу и свою шкуры. Держите накидку и туфли. И, умоляю, сидите тихой мышкой и не шевелитесь.

– Но здесь так душно... Мне может стать плохо.

– Постарайтесь продержаться. Обещаю, что долго сидеть вам не придётся. Я уведу отца при первой же возможности, и вы выберетесь на улицу. Тссс. Он уже здесь.

Дверцы шкафа еле слышно скрипнули, пряча измученную леди Андервуд, а следом за ними скрипнули и половицы. Это Тим проскочил к кровати и, не раздеваясь, прямо в ботинках, плюхнулся на проваленную перину и измятое покрывало и свернулся калачиком. Несколько раз выдохнул, заставляя сердце биться ровнее, закрыл глаза и приготовился к худшей в своей жизни встрече.

В замочной скважине заворочался ключ, за которым тут же последовал полный удивления возглас миссис Мерит:

– Но я же запирала вчера дверь! Как она могла оказаться открытой?

На что тут же было получено язвительное:

– И вы ещё удивляетесь, почему я ставлю под сомнение ваши слова?

– Но я точно помню, как вставляла ключ.

– А ещё вы точно помните, что вчера вечером моя супруга и мой сын были в вашем доме!

Дверь распахнулась, и Тиму ничего не оставалось, как вжать голову в плечи и думать только об одном. Нет, не о том, как пережить головомойку и унижения от отца. И не от том, как не сорваться на ответную ругань и не затянуть ссору на долгие месяцы. А о том, как бы случайно не слетела с прохудившихся петель дверца платяного шкафа и не выдала Андервуду-старшему тайну, которую знать ему ни в коем случае не полагалось.

– Та-а-ак. – Джейкоб переступил порог. Рука, сжимавшая трость, напряглась. – И почему я не удивлён?

– Ничего не понимаю... – Миссис Мерит была ошарашена увиденным.

– Ну, от этого-то болвана я ничего другого и не ожидал. А вот где моя жена? А? – И взглядом победителя Джейкоб посмотрел на миссис Мерит, которая, увидев липкое месиво на полу, тут же схватилась рукой за сердце и громко заохала.

– Что здесь произошло? – простонала миссис Мерит. – Объясните.

– Сейчас выясним, – холодным тоном произнёс Джейкоб, приблизился к кровати и ткнул сына тростью в бок. – Вставай. Я знаю, ты не спишь.

Притворяться было бессмысленно – Тим сел на кровати.

– Ночью стояла такая духота... – начал он, но был тут же остановлен отцом.

– Миссис Мерит, вы не позволите мне поговорить с сыном наедине? Вся его болтовня не будет стоить гроша ломаного, поэтому мне бы не хотелось, чтобы вы утруждали себя и слушали. Займитесь пока поисками моей жены. Учтите: я разнесу здесь всё, если не увижу её через... – Джейкоб сунул руку в карман жилета и вытащил часы на цепочке, – через полчаса.

Джейкоб Андервуд говорил и выглядел сурово. Вспокошённая миссис Мерит икнула от испуга и поторопилась раствориться среди кустарников и деревьев сада, при этом совершенно не понимая, в каком именно направлении следовало бы искать обожаемую подругу и по совместительству супругу столь неприятного соседа.

А Джейкоб тем временем осмотрел пыльную каморку, втянул носом воздух и тут же закашлял, так богат тот был на жасмин и сладкую ваниль, а после, с трудом преодолевая кашель, выдавил:

– Даже не знаю, с чего начать... Но я не удивлён.

– Я догадываюсь, – ответил Тим, почесал бок и нагнулся поправить ботинки на ногах.

– Долго ты ещё будешь выставлять себя шутком на людях?

– Поверь, каждой моей выходке есть вполне разумное объяснение.

– Да ни в одной здравомыслящей голове не уложится никакое разумное объяснение этому! – Джейкоб обвёл рукой комнату. – Сколько ты вчера выпил?

Тим наморщил лоб, вспоминая.

– Немного вина за ужином и бокал виски после.

– А если не врать? Нажрался, как свинья, и полночи шатался по улице? Ну, хоть не под дубом свалился и не в лошадиное дерьмо.

Джейкоб смотрел на сына с презрением, но тот был настолько увлечён оправлением брюк, что ничего не заметил. А, может, просто не хотел замечать. Только время от времени

едва уловимо косился в сторону платяного шкафа, но там было всё спокойно.

– На следующей неделе мы едем в Аскот, – напомнил Джейкоб. – Я не позволю тебе позорить меня и там.

– Тогда, может, мне не следует ехать?

– Поговори у меня ещё, щенок! В Аскоте я собираюсь представить тебя не только Пикли, но и другим уважаемым семьям, а ты ведёшь себя, как последний кретин!

– Мне будет достаточно знакомства только с той, кого ты записал мне в жёнушки. Она блондинка или брюнетка? Впрочем, всё равно, лишь бы лицом и фигурой не была похожа на молочный пудинг.

Джейкоб тяжело вздохнул.

– Когда же ты возьмёшься за ум? Десять раз права была Малеста, уговорив меня отослать тебя в школу-пансион. А я-то, дурак, настаивал на домашнем обучении! Да ты бы поджёг весь дом или разнёс его вплоть до фундамента!

Тим хмыкнул.

– Как ты, однако, легко пошёл на поводу у жены.

– И об этом не жалею. Её наблюдательность оказалась к месту.

Тим поднялся и встал напротив отца.

– А вот мне почему-то кажется, что отослать меня из дома была твоя идея, а не её. Так кто из нас двоих сейчас врёт больше?

Джейкоб поджал губы, высказывая тем самым сильнейшее неудовольствие, и внимательно посмотрел на сына. Неодобрительный взгляд скользнул по выступившей на лице щетине, по взъерошенным волосам, таким же тёмным, слегка вьющимся и густым, как и у первой жены, по разорванной рубашке и перевязанной ладони. И внезапно Джейкоб спросил:

– Ты был здесь один? – И тут же зачем-то ответил сам себе: – Ну, конечно, один. Как же иначе?..

– А с кем я должен был быть?

– Забудь.

– И всё же? Хотя я, кажется, догадываюсь. – Тим прищурился. – Не свою ли златовласую пташку потерял? Погоди... Её спальня, что же, тоже пуста? И ты вообразил, что она может быть со мной и здесь? – Тим запустил пятерню в волосы и громко рассмеялся. – Ничего глупее в жизни не слышал! Чтобы я и она... Чтобы я и...

– Замолчи! – Джейкоб шагнул к окну и выглянул. Убедившись, что рядом с домиком не вертится какой-нибудь специально подосланный хозяйкой слуга с отличным слухом, повернулся к сыну и бросил: – Твоя мачеха – женщина недалекого ума, и я это не отрицаю. И она из низов, но об этом знают только избранные. А от недалёких и ниже нас по статусу женщин много чего можно ожидать. Однако в отличие от тебя твоя мачеха покладиста и проблем мне никогда не создавала. И вот тут тебе есть чему у неё поучиться.

– Никогда не создавала? Тогда чего ты весь красный и пыhtiшь, как загнанный бык? Видимо, сегодняшним утром не только я создал тебе проблему, а?

Ещё немного – объяснять придётся больше. Джейкоб это почувствовал и предпочёл в то же мгновение вернуться к старой теме, в которой являлся неоспоримым победителем.

– Ты у меня ещё повякай! На твоём месте я бы боялся сейчас головы поднять. Я бы помалкивал, вёл себя скромно, немедленно вернулся в дом и привёл себя в порядок.

– Я так и сделаю, отец. Но всё же мне интересно...

– И сделай, – перебил Джейкоб. – А лучше сядь в экипаж и сиди там. И чтобы из экипажа ни ногой, не то слуги увидят, каким ты стал пугалом, и разнесут об этом по всем окрестностям! А вот дома мы и поговорим серьёзно.

– А я вот не привык тянуть с серьёзными вещами. И, замечу, сад миссис Мерит – прекрасное место для выяснения отношений. Особенно хороша одна тропинка с геранями, но тебя она не впечатлит. Поэтому предлагаю просто побродить по окрестностям. Соглашайся. Тебе ведь так сейчас хочется на мне оторваться! Хочется же, да? Обещаю, что выслушаю всё, что ты на меня выплеснешь. И ещё обещаю, что в Аскоте предстану перед Пикли без сломанных конечностей и с головой на плечах, если, конечно, ты не вмешаешься.

– С Пикли ты будешь молчать, как рыба!

– С удовольствием. Но моей невесте это может не понравиться. Так мы договорились? Отец... Эй!

Тим кричал уже вдогонку Джейкобу, так как тот, порядком устав от бестолкового и зашедшего в тупик разговора, широким шагом прошёл к выходу, вышел на улицу и остановился только, когда приблизился к акации, за которой начинался спуск к беседке, устроившейся в тени старой плакучей ивы и на берегу небольшого пруда.

– Он ушёл, – шепнул Тим в сторону шкафа. – Ещё пара минут, и я утащу его к реке. Выждете немного и выходите. Дорога к дому будет свободна минимум полчаса. Но дольше, боюсь, я не продержусь. Вы меня слышите? Слышите же, да? – Тим прислушался, но ни лёгкого стука, ни какого-то другого звука в ответ не уловил. – Надеюсь, что у вас всё в порядке. – И Тим выскочил в сад.

Если бы в крошечном домике Бетси были часы, они бы отшумели примерно четыреста секунд, когда, наконец, скрипнули давно не смазываемые маслом петли и из шкафа показалась Малеста. Её лицо было бледным и измученным, как будто она провела на ногах не половину ночи, а всю, а во взгляде красивых глаз потухла последняя искорка жизни, словно в одночасье всю ту жизнь смяли, как листок бумаги, и швырнули в камин к тлеющим поленьям.

Выбираться из тесного шкафа было нетрудно, но ноги почему-то не слушались, и Малеста чуть не запуталась в платье. Неудобства добавила висевшая в шкафу старая одежда Бетси, во многих местах застиранная. Одно из платьев вдруг качнулось вслед за Малестой, соскользнуло с вешалки и накрыло бедную леди Андервуд с головой. Тяжело вздохнув, Малеста стянула его с себя и швырнула в сторону, а затем, фыркнув, прогнала упавшую на глаза прядь волос, подняла голову и огляделась. Вокруг царил настоящий бардак, приправленный щедрой порцией вязких ароматов и облака пыли, витающего вокруг выпавших из шкафа тряпок.

Закутавшись в накидку и сунув ноги в туфли, Малеста заспешила к выходу, но, прежде чем переступить порог, оглянулась и ещё раз прошла взглядом по комнате, приютившей на ночь. Слишком много сказано было в этой неказистой хибаре за последние часы, и слишком много тайн она хранила. И, возможно, даже больше, чем кто-либо мог себе представить. Разбитые пузырьки, скрипучий шкаф, невзрачное платье с отлетевшей от рукава манжетой, перевёрнутая корзинка, с которой удобно было ходить на луг за травами... Блуждать взглядом по тесной комнатёнке можно было вечно, и всегда находилось что-то новое, ранее незамеченное. Но время шло, и разбрасываться им было нельзя, а тем более нельзя было тратить на такую ерунду, как разглядывание рисунка на наволочках на подушках.

В который раз поправив на себе накидку, Малеста, настороженно прислушиваясь,

постоянно озираясь и время от времени прячась за деревьями, заторопилась по направлению к дому. К её счастью, по дороге ей никто не попался: слуги были заняты каждый своим делом и около полудня нос на улицу не совали, а миссис Мерит так взволновал неожиданный визит лорда Андервуда, что она, вместо того чтобы отправиться на поиски его жены, заперлась у себя в комнате и всю налегала на успокоительные капли, совсем не боясь превысить рекомендованную доктором дозу.

Спешно переодевшись, зачесав и спрятав волосы под шляпкой, Малеста оправила складки на платье и ожерелье на шее и вышла из отведённой ей спальни. На первый этаж она спускалась, дыша ровно и спокойно, про себя в мыслях приготовившись вместе со всеми удивляться нелепой ночёвке Тима в домике прислуги. Тут же на ходу придумала и историю о том, как задремала во время утренней прогулки под той самой ивой у пруда, к которой должны были спуститься Тим и Джейкоб, и ушла оттуда буквально за пять минут до их прихода. В общем, ложь и притворство должны были пойти как по маслу, но внезапно внизу хлопнула дверь и громкие препирательства мужа и пасынка нарушили и без того шаткое равновесие леди Андервуд. Голова закружилась, всё поплыло перед глазами, и Малеста, хоть и держалась за перила, начала медленно оседать на ступеньки, как вдруг чьи-то руки уверенно обхватили её за талию и бодрый голос не дал погрузиться в обморочный водоворот.

– Я же говорил, что леди Андервуд просто отдыхает на втором этаже. Тщательнее надо было спальни проверять! Леди Андервуд нездоровится – она вполне могла ошибиться комнатой.

Это был голос Тима. И это были его руки. И это было его дыхание прямо у её щеки. И Малеста чувствовала, как он тоже устал. Устал от всего: от наполовину бессонной ночи, от вечного спора с отцом и его упрёков, но больше всего устал от притворства, ведь играть беспечного, насмешливого и равнодушного до всего прожигателя жизни было не так-то и легко человеку, которого, стоило ему остаться наедине с самим собой, душили слёзы.

– Где ты была? – напролом пошёл Джейкоб, не проявив и толики сочувствия к состоянию жены. – Мы обыскали весь дом, не пропустили ни одной комнаты...

– Видимо, одну всё-таки пропустили, – ответил за Малесту Тим. Он не убирал рук, держал мачеху по-прежнему крепко и одновременно нежно, словно та была одной из хрупких роз, цветущих в саду Девонсайда.

– Не важно, – пробормотал Джейкоб и бросил сыну: – Помоги леди Андервуд сесть в экипаж. Мы уезжаем отсюда немедленно.

Тим перевёл взгляд с отца на бледное лицо мачехи.

– Я бы подождал с полчаса. Ей может стать хуже в дороге.

– У тебя туго со слухом? Немедленно, я сказал! – отчеканил Джейкоб и, завидев появившуюся на первом этаже миссис Мерит, приподнял шляпу, прощаясь.

Но строгих принципов старушка даже не повернула головы в сторону заносчивого соседа. Лишь подозвала к себе служанку, что-то шепнула той на ухо, и рябая лицом девчонка, проскользнув под лестницу, обхватила руками большую коробку, что стояла на декоративном столике в компании антикварной вазы, полной сухих колосьев пшеницы. Выпорхнув на свет, девчонка сунула ту коробку прямо в руки Андервуда-старшего, сделала торопливый книксен и убежала обратно к хозяйке.

– Что это? – недовольно поинтересовался Джейкоб.

– Это шляпка, – с ребяческой улыбкой на губах ответил Тим.

– Шляпка? – На лице Джейкоба поселилась растерянность, но царила она там недолго.

– Ах, да. Вы же ездили в Девон. А где твой костюм? – тут же спросил он сына.

– Мы так увлеклись, что о нём совершенно забыли.

Взорваться новой порцией гнева Джейкобу не позволила Малеста. Сойдя вместе с Тимом с лестницы, она поравнялась с мужем, скользнула безучастным взглядом по его красному лицу и потной шее и проронила:

– Едем скорей домой. К мистеру Хиггинсу Тим ещё успеет заглянуть.

Окончательно загнанный в тупик Андервуд-старший в эти минуты чувствовал себя не лучше воробья, которому подстрелили крылья. С одной стороны, кровь в нём так и кипела, и с языка Джейкоба так и норовили сорваться новые слова укора, но, с другой стороны, язык странным образом внезапно онемел, и всё внимание приковалось к самой красивой женщине из всех, что Джейкоб когда-либо встречал.

Почему-то именно в эти минуты Малеста была невероятно хороша. Болезненной бледностью напоминала богиню, холодную и равнодушную до всего земного, чья высеченная из мрамора статуя стояла в Девонсайте у входа в картинную галерею, а прямой осанкой и горделивой посадкой головы – чуть ли ни саму королеву.

Джейкоб почувствовал, как громко и часто забилося его сердце. Вот-вот – и выпрыгнет из груди. Дикое, почти животное, желание обволокло тело, и внутри всё заклокотало от ревности, ведь именно в этот момент Тим коснулся щекой волос Малесты и сделал это так легко и непринуждённо, словно имел на то полнейшее право. Будь на месте сына кто другой, Джейкоб немедля оттолкнул бы его и расшиб ему тростью голову, но на этот раз лорд Андервуд только недовольно засопел, опустил коробку со шляпкой на пол и громко сглотнул, пытаясь смочить пересохшее горло.

Платье шуршало по полу, и прикреплённый к поясу веер слегка постукивал при каждом шаге. Тот стук немного раздражал – Малеста дотронулась до веера рукой, чтобы остановить назойливое бряканье, которое могло продлиться всю дорогу от гостиной миссис Мерит до запряжённого двумя лошадьми экипажа. Но веер продолжал буйствовать и зацепил кружевную перчатку, пригрозив при первом же неловком движении превратить кружево в одну длинную-предлинную нитку, совершенно непримечательную и даже не пригодную для дальнейшего использования. Пришлось остановиться и осторожными и в то же время ловкими касаниями пальцев другой руки высвободить из плена воздушную вещицу.

Джейкоб и это не оставил без внимания и замер, любуясь изящными руками своей супруги и ровным тоном кожи, ни капельки не дряблой, а потом вдруг напрягся и приказным тоном произнёс:

– Пойдите-ка.

Пять широких шагов понадобилось Джейкобу, чтобы преодолеть расстояние, отделявшее его от Малесты. Схватив жену за запястье, Андервуд завернул кружевную перчатку, чуть ли не стянув её полностью, и спросил:

– Что это? Кровь?

Малеста смотрела на мужа недоуменно. А тот, насупившись, изучал тыльную сторону ладони супруги, где шли параллельно друг другу две тоненькие, бордовые полосы, которые полупрозрачное кружево не сумело скрыть от пытливого взгляда.

– Ты поцарапалась?

Белоснежный платок был спешно вынут из нагрудного кармана старомодного сюртука и смочен водой из вазы со свежесрезанными ирисами. Прохладная ткань коснулась руки Малесты, и Джейкоб свёл брови на переносице ещё раз.

– Это не порез, – произнёс он, проводя платком по ладони жены. Бордовые полосы с каждым новым касанием становились бледнее, но пропадать не спешили: кровь засохла, и за один раз её было не оттереть. – Это просто след. Откуда он взялся? Где ты была?

– Это я виноват, – не раздумывая, ввернул Тим. – Ты же знаешь, я ночью немного... развлёкся. Вот, – Тим сунул под нос отцу перевязанную рубашкой руку, – поранился стеклом. Смотри, кровь даже через ткань проступила. Возможно, я случайно задел леди Андервуд повязкой на лестнице, вот её ладонь и запачкалась. – Тим повернулся к Малесте. – Простите.

– Наверно, так и было, – подхватила та, а Джейкоб, спрятав платок обратно в карман, в ответ взял жену под локоть.

– Я сам тебя отведу.

Четыре слова, сказанные тоном, не терпящим возражений, предназначались скорее Тиму, чем Малесте. Тим это понял, сделал шаг в сторону, поднял с пола коробку со шляпкой и направился следом за отцом и мачехой, которые шли неторопливо и молча.

В какой-то момент Джейкоб вдруг повернул голову назад и смерил сына подозрительным взглядом. Странные мысли с привкусом недоверия, поселившиеся в голове лорда Андервуда ещё ранним утром по приезду в «Буки» и покинувшие ту голову сразу после прогулки к пруду, вдруг напомнили о себе и начали изводить с прежней силой. Что-то явно было не так... Что-то, что Джейкоб никак не мог уловить, но что могло привести к правильным выводам, какие обычно делаются на холодную голову, но никак не сгоряча.

Однако как ни пытался Джейкоб сосредоточиться, выходило плохо. Запах женщины, что шла рядом, затуманил сознание, а страсть, изначально потушенная, вместо того чтобы спокойно тлеть, вновь разрослась и превратилась в бушующее пламя, остановить которое можно было только одним способом.

Но в планы Джейкоба вмешалась дорога, местами плохо просохшая после недавних затяжных ливней. Время от времени экипаж трясло так, что, когда показался Девонсайд, Малеста уже выглядела настолько вымотанной и бледной, что настаивать на исполнении супружеского долга было настоящим варварством. Да и солнце стояло ещё высоко, и компетентный Джонатан тут же прилип к хозяину с письмами, которые требовали немедленного ответа, тем более два из них были от самого Фредерика Пикли. В итоге, начавшийся сумбурно день закончился привычной рутинной и скучным ужином, когда даже Тим не досаждал и не ёрничал, а молча ел всё, что подали к столу.

Малеста к ужину не спустилась, сославшись на возобновившуюся мигрень, а когда Джейкоб, расстегнув верхние пуговицы жилета и ослабив платок на шее, взял в руку канделябр на три свечи и собрался уже подняться к жене в спальню, то он к своему огромному неудовольствию внезапно узнал от Хизер, что головная боль у леди Андервуд усилилась, и хозяйке пришлось выпить снотворного, чтобы перетерпеть муки во сне.

Стиснув зубы от злости, Джейкоб с несколько секунд потоптался у двери в комнату жены, потом всё же покрутил дверную ручку и переступил порог. А убедившись, что Малеста действительно спит и спит крепко, развернулся, спустился на первый этаж, заперся в кабинете, раскурил трубку и долго сидел в мягком кресле, уставившись на картины на противоположной стене, повешенные вперемешку с чучелами животных.

Тим уже второй час вертел в пальцах то самое стёклышко. Смотрел на него, не отрываясь, вспоминал каморку Бетси и каждый флакончик на пыльном столе. Потом в

памяти всплыли чёртовы герани, которые лишили сна почти на всю ночь и стали причиной довольно откровенного разговора. Изливать душу перед кем-либо Тим не привык. Даже Генри и Джефф никогда не слышали от друга ничего более личного, чем красноречивое ругательство, брошенное в адрес одного из профессоров, которому не понравилось мнение Тима в отношении одного из самых известных философских учений. Так почему же в этот раз всё пошло наперекосяк?

Ужин давно закончился, и на всех этажах огромного дома было тихо. Кто-то давно спал, а кто-то продолжал жечь свечи, доделывая последние дела.

Тим слышал, как отец поднялся к себе. Слышал, как он отдал Джонатану распоряжения на завтра и хлопнул тяжёлой дверью. Отец был не в духе, но меньше всего Тиму хотелось знать причину такого недовольства. Зато больше всего хотелось глотнуть щиплющего язык бренди и погрузиться в сон, который на трезвую голову всё не шёл и не шёл. И, когда Тим уже твёрдо определился с намерением подняться с постели, выйти из комнаты и спуститься на первый этаж за бутылкой, в дверь робко постучали.

Тим сполз с кровати.

– Кому в такое время не спится? – проворчал он, открывая дверь.

– Простите.

У Тима округлились глаза.

– В-вы? – выдавил он.

В дверях стояла Малеста и ёжилась от вечерней прохлады, царившей в тёмном вестибюле.

– Могу я войти?

– Конечно.

Тим посторонился, пропуская мачеху в спальню. Потом выглянул в коридор, повертел головой, проверяя, не видит ли кто, и спешно захлопнул дверь. И на всякий случай ещё задвинул щеколду.

– Почему я опять вижу вас на ногах? Что за самодеятельность? У вас же кружилась голова после ужина...

Малеста вяло улыбнулась.

– Всё хорошо.

– Точно? Может, мне лучше найти для вас Хизер?

– Хизер определённо будет лишняя.

– Тогда...

– Тим, я чувствую себя превосходно.

– А как же слабость за ужином?

Малеста смутилась.

– Это была просто уловка.

– Уловка?

– Вы заставляете меня краснеть...

– Вы краснеете сами по себе – я здесь не при чём.

– Понимаете...

– Не совсем.

– Понимаете, женщины иногда прибегают к таким уловкам... особенно в браке... ну, чтобы... чтобы...

Тим хмыкнул.

– Так вот в чём дело. Так бы сразу и сказали, а то всё намёками, намёками. Нет желания спать с моим отцом, так?

– Тссс, Тимоти, где ваши манеры?

Тим пожал плечами и упал в кресло около окна.

– Где-то завалялись в кармане пиджака, который я отдал бездомному в Ричмонде. И как давно у вас с моим отцом такое?

– Вашему бесстыдству нет предела. Вы не святой отец, чтобы я перед вами изливала душу.

– Просто сейчас вечер, за окном темно, мой отец громко храпит у себя в спальне... Чем не время для нового раунда откровений? Тем более здесь не каморка прислуги. У меня есть мягкие кресла, тёплый плед и приличный запас свечей. Хватит до утра. Так как? Продолжим начатое у миссис Мерит? Я могу рассказать вам много интересного в обмен на ваши тайны.

– Я пришла к вам не откровенничать.

– А зачем тогда вы пришли?

Малеста вытащила из карманчика на поясе смятую бумажку, расправила и протянула Тиму.

– Вот.

Тим нехотя поднялся с кресла, цапнул бумажку и прищурился, пытаясь в тусклом свете рассмотреть написанное.

– Что это?

– А вы разве не понимаете?

Тим пожал плечами.

– Похоже на рецепт. Но я не настолько силён в латыни, чтобы разобрать детально. Вам лучше спросить доктора Уотнера.

– И больше вы ничего не заметили?

– А есть ещё что-то? Вы про масляное пятнышко с правого нижнего края?

– Знаете, – возмутилась Малеста, – иногда вы просто блещете умом, а иногда так и хочется спросить, а если ли вообще у вас мозги! Неужели вы и правда ничего не видите?

– Разве только почерк кажется мне знакомым. Очень знакомым...

– А если так?

Малеста снова нырнула пальцами в прикрепленную к поясу сумочку и вынула стеклянный пузырёк. К его горлышку была привязана небольшая бирка, тоже содержащая слова на латыни, которые тоже плохо просматривались при редких свечах, но не слова были важны, а то, что надписи на бирке и бумажке, хоть и различались, но были сделаны одним и тем же почерком, и даже наклон букв был под одним и тем углом, без единой погрешности.

– И что? Я же сказал, что в медицинской латыни не силён.

– Это, – Малеста коснулась флакона, – моё лекарство, которое я принимаю от мигрени. А это, – настала очередь бумажки, – выпало из кармана платья Бетси, которое висело в том самом шкафу, где я провела ужаснейшие минуты своей жизни!

Удивление не сходило с лица Тима.

– И из-за такой ерунды вы встали с постели и пришли ко мне?

– Это не ерунда.

– Конечно, ерунда. Если вам так интересно, что за лекарство доктор Уотнер прописал служанке миссис Мерит двадцать лет назад, то просто спросите об этом доктора Уотнера. Уж он-то в состоянии разобрать свои каракули. Меня зачем в это вовлекать?

– Но это почерк не доктора Уотнера!

– А чей тогда? Разве не вечно пахнувший анисом Джордж Уотнер лечит вас от бессонницы и болей в висках?

– Сейчас только он, но раньше некоторые микстуры мне прописывал ваш покойный дядя, сэр Реджинальд Бигот. Оба этих рецепта написаны его рукой.

– Да ладно... – И Тим уткнулся носом в бумажки. – Разве дядя Реджи имел врачебную лицензию?

– Вы, вероятно, забыли, что он изучал медицину в Лондоне.

– Да. Было дело. Но я всё равно не разделяю вашего волнения. Что такого, что миссис Мерит обратилась к дяде за помощью для служанки?

– А то, что сэр Реджинальд Бигот всегда повторял мне, что я – единственная, кому он когда-либо помогал как врач.

Моргать и пялиться на начертанные на латыни слова можно было вечно. И Тим так и делал, пока, в конце концов, не опомнился и не пробормотал:

– Ничего не понимаю.

– Вот и я в недоумении.

– Мне определено нужно навестить в Золотые Буки ещё раз.

– Не вздумайте! Второй раз ваши авантюры я поддерживать не буду.

– Но мне во что бы то ни стало нужно разобраться с этой Бетси!

– А таком случае почему бы вам не спросить о ней мистера Хиггинса?

– Хиггинса? Того самого Хиггинса, который продаёт сюртуки и фраки?

– Именно. Если память мне не изменяет, Бетси была с ним помолвлена. Уж он точно расскажет о ней больше, чем тесная каморка, в который вы всё перевернули.

– Я отправлюсь к нему завтра прямо с утра.

– Лишнее. Я слышала, Джейкоб просил кучера на рассвете съездить за мистером Хиггинсом. Ваш отец настолько недоволен нашей поездкой в Девон, что в сопроводительной записке просил мистера Хиггинса лично приехать в Девонсайд и привезти с собой лучшее из его товара, в чём не стыдно будет появиться в Аскоте.

– Так это же отлично!

– Вот и я так подумала.

– За такую прекрасную новость надо выпить. Это первое решение отца, которое мне нравится!

– Тимоти! Сейчас уже ночь за окном. Пить будете завтра вечером, тем более что Джейкоб в своей записке предложил мистеру Хиггинсу остаться у нас на ужин.

– Знаете, почему-то всегда, когда мне предлагают выпить на следующий день, мне хочется сделать это сейчас и немедленно! Сидите здесь, а я – на первый этаж и обратно.

– Тимоти! – Малеста попыталась остановить Андервуда, но тот ловко увернулся и был уже в вестибюле.

– Сидите так же тихо, как в платяном шкафу Бетси. А в целях осторожности запритесь на щеколду. Я постучу вот так.

И Тим ударил костяшками пальцев по двери три раза.

В этой комнате Малеста бывала редко. Заглядывала в неё примерно раз в год, чтобы проверить, не пришла ли какая мебель в негодность и не пора ли чистить ковёр или портьеры. Дольше десяти минут никогда не задерживалась и уж тем более не затевала здесь долгих бесед да ещё и в компании крепких напитков.

Как она только могла позволить ему уйти вниз? Почему не выскочила из спальни сразу, как разобрались со злополучными бумажками? Вопросы, увы, риторическими не были. Малеста знала ответ, поэтому терпеливо ждала возвращения Тима, тихонько бродила по комнате, а у чайного столика даже провела чуть больше времени, чем планировала, ведь там, около бумажника и часов на цепочке, лежала книга в коричневом переплёте. Это был Шекспир, весь в пометках на полях и с закладкой на третьем акте. Так он не врал насчёт игры в театре? Очень любопытно...

Обговорённый заранее стук не заставил себя долго ждать.

– Вот. Отличный бренди. – Тим грохнул о чайный столик наполовину полной бутылкой.

– Вы заперли дверь?

– Да, на щеколду. – Карамельного цвета жидкость забулькала по бокалам. – Держите.

Это тот самый бренди, который я пил с Бетси.

– Тимоги, вы не могли ничего пить с Бетси. Она давно мертва.

– Вы правы. Но я всё равно пил. Ну, держите же. – Малеста покачала головой. – Да выпейте же со мной, и, кто знает, может, я даже соглашусь вернуть вам подвязку.

– Предложение заманчивое, но мы с вами ещё не настолько близки, чтобы вместе распивать, когда все спят.

– Прошлой ночью вы щупали меня ниже пояса. Куда уж ближе?

– Я никогда этого не сделала бы, если бы не особые обстоятельства. Но вот пить с вами не буду.

– Тогда зачем вы ждали меня?

– Я не привыкла бежать, не договорив не конца.

– Вы, что же, сидели здесь, чтобы сказать, что не будете со мной пить? Интересная вы женщина...

– Нет. Я ждала вас не для этого.

– А для чего тогда? Нашли ещё одну записульку за авторством моего дяди?

– На этот раз ваш дядя совершенно не при чём.

– Тогда не томите и говорите. Я уже весь горю от любопытства, и от моего жара нагревается бренди. А нет ничего хуже тёплой выпивки.

Но Малеста не торопилась с признанием, теребила в руках томик Шекспира, зачем-то схваченный со стола, и всем своим видом напоминала воспитанницу пансиона, которую вызвали отвечать урок перед высокой комиссией, а та так разволновалась, что позабыла заученный текст.

– Тим. – Наконец, Малеста решилась. – Я хочу, чтобы вы знали: я никогда не настаивала на том, что вы должны покинуть Девонсайд. Ни восемь лет назад, ни семь, ни шесть...

Тим отхлебнул бренди.

– Я знаю.

– Я слышала, что вы говорили отцу этим утром. И я не была уверена, честны ли вы с ним или просто огрызаться и возражать – это ваша ежедневная привычка. Поэтому и решилась на этот разговор, ведь не знала, благодарить мне вас или окончательно перестать верить в чудеса. Все эти годы вы выговаривали мне, что из-за меня лишились дома.

– Я изменил своё мнение.

– Так быстро? И что послужило тому причиной?

– Я увидел вас в шляпке с маками – этого мне было достаточно.

– Не понимаю.

– Вы были ангелом в ней. Таким же нежным ангелом, как и в день свадьбы с моим отцом, но тогда я был слишком мал, чтобы это понять. А ангелы не способны на коварство.

– Но вы же сказали, та шляпка мне не к лицу!

– Я врал. Только не удивляйтесь. Вы же знаете, я часто вру. Может, и сейчас тоже.

– Понять вас становится всё сложнее и сложнее.

– Вот и не пытайтесь это делать. Я и сам бросил все попытки. Вы точно не хотите выпить?

Малеста вздрогнула, потому что именно в этот момент дверь в спальню Тима дёрнулась и точно слетела бы с петель, если бы не спасительная щеколда.

– Тимоти! – Голос Джейкоба нельзя было спутать ни с одним другим. – Тим, открой немедленно.

Томик Шекспира плюхнулся на ковёр. Это онемевшие пальцы разжались и не удержали книжку. Приложив руку к губам, чтобы с них ненароком не сорвался предательский вскрик, Малеста замотала головой, умоляя Тима ни в коем случае не подходить к двери, хотя про себя прекрасно понимала, что сделать это было нужно как можно скорее.

Тим поставил бокал на столик, схватил мачеху за локоть и толкнул к дальней стене, у которой стоял шкаф. Платяной. И на этот раз просторный и широкий.

– Внутрь! Живо!

– О, нет, – еле слышно простонала Малеста, но здравомыслие возобладало над возмущением.

Подобрав юбки и стараясь не вслушиваться в яростные удары в дверь, леди Андервуд юркнула в пристанище сорочек и фраков, начищенных, накрахмаленных и пахнущих древесной корой и ветивером, и уже через несколько секунд услышала, как лязгнул замок.

– В чём дело? Пожар? – Тим звучал грубо и... абсолютно нетрезво. Хоть Малеста его и не видела, но была абсолютно уверена, что в этот момент он покачивался из стороны в сторону, настолько пьяно он топтался почти на каждом слове и нечленораздельно мычал. – Тогда спасай свою шкуру, а я как-нибудь сам.

– Ты один? – Зато Джейкоб не удивил. Был резок, зол и подозрителен.

– А должен быть с кем-то?

– Я слышал голоса.

– А! – Тим так звонко хлопнул себя по лбу, что даже в шкафу было слышно. – Так я репетировал. Читал по ролям и на бабских репликах кривлялся, как баба.

Но Джейкобу объяснений было мало; до Малесты донеслись его шаги, широкие и столь же резкие, как слова.

– Если ты опозоришь меня в Аскоте...

– Когда же ты прекратишь твердить про этот Аскот? Ты подумал, что перед помолвкой я решил соблазнить одну из горничных? А потом бы заявил, что в силу определенных демографических обстоятельств не женюсь на мисс Пикли?

– Я просто уже не знаю, чего от тебя ожидать.

– Вот и не надо было врываться с инспекцией. Сходил бы лучше пересчитал служанок по головам и убедился, что ни одна мной не тронута.

– Но я слышал шум...

– Я же объяснил: я репетировал. Готовился к премьере. И пил.

– Тогда почему на столе два бокала? – Малеста затаила дыхание и сжалась от страха. – Ты пил с самим собой?

Вновь шум шагов, но на этот раз – Тима, и шелест книжных листов. Скорее всего, Тим поднял с пола упавшую книгу.

Догадка сработала, потому что именно в эту секунду Тим шлепнул о стол томиком и выдал:

– С Шекспиром, отец. С Шекспиром.

Перебранка отца и сына длилась долго. Но постепенно Джейкоб Андервуд остыл, успокоился и окончательно убедился, что в спальне Тима нет никого из недалёких и откровенно глупых работниц, непременно желавших выскочить замуж за состоятельного аристократа, а сам Тим пьян в стельку и не только еле-еле стоит на ногах, но и говорит с трудом. Взяв с сына слово, что перед мистером Хиггинсом тот будет трезв как стёклышко, Джейкоб вышел из комнаты в коридор, однако перед этим ещё минуты три ворчал, как его всё вымотало и уже почти довело до нервного тика.

Дверь шкафа открылась не сразу. А когда скрипнула, то Малеста увидела Тима, в этот раз лицом измученного ровно так же, как и она сама. Протянув руку, Тим помог мачехе подняться и, убедившись, что коридор пуст и точно не таит в себе никакой опасности, тихо и устало, но в то же время с лёгкой насмешливостью в голосе, произнёс:

– Выспитесь хорошенько. Завтра нам предстоит всеми способами пытаться мистера Хиггинса, а он, я думаю, прилично убит горем после всей этой неприятной истории.

– Спасибо за всё, – улыбнулась Малеста.

Тим поморщился.

– Не благодарите. Мне просто не хотелось, что гроза разверзлась над...

– ...ангелом?

– Не угадали. Над розой. Вы ведь и на неё похожи. Роскошная, безумно красивая, но страшно одинокая, роза.

Малеста отвела взгляд.

В холодном коридоре зябли плечи, но леди Андервуд не спешила уходить, как и Тим не спешил закрывать двери. Оба стояли: один, прикрыв глаза и пребывая в чуткой дремоте; другая, вглядываясь в темноту длинного холла. Но всему когда-то приходит конец, и Малеста, пожелав Тиму спокойных снов и дав слово долго не бродить по дому, а идти сразу к себе, добавила:

– Знаете, Тим, и у самых прекрасных цветов бывают шипы...

Глава 14. И у стен есть уши

«Убитый горем» мистер Хиггинс оказался с годами раздобревшим скрягой, с небольшой, округлой бородкой и глазами цвета чересчур водянистого чая. Развесив чёрные фраки и белоснежные сорочки в специально выделенной для примерок комнате, мистер Хиггинс не поспешил браться за работу, зато с удовольствием принялся за остывший мясной рулет, который по распоряжению Джонатана ему принесла Ева. После того как рулет был съеден, лень совсем завладела мистером Хиггинсом, но Джейкоб Андервуд появился в комнате, и хозяин лавки мужского платья тут же вскочил на ноги, а зевоту как рукой сняло. За спиной Джейкоба стоял Тим.

– Я описал в своей записке рост и телосложение. Конечно, примерно. Но, надеюсь, вы всё поняли, – произнёс Джейкоб.

– Всё понял и с размерами угадал, – ответил мистер Хиггинс. – Начнём в рубашек. Выберем пару подходящих и поверх них прикинем фрак.

Джейкоб кивнул.

– Тогда я оставлю вас. Приоденьте моего сына как следует. В четверг мы едем в Аскот. Он должен произвести там правильное впечатление. И не забудьте про шляпу.

– Как можно забыть про такой важный предмет как шляпа! – воскликнул мистер Хиггинс и перекинул через руку несколько снятых с плечиков сорочек. – Раздевайтесь, сэр! – распорядился он в сторону Тима. – Начнём, пожалуй.

Начали они резво, а вот дальше пошла сплошная скука. В том фраке, который мистер Хиггинс считал последним пискom моды, Тим отказался бы появиться даже в трущобах: выглядел он в нём пингвином, да и цвет был не иссиня чёрным, а каким-то мутно-фиолетовым, словно переспелый баклажан. Другой жал в плечах, а третий висел в боках, и на рукавах немного распоролся шов.

Но мистер Хиггинс был истинным волшебником, невзирая на двойной подбородок и выпирающий живот. словно по мановению волшебной палочки, его помощник занёс в комнату ещё с дюжину фраков, которые до сей поры лежали в экипаже и ждали своего часа.

– Есть ещё с такой строчкой и с такой. – Мистер Хиггинс прикладывал фраки к Тиму поочередно, ожидая команду, с какого начать.

– В каком веке они были пошиты? – возмущённо спросил Тим. – Последний раз один из таких я видел на пугале.

– У нас тут, конечно, не Лондон, сэр, но за тенденциями в моде я слежу. Вот этот был изготовлен всего-то в марте!

Тим фыркнул.

– Свой мартовский фрак я уже давно подарил слуге! Нет ли чего поновее? Вы же понимаете, уважаемый мистер Хиггинс, мне нужно выглядеть ослепительно.

– Конечно. Скачки в Аскоте – такое дело...

– Да дело даже не в скачках. Лошадям моя личность совсем неинтересна.

– А в чём же тогда?

– В женщинах!

– Ах, в женщинах. Ну, женщины – такое дело, что порой сидишь у камина в компании рюмки коньяка и думаешь: лучше бы я выбрал лошадь...

– У вас женщинами не сложилось?

Мистер Хиггинс вздохнул.

– Совсем, сэр. А как вам этот фрак? Такой крой носит сам принц Альфред*, герцог Эдинбургский.

– Только дурак пойдёт наперекор вкусам принца. Давайте!

– По фигуре сидит идеально! – заметил мистер Хиггинс, оглядывая Тима, пока тот вертелся перед зеркалом. – Вденьте в петлицу какой-нибудь неброский цветок и будете неотразимы. Что в этом сезоне символ Аскота? В прошлом году была гвоздика.

– Главное, чтоб не герань.

– Простите?

– С некоторых пор у меня на герань аллергия.

– А я вот к ней абсолютно равнодушен.

– Правда? А к жасмину, мимозе, кардамону и прочим приторным сладостям, которые женщины так любят растирать и добавлять в душистую воду?

Мистер Хиггинс кашлянул и зарылся носом в другие фраки, которые Тим ещё не мерил.

– Продолжим? – спросил он, на этот раз снимая с вешалки серый.

– Думаю, не стоит. – Тим ещё раз осмотрел себя в зеркале. – Этот как раз именно то, что нужно. У отца можете не спрашивать – он напрочь лишён какого-либо вкуса и понимания, что сейчас носят, а что – нет, поэтому согласится на всё. Вот чьё мнение я бы спросил, так это миссис Мерит. – Тим болтал без умолку, непринуждённо и легко, любуясь своим отражением и совсем не замечая, как мистер Хиггинс в эти минуты то серел от грустных мыслей, то розовел от волнения и даже как будто вспотел. – Милая старушка. Я с ней недавно познакомился в Девоне и даже бывал у неё в Буках. Такая шепутная. Всё болтала и болтала, болтала и болтала. Даже хвастала моей мачехе духами, которые якобы сделала её служанка. Разве эти недалёкие девицы с толстыми пальцами, способные только пироги подавать, в состоянии создать что-то столь же изысканное, как парфюм, да ещё способное храниться лет двадцать и не растерять тончайшего аромата? Что вы думаете по этому поводу?

– По поводу фрака, сэр? – Мистер Хиггинс звучал так растерянно, что Тим тут же понял: ещё немного надавить – и лёд тронется.

– Да бог с ним, с фракком! Я его точно возьму. А ещё возьму те два, что мерил в самом начале. Они недурны, и цвет на солнце вроде как заиграл по-другому. В таких и в Лондоне не стыдно будет показаться.

Мистер Хиггинс разомлел от лести. А когда человеку приятно, то он становится менее осторожным и менее бдительным.

– Насчёт искусства создания ароматов вы правы. Тут нужно иметь тонкий нюх да и знаниями обладать недюжинными. Но бывает талант с рождения. Вот я, к примеру, в молодости знавал одну девицу: душистая вода ей удавалась так хорошо, что одним из сделанных ей ароматов я до сих пор промокаю свой товар. Правда, по капельке, иначе закончится быстро.

– И как? Действует?

– Сорочки расхватываются с несусветной скоростью!

– Познакомьте меня с ней!

– С сорочкой?

– С ней тоже можно, но не в этой жизни... Я говорю о вашей давней знакомой. Если она до сих пор не растеряла своего редкого таланта, я бы заказал у неё бутылёк-другой чего-то

наподобие кельнской воды. Что скажете? Замолвите за меня словечко как за потенциального клиента? О цене спорить не буду.

В ответ мистер Хиггинс лишь замычал. А когда Тим, чуть склонив голову вбок, вопросительно уставился на него, то хозяин модной лавки тотчас понял, что просто так от дотошного отпрыска Джейкоба Андервуда не отделается.

– Замолвил бы, сэр, но той девицы уже много лет нет в живых.

– Какой ужас! Тиф? Помню, он гулял по деревням и косил многих.

– Если бы тиф...

– Не тиф?

– Хуже! Её засосало болото.

– Вот это действительно ужас.

– И вдвойне ужасно то, что тот омерзительный прыщ... Вы уж простите, сэр, что я так говорю про джентльмена! Так вот, тот омерзительный прыщ стоял рядом и ничего не делал!

– Джентльмены бывают ещё с теми прыщами, – вдумчиво произнёс Тим. В памяти почему-то всплыли карты и тяжёлый, пропитанный табаком, воздух в «Сорняках», хотя лицом все посетители сомнительного заведения были всегда чисты, и Тим не мог этого не знать.

– Я уж было смирился с тем, что тот прощельга увёл у меня Бетси...

– Девушку звали Бетси?

– Бетси, сэр. Элизабет. Красивое имя!

– Продолжайте, мистер Хиггинс. Всё, что вы рассказываете, безумно увлекательно. Не хотите, кстати, выпить? И, может быть, ещё мясного рулета?

Мистер Хиггинс хотел. И выпить, и рулета, тем более что последний особенно удался у повара. А всему причиной были свежая свинина и сочный лук. А когда почти готовое творение посыпали сыром и рубленой петрушкой, а после поставили доходить в печи, то оторваться от кушанья мало кто был в состоянии.

Не прошло и десяти минут, как рулет был подан и была откупорена целёхонькая бутылка виски. Наблюдая за тем, как мистер Хиггинс уминает с тарелки последние крошки, Тим дунул в один из бокалов, прогнав залетевшую внутрь мошку, плеснул крепкой выпивки и, протянув бокал прожорливому дельцу, осушил свой.

– Так вы любили Бетси?

– Любил – не то слово! Я её боготворил.

– А что случилось потом?

– А потом её будто подменили. С каждым днём она отдалялась от меня: не улыбалась, не шутила, не просила привезти её лепестков лилий для очередных духов. Ходила угрюмая и на каждое моё слово огрызалась.

– Вы пытались выяснить причину?

– Чем больше спрашивал, тем больше получал от неё презрительных взглядов. Я собирался на ней жениться, но, помню, в один хмурый день приехал в дом её хозяйки, а та сообщила мне, что моя ненаглядная Бетси сбежала!

– Так девушка служила в какой-то уважаемой семье?

– Она работала в Золотых Буках, сэр. У миссис Мерит.

– Миссис Мерит? Замечательный экземпляр, не правда ли?

– Очень справедливая и правильная женщина, замечу. Она сильно горевала, когда узнала, как Бетси оплатила ей за заботу.

– А что же вы? Не помчались за любимой, не отчихвостили того прохвоста, не набили ему морду?

– И помчался, сэр, и готов был отчихвостить, и набить, да только сила была на его стороне, как и любовь Бетси. Надо мной только посмеялись. А потом пришёл мой черёд смеяться, вот только смех был сквозь слёзы.

Тим подлил виски в бокал несчастного мистера Хиггинса, который разоткровенничался так, что даже добавки рулета не стал просить: от волнительных воспоминаний в горло не лезло ничего, кроме крепкого алкоголя.

– Осрамилась моя Бетси, – продолжал мистер Хиггинс, – и затяжелела. Но вам, сэр, это, наверно, совсем не интересно.

– Отчего же? – Тим и себе подлил за компанию, но глоток сделал небольшой. – Если желаете выговориться – выговоритесь. Когда ещё представится такой случай?

Сочувствие Тима вызвало у мистера Хиггинс чувство признательности.

– Конечно, как только тот прыщ узнал о беременности Бетси, то сразу выставил её на улицу. Сказал, что не имеет никакого отношения к её положению, а ребёнка Элизабет нагуляла с кем-то другим. После этого моя бедная крошка совсем обезумела: ничьи уговоры на неё не действовали, никого она не слушала, бродила, как полоумная, по дорогам да по болотам, говорят, даже гадала за шиллинг.

«Гадает и до сих пор», – пронеслось в голове у Тима, но вслух он этого не сказал.

– Так она тронулась умом и потому утонула в болоте?

– Думаю так, сэр. Но тем не менее она могла выжить! Он ведь мог её спасти, так почему не сделал этого?

– Вы про прыща?

– Про него, сэр.

– Возможно, было уже слишком поздно, чтобы помочь бедняжке?

Мистер Хиггинс покачал головой.

– Нет, сэр. Он и не хотел ей помогать. Он просто стоял и смотрел, как она погибает.

– Расскажите подробней.

– Да, сэр. – Мистер Хиггинс смочил сухое горло. – В тот день... В тот ужасный день этот развратник сам пришёл к миссис Мерит и выразил намерение поговорить с Бетси серьёзно и, наконец, предложить ей помощь. От слуг он узнал, где её видели последний раз. Вместе мы пошли на болота и там нашли мою крошку. Он и Бетси захотели говорить наедине, и мне пришлось отойти. Я стоял у входа в низкую пещеру, всю поросшую вереском, и разговора не слышал, но видел всё хорошо, а потом мимо меня вдруг пролетела бабочка. Знаете, такая редкая, что я прямо залюбовался. Отвлёкся буквально на минуту, а когда обернулся, то тропинка была пуста. Я обогнул пещеру, всё осмотрел, но везде было пусто. Я даже кричал, но в ответ не получил ничего. Тогда я побежал по тропинке, а потом увидел то, от чего сразу и поседел. Её пальчики... её милые пальчики, так ловко управлявшиеся со штопальной иглой и цветами лаванды, выскользнули из его руки, и Бетси провалилась под воду. Когда я добежал, было уже слишком поздно. Как я ни старался, не смог даже палкой нащупать её тела под водой.

– А нырять?

– В болото?

– Почему бы нет?

– Болота в наших местах глубокие, сэр, и никто не осмелится в них сунуться, даже если

в трясину упадут золотые часы... А вдобавок я плавать не умею.

– А тот омерзительный субъект вам тоже не помог?

– Этот подлец Бигот? Да он всё время только и делал что стоял на сухой опушке и ухмылялся.

Тим задумался.

– Так, значит, Бетси действительно мертва, и это не сказка?

– Не сказка, сэр. Моим глазам можно верить.

Тим внезапно встрепенулся.

– Пойдите-ка! Вы сказали: подлец Бигот? Этот негодяй имеет какое-то отношение к моему покойному дяде Реджинальду Биготу?

Мистер Хиггинс испуганно заморгал, достал широкий платок, вытер им пот со лба и шеи и на всякий случай хлебнул ещё виски. Получилось много и громко.

– Мистер Андервуд, этот негодяй и есть ваш покойный дядя, сэр Реджинальд Бигот. Вы уж простите меня, что я вашего дядю того... такими словами... не по-джентльменски.

Тим расстегнул верхние пуговицы рубашки.

– Что-то мне нехорошо... Ничего не понимаю... Пожалуй... Пожалуй, мне не помешает выйти и окатить себя ледяной водой из ведра. Только так мой мозг охладится и начнёт соображать.

С этими словами и широким шагом Тим двинулся к двери, распахнул её и вышел в коридор. Попавший в неловкое положение мистер Хиггинс вскочил с кресла, бросился за молодым господином, но не догнал, зато крикнул вслед:

– Мистер Андервуд! Сэр! Вы хоть фрак снимите! Испортится же фрак! – Но, осознав, что услышанное Тим точно пропустил мимо ушей, обречённо махнул рукой и тоскливо проронил: – А ведь крой точь-в-точь такой, как носит принц Альфред...

Воздуха в саду было много, но почему-то Тиму дышалось тяжело и сам себе он напоминал рыбу, выброшенную из воды на берег.

Как же так? Чтобы сэр Реджинальд Бигот, любимый дядя Реджи, вдруг оказался причастен к смерти никому не интересной служанки? Чтобы он пал настолько низко, что замарал руки и навсегда похоронил своё доброе имя в вонючем и грязном болоте? В такое верилось с трудом. Может, этот любитель мясного рулета Хиггинс затаил на семью Биготов и Андервудов какую-то злобу и хочет специально очернить память сэра Реджинальда? Может и так, да вот только разговор о Бетси завёл Тим, а не Хиггинс, и каждое слово последнего было произнесено с такой душой и искренностью, что только абсолютно глухой человек не проникнется этой ужасной историей.

Остатки воды в ведре никак не помогли взбодриться и привести мысли в порядок. Словно бешеные, они играли друг с другом в чехарду и разбегались в разные стороны при первой же попытке их поймать и успокоить.

Переварить услышанное одному было не под силу. Вдвойне тяжелее было ворошить прошлое с впечатлительным Хиггинсом. Во всём доме оставался только один человек, кто мог бы выслушать Тима и разделить с ним его беспокойство. Тим был в этом уверен. Настолько, что, сорвав с себя неудобный фрак и швырнув его в соломенное кресло на веранде, не раздумывая и не сбавляя шаг, бросился по лестнице на второй этаж, к двери той самой комнаты, в которой уже раз побывал, и воспоминания о том визите были не из приятных.

В спальне Малесты было тихо и прохладно. Прислуга ещё утром приспустила тяжёлые шторы, и теперь они бережно хранили пространство от горячего солнечного света, способного в одночасье затопить комнату невообразимой духотой, спать при которой будет мучительно.

Однако хозяйки в спальне не было. Не было её и в соседних комнатах, и в дюжине остальных, расположенных в том же крыле. Решив, что Малеста скорее всего в саду, Тим дёрнулся вниз, на улицу, но захваченный врасплох садовник, перекапывающий землю вокруг розовых кустов, только недоуменно крикнул и пожал плечами. На всякий случай оббежав и сад, и даже весь первый этаж, Тим от усталости прислонился плечом к лестнице, но тут же встрепенулся, так как из-за поворота, ведущего через длинный коридор на кухню, показалась Ева.

Тим схватил девушку за руку.

– А ну стой!

Ева ойкнула и выпучила глаза.

– Мистер Андервуд! Сэр! Что вы делаете?

– Тише.

– Я буду тише воды, только пустите меня. Если кто-то увидит, то вас могут неверно понять.

Действительно. Стоять столь близко к служанке можно было только в одном случае, и сейчас была совсем не та ситуация. Тим разжал пальцы и сделал шаг назад. Разговор начался заново.

– Вы что-то хотели, сэр?

– Хотел. Ты знаешь, где леди Андервуд?

– Я видела её на втором этаже, сэр.

– Она снова лежит? У неё болит голова?

– Нет, сэр. Она разбирает с Джонатаном старые картины, которые хранятся в одной из комнат для гостей. Гостию та комната не открывается уже лет пять, а вот хлама в ней хранится столько... – И Ева снова выпучила глаза, стараясь тем самым объяснить Тим размах катастрофы.

Но ужасаться было некогда – Тим ещё раз зачастил ногами по лестнице и уже спустя несколько секунд бодро шагнул по длинному коридору в самый его конец, где располагалось то самое «картинное хранилище». Тим надеялся отыскать его быстро, но дверь сменяла дверь, а везде было пусто, и даже голосов никаких не было слышно. Решив, что судьба играет с ним злую шутку, Тим в сердцах долбанул кулаком по стене, и вдруг до него донеслось взволнованное:

– Здесь кто-то есть.

Это был голос мачехи, и шёл он из комнатки, которая начиналась за самой последней из дверей в коридоре. Тим её не сразу заметил: цветом она сливалась с драпировкой на стене.

– Это садовник внизу гремит тачкой.

Второй голос принадлежал Джонатану.

Всё, что сказала Ева, сошлось, но Тим не спешил набрасывается на леди Андервуд с ошеломляющими новостями. Внутренний голос остановил от поспешных действий и, как оказалось, не зря.

– Но шум был другой и не со стороны улицы. В коридоре кто-то есть.

– Хотите, чтобы я проверил?

Видимо, Малеста хотела, потому что в комнате завозились. Тим услышал шаги и почему-то запаниковал. Столько времени искал мачеху, чтобы поделиться с ней невообразимым, нашёл и по непонятной причине вдруг растерялся. Вместо того чтобы предстать перед дворецким во весь рост и во всю ширину плеч, вдруг скользнул прямо за дверь, вжался в стену и очень надеялся, что Джонатану хватит ума глянуть в одну сторону вестибюля и совсем не хватит – повернуть голову в другую.

Дверь скрипнула, и Тим, скрывающийся за деревянным полотном, вжался в стену ещё сильнее.

– Никого нет, – проронил дворецкий и шагнул назад. Дверь двинулась следом, аккуратно затворилась, и затем её столь же аккуратно заперли на щеколду.

Последнее было не менее удивительно, чем новость о дяде Реджи. С каких пор замужняя дама закрывается в спальне с дворецким? Возможно, в Лондоне такое и происходит на каждом шагу, но в Девоне и окрестных деревнях, где нравственность важнее степени прожарки рыбы, подобное положение дел удивляло до дрожи. С другой стороны, какую нравственность можно ожидать от места, хозяин которого заявляется домой рано поутру со следами румян и пудры у шеи, а кузен его первой жены равнодушно смотрит, как в болоте тонет бедная, глупая, обманутая всеми и совершенно бесправная девчонка?

Стараясь не шуметь, Тим повернулся и припал ухом к щели, проходившей между дверью и стеной. Подслушивать было не в его привычках, но в этот раз он просто не мог устоять перед соблазном.

Голоса звучали тихо, но Тим слышал каждое слово. Мачеха и услужливый усач беседовали спокойно, а в их голосах было столько тепла и нежности, что внутри Тима начало закипать странное возмущение. Возникло ощущение, что эти двое знали друг друга слишком хорошо, чтобы быть просто слугой и хозяйкой, и когда возникали паузы в беседе, Тим готов был вытирать пот со лба и грызть ногти, только бы прогнать из головы навязчивые мысли о том, что в эти мгновения могло происходить по ту сторону стены.

– Перестаньте. Это лишнее.

Слова сорвались с губ Малесты. Тим был готов поклясться, что, произнося их, она улыбалась. И вместе с губами улыбались её глаза.

– Я никогда не перестану, леди Малеста. – А сейчас уже вздохнул Джонатан, и Тим живо представил, как туда-сюда ходят его усы. – Вы вдохнули в меня жизнь. Я говорил вам не раз и не два, что в чудо я не верю да и не жду его, но той надежды, что вы мне подарили, мне достаточно.

– Вы знаете, милый Чарльз, что я хотела бы дать вам больше.

Тим сжал кулаки. Коварнейшая женщина! Притворяется покорной, страдающей от мигрени, болонкой, ахает и охает, а сама ведёт двойную жизнь и в разгар дня встречается с любовником!

– Но рано или поздно ваш муж обо всём узнает!

– Разве не к этому мы ведём? Разве то было не ваше и не моё желание покончить со всеми тайнами и недомолвками и начать жить, наконец, для себя, а не для...

Последние слова Тим не уловил. То ли Малеста повернулась к окну, и лёгкий летний ветерок украл то, что Тим не расслышал, то ли что-то другое стало виновником кражи, тоже смогло приглушить речь и даже остановить её на пару минут, ведь именно сейчас в комнате воцарила такая пугающая тишина, что развращенная салонами Сохо фантазия чуть не довела Тима до щемящих болей в груди.

– И всё же... – снова заговорил мерзавец Джонатан.

– Отбросьте сомнения. – А это её голос, и опять она говорит так ласково, что от этого передёргивает.

– Это слишком опасно. Для вас. За себя я не переживаю.

– И я за себя не переживаю.

– Малеста!

– Шшш, вы слишком взволнованы. Не надо никаких слов.

– И всё же... И всё же я скажу.

– Скажете в другой раз. Сейчас нам пора уходить. Мы слишком задержались тут с... картинами.

Картины! Тим презрительно хмыкнул. Если спросить, с каких именно полотнищ сегодня смахивалась пыль, то никто и не вспомнит. Пасторальный ли сюжет, или на холсте бушевал морской шторм – ни одно из произведений искусства не удосужилось даже мимолётного взгляда мачехи. Зато она с превеликим удовольствием любовалась этим пингином и его... его... усами!

Мозг кипел от возмущений, но их пришлось на время приглушить: по ту сторону стены опять слышались шаги, и Тим едва успел отпрянуть от щелки, отпрыгнуть в сторону и скрыться в соседней спальне, где было пусто и пахло сушеным табаком. А ещё здесь было слышно, как двое вышли в коридор и поспешили по длинному вестибюлю в направлении лестницы. Слов было уже не уловить, но Тим был уверен, что на этот раз речь шла исключительно о делах по хозяйству.

От растерянности и переизбытка чувств Тим сел на край укрытой серым покрывалом кровати. Ноги отказывались слушаться и вести к выходу из комнаты, на время ставшей Тиму убежищем. Кровь прилила к лицу, и понадобилось бы не одно ведро с ледяной водой, чтобы остудить жар.

– Так вот какие накидки вам подаёт Джонатан, матушка, – процедил сквозь зубы Андервуд, вспоминая дождливый день на веранде. – Вы и тогда едва сдерживали себя, чтобы не броситься в его объятия. Представляю, как же вы огорчились, узнав, что за спиной стою я, а не этот хряк!

Выдохнув, Тим закрыл глаза, надеясь хоть немного успокоиться, но где там! Память не щадила и вспышка за вспышкой вытаскивала из закровов неопровержимые доказательства неверности той, которая ещё ночью казалась настоящим ангелом. Вот перед обедом она как бы случайно коснулась своей рукой руки усача! Вот посмотрела на него с излишней для хозяйки чувственностью, когда он передал почту! Вот просто прогуливалась с ним по дому чуть ли ни под руку, делая вид, что обсуждает небольшие изменения в интерьере, а на самом деле выслушивала любезности, за которыми таился совсем другой, весьма пошлый, смысл. Тьфу!

Тим сплюнул и даже не заметил, как сплюнул на ковёр. Ну и ладно. Этих ковров во всём доме... Хватит, чтобы выложить дорогу вплоть до Буков!

Буки... Миссис Мерит... Утонувшая в болоте Бетси и дядя Реджи, не сделавший ничего для её спасения. Теперь ещё и мачеха с Джонатаном! Всего этого было слишком много для всегда тихого и ведущего размеренную жизнь Девона, а уж последнее в списке было просто неперевариваемо.

По коридору снова шли. И шаги были тяжёлыми и уверенными. Никак проныра дворецкий задумал вернуться. Может, вспомнил, что оставил в комнате для гостей некое

свидетельство его недавней близости с леди Андервуд, и теперь хочет замести следы? Отличная возможность застукать индюка на месте преступления. И Тим вскочил на ноги, дёрнул дверь на себя, вывалился в холл и чуть не врезался в... Джейкоба.

– Отец?

Андервуд-старший беззвучно шевелил губами. По тем движениям можно было легко распознать, какими словами он был готов одарить сына, и были они не из тех, что приняты у джентльменов, но Тиму было не привыкать.

– Что ты здесь делаешь? – Джейкоб всё же взял себя в руки. – Разве я не велел тебе заниматься примеркой фраков?

– Я так и делал, и уже выбрал три.

Джейкоб окинул сына изучающим взглядом и хмыкнул.

– По тебе не заметно.

– Можешь спросить Хиггинса. Он подтвердит.

– И спрошу. Потому что твоим словам давно не верю. Что тебе здесь нужно?

– Просто бродил, вспоминал детство.

– И всё?

– А разве должно быть что-то ещё?

– Отойди-ка.

Тим посторонился, и Джейкоб заглянул в спальню.

– Нашёл то, что хотел? – съязвил Тим, на что получил грубое:

– Ступай вниз. К Хиггинсу. Я плачу за его время слишком много, чтобы он просто так дремал в кресле. Наверняка у него осталось ещё что-то, что могло бы тебе подойти.

– Но я уже всё выбрал!

– Перепроверить не мешает. Ты должен выглядеть представительнее всех в Аскоте.

– Даже представительнее принца Альфреда?

– Если я посчитаю нужным, то даже представительнее его.

– Значит, я угадал с фракком, – довольно пробубнил себе под нос Тим.

– Что ты там бормочешь?

– Да так, мысли вслух. Я пойду, пожалуй.

– Вот и иди, – отрезал Джейкоб и проследил взглядом, как сын направился по коридору к лестнице. – Что-то ещё? – грубо спросил, увидев, как Тим вдруг остановился и обернулся.

– Да, – ответил Тим и подумал, что отец может что-то помнить об истории почти двадцатилетней давности, что произошла на болотах Девона и относилась к дяде Реджи и служанке по имени Бетси. Уж Джейкоб не мог о ней не знать. Нужно только набраться смелости и спросить. И Тим спросил: – Отец, а как давно у нас служит Джонатан?

Андервуд-старший задумался, роясь в дальних ящичках своей памяти.

– Двадцать лет точно. А, может, и больше. У него были отличные рекомендации, когда он пришёл к нам. И все эти годы я был им доволен. Доволен и сейчас. Что-то случилось?

Тим помотал головой.

– Всё хорошо.

– Тогда не отнимай больше моего драгоценного времени и денег. Каждая минута, пока Хиггинс внизу клюёт носом, стоит мне шиллинг.

– Да, отец, – кивнул Тим, развернулся и вскоре был на лестнице. Натравить тигра на усатого пингвина всегда успеется, и Тим обязательно это сделает, как только получит в руки доказательство повесомее, чем подслушанный разговор.

***Принц Альфред** родился в Виндзорском дворце. Он был четвёртым ребёнком и вторым сыном королевы Виктории и Альберта, герцога Саксен-Кобург-Готского. Как сын монарха он получил при рождении титул Его Королевское Высочество принц Альфред. В момент рождения он был вторым в линии наследования британского престола после старшего брата Эдуарда, принца Уэльского.

Глава 15. Кошки-мышки

Раздобыть нужное доказательство оказалось не просто. Весь вечер прошёл в компании мистера Хиггинса, и, когда Тим добрался до постели, было уже так поздно, что сил хватило только плюхнуться на кровать, и сделал он это прямо в рубашке и даже в ботинках. А следующим днём проснулся уже ближе к обеду и с ужасом для себя обнаружил, что не только мистер Хиггинс покинул Девонсайд, но и отец с мачехой тоже. Выяснилось, что ещё в прошлом месяце они получили приглашение от наставницы одной из старших школ для мальчиков на ежегодный турнир по гребле и пропустить мероприятие никак не могли. Тем более что семейный фонд время от времени жертвовал школе немалые суммы, и было бы большим упущением не проверить, насколько целесообразно тратились средства.

От нечего делать Тим пытался следить за Джонатаном, но тот умело прятался среди стен и кустов Девонсайда, и найти его было сложнее, чем иголку в стоге сена. Таким образом, расследование первой тайны с треском провалилось, и Тим взялся за вторую.

Выпущенные за последние двадцать лет газеты подшивались Джейкобом Андервудом аккуратно и листочек к листочку, однако местным писакам не было никакого дела до смертей на болотах, тем более до смертей простых служанок. Вот если бы скончался какой-нибудь важный лорд или на худой конец судья... В общем, и по второму вопросу не было найдено ни одной новой зацепки, и пришлось переваривать ранее увиденное и услышанное, отчего путаница в голове только усилилась.

И вот когда уже дневная норма сигар была выкурена, полбутылки виски выпито, томик Шекспира залистан до дыр и не хватало только грустной мелодии скрипки, в дверях кабинета появился накрахмаленный дворецкий, сверкнул окуляром в правом глазу и торжественно объявил:

– Ужин будет подан через десять минут, сэр.

Тим стремительно развернулся в кресле.

– Добрый вечер, Джонатан. Вы вошли очень тихо.

– Привычка, – ответил тот.

– Я даже вздрогнул!

– Извините.

– Прошу вас, садитесь.

Тим указал рукой на пустующее кресло рядом.

– Простите, сэр?

– Садитесь, Джонатан. Поговорим.

– Но ужин, сэр? Мне нужно проследить, ту ли супницу поставят на стол.

– Супница меня устроит любая. Так вы сядете или нет?

– Нет, сэр.

– Почему?

– Это может показаться странным, если кто-нибудь войдёт.

– Ах да, конечно. Вы всё предусматриваете.

– Всегда, сэр. Поэтому за долгие годы службы в этом доме не получил ещё ни одного нарекания.

– Вот что касается долгой службы... Вы ведь в Девонсаиде около двадцати лет?

– Если быть точным, то двадцать лет, один месяц и три дня.

– И большую часть жизни вы посвятили именно этому дому?

– Так и есть, сэра. Но до Девонсайда я работал у сэра Хью в Мидлтоне.

– В Мидлтоне? – Тим наморщил лоб. – Но это в двухстах милях от Девона. Что вас заставило столь резко сменить место? Вы бы ещё в Шотландию отправились...

– Если бы ситуация сложилась так, как сложилась, то отправился бы.

– Вам предложили здесь больше денег?

– Размер жалования сыграл важную роль при принятии решения. Моя семья оказалась в трудном положении, и мне пришлось крутиться, как только было возможно.

– Но почему вы не попросили сэра Хью о помощи?

– Финансовые проблемы были не единственной причиной переезда.

– А в чём же было ещё дело?

– Видите ли, сэра, моя семья проживала тогда в Девоне и никак не могла покинуть эти места.

– Совсем никак?

– Совсем. А гонять каждую неделю лошадей по двести миль в одну сторону и обратно, чтобы передать деньги, было накладнее, чем организовать переезд.

– Хм, но теперь-то вам денег хватает?

– Теперь да, сэра.

– И у вас, конечно же, нет причин внезапно начать искать себе новых хозяев?

– Как можно, сэра?! Теперь у меня даже больше причин в этом доме остаться, чем с ним прощаться.

«Ещё бы, – хмыкнул Тим про себя, – охмурил хозяйку, свил себе тёпленькое гнездышко и ещё, поди, потягивает фунт-другой из кармана мачехи».

– А как здоровье жены и детей?

Джонатан удивлённо заморгал.

– Жены, сэра? У меня нет жены. И детей, если вы не знали, тоже.

– Погодите-ка. Вы только что уверяли меня, что переехали в Девонсайд из-за семьи.

– Верно, сэра. Но речь шла о моей сестре и племяннице. Это они нуждались в поддержке.

– А вы – заботливый брат.

– Благодарю, сэра.

– И могли бы быть не менее заботливым мужем, если бы вам повезло.

– Возможно, сэра.

– А с женой почему не получилось? Вы хоть смотрели по сторонам? В Девонсайте столько хорошеньких горничных. Взять хотя бы Еву. Да и на кухне женщины вполне себе в теле трудятся.

Джонатан смутился.

– Женщины на кухне очень хороши и готовят вкусно, но только мне больше к сердцу натуры утонченные, романтичные, а такую среди кастрюль и половников не сыщешь.

– Согласен. Зато такие легко могут сыскаться среди картин, – тонко намекнул Тим, наблюдая за реакцией.

Но дворецкий стоял нерушимой скалой. Налети ураган – не сдвинулась бы, а тут просто лёгкий ветерок дунул.

– К живописи я равнодушен, – ответил Джонатан, – но если вы хотите продолжить и просветить меня в этом вопросе, то предлагаю сделать это сразу после ужина. – Джонатан достал часы из нагрудного кармана и сверил время с напольными часами у стены. – По

правилам этого дома, первая смена блюд должна уже быть на столе, и если вы не поторопитесь в столовую, то всё остынет и вам придётся довольствоваться холодным рагу.

Холодное рагу было самым неприятным наказанием ещё со школьных времён. Опоздавшие к обеду мальчишки, заигравшиеся на улице, вынуждены были радоваться остывшим остаткам, которые вставали поперёк горла даже у самого голодного шалопаю. Но детство детством, а сейчас Тиму было уже далеко не тринадцать, и холодные кушанья шли легко, если к ним прилагалась крепкая, обжигающая горло, выпивка, да и в голове мысли роились уже совсем другого плана и не шли ни в какое сравнение с заботами о степени прогрева перемешанного с овощами мяса.

Поэтому, поднявшись, Тим одёрнул на себе жилет и по-хозяйски уверенным шагом подошёл к дворецкому, чем заставил того испуганно попятиться назад и вжаться спиной в стену. А затем, схватив того за лацканы сюртука безукоризненного покроя, горячо дыхнул и со страстью в голосе спросил:

– А теперь, Джонатан, признавайтесь, что у вас с моей мачехой?

Всегда во всём предусмотрительный батлер замер в немом изумлении.

– П-простите, сэр...

– Прощу и даже обещаю, что отец ничего не узнает. Но взамен вы попросите у нашей семьи расчёт и уберётесь из этих мест подальше. Хоть обратно в Мидлтон, хоть в Шотландию.

– Лучше в Европу, сэр, на воды. Последние годы у меня сильно прихватывает поясницу. Чёртов старый соблазнитель! Он издевается или уже признал свою вину и торгуется?

– Так вы не отрицаете своего греха?

– Кто в наше время без грехов, сэр? Неужто вы?

Тим сильнее сжал ткань сюртука – послышался треск.

– Я задал вопрос насчёт леди Малесты и жду ответа. Я никому не позволю портить её репутацию!

– Ваши слова ставят меня в тупик, а ваши действия лишают мой организм нормальной циркуляции воздуха. – Тим ослабил хватку. – Уф, полегчало.

– Я всё ещё жду, – пригрозил Андервуд.

– Конечно, сэр, – проронил дворецкий и пригладил измятые лацканы. – Но, прежде чем я отвечу, позвольте и мне задать вам один вопрос, а после вы решите, будем мы обмениваться ответами или нет. И если наша беседа примет дружелюбный характер, то тоже обещаю, что лорд Джейкоб Андервуд ничего от меня не узнает. Я буду нем как рыба, но аналогичного буду ждать и от вас.

– Ну? – грубо спросил Тим, не заподозрив ни капельки неладного.

Джонатан кашлянул, прочищая горло, и, смело глядя в глаза молодому хозяину, выдал:

– Вы интересовались, в каких отношениях я состою с вашей мачехой. Так вот мне в ответ тоже любопытно узнать, а в каких отношениях с леди Андервуд состоите вы сами?

Тим вспыхнул.

– Что у вас за большая фантазия?

– Идущая в ногу с реальностью, сэр, – ответил Джонатан, нырнув рукой во внутренний карман сюртука и вытащив на свет конверт, на котором Тим без труда распознал свой почерк. То самое письмо, которое он написал в порыве гнева и раздражения, когда ненавидел всё вокруг, когда ругал и себя и друзей за дурацкий спор и когда разрывался между желанием скорее убраться из Девонсайда и охотничьим азартом.

Тим злобно прищурился.

– Помнится, я просил это письмо отправить, а не хранить.

– Я подумал, что ваши эпистолярные опусы могут быть интересны как вашим потомкам, так и современникам. Потомков вы ещё нажили, поэтому пришлось начать с тех, кто старше вас лет этак на... – Джонатан сделал паузу, считая в уме, но Тим считал быстрее. Вот что значит высшее образование!

– Отдайте!

Рука резво дёрнулась за конвертом, но кажущийся со стороны медлительным пингином Джонатан оказался ловок и быстр. Шустро сунув конверт обратно в карман, он тут же скрестил руки на груди – не подберешься.

– Зачем оно вам? – Тим был вне себя от злости. – Если она всё знает... Если вы прочитали ей это дурацкое письмо, то к чему теперь его хранить? Его место в мусорной корзине. Хотя, – Тим снова прищурился, – а не блефуете ли вы? Держите у себя письмо и пытаетесь им меня шантажировать! Ну, конечно! Обычный блеф! Если бы Малеста прочитала письмо, то закатила бы мне такую истерику! Эти женщины умудряются закатывать их на ровном месте, а тут и повод имеется...

– Вероятнее всего, сэр, у леди Андервуд есть какая-то причина, почему она до сих не вlepила вам пощёчину за те строки, которые вы соизволили о ней написать.

– Так она читала или нет? Признавайся, индюк!

– Ваше сравнение меня со священной птицей древних ацтеков мне льстит, но я не буду возражать, если вы продолжите обращаться ко мне просто по имени.

– Читала или нет? – Тим почти рычал.

– Читала, сэр. Я имел неосторожность вложить письмо в стопку корреспонденции, имеющей отношению к делам благотворительного фонда.

– Ты подсунул ей это письмо специально, – шипел Андервуд.

– Такая версия не исключена, сэр. Но сделанного не вернуть, и мне остаётся только извиниться перед вами за свою оплошность.

– Тогда отдай его мне.

– Я уже дал вам понять, что не сделаю этого.

– Почему?

– Из соображения собственной безопасности, сэр. – Вставленное в глаз дворецкого стёклышко весело сверкнуло в свете свечей. – Вы пожелали мне счастливого пути, но я пока не планирую никаких путешествий. Работа в Девонсайде меня полностью устраивает, и я не променяю её даже на билет до водолечебницы. А в случае если вы будете настаивать, я покажу это письмо вашему отцу и, возможно, тем самым даже смогу повисить себе жалование.

– Ах ты мерзкий...

– ...индюк! Знаю. А теперь давайте я сделаю вид, что не сразу заметил, что вы один и без закуски выпили половину бутылки отменного и крепкого виски, а потому не сразу понял, что вы пьяны и несёте чушь. И забудем этот бестолковый разговор. И позвольте вам ещё раз напомнить, что в столовой вас ждёт уже давно остывшее рагу.

Самоуверенной наглости напыщенному дворецкому было не занимать. Тиму так и хотелось со всего размаха дать ему в морду, разнести на мелкие осколки вставленный в глаз монокль и заодно выдрать аккуратно подстриженные усики, но упрямое во внутренний карман сюртука письмо перевешивало страстные порывы и останавливало от необдуманных

поступков.

– Если у вас больше нет ко мне никаких вопросов или распоряжений, то разрешите мне покинуть вас, сэр, – гнул свою линию невозмутимый Джонатан. – Надеюсь, мы с вами поняли друг друга и обо всём договорились.

– Договариваться с такими, как вы... – процедил сквозь зубы Тим.

– И всё же мы договорились, – настаивал дворецкий.

– Пока письмо у вас – да. Мне слишком дорога безупречная репутация леди Андервуд, но потом... Берегитесь!

– Мне не меньше вашего дорога репутация леди Андервуд, но в то же время мне кажется, что из нас двоих первым, кто пошатнёт ту репутацию, будете именно вы.

– Это вам кажется, Джонатан.

– Я верю в вас, сэр, – ответил дворецкий, собираясь уходить.

– Вы верите мне, – поправил его Тим. Годы, потраченные на изучение юриспруденции и смежных с ней дисциплин, приучили быть щепетильным в выборе каждого слова. Но оказалось, что Джонатан тоже был внимателен к тому, что говорил.

– И всё же «в вас», сэр, – загадочно произнёс он и вышел из комнаты.

Ужинать расхотелось. Пить тоже, и Тим тоскливо посмотрел на бутылку. Всё шло не так. Всё выглядело не так. То, что на секунду показалось сокровищем, оказалось подделкой. Камень, выпрыгнувший из-под колеса самой обычной телеги, никогда не станет золотом, сколько ни крась его в золотой цвет. Но что там какой-то камень и загадки женской души, если даже близкие люди, которых Тим всегда идеализировал и которым старался подражать, вдруг в одночасье прослыли равнодушными убийцами, пусть и не собственными руками совершившими преступление, но ничего не сделавшими, чтобы его предотвратить?!

Пальцы нащупали в кармане две бумажки: одна была снята с пузырька с лекарством, что принимала Малеста; другая выжужена из платяного шкафа в Золотых Буках. И за обеими стоял некогда любимый дядя Реджи.

Тим вытащил бумажки и поднёс их к свету, и только сейчас вдруг обнаружил, что несмотря на безумное сходство двух рецептов как в части доз и частоты принятия, так и в части наклона букв и количества завитушек у цифр, это всё же были два разных лекарства. Состав был разный, и отличие укладывалось всего в одно слово, которое не сразу и углядишь, настолько трудно читаем и мелок был почерк. Хоть лупу доставай!

Тим так и сделал, грохнув выдвижным ящичком широкого дубового стола, а затем, оставив бумажки около стопки газет и высохшей чернильницы, вывалился в холл и выкрикнул:

– Джонатан!

Заметившая не вполне трезвого хозяина Ева пискнула что-то нечленораздельное и юркнула под лестницу, а вездесущий дворецкий не заставил себя долго ждать.

– Мистер Андервуд?

– Распорядитесь приготовить мне лошадь, Джонатан, и немедленно. Мне нужно срочно повидать доктора Уотнера.

– Простите, сэр, но ваш отец, покидая Девонсайд сегодня утром, строго-настрого наказал мне вас из дома никуда не выпускать. Хозяин беспокоится, что вы можете натворить дел, которые помешают важному знакомству на скачках в Аскоте.

Опять! Опять одно и то же! И, видимо, это будет продолжаться, пока он – Тимоти Льюис Андервуд – не женится на Кэтрин Пикли, которую отец ни разу в жизни не видел, но

уже обожает. Но если женитьба – единственный способ обрести, наконец, свободу и отделаться от родителя, то Тим женится. Ещё как женится! Лишь бы потом новоиспеченная жёнушка не оказалась вторым Джейкобом и не начала пилить и изводить покруче, чем это делает отец.

– Джонатан, мне нужен доктор Уотнер.

– Молодой хозяин болен?

– Какого чёрта?! Да я здоров, как бык!

– Тогда нет, сэр. Будь вы больны, я вызвал бы доктора сюда, но теперь и сам вижу, что в этом нет острой необходимости.

Надо было врать, что болен. Чёрт! Как говорится, поспешишь...

– В таком случае есть ли у нас справочник по медицинской латыни?

– Нет, сэр. Ваш отец никогда не закупал в дом издания, связанные с медициной.

– Тогда мне тем более нужен доктор Уотнер!

– Боюсь, сэр, что пока в Девонсайд не вернётся ваш отец, я бессилён чем-либо помочь.

– Выходит, я здесь заключён, как в тюрьме?

– Если вам угодно выбрать такое сравнение, то пусть будет так. И прошу вас не спорить с решением вашего отца. Не забывают наш недавний разговор. Вы ведь не хотите, чтобы ценой за вашу независимость оказалась испорченная репутация одной знакомой нам дамы?

Кулак сжался сам собой, но рука была спрятана за спину, и Джонатан ничего не увидел.

Не время. Совсем не время. Ни конфликтовать с отцом, ни с гадом дворецким. Всё слишком хрупко вокруг. Один неверный шаг – всё рассыпется, и тогда уже совсем ничего не исправишь...

Глава 16. Гортензия в петлице

Скачки в Аскоте* были тем ежегодным летним мероприятием, которое не мог пропустить ни один уважающий себя джентльмен, потому что если он отнесётся к этому событию небрежно и даже удумает его проспять или – чего хуже! – предпочесть хаосу на ипподроме лесную тишину и охотничье ружьё, то его супруга не преминет тотчас напомнить, в скольких припасенных шляпках она так и не вышла в свет и сколько воздушной тафты и атласа было закуплено для пошива платья, но в итоге было упрятано в шкаф за ненадобностью. Виноват в её страданиях будет лишь один человек. И хорошо, если семейная разборка закончится только шляпками и прочими элементами гардероба! А ведь может быть иначе, когда бедняге припомнят все его промахи, включая покупку ненужного серванта и найм вороватого садовника той весной, когда всю землю вокруг розовых кустов перерыли кроты.

Андервуды никогда не пропускали скачки. Из всех важных приёмов этот был особенно ценен. Количество высокопоставленных гостей зашкаливало. Со многими Джейкоб был знаком, но те многие не обязательно о нём часто вспоминали. Однако стоило им поймать на себе обворожительную улыбку Малесты, а заодно и себя на мысли, что прекраснее женщины во всём мире не найдёшь, как и сам лорд Андервуд тут же всплывал в памяти и прямо перед лицом.

Богатые экипажи спешили в Аскот с разных уголков Англии. И к полудню всё вокруг настолько кишело лошадьми и кучерами, что новичку сложно было быстро сориентироваться, кто из них участвует в забеге, а кто просто пристроился в тени деревьев из любопытства и потому что трава там была ещё невытоптана и свежа.

Тиму Аскот был знаком. Генри Сандерс, приятель по «Сорнякам» и тоже большой любитель азартных игр и выпивки, к скачкам был особенно равнодушен. Правда, из четырех дней, отведённых на конное состязание, он приезжал лишь в четверг, и это было неудивительно. Шляпки самых замысловатых фасонов, украшенные живыми и искусственными цветами, бусинами, лентами и бантами, смахивающие то на птичье гнездо, то на рассекающий носом волны парусник, притягивали и манили за собой. И после каждого такого четверга Генри ещё полдня хвастался друзьям, какую рыженькую девицу он успел пощупать в перерывах между забегами, а от какой отвернулся, чтобы сделать ставку.

Но в тот день на календаре был вторник, и Тим, вышедший из экипажа и сделавший несколько шагов по направлению к накрытым белоснежными скатертями столам, расставленным неподалёку от шатров, где можно было укрыться на случай дождя или зноя, никак не ожидал, что его вдруг дружески хлопнут по плечу и огорошат громким и радостным воплем:

– Андервуд!

Тим обернулся.

– Генри? Чёрт меня дери! Генри!

– Тише ты, – лыбился приятель, озираясь по сторонам. – Вон та тётушка, вся седая и одетая в мышинное серое, уже приготовилась обсуждать тебя со своей приятельницей и крутить у виска пальцем. Чертей будешь в «Сорняках» вспоминать, а тут вспомни о манерах.

– Манеры, чтоб их... – Тим еле сдержался, чтобы не выругаться. – Генри! Как же я рад тебя видеть! Но почему сегодня? Сегодня вроде вторник – не четверг.

– К черту четверги, – зачастил Генри заговорщицким шёпотом. Шёпотом – чтобы не услышали седовласые тётушки; заговорщицким – потому что у Генри была на то причина. – К чертям все эти шляпки, юбки и кружева! От них только бессонница и отсутствие аппетита. Ты видишь, как я похудел? И как побледнел!

Генри и правда выглядел не слишком хорошо. Давно не стриженные русые волосы торчали лохматыми прядками из-под помпезной шляпы, в петлице фрака не было цветка (впрочем, Тим тоже не вдел даже гвоздики), а в голубых глазах, прятавшихся за очками, хоть и был блеск, но какой-то нездоровый, словно у Генри началась лихорадка.

– Ты здесь один? – спросил Тим.

– С отцом, тёткой, её сварливым муженьком и их дочерью.

– И из-за кого ты весь такой взмыленный? Из-за отца, тётки или из-за кухни? Только не говори, что всё дело в сварливом муженьке.

– Тьфу на тебя. Конечно, всё дело в кухне. В той самой кухне Кэтрин, которую мы обсуждали в «Сорняках».

– Вот оно что, – лениво протянул Тим и вытащил из кармана часы на цепочке. Маленькая стрелка неторопливо ползла к десяти утра; до церемонии открытия оставалась ещё уйма времени. Спрятав часы обратно в карман, Тим огляделся по сторонам, но не нашёл того, что искал, поэтому повернулся к Генри и равнодушно бросил: – Ты уже добыл подвязку? Тогда я понимаю твоё состояние: неровен час – её папаша надаёт тебе тумачков и ещё заставит на ней жениться.

– Если бы так, – мечтательно вздохнул Генри, и Тим напрягся.

– Что?

– Если бы так, я был бы самым счастливым человеком на свете! А пока я только страдаю...

– Погоди-ка. – Тим нахмурился и не обратил внимания, что на один из накрытых столов принесли подносы с канапе, и голодная публика тут же ринулась их расхватывать. Старушки-сплетницы были в авангарде. – Ты неравнодушен к своей кухне? Ты же ненавидел её всей душой!

Генри снова вздохнул. На этот раз обречённо.

– Если бы я знал, во что выльется весь этот спор...

– Так ты взял подвязку или нет? – Тим был настроен более прозаично.

Генри гневно сверкнул глазами – стёкла в очках чуть не треснули.

– Как ты смеешь думать о таких гнусностях?! Моя кухня Кэтрин... она... она похожа на бабочку тёплым летним вечером, порхающую с цветка на цветок, а ты о какой-то подвязке.

– Понятно. – Тим улыбнулся краешками губ. – Генри Арчибальд Сандерс влюбился! Поздравляю. Как же так? Ты же мечтал проучить её, называл мерзавкой и вообще ругал на чём свет стоит. Впрочем, прости. Я говорю лишнее. Если твоя кухня вдруг стоит где-то совсем рядом, то может всё услышать, и тебе несдобровать.

Снова вздох, и за ним второй.

– Кэтти всё знает.

– Знает?

– Да. Всё знает. И то, какие слова я говорил в её адрес, и то, что должен заполучить подвязку с её ножки. Я не удержался и всё ей рассказал.

– Ты, должно быть, с дуба рухнул!

– А как не признаться, что полный дурак, если её личико настолько милое, а губы

сладкие, и прикосновения такие нежные-нежные? Ты бы видел, как она смахнула с лацкана невидимую пушинку, когда я примерял фрак. А ведь такой жест – истинно женский способ показать, что ты – её собственность.

– Она, верно, порвала тебя в клочья, когда обо всём узнала!

– Что ты! Она – настоящий ангел. Чмокнула меня в лоб, вот прямо сюда, – Генри ткнул пальцем чуть выше бровей, – и сказала, что и сама меня терпеть не могла и считала напыщенным пингвином, но затем всё изменилось.

– Прямо магия какая-то!

– Представляешь, оказывается, она тоже ненавидит Вольтера! А противную гувернантку ей навязал её отец, чтобы та следила за Кэтти и отгоняла от неё голодных до женской ласки кавалеров.

– Тебя, я смотрю, не только не прогнали, но даже наградили. – Тим скользнул взглядом по лицу приятеля. – И готов поспорить, что не раз.

– Пошляк! – взъелся Генри.

– Я шучу, – выдохнул Тим. – Нет, правда, я рад за вас. Хоть кому-то из нас четверых этот дурацкий спор пошёл на пользу. Вот только уговор есть уговор, и кукарекать тебе всё равно придётся, если до назначенного времени не принесёшь трофей. Хотя если у вас всё так далеко зашло и твоя кухня знает правду, то может ту подвязку тебе просто подарить.

– Уж лучше я прокукарекаю, чем позволю ей это сделать!

Тим хлопнул друга по плечу, перехватил пробежавшего мимо разносчика с подносом, полным искрящегося в лучах утреннего солнца шампанского, взял по бокалу и предложил выпить.

– Это надо отметить. Генри Сандерс и покорившая его сердце кухня, которая тоже не читает Вольтера. Генри Арчибальд Сандерс и Кэтрин... Как там её полное имя-то?

– Пикли, – ответил Генри и в один присест влил всё содержимое бокала в себя. – Кэтрин Луиза Пикли.

Пузырьки шампанского весело щекотали нос.

– Чего не пьёшь? – спросил Генри.

– Да что-то... – Тим впервые за много лет не знал, какие слова подобрать. – Не рановато ли? Ещё и полудня нет.

– Тогда дай мне. – Генри перехватил бокал. – Я выпью.

И мигом осушил всё, и даже пузырьки были нипочём.

– Ты не подумай... Я действительно рад за вас. – Тим не знал, как подступиться к щекотливому вопросу и раскрыть карты. На сердце лежал камень. Но расклад был сделан не им – только это и успокаивало.

Но всё оказалось проще, хотя Генри Сандерс так не считал.

– Всё не так просто, – выдал он, промочив платком губы. – На днях моя Кэтрин была вся в слезах. Её папаша решил выдать её замуж за какого-то навороченного пижона! Удумал заключить выгодную сделку!

– Такое часто случается, – аккуратно заметил Тим.

Генри лихорадочно вцепился в бицепс Андервуда, вынудив того слегка застонать и разгладить складочки, возникшие на рукаве новейшего фрака.

– Как ты можешь быть таким спокойным? Тебе всё равно? Тебе плевать на чувства друга?

– Ты слишком возбужден, – ответил Тим.

– Я влюблён, а ты – сухарь, которому никогда не понять, что такое настоящая любовь!

– И что же ты теперь намерен делать? Будешь стоять здесь, напиваться и рыдать мне в рукав о том, какой ты несчастный? Не проще вместе с Кэтрин подойти к её отцу и всё объяснить? Возможно, тем самым ты осчастливишь не только себя и кузину, но и того несчастного пижона. Возможно, отец Кэтрин и рад будет такому повороту. Вряд ли тот второй богаче и сильнее тебя в связях.

– Кэтти сказала: богаче и сильнее.

– И тебя это всё равно останавливает? – Тим фыркнул. – А я-то думал, ты мне по-настоящему... про любовь. А ты лапшу на уши вешал!

Генри взвинулся.

– Да что ты знаешь?!

– Ты прав. Абсолютно ничего.

– Да что ты понимаешь?!

– И здесь по нулям – сам никогда не любил.

– Думаешь, разница в несколько тысяч фунтов – для меня преграда?

– Тогда объясни мне причину твоего негодования. Всё, что ты сейчас делаешь, – просто сотрясаешь воздух.

– Понимаешь...

– Ещё не совсем.

– Понимаешь, проблема в том, что я и Кэтрин... мы...

– Ты и Кэтрин... Вы... – передразнил друга Тим.

– Мы сильно повздорили!

– Вот как! Когда же?

– Вчера. И Кэтрин в отместку мне заявила, что не желает меня больше видеть и даже рада, что отец подыскал ей достойного муженька! Достойного! Как тебя такое? А я будто не достоин?!

– Тот индюк уж точно не достоин, – успокоил Тим Генри.

– А Кэтти была на меня так сердита, что заявила, что будет рада полюбить того козла и забыть меня.

– А вот козёл может будет не рад...

– Да он сразу на неё клюнет! Она же такая хорошенькая!

Тим вздохнул. Почему-то вспомнилась строчка, которую он насвистывал весь прошлый театральный сезон. Её-то Тим и произнёс:

– Влюбиться можно в красоту, но полюбить – лишь только душу...

Генри глупо моргнул.

– А? Ты о чём?

– Шекспир.

– Не умничай. У друга разбито сердце и мозги набекрень, а он стоит и умничает! Ты бы ещё Вольтера вспомнил! – Генри огляделся. – Может, ещё по шампанскому?

– Ну, нет, – остановил друга Тим. – Не то ты напьёшься, и твоя Кэтрин точно предпочтёт тебе другого.

– Я бы тому козлу башку отвинтил, – произнёс Генри нетерпеливо.

– Да, конечно, – машинально ответил Тим. Но уже спустя секунду брови удивлённо поползли вверх, настолько ярко предстал перед глазами собственный образ без головы.

– Я бы из него отбивную сделал, – продолжал мечтать Генри, сжимая и разжимая

кулаки.

– Ты так говоришь, будто собираешься открыть мясной цех прямо здесь и сейчас.

– Так и есть! Который сейчас час? – спросил Генри, совершенно забыв, что и у самого к карману прикреплены часы.

– Начало одиннадцатого.

– Отлично, – злобно проронил Сандерс. – Того индюка должны представить Кэтрин сегодня. Он скоро появится. Ох, он у меня попляшет! Да я ему даже пальчика Кэтти коснуться не дам! Да он зайдёт в ложу Пикли только через мой труп! Клянусь, я ему все кости переломаяю! Ты мне поможешь?

– Послушай, – перебил Тим, отведя взгляд, – а ведь индюк – это, между прочим, священная птица ацтеков.

– И что ты этим хочешь сказать? – Генри уставился на Андервуда.

– Священной птице и кости ломать? – ответил тот и повернул голову в сторону не перестающих прибывать гостей.

Небрежно отмахнувшись от взгляда Генри, Тим поступил неблагоприятно. Ему следовало бы присмотреться к этому взгляду повнимательней и попытаться его проанализировать, так как тот взгляд не был лишён смысла. Это был крайне подозрительный взгляд. Ведь Генри Сандерс принадлежал к людям, которым присуще стремление подозревать ближних. Он не подозревал их в каком-то конкретном преступлении, он их просто подозревал. Так, например, мысленно он ещё не предъявил Тиму обвинение в том или ином поступке, но зато уже ощущал, что с другом творится что-то неладно и за ним нужен глаз да глаз.

– Кого ты там высматриваешь? – Генри вытянул шею и стал сильно похож на жирафа, которого в прошлом месяце завезли в зоологический сад.

– Не бери в голову, – отмахнулся Тим и перевёл взгляд обратно на павшего духом приятеля.

Вдаваться в детали, что среди скучных мужских шляп и элегантных дамских он выглядывал одну, самую прелестную, с маками, Тим не стал. Не стал и пускаться в объяснения, что в Аскот из Девонсайда выехал один, без отца и мачехи. Те должны были выехать следом.

С турнира по гребле они вернулись не тем же днём и даже не следующим, а только под вечер и прямо накануне скачек. Почему задержались – объяснить не стали. Дорога измотала обоих сильно, а Малесту – больше обычного. Но самым ужасным было то, что ни платье, ни ленты толком готовы не были, и половину ночи весь Девонсайд стоял на ушах. В одном углу крахмалили воротник сорочки Джейкоба, в другом – до блеска начищали обувь. На первом этаже дворецкий Джонатан всю полировал трость хозяина, и в то же время на втором этаже едва живая Хизер туго закручивала волосы хозяйке, чтобы на утро получились упругие локоны. Иными словами, не до сна и разговоров было всем, кроме Тима, который от нечего делать впервые в жизни подготовился к Аскоту так, как готовятся ко дню свадьбы женихи, и то не все, а только те, кто чересчур желает жениться. Такие, как Генри, например.

После завтрака к крыльцу подали две экипажа. В одном из них Джейкоб отправил Тима, наказав тому первым делом разыскать среди присутствующих мистера Пикли, выразить ему своё почтение, а также проявить внимание к его дочери Кэтрин. Сам Андервуд-старший думал явиться на ипподром не позже половины двенадцатого, а, возможно, и раньше, ведь дел планировалось обстряпать много, а часов в сутках не прибавилось. Развлекалась на

скачках лишь молодёжь, а ещё старики и дамы; настоящие мужчины предпочитали делать дела, и многие добивались колоссальных успехов, пользуясь царящим в воздухе нездоровым азартом. Но время шло, часы тикали, стрелки ползли к одиннадцати, а отцовский экипаж всё не показывался.

– А что Джефф и Фил? – спросил Тим, желая переключить внимание Генри с «индюка» на «сорняки». – От них есть вести?

– Только от Джеффа. От Филадельфии ничего.

– И как Джефф?

– Чудесатее некуда.

Это прозвучало странно, тем более от Генри. И тем более что Тим уже решил, что более нелепой ситуации, чем сложилась между ним, Сандерсом и Кэтрин, и вообразить невозможно. Но, оказалось, было что-то ещё. И Тим попросил детали.

– Ты же знаешь Джеффа. – Генри начал издалека.

Андервуд кивнул.

– Он терпеть не может оперу, – продолжал Генри.

И снова Тим кивнул.

– Так вот. – Сандерс следил за реакцией друга. – Теперь он её обожает.

– Что?

– Да-да. Не делай такое лицо. Слово ты индюк, поджаренный с каштанами на Рождество.

– Давай не будем об индюках. Ещё успеется, – простонал Тим, а воображение разыгралось и нарисовало перед глазами свою версию того, как из Андервуда будут делать отбивную. – Лучше продолжим про Джеффри. Он раздобыл подвязку?

Генри покачал головой.

– Наш Джеффри, приехав домой, обнаружил, что его мачеха совсем сошла с ума и увлеклась игрой на арфе. И его отец в том увлечении ей полностью потакает. Он даже выписал ей из Италии арфистку, и вот уже второй месяц та живёт у них в доме и преподаёт миссис Пирсон нотную грамоту. Целыми днями они только и делают что дёргают струны и обсуждают музыкальные новости.

– Погоди. Арфистка из Италии?

– Вот-вот. В верном направлении мыслишь. Джефф, конечно, по-итальянски ни того... ни одного слова. Пришлось спешно хватать справочник и учить.

– Зачем?

– Как зачем? Чтобы произвести впечатление на мачеху и втереться к ней в доверие. Но планировал то он одно, а вышло совсем другое. Итальянке так понравился акцент Джеффа, что она решила давать ему два урока музыки в день вместо одного, и этот дурень согласился, думая, что мачеха к ним присоединится. Вот болван!

– И что же произошло?

– Его мачеха предпочла пить чай на веранде, в то время как Джефф усиленно мучил бедный инструмент.

– То есть Джефф теперь играет на арфе, – подытожил Тим.

Генри снова глупо заморгал.

– Какое там играет?! Ты только представь себе Джеффа и арфу! Представил?

– С трудом.

– То-то и оно. Уроки музыки плавно перетекли в уроки итальянского языка. За

закрытыми дверями, что крайне важно. Ну а с языком-то у Джеффа всё в порядке. Достаточно вспомнить его проделки в салоне мадам Лека.

Тим хмыкнул.

– И кто из нас двоих больше пошляк после этого?

– В общем, теперь Джефф по уши влюблён в арфу... тьфу, в итальянку. Собирается в июле ехать с ней в Рим, а осенью – в Милан, а ещё он подсуетился и выкупил ложу в Королевской опере на все премьеры нового сезона. Естественно, о споре он забыл, так что о кукареканье ты уж будь добр напомни ему сам. Мне сейчас не до этого.

Часы в кармане почему-то тикали так громко, словно отсчитывали последние секунды жизни перед казнью. Или Тиму послышалось? Точно послышалось, ведь кто различит, как отсчитывает секунды какой-то там бездушный механизм, когда вокруг стоит гул, подкрепляемый льющим рекой шампанским, и такой сильный, словно поляну, усыпанную медовым клевером, облепили жадные до нектара пчёлы.

Тим снова поискал глазами в толпе яркие маки. Жить без синяка под глазом оставалось всё меньше времени, и хотелось предстать перед мачехой пока ещё щегольски одетым франтом, красивым, подтянутым и без переломанных рёбер. Очень хотелось. Почему – Тим с трудом понимал. А если и понимал, то не верил.

– Да кого ты всё высматриваешь? – недовольно пробубнил Генри и вдруг спросил: – А там не твой отец жмёт руку сэру Фредерику Пикли? Выглядит он, скажу прямо, словно жабу проглотил. Недовольным.

Тим чертыхнулся.

– Отвернись! – скомандовал он Генри.

– Зачем?

– Отвернись, кому говорю! Встань к ним спиной. Может, так они нас не заметят. Мало ли вокруг народа в чёрных фраках и шляпах.

– Не могу.

– Как не можешь? Голову повернуть не можешь? Так я тебе сейчас её отвинчу!

– Как тут не смотреть, когда такая красота... Не идёт, а плывёт. И улыбка... Боже, какая улыбка! Хотя кому я это говорю? Ты видишь её каждый день и за завтраком, и за обедом, и за ужином.

Тим проследил за взглядом друга и встал как вкопанный.

Напрасно он всё утро искал алые маки в толпе. Напрасно цеплялся взглядом за зонтики и ленточки алого цвета. Всё это было ни к чему, потому что маков никаких не было, как не было и кремового цвета платья, зато в летней зелени, свежей и приободрённой после лёгкого ночного дождика, расцвела серо-голубая гортензия, нежная и своей нежностью безумно соблазнительная. В этот день она цвела для всех, и не было человека, который, проходя мимо, не остановился бы на мгновение, не вдохнул воздуха полной грудью и не поймал себя на мысли, что готов любоваться супругой Джейкоба Андервуда вечно.

Золотистые локоны нежились в лучах такого же золотого солнца, серо-голубые глаза смотрели на собеседника мягко и тепло, а бледно-розовые губы подрагивали, будто от холода, хотя никакого холода не было, а затем растягивались в лёгкой, непринуждённой, едва уловимой улыбке, которая ни за что не оставалась незамеченной и согревала сердца рядом стоящих сильнее протопленного камина. И даже Тим не сдержался, упёрся тростью в землю, вцепился пальцами в набалдашник и недовольно пробурчал:

– Не улыбайтесь – это раздражает...

– Ты кому? – спросил Генри, и Тим тут же пришёл в себя.

– Это я так... Это из роли, – вывернулся он. – Скоро ставим «Гамлета», так я репетирую везде, где придётся.

– Делать тебе нечего. Лучше расскажи про себя. Как успехи с ней? – Генри кивнул в сторону Малесты. Та в этот самый момент с таким участием внимала каждому слову Фредерика Пикли, что Тим готов был сорваться с места и треснуть того Пикли тростью по голове.

– С мачехой? – Тим отвечал, не думая. – Всё хорошо.

Генри завистливо присвистнул.

– Неужели заполучил? Ну ты просто виртуоз в обольщении дам!

Последние слова выдернули Тима из череды волнительных наблюдений. И хорошо, что выдернули, ведь стучавшее громко и неровно сердце норовило перебить шум вокруг и окончательно перемешать пока ещё трезвые мысли.

– Заполучил, – отмахнулся Тим, решив не вдаваться в подробности нечестной игры.

Но Генри хотелось посплетничать. Проглоченное наспех и на голодный желудок шампанское уже успело размыть границы дозволенного и развязать язык.

– Так у вас что-то было? – нетерпеливо спросил Сандерс и тут же хлопнул себя ладонью по лбу. – Ну, конечно, было, а я, дурак, ещё спрашиваю! Но, чёрт возьми, как? Как ты смог подобрать к ней ключик? Она ведь такая божественная в своей красоте и такая неприступная.

Тим поморщился.

– Она всего лишь женщина, Генри. А женщины любят мужское внимание.

– Хочешь сказать, она отдалась тебе, потому что ты провернул с ней один из своих обычных трюков?

– Именно, Генри. Вспомни, скольких девиц я обольстил одним лишь фокусом с накидкой. И с этой было то же самое: шёл дождь, она озябла, я укрыл ей плечи, и она тут же посмотрела на меня так томно, что не поцеловать её было бы жутчайшим оскорблением!

– И ты?..

– Я всего лишь мужчина, Генри. Порочный мужчина. А она женщина. Как оказалось, тоже порочная. Так что всё у нас получилось. Встретимся нашей четверкой – продемонстрирую трофей.

– Я бы так не смог, – в который раз вздохнул Генри.

– Всё, что тебе нужно, это холодный, расчетливый ум, – сказал Тим и постучал костяшками пальцев по шляпе, словно мозги находились именно в ней. – Впрочем, к ситуации с твоей кузиной Кэтрин это не относится. Послушай-ка меня, Генри. Скоро открытие скачек, и все разойдутся по своим местам. Тебе бы к этому времени подсутиться и помириться с кузиной. Минута-другая – может быть поздно. Явится твой соперник, и Кэtti с обиды наломает дров. А если у вас всё наладится, то, глядишь, и тому бедняге не придётся вешать себе хомут на шею.

На этих словах Тим коснулся рукой своего шейного платка и чуть ослабил его.

– Думаешь, это так просто?

– Это однозначно проще, чем махать кулаками. А в глазах Кэтрин ты станешь не упёртым занудой, а настоящим героем, ценящим те чувства, которые между вами возникли.

– Ох, – продолжал переживать нерешительный Генри. – Может, ты пойдёшь со мной? Может, выступишь посредником?

– Генри, у меня своих дел невпроворот.

– Каких, например? Кроме еды и выпивки здесь дел никаких быть не может.

– Каких? – Тим лихорадочно соображал.

Голубые гортензии на шляпке виднелись уже в другой части толпы, и в этот раз руку мачехи целовал заносчивого вида франт, у которого, в отличие от Тима, красовался цветок в петлице.

Идея с ответом на вопрос Генри пришла в голову стремительно. Столь же стремительно, как и руки успели утром переложить написанные на латыни бумажки из кармана любимого пиджака в карман неудобного фрака. И Тим выпалил:

– Мне нужно увидеться с сэром Арчибальдом Крейном. Я заметил его имя в списках приглашённых на входе и, кажется, даже видел его обрюзгшее лицо в толпе.

– Зачем?

– Сэр Арчибальд преподавал у нас в прошлом семестре латынь, и на экзамене мне для перевода попался отвратительнейший текст.

– Хочешь пересдать? Тут?

– Хочу, чтобы он проконсультировал меня в одном вопросе.

Сандерс с сочувствием смотрел на друга.

– Ты сильно изменился, с тех пор как уехал в Девонсайд.

– Изменился? В чём?

– Стал какой-то другой. Раньше ты не цитировал Шекспира...

– Может, всему виной солнце? Вон как печёт эти дни.

– Тогда к чёрту сэра Крейна! К чёрту латынь, тем более что к вечеру половина из здесь собравшихся уже и по-английски говорить разучится.

– Согласен. Но я хотя бы попрошу его помочь с трактовкой рецепта одного лекарства.

– Пф-ф, так он тебе и поможет. Пристыдить – пристыдит и при всех! Ещё и перевод твой провальный вспомнит, но точно не поможет. А что за рецепт? С собой? Покажи. Могу взяться помочь – латынь мне всегда легко давалась.

Генри не лукавил. Из всей четверки он действительно преуспел в древних языках.

– Ты же не медик, – заранее оправдал неудачу друга Тим, но бумажки из кармана всё же вытащил.

– И что? – пожал плечами Генри, пробегая глазами по записям. – Аммиак от *veni, vidi, vici** отличу. А уж мак снотворный от мака сомнительного и без словаря распознаю.

– Какой-какой мак?

– Снотворный, – повторил Генри. – Сок мака снотворного, если быть точным. Иными словами, опий.

– Это микстура от головной боли, – осадил друга Тим. – У Ма... у мачехи бывает сильная мигрень, и обмороки случаются.

– Ещё бы им не случаться, если каждый день вливать в себя опийную настойку.

– Разве это не обычное успокоительное и снотворное средство?

– Успокоительное, – подтвердил Генри. – И снотворное. В один прекрасный день так усыпит, что уже не встанешь.

– Если на одной опий, то на второй что? – Тим едва держался, чтобы не сорваться с места и не броситься в шумную толпу.

– Всё то же самое, только без вреда организму.

– Какой, к чертям, вред? В наше время опиум не балуется только ленивый. Вспомни

мистера Краггса. У него ещё был такой жуткий немецкий акцент... Или хотя бы миссис Гриллс. Она всегда держала при себе лауданум*** и прикладывалась к пузырьку, как только учащался пульс.

– Про миссис Гриллс ничего не скажу, как и про эти твои рецепты. Я не медик и в дозах не разбираюсь. Может, в этом случае капля опия и полезна, но вот в декабре у нас была любопытная практика на одном из занятий мистера Вудса.

– Ты про то самое, которое проводилось в морге и на котором Джеффу стало плохо?

Генри кивнул.

– Морг – это тебе не опера, а у Джеффа очень слабый желудок.

– Оставь Джеффа на потом – давай про мистера Вудса.

– В декабре мы заканчивали курс судебной медицины, и мистер Вудс рассказал одну любопытную историю, когда, не желая делить отцовское наследство, один джентльмен регулярно поил свою старшую сестру лекарством, содержащим крохотную дозу опия. Дама слишком много и часто волновалась, а лекарство её хорошо успокаивало и позволяло крепко спать по ночам. Потом появились головокружения и обмороки – и лекарство снова пошло в ход. В результате, дама лишилась рассудка и наложила на себя руки, а всё состояние отца перешло её брату. Суд не признал его виновным, но мистер Вудс, бывший тогда ещё студентом и ассистировавший медикам, проводившим вскрытие, считает, что это было намеренное отравление, и такие случаются на каждом шагу. В наше-то время, когда опий добавляют чуть ли ни в молоко для младенца, что может быть проще, чем отравить человека, прикрываясь обычной заботой о его здоровье?

– Ненавижу маки... Дай-ка.

Тим выдернул бумажки из рук друга.

– Эй! Ты куда? – воскликнул Генри, когда понял, что на этом задушевная беседа закончилась.

– Ещё увидимся, – бросил Андервуд. – А ты шуруй скорей к Кэтти, спасай своё и чужое счастье. И я не шучу. Вот увидишь – не шучу.

– Ладно, – проронил Генри и снова пожал плечами.

Он уже много раз за сегодняшнее утро пожимал плечами, и на то была одна-единственная причина: Тимоти Андервуда, своего приятеля со школьной скамьи, он сегодня совсем не узнавал.

– Станный он какой-то, – подумал Генри вслух, провожая друга взглядом. – Лицом бледен, похудел. Не кормит его мачеха, что ли? Одними поцелуями сыт не будешь! Уж я по себе знаю.

И, ещё долго возмущаясь, Генри пригладил на себе фрак, поправил очки на носу и спрятал непослушные пряди волос под шляпу. Вид у юного Сандерса стал вновь цивилизованным и достойным того, чтобы шагнуть в самое сердце общества и бочком-бочком, почти крадучись, словно напакостил, добратся до Кэтрин Пикли, дотронуться до её пальчиков, взять за руку, отвести в сторону и пылко заговорить, прогоняя с её лица хмурость и поселяя на нём счастливую улыбку.

Начищенные до блеска ботинки безжалостно приминали подстриженную накануне траву. Ответы на приветствия по пути бросались неуважительно короткие, и звучали они скорее грубо, чем просто холодно, так что удостоившиеся такого сомнительного почтения джентельмены возмущённо водили бровями, дамы в возрасте кривили губы, а девушки, созревшие для выданья, огорчённо вздыхали. При этом каждая так и норовила до последнего

наблюдать за каждым шагом Тима, желая выяснить, в какой именно «кривляке в безвкусной шляпке» подойдёт этот «холодный красавчик», чтобы победно фыркнуть в её сторону и хотя бы в мыслях выцарапать сопернице глаза. И каково же было удивление многих, когда из всех дамских ручек Аскота была выбрана самая изящная и в белой кружевной перчатке, когда заволновалось платье цвета купающихся в лучах солнца незабудок и когда на широкополой шляпке качнулись серо-голубые гортензии.

– Тимоти, наконец-то, – шепнула Малеста. При этом улыбнулась джентльмену напротив, повязавшему свой шейный платок так небрежно, что удивительно было, как его вообще пустили в таком виде на мероприятие королевского размаха. – Ваш отец вас обыскался. И он очень недоволен.

– К черту отца. Мне нужны вы.

– Что вы такое говорите? Выпустите мою руку. Все вокруг смотрят.

– Выпущу при условии, что пойдёте со мной.

– У вас опять в голове творится невообразимое.

– Впервые в жизни я даже горжусь тем порядком, который там сейчас царит, но дело не в этом. Идёмте.

– Никуда я с вами не пойду. Ваш отец обещал представить меня мистеру Шарпу. Тот интересуется нашим благотворительным фондом и хочет помочь сиротам.

– Сироты подождут.

– Они не могут ждать, на то они и сироты.

– Я тоже сирота, если уж на то пошло.

– Тьфу на вас! Как вам не стыдно! Говорить такое при живом отце.

– Видите, до чего вы меня довели!

– Я?

– А кто же ещё? Только и делаю, что каждый день думаю о вас, высматриваю вас везде, а вы спокойно себе пьёте шампанское, хохочете и дарите улыбки всяким сушеным сморчкам, которые даже платок себе повязать не в состоянии!

– Тише. Не кричите.

Но Тим не кричал. Напротив, всё говорилось шёпотом, но таким горячим и страстным, что воздух вокруг нагрелся и вместе с ним запылали щёки как у молодого Андервуда, так и у Малесты.

– Идёмте. Скорей.

Тим взял мачеху за руку и дёрнул за собой в сторону.

– У меня не было возможности поговорить с вами наедине в Девонсайде, – говорил он, широко шагая.

– И поэтому вы выбрали толпу?

– Почему вы не надели шляпку с маками?

– Так вы для этого меня ведёте неизвестно куда? Чтобы спросить о шляпке?

– Я битый час их высматривал в толпе. Ненавижу маки... Оказалось, не зря.

– Тимоти, остановитесь.

– Дойдём до того шатра – остановлюсь.

– Нет, сейчас.

Малеста выдернула руку из тисков Тима и замерла на месте. Две старушки-сплетницы, недовольные тем, что гусяного паштета с грёнками вынесли меньше, чем в прошлом году, с удовольствием переключились на занимательное, по их мнению, представление, которое

разыгрывалось вдалеке от всех, под тенистым деревом, где-то между шатром, в котором планировали накрывать столы к послеобеденному чаю, и загонем для лошадей. Скачки и члены королевской семьи, должны вот-вот предстать перед собравшимися и открыть первый забег, тоже были тем старушкам интересны. Но более всего им нравилось наблюдать за делами сердечными, нюх на которые был за милую, а разговоров затем хватало на целый год.

– Что это за юноша? – прошамкала почти беззубым ртом та пожилая дама, которую за глаза прозвали каланчой, столь высокого роста она была. – Он так горяч. Напоминает мне скакуна под пятым номером. Тот тоже вечно бьет копытом о землю и фыркает так страстно, что из ноздрей валит пар. Я поставила на него пять фунтов. Он должен прийти к финишу первым.

– Юноша мне не знаком, но дама в голубом – Малеста Андервуд, – отвечала приятельница «каланчи», широкоплечая леди, чьи жизненные интересы сводились к крикету и нюхательному табаку. Табакерка была всегда при ней и даже на скачках не выпускалась из рук.

– Уж не банкир ли её супруг?

– Мы с ним никогда не были представлены друг другу, но я слышала, что деньги он считает профессионально.

«Каланча» всплеснула руками.

– Это ж надо! Такой молодой и уже известный банкир! Как быстро современная молодёжь строит себе карьеру!

– Что ты несёшь? – проворчала пахнувшая табаком подруга. – Какой из этого юнца банкир? Он максимум бумажки в конторе из одной стопки в другую перекладывает. Не дорос он до банкира. Лысину не заимел, пенсне в кармане не держит... Даже цветок в петлицу и тот не воткнул!

– Тогда эти двое ведут себя по меньшей мере странно. Тебе не кажется, что расстояние между ними слишком мало, чтобы считаться допустимым? И он берёт её за руку!

– Но, замечу, не снимает перчатку.

– Какая разница? Он коснулся её локтя, а не ладони. В жизни не видела ничего более постыдного!

– Если это не лорд Андервуд, то кто? Сыном он ей тоже быть не может. Она так свежа лицом!

– Да какой сын будет так откровенно вести себя с матерью?!

– Откровенно?

– Глянь на него внимательней. Он же едва дышит. А она...

– Она ведёт себя спокойно.

– Я не то хотела сказать.

– А что же?

– Она позволяет ему собой восхищаться и в то же время не даёт перейти черту. Играет им. Дурит красивого мальчишку. И куда смотрят его родители?

– Надо узнать, кто они, и предупредить его отца. Не дело это – бегать собачонкой за замужней женщиной. И хорошо бы заодно намекнуть её мужу. Пусть приструнит жёнушку.

– Та права, дорогая. А то времена пошли... Спокойно в театре не посидишь. Свет гаснет – и начинается.

– А что начинается? – поинтересовалась любительница табака.

– Была я прошлым месяцем в Лондоне. Что показывали – не помню. Я весь вечер смотрела другую пьесу. Как только потушили свет, молодой мужчина в соседней ложе тут же положил руку поверх руки девицы лет шестнадцати и сидел так весь акт до перерыва. Они разняли руки лишь тогда, когда опустили занавес. Как тебе?

– Какая стыдоба!

– И последнее время такое направо и налево случается. В театре, в опере, на торжественном приёме или благотворительном обеде. Теперь вот до скачек добрались. Кстати, о скачках. Там случаем не экипаж принца Альфреда промелькнул? Герб показался мне знакомым.

Собеседница «каланчи» прищурилась.

– Он самый.

– Так что же мы тут стоим и на распушенность любуемся? Надо срочно протиснуться в первую линию. Если принц обратит на нас внимание, то нас могут пригласить в королевскую ложу, а уж там паштета всяко будет больше, чем здесь накрыли. И разврата не будет.

– Про разврат это ты в точку, – поддакнула «табакерка», в душе искренне жалея, что придётся снова вариться в месиве из шума и жеманных манер. Наблюдать за укрывшейся в тени дерева парочкой было куда интереснее, особенно если те были не мужем и женой, а любовниками, как полагали старые сплетницы.

Листва шелестела на ветру, и Малеста схватилась рукой за шляпку, чтобы не дать той слететь. А заодно поёжилась, потому что, хоть день был и по-летнему очаровательным, стоять в прохладной тени было некомфортно, тем более и рукава на платье были как назло коротковаты, и вырез на груди и со спины больше положенного замужним дамам. На таком платье настоял Джейкоб. Сказал, что по-монашески следует одеваться только в церковь; скачки же – мероприятие светское, и всё здесь должно блистать и вызывать бурный аппетит и неслыханную щедрость как в отношении ставок на участвующих в забеге лошадей, так и в отношении благотворительного фонда, пополнить который Джейкоб намеревался в этот день всенепременно.

– Мы здесь уже слишком долго, – вымолвила леди Андервуд. – Ваш отец может нас хватиться, а вы до сих пор не объяснили мне, какого чёрта вы вытворяете!

– Помолчите, – взмолился Тим и приложил пальцы к вискам. Те беспощадно пульсировали, и голова у Тима раскалывалась так, словно её перепутали с наковальней и шарахнули по ней молотом. – Я не знаю, с чего начать. Мои мысли все перепутались, лезут друг на друга, пихаются... Господи, сколько всего, оказывается, я хочу вам сказать!

– Тогда начните с чего-нибудь, иначе я озябну и заболею. Я легко простужаюсь.

– Пока я жив, вы больше не будете болеть, – взволнованно произнёс Тим и рывком стянул с себя фрак. – Вот. Так будет теплее. Теплее же?

Тепло было, даже слишком, но и слишком было позволять Тиму переходить границы, особенно находясь на официальном мероприятии.

– Снимите. Нас могут увидеть.

– Никто нас не увидит, – шептал Тим. – Слышали трубы? Это возвестили о прибытии королевской семьи. В такую минуту только сумасшедший решится повернуть голову в обратную сторону.

– Тогда и нам следует поторопиться. Джейкоб не простит мне, если меня не будет рядом.

– Скажите честно, вы его боитесь? Боитесь моего отца?

Малеста не ответила. Отвела взгляд и сделала вид, что разглядывает жокея, заботливо похлопывающего лошадь по морде.

– Не молчите, – сказал Тим, – иначе я чувствую себя полным идиотом. Я стою перед вами, весь никакой. На вас – мой фрак, а на вашей шляпке – голубая гортензия вместо маков, и она безумно идёт вашим глазам. А вы на меня совсем не смотрите и даже не шипите злобно, и я совсем теряюсь и ещё больше чувствую себя абсолютным болваном. Кажусь сам себе маленьким ребёнком, который всё ждёт похвалы или одобрения, но получает лишь презрение и холодное равнодушие.

Малеста повернула голову. В её взгляде поселилась тревога, и Тим вздрогнул.

– Так вы и правда его боитесь, – выдохнул он.

– Есть вещи, которыми нельзя пренебрегать, когда и как вам вздумается. Есть правила, которые нельзя нарушать, как бы вам этого не хотелось. Вы о своей прихоти забудете уже к вечеру, а другому человеку она может стоять положения или даже жизни. Вы вообще думаете о других? Может, хоть пытаетесь?

Тим взъелся.

– Думаю ли я о других? Да последнее время я только и делаю что думаю о ком угодно, только не о себе! Об этом гадком усаче Джонатане, о похожей на сморщенный стручок гороха миссис Мерит, о неизвестной мне Бетси, о дяде Реджи... Даже о своём приятеле Генри! О нём, например, я начал думать сегодня, и от его будущего напрямую зависит моё будущее. А ещё... я думаю о вас.

Тим замолчал. Возникла неловкая пауза. Как будто стоящие на сцене актёры в одночасье забыли каждый свою роль, суфлёр им не полагался, и подсказать слова было некому. Пришлось импровизировать.

– Значит, вы думаете обо мне... – протянула Малеста.

– Перестаньте принимать то лекарство.

– Что с ним не так? Его прописал мне ваш дядя.

– Покажитесь ещё раз доктору Уотнеру – он вроде неглупый человек и шишки на голове лечить умеет. Съездите в Лондон, пройдите там обследование у лучших специалистов. Я помогу. Отберу для вас самых известных, с отличной репутацией. Плевать на деньги. Оплачу любой счёт.

– Но зачем? Тим, с вами всё в порядке? – Малеста подняла руку и робко коснулась рукой щеки Андервуда. – Вы бледны и дрожите. Это случайно не лихорадка?

– Может, она, но мне плевать. Обещайте, что займётесь своим здоровьем, а всё, что надавал вам моя дядя, выбросите сегодня же. Впрочем, я сам выброшу. Хотите вы того или нет – вернёмся в Девонсайд, ворвусь в вашу спальню и высвистну оттуда всё, к чему дядя приложил руку.

– Ваше беспокойство как-то связано с теми рецептами, что я показывала на днях?

– Да.

Тим принялся хлопать себя руками по телу, вспоминая, куда сунул проклятые бумажки. Когда память вырисовала в голове фрак, шагнул к Малесте и принялся уверенно ощупывать каждый карман, начав с внутренних, ни на секунду не подумав о том, как подобные действия могут трактоваться со стороны.

– Вот они.

Тим развернул рецепты, за последнюю неделю сминаемые не раз и не два, и ткнул

пальцем туда, где некогда любимый дядя Реджи собственноручно вывел название яда да ещё и дозу приписал.

– Эта смесь содержит опий. Не заметили, что с годами ваша мигрень только усиливается? Обмороки становятся чаще и дышать тяжело. Это всё из-за него.

– Опий? – Малеста задумалась. – Вы уверены?

– Абсолютно. Мой дядюшка прописал вам не спасение от недуга, а яд, медленно отравляющий ваш организм. Причины его поступка мне не ясны, но, может, вы что-то вспомните. Я не верю, что он мог это сделать просто так.

– Вы же забрали просто так вещь из моего гардероба и не потрудились объяснить мне причину.

– Вы про подвязку? Далась она вам. Она вам жизни стоить не будет, а та гадость, которую вы вливаете в себя ложками ежедневно, точно той жизни вас лишит!

Тим едва не кричал, и Малесте пришлось пойти на крайние меры.

– Тише, – прошептала она и приложила палец к губам Андервуда. – Говорили, что думаете обо мне, а сами норовите опозорить на весь Аскот.

– Простите, – уже значительно тише сказал Тим. – Так вы что-нибудь вспомнили насчёт моего дяди? Может, вы ему где-то не то слово сказали или посмеялись над ним?

Малеста наморщила лоб.

– С сэром Реджинальдом Биготом я всегда была дружна. Было время – он не вылезал из Девонсайда. С вашим отцом они часто ходили на охоту, а по вечерам сидели в кабинете, пили виски. Иногда играли в бильярд. Тогда я и сблизилась с ним. Помню, я застудила шею, потому что долго сидела у открытого окна и читала, и с той поры пошли боли. Заболела спина, стало стрелять в висках, началась бессонница, потом пошли слабость и головная боль. Джейкоб сильно волновался, и меня показали многим врачам, но ни одно из выписанных ими лекарств не помогало. А одним осенним днём ваш дядя снова завернул в Девонсайд, мы с ним разговорились, и он вызвался помочь.

– И стал пичкать вас опиумом!

От закипавшей в сердце злости Тим с такой силой треснул рукой по стволу дерева, что часть сухой коры в том месте отлетела и раскрошилась прямо у носов отполированных до блеска ботинок.

– Я стала чувствовать себя лучше. Спустя полгода уже было подумала, что совсем поправилась, но обмороки начались опять. Ваш дядя любезно приехал по первому же зову и наказал с лечением не шутить, продолжать пить настойку и не самовольничать. Он говорил, там сплошные травы, полезные для нервов и сердца, а моя слабость может быть вызвана климатом, который мне и правда совсем не подходит.

– И вы поверили?

– А не должна была?

– С этого дня не верьте никому. Особенно прохвосту Джонатану. Верьте только мне.

– Вам? Вот от вас получить на завтрак отравленный чай было бы более ожидаемо.

– Думаете, я с вами в игры играю? – Тим негодовал. – Вот. Читайте сами. Видите? Сок мака снотворного. Иными словами, опий. – Андервуд сунул бумажку чуть ли ни под нос мачехе, но тут же разочарованно воскликнул: – Ах, чёрт! Вы наверняка ничего не смыслите в латыни. В таком случае просто не ставьте под сомнение ни одно моё слово.

– Тим...

– Я же сказал: не сомневайтесь. Не тратьте силы на спор.

– Я не спорю. Просто... Это не рецепт моего лекарства. Это та бумажка, которую я нашла в платяном шкафу Бетси у миссис Мерит. А вот вторая... Покажите-ка её. – Обескураженный Тим развернул второй клочок. – Да, вот эта как раз с моей микстуры. Вы, видимо, так торопились и волновались, что перепутали. Или в моей настойке тоже опий?

Это было фиаско. Какое по счёту, Тим не знал, так как давно бросил считать.

– Нет, – пробормотал он, – во второй только травы. Как сказал Генри, безобидные и полезные. Погодите. Получается, вашему здоровью ничто не угрожает? Тогда откуда частая слабость?

Малеста развела руками.

– Видимо, таковы особенности моего организма. Я же говорила вам про климат.

– Ничего не понимаю. – Андервуд мотнул головой, надеясь разложить по полочкам пребывавшие в полном хаосе фрагменты информации, но и с этим не повезло.

Малеста звонко рассмеялась, сняла с себя фрак и вернула его на плечи хозяина.

– Милый Тимоти, мне приятна ваша забота, но вы переборщили с подозрениями. Ваш дядя был замечательным человеком, весёлым и приятным собеседником.

– Я тоже так считал, пока не пообщался с мистером Хиггинсом, – ответил Тим, с волнением наблюдая, как красивые тонкие пальцы поправляют чёрную ткань, распрямляют её и... смахивают с лацкана едва заметную пылинку.

– Мистер Хиггинс каким-то образом пошатнул вашу веру в близкого человека?

– У меня не было возможности поделиться с вами тем, что я узнал, но мне было не просто переварить такое.

Малеста прищурилась и оглядела Тима с головы до ног.

– Вы таким образом оцениваете, насколько я сошёл с ума? – поинтересовался Андервуд.

– Нет. Мне просто подумалось, что в вашем образе чего-то не хватает. – Малеста склонила голову набок и снова смерила Тима изучающим взглядом. – Конечно! Какая же я глупышка! Нужен цветок.

– Цветок?

– У вас нет цветка в петлице. Поленились сорвать гвоздику в саду? Снимите-ка с меня шляпку.

– Погодите. Я же хотел рассказать вам, что узнал от мистера Хиггинса! А ещё мне никак не даёт покоя эта бумажка, найденная вами у Бетси. Вы, кстати, знали, что дядя Реджи и горничная миссис Мерит...

– О моей просьбе не забудьте, – поторопила Малеста.

Красивейшая шляпка, сделанная явно не любителем, а высококлассным профессионалом, была аккуратно снята, и золотые волосы сказочно заблестели на солнце. Тим зажмурился, а когда открыл глаза, то в петлице его фрака уже красовалась нежная гортензия, выдернутая из кучки ей подобных столь искусно, что общая композиция ни капельки не пострадала, а только стала ещё восхитительней.

– Вот так будет элегантнее, – похвалила собственное творение леди Андервуд и как ни в чём не бывало спросила: – Так что вы там говорили про Бетси?

Тим сглотнул.

– Я говорил, что она и дядя Реджи... – начал он рассеянно, но тут же сам себя перебил и выплеснул: – Чёрт возьми, Малеста, зачем вы это делаете?

– Что именно?

– Этот цветок с вашей шляпки и та пылинка с моего фрака... Это что-то значит?

– Тим!

Звонкий, слегка подвыпивший голос Генри Сандерса застал всех врасплох.

Тим снова чертыхнулся, отдалился на пару шагов от мачехи и раздраженно посмотрел в сторону приближающегося друга. Тот был не один. Его сопровождала невысокая девушка с по-лишьему вытянутым личиком, длинной шеей и тонкими губами. Платье цвета взбитых сливок удивительно шло её белобрысым кудряшкам, но сильно подчеркивало болезненную бледность кожи и чересчур худые руки. Однако Генри держал ладонь девушки в своей так крепко и с такой любовью, что юное создание просто светилось от радости, и даже слепому становилось понятно, что несколькими минутами ранее произошло объяснение, полное страсти, заставившее обоих трепетать от счастья.

Тим провёл рукой по лицу.

– Как он не вовремя.

– Тим! – воскликнул Генри. – Ты пропустил открытие.

– А то я не знаю, – съязвил Андервуд, усиленно подмигивая приятелю и тем самым намекая, чтобы тот валил туда, откуда пришёл.

– Я подумал, что пора бы тебе и Кэтрин познакомиться! – выдал Генри, напрочь игнорируя намёки. – Как поживаете, мэм? – учтиво произнёс он в сторону Малесты и приподнял в приветствии шляпу, а заодно многозначительно хмыкнул, словно знал что-то такое, что знать ему совсем не полагалось.

– Это мой друг, – натянуто улыбнулся Тим мачехе. – Генри Сандерс. Не обращайте внимания на его взлохмаченный вид. У него часто бывают не все дома.

– Кэтти, – Сандерс легонько подтолкнул кузину вперёд, – я обещал представить тебя тому человеку, благодаря которому мы снова вместе. Вот я это и делаю. Это...

– ...Тимоти Андервуд, – перехватил инициативу Тим и коснулся губами руки в перчатке.

– Андервуд? – пролепетала обескураженная Кэтрин.

– Так вот как выглядит мой будущий зять!

Насмешливый окрик застал всех четверых врасплох. Из-за дерева и с той стороны, в которую никто не смотрел, но где были расположены загоны для лошадей, показался сэр Фредерик Пикли. Он, как и Генри, зарядился с утра шампанским, но почему-то был ещё и взмылен, словно это он, а не лошадь, должен был участвовать в забеге.

– Ничего не понимаю, – пробормотал Генри и снял очки, чтобы протереть.

– Леди Андервуд. – Мистер Пикли обогнул дерево и, заметив Малесту, тут же изменился лицом и приосанился. – Мы вас обыскались.

– Мне попал камушек в туфли. Идти было тяжело, и Тим вызвался мне помочь. – Улыбка снова поселилась на лице Малесты, и солнце снова показалось из-за набежавших облаков.

– Позвольте, теперь я вам помогу, – рассыпался в любезностях мистер Пикли, согнув в локте руку. – Кэтрин пусть идёт рядом с Тимом. Вы, я вижу, уже познакомились. Чудесно, чудесно... А ты, Генри, поддержи мою трость. И отойди от Кэтти подальше.

Но Кэтрин и Генри не торопились разнимать руки.

– Отец, ты хочешь сказать, что вот за него я должна выйти замуж? – неожиданно смело для болезненного вида воскликнула девушка и даже ткнула в Андервуда-младшего пальцем.

– Кэтрин, – возмутился сэр Пикли, – где твои манеры?

– Да он же крутит романы со всеми девицами, которых встречает на своём пути! – не унималась смелая и отстаивающая своё счастье Кэтрин. – И даже вот с этой дамой!

Сэр Пикли чуть не задохнулся от возмущения.

– Да кто вбил такую чушь в твою кудрявую голову? Леди Андервуд, – Фредерик принялся извиняться перед Малестой, – прошу простить мою дочь. Она находится на серьёзном лечении и под действием лекарств порой не понимает, что говорит.

– Но это правда! Мне Генри сказал, – оправдывалась Кэтти. – Ведь так, Генри?

И девушка развернулась лицом к своему кузену, намереваясь заручиться его поддержкой.

– Ах ты мерзавец, – произнёс Тим, шагнул к Генри и схватил того за лацканы фрака.

– Так это ты нацелился на мою Кэтти?! – Сандерс начал ответную атаку. – Это ты – тот индюк, которому я должен набить морду!

– Меньше говори – быстрее действуй, – злобно шипел Тим. – Потому что твои кишки я выверну наружу прямо сейчас.

– Как скажешь, – ответил Генри.

И дал Тиму кулаком в глаз.

***Аскот** – (англ. Ascot) — населённый пункт в районе Виндзор и Мейденхед графства Беркшир в 40 км от Лондона. Население — более 5000 человек (перепись 2001 г.). Городок обладает мировой известностью благодаря спортивному событию, которое проходит там ежегодно. Речь идёт о королевских скачках Royal Ascot. И это не только важное событие в мире спорта, но и в мире моды. Посетителей мероприятия элегантность своего образа волнует не меньше, чем родословные чистокровных скакунов. Причём каноны моды на время скачек даже в наше время сильно приближены к XIX веку. Это дань традиции, а традиции для британцев равны закону. Традиция проводить скачки в Аскоте зародилась в 1711 году, когда королева Анна прогуливалась в окрестностях замка и обнаружила большую пустошь, которую посчитала очень удобной для конных состязаний. На поле был построен ипподром, и с тех пор в Аскоте проводятся забеги, собирающие тысячи людей не только со всей страны, но и со всего мира. Главное мероприятие – состязание за золотой кубок – устраивается в июне и длится 5 дней, со вторника по субботу. В былые времена оно длилось 4 дня, поэтому Тим Андервуд упоминает именно эту цифру, когда думает о Генри. Традицию нарушили и продлили ещё на один (пятый) день только в 2002 году. Четверг считается «дамским днём», и именно в четверг дамы надевают самые безумные и роскошные шляпки, на какие только способна фантазия. По этой причине четверг является самым популярным днём из пяти, билеты на скачки на этот день самые дорогие, трибуны переполнены, а меню самое изысканное.

****Veni, vidi, vici** (лат.) – Пришёл, увидел, победил (Гай Юлий Цезарь)

*****Лауданум** (лат. **Laudanum**) — опиумная настойка на спирту. В более широком смысле – лекарство, в состав которого входит опиум. Был особенно популярен у женщин в викторианскую эпоху как универсальное лекарственное, успокоительное и снотворное средство.

С 1840-х годов до начала XX века в Великобритании употребление наркотических веществ было чрезвычайно распространено. Некоторые исследователи связывают это с жесткими антиалкогольными законами, из-за которых опиум, считавшийся лекарственным средством, стоил дешевле, чем алкоголь. Средства с содержанием опиума считались универсальными лекарствами от множества болезней, распространялись свободно, стоили относительно недорого и рекомендовались даже детям. Наркотики использовались как средство от диареи, от бессонницы, для лечения нервных болезней, как доступное

обезболивающее при всех видах боли и даже как средство от простуды.

Глава 17. О чём молчат старые вещи

– Ай. – Тим взвыл. – Щиплет.

– Терпите, – ответили спокойно, а на лилового цвета скулу лёг слой коричневой мази, от которой сразу стало горячо.

– Вы издеваетесь? Прикажите лучше принести льда. Ева! – Тим крикнул в сторону коридора. – Тащи холодное полотенце!

– Не шумите. Я отослала Еву на кухню. Она готовит чай. А лёд надо было прикладывать сразу после драки – сейчас другие средства хороши.

Ещё немного мази легло на лицо Тима; в этот раз пыткам подверглась область вокруг губ.

– Здесь надо аккуратнее, – пробормотал Андервуд и затаил дыхание, наблюдая за Малестой, склонившейся над ним.

Обтянутый зелёным бархатом диван был в одночасье превращён в больничную койку. Пошитые специально для дивана две мягкие подушки с малиновками в кустах были сунуты одна под голову, другая – под ноги. Порванный на рукаве фрак был скинут прямо при входе в дом, и Джонатан быстро подхватил его и вместе с поломанной тростью унёс служанкам на починку.

Скачки в Аскоте для Андервудов закончились, едва успев начаться. На шум и крики сбежалась чуть ли ни половина ипподрома, включая жокеев и разносчиков еды. У одного из последних толпа даже перевернула поднос с шампанским, и гора хрусталя и игристого вина оказалась прямо на платье мадам Флатери, известной оперной певицы.

К тому времени, как Тима и Генри разняли, у первого уже было помято лицо и разорвана одежда, а у второго – разбиты очки. Именно последнее обстоятельство дало Тиму преимущество над соперником и позволило пару раз дать под зад и огреть локтем по спине. Став слепым, как крот, Генри растерялся, но к его счастью «разниматели» были уже близко, и терпеть боль и унижение пришлось недолго.

Однако хуже всего пришлось Джейкобу Андервуду. Всё то время, пока толпа пялилась на выпачканного в пыли и траве Тима, лорд Андервуд багровел от стыда и обливался потом. Попытки узнать причину драки ни к чему не привели: оба, Тим и Генри, молчали как рыбы, Малеста удивленно разводила руками, Кэтрин вообще дар речи потеряла и тоже почему-то краснела, а Фредерик Пикли был себе на уме, помалкивал, но хитро и многозначительно шурился.

После того, что случилось, Джейкоб Андервуд уже не мог оставаться в Аскоте. Ещё с утра он был рад пристальному вниманию, но только в тех случаях, когда оно было связано с его женой и потенциальными пожертвованиями в фонд. Теперь же он мечтал скорее покинуть скачки и пёструю, охочую до сплетен, публику, и надеялся, что о драке скоро забудут, а весь позор спишется на особенности поведения современной молодежи, совсем потерявшей стыд и позволяющей себе махать кулаками даже в присутствии монаршей особы.

– Уж как получится, – протянула Малеста, продолжая колдовать над синяками и ссадинами. Она занялась Тимом сразу, как вышла из экипажа и вошла в дом. – Не полезли бы на рожон – не пришлось бы сейчас закусывать губы.

– Но он сплетничал про вас. При этом нёс, сам не знал, что.

– Ну, смею предположить, что без вашего участия не обошлось. Вряд ли мистер Сандерс

сам додумался до того, что затем наплёл на ухо мисс Пикли. Вы либо намекнули, либо подробно описали, только вот не удосужились добавить, что всё выдумали.

Малеста выдавала правду умело, вежливо и небольшими порциями. И столь точно подбирала слова, что Тим готов был сгореть от стыда прямо вместе с диваном, на котором лежал.

– Молчите? – спросила леди Андервуд, вытирая руки о влажную тряпочку, лежащую на подносе, на котором принесли лекарства и миску с водой. – Это хорошо, что молчите. Значит, в вас есть ещё что-то человеческое...

Платье нежно-голубого цвета зашуршало в сторону кресла. Там лежал уютный, клетчатый плед, подаренный матери Тима каким-то дальним родственником из Шотландии. Был тот родственник ещё жив или нет – никто не знал. С той поры, когда его видели последний раз, прошло много времени.

– Так будет теплее. – Малеста развернула плед и накрыла им Тима. – В соседних комнатах открыты настежь окна, но теперь сквозняк вам не страшен. Лежите, а я схожу на кухню и распоряджусь, чтобы нам приготовили хоть что-то на обед. Никто не ожидал, что мы вернёмся так быстро, поэтому на большую смену блюд не надейтесь. Да и вам с таким лицом вряд ли под силу будет есть что-то сложное. С бульоном хоть справьтесь.

Леди Андервуд была почти у самых дверей, когда Тим вдруг произнёс её имя.

– Да? Вы что-то хотели? Если вы о чае, то Ева принесёт с минуты на минуту.

– Простите, – раздалось в ответ. – Я виноват. Я знаю. А ещё я знаю, что вы читали моё письмо. То глупое письмо, которое я писал будучи сам не свой. Мерзавец Джонатан подсунул его вам.

– Вероятно, не такой он и мерзавец, раз сумел быстро разоблачить вас.

– Мерзавец. Будь он настоящим мужчиной, то вначале разобрался бы со мной, а не огорчал вас. Но я всё исправлю. И вы больше не будете из-за меня грустить. Обещаю, что к завтрашнему утру встану на ноги, поеду к сэру Пикли, Генри и Кэтрин и объясню всем, что слова мисс Пикли не имеют под собой никакого основания. Вы меня слышите? Вы вообще ещё здесь?

Превозмогая боль в шее, Тим повернул голову в сторону дверей, ведущих из кабинета в вестибюль. Малеста стояла всё там же, накручивала на палец развязавшуюся на платье тесьму и о чём-то думала.

– Как я вообще мог ляпнуть такое?! – продолжал корить себя Тим. При этом говорил он искренне, и фальши в голосе не улавливалось на капельки. – Что мог подумать мистер Пикли?! А если бы Кэтти не ляпнула по горячим следам? Если бы придержала на потом? Эта ложь могла бы разнестись по многим местам и, страшно представить, к каким последствиям могла бы привести.

– Полагаю, что мистер Пикли достаточно хорошо воспитан, чтобы сделать вид, что всё случившееся – неприятное недоразумение, забыть о словах, сказанных в мой адрес и простить вас за драку. Хотя с вашей стороны было весьма неблагоразумно в день знакомства с будущим тестем и невестой предстать перед ними в облике драчуна и хама.

– Да плевать я хотел, что обо мне подумают Пикли и его дочурка. Тем более Кэтрин не такой уж ангел, как вам могло показаться со стороны. Вы знаете, что она мне изменила, даже не дождавшись дня нашей помолвки?!

Малеста улыбнулась.

– Забавно. У вас, должно быть, такое впервые. Готова поспорить, девушки мечтают

обручиться с вами и, едва вас завидя, ни на кого больше не смотрят.

– Именно так всегда и было. И именно по этой причине ни одна из тех девиц мне не запомнилась. Они все просты, как пятипенсовая монета, их волнуют лишь банты, чулки и детишки в колыбелях. Через год брака они перестают ухаживать за собой, через два – по неделе носят одно и то же платье, а через три – начинают полнеть так, что останавливаются лишь, заработав какую-нибудь болячку. Мужья им больше не интересны, они мужьям – тоже. Каждый начинает жить своей жизнью, и только, выходя в свет, они продолжают притворяться на публике, что у них всё хорошо.

– Таких браков больше половины. И в большей части той половины женщина и мужчина вообще никогда не любили друг друга, даже в тот момент, когда стояли перед алтарём.

– У вас было так же?

– Простите?

– С моим отцом. Было так же? Вы ведь не любили его, когда выходили замуж. Тогда зачем согласились? Чего вам в жизни не хватало? Денег?

– Ваше счастье, что ваш отец вас не слышит. Иначе к одной разбитой скуле прибавилась бы вторая.

– К кулаку отца я привык. Кулак Генри заслужил. Если и вы тем же меня одарите, то противиться не буду. Но чтобы вы знали... В моих намерениях не было вас обидеть. Я просто хотел поболтать. Лицо болит, спать не хочу, есть и пить не могу... Что ещё делать?

– С темой для болтовни не угадали.

– Вы правы. Но мне надоели все эти красивые речи, штампованные высказывания. Хотелось действительно поговорить по душам. Ни с одной женщиной я никогда на такое шёл. Но вы особенная... С вами можно.

– Можно меня оскорблять?

– Вот опять вы за старое. Да я просто хотел поговорить без прикрас и без увеливаний. Раньше я вас терпеть не мог, считал, что вы заняли в сердце отца место моей матери. Глупо, да? Она ведь к тому времени была уже мертва. Но я почему-то продолжал верить, что любовь в жизни бывает только раз, и что мой отец не имел права смотреть по сторонам, а должен был быть всегда верен только одной женщине. Какой же я был дурак! Когда узнал о вас, то сразу решил, что это вы во всём виноваты. Охмурили отца, околдовали, удумали получить богатство, роскошный дом и солидную фамилию. Логично, что я вас возненавидел. А потом и отца, и вообще всех в этом доме. Они ведь все остались здесь, а я вынужден был стать изгоем. Я во многих вещах ошибался. Но не ошибся в одном: вы его не любите. А раньше? Раньше любили?

Тишине, с какой Малеста, затаив дыхание, слушала Тима, обзавидовался бы любой уважающий себя актёр – хоть любительского театра, хоть входящий в состав труппы, играющей спектакли исключительно для королевской семьи. А всё потому, что что бы ни ставили на сцене, какие бы звёзды драмы и комедии там ни блистали, какая бы публика ни сидела, нет-нет кто-то да кашлянет ненароком или зашумит одеждой, меняя позу в кресле. В общем, кто-нибудь да вмешается ненароком в идеальный монолог актёра. И хотя все сделают вид, что ничего не слышали, осадок всё же останется.

– Снова молчите, – проворчал Тим. – Слова от вас не выьешь. А ещё говорят, что женщины – натуры болтливые.

– Вы правы, – раздалось у Андервуда почти над ухом. Увлёкшись воспоминаниями, он и не заметил, как Малеста вернулась к дивану и тихо опустилась в кресло, стоявшее сбоку.

Тим дёрнулся.

– Не шевелитесь, – остановила его леди Андервуд. – А то не ровен час ещё себе вывих какой-нибудь заработаете. Сегодня не ваш день, поэтому лежите, пока лежится.

На последних словах Тим криво усмехнулся. А мачеха – мастерица тонких намеков. И как же он раньше не замечал за ней такого таланта? Вот так вот мимоходом и как бы невзначай напомнила, что отец настолько зол на Тима из-за его выходки, что, вернувшись в Девонсайд, даже оставаться в одном доме с ним не смог. Схватил ружьё и патроны, оседлал лошадь и рванул в лес спустить пар. Парой тетеревов, а может, и зайцев сегодня точно станет меньше.

– Вы правы насчёт моих чувств к вашему отцу. И вы так убедительно сейчас говорили, что я поняла, что нет смысла скрывать от вас что-либо. До Девонсайда у меня была съёмная квартира, которую я делила с подругой. Была какая-никакая работа. Много денег она не приносила – скорее много головной боли. Порой доходило и до физической, если уж кто из зрителей слишком буйный придёт, но такие случаи бывали крайне редки. Откладывать ничего не получалось: всё, что мне платили в театре, я тратила. Многие мужчины мной восхищались, многие ходили на спектакли только из-за меня, многие встречали у дверей в гримерку по вечерам, приглашали прогуляться с ними и отужинать, но чем-либо серьёзным их намерения никогда не заканчивались. Я несколько раз сильно обожглась, прежде чем поняла, в чём дело. Всем тем мужчинам нравилось моё хорошенькое лицо. Им было приятно, когда я шла с ними рядом. Они чувствовали себя этакими петухами и завидовали сами себе. Вот только с точки зрения брака моя красота ничего не стоила. Жениться те мужчины предпочитали на пусть и некрасивых, но с солидным приданым и из уважаемых семей, девушках, а ко мне приезжали с одной целью – развлечься. Не торопитесь их осуждать, а то я уже вижу по вашему лицу, как вы напряжены. Я их не осуждаю, и вам не следует, тем более что вы тоже вернулись в Девонсайд примерно с тем же намерением. В конце концов, если я была создана для того, чтобы мной восхищались, но не воспринимали серьёзно, значит, нужно с этим смириться и принять всё так, как оно есть.

Тим не выдержал.

– Терпеть унижения? Вы в своём уме?

– Разве это унижения? В наше время гораздо больше женщин терпят гораздо больше боли, чем то, через что прошла я. А сейчас многое уже осталось в прошлом. Сейчас я могу общаться с дамами и джентльменами из высшего света, в деньгах нужды нет, и у меня даже есть собственные слуги! Чего ещё желать? Ваш отец был первым человеком, кто сделал мне серьёзное и пристойное предложение. И я согласилась. Чувств у меня к нему не было, но я надеялась, что со временем они появятся. Но чуда не произошло.

– И это странно, – вдруг выпалил Тим.

– Что именно?

– Что отец решил жениться на вас только потому, что ему приглянулись ваше личико и фигура. Он никогда ничего не делает просто так, а уж если дело касается женщин...

Тим осёкся. Но Малеста закончила за него:

– Если дело касается женщин, то он ничем не лучше остальных мужчин? Также предпочитает отдыхать в их обществе и развлекаться, менять, как перчатки, ничего не обещая?

Тим сглотнул и сдавленным голосом произнёс:

– Так вы всё знаете...

Малеста вздохнула.

– Знаю ли я про его пассий? Конечно, знаю. Делаю вид, что не замечаю, но на самом деле не заметить это невозможно. Наверно, если бы я действительно любила вашего отца, я закатила бы ему такую взбучку! Но чувств нет – нет и скандалов. Идеальная семейная жизнь.

– Вы не пытались изменить вашу с ним жизнь?

– Я пыталась узнать его поближе, но чем больше узнавала, тем больше понимала, что мы совершенно не подходим друг другу. В итоге, я просто замкнулась в себе, занималась домом и разными мелочами, которые требовали внимания и на которые у Джейкоба не находилось времени. Скажу вам честно, кое-какие из тех мелочей оказались весьма любопытны.

– Что же это? Благотворительный фонд? Сплошная скука.

– Если сравнить с маханием кулаками, то первое место однозначно будет не за благотворительностью. Да, возможно, большая часть этого занятия – сплошная рутина, но были и интересные, я бы даже сказала, познавательные, моменты.

– И вам эта работа хорошо далась. Когда фондом занималась матушка, он не был столь популярен и набит деньгами. Сейчас же, если собрать все деньги фонда и положить в сейф, его стены точно не выдержат и треснут. Сильно повезло тем школам, которые находятся под вашим патронажем.

– В этом не только моя заслуга. Связи Джейкоба удивительны! Он нашёл многих людей, готовых безвозмездно помогать сиротам и бедным семьям. И самое изумительное – до встречи с Джейкобом те люди никогда не задумывались о том, чтобы осчастливить своим богатством кого-то ещё.

– Какие скряги! Как же отец их уломал? Видимо, у него врожденный талант убеждения. Никогда раньше не замечал за ним такой черты. Да и вообще удивлён, что фонд вдруг стал ему интересен. Когда им занималась мать, отец ей не помогал. Но она не сдалась и сумела привлечь немного средств. Однако на траты была скупа.

– Да? Почему? Разве цель благотворительности в накопительстве? Я думала, как раз в тратах.

Тим задумчиво почесал переносицу.

– Вопрос интересный. Наверно, потому что писем с просьбами о помощи приходила уйма, а возможностей всем помочь было кот наплакал. Вот и приходилось быть избирательной.

– Странно. Когда я взялась продолжить дело вашей матушки, то обнаружила, что в плане финансов у фонда было всё в порядке. Я изучила документы, и в них было сказано, что все накопленные деньги пошли на восстановление разрушенного наводнением корпуса школы для мальчиков. Это случилось почти сразу после смерти леди Андервуд и потребовало всех денег фонда. Но ваш отец ни о чём не жалел. Он говорил, что таково было желание его жены. Ваша мать хотела, чтобы пожертвованные средства были направлены на какое-нибудь масштабное и благое дело. Что ж, её последняя воля была полностью исполнена. Кстати, та школа находится в окрестностях Девона. Сама я в тех местах никогда не бывала, но Джейкоб рассказывал, что на развилке у школы растёт огромное дерево с раздвоенным стволом и чёрными ветвями, в которых любят гнездиться вороны.

Малеста говорила воодушевлённо, совсем не заметив, как Тим вдруг нахмурился и его глаза принялись бегать из стороны в сторону, а взгляд напрягся, как, видимо, напряглись и мысли.

– Дерево с раздвоенным стволом, говорите?

– Именно. Джейкоб сказал, оно страшное и даже проклято. Может, оно и навлекло беду на то несчастное здание?

– В наших краях есть только одно чёрное дерево на развилке, но там нет никакой школы. И никогда не было. Вокруг только поля, где сеют рожь и овёс.

– Вы что-то путаете.

– Я мальчишкой облазил все окрестности. Иногда пешком, иногда верхом. Если бы где-то поблизости была школа, а рядом с ней – страшное дерево, я бы точно запомнил. Но я запомнил только дерево и никаких построек рядом, если не считать муравейников.

– И всё же вы что-то путаете. Я лично видела чеки, выписанные на имя директора школы. Все расходные бумаги по выделению помощи в порядке.

– Значит, это было другое заведение, потому что в месте, где стоит чёрное дерево, нет ничего. И даже за кустик не спрячешься – отовсюду тебя видно.

– Может, в окрестностях Девона растёт два одинаковых дерева?

– Не исключаю, что мог что-то пропустить, хотя это странно. До сих пор помню каждое болото, каждую опушку, каждый бурелом, словно был в том месте только вчера. Надо бы ещё раз всё вокруг разведать. Вот оклемаюсь...

– Чай, миссис Андервуд.

В дверях появилась Ева с подносом. Её миленькое личико было слегка напудрено, а запястья и шея надушены ландышем. Сладковатый запах быстро завоевал пространство вокруг и поселился в ноздрях, щекоча их. Тим громко чихнул.

– Будьте здоровы, – подхватила Ева и принялась расставлять на столике чашки с блюдцами. К чаю было также подано овсяное печенье и варенье из лепестков роз.

– Спасибо, – пробормотал Тим и шмыгнул носом. – Какая гадость.

Ева побледнела.

– Варенье? Или печенье? – Девушка бросила растерянный взгляд на хозяйку, по-прежнему задумчиво сидевшую в кресле. – Я взяла всё самое свежее и всё то, что велела мне леди Андервуд.

– Не печенье, – простонал Тим и снова чихнул. – Духи твои – полная гадость. Слишком приторно. Не могу такое выносить.

– Простите, сэр, – испугалась Ева и попятилась к выходу. – Я больше не буду, сэр.

– Безобразие, – тем временем продолжал возмущаться Тим.

Кряхтя и морщась, он всё-таки нашёл в себе силы подняться, сесть, придвинуть к себе столик и, подцепив пальцами чашку с горячим чаем, сделать глоток.

Малеста вздрогнула, вышла из задумчивого оцепенения, в котором пребывала, и спросила:

– Что именно?

– С каких пор служанки стали душиться духами? Если все так начнут делать, то скоро пройти по дому будет невозможно: с одной стороны тебя обдадут ландышем, с другой – жасмином, за креслом спрячется мимоза, а в углу будет поджидать сирень. Это уже будет не дом, а цветочная лавка! Или парфюмерная! И будет здесь, как в каморке у Бетси. Всё в пузырьках и флакончиках. Помните? Я ещё там всё случайно перебил.

– Ещё бы не помнить.

– Вот прямо перед глазами стоит то самое зрелище: куча стекла на полу, вся эта сладкая, липкая, терпко пахнувшая жижа, сушёные и маринованные незабудки, одуванчики и

то ли крапива, то ли репей, и в самом центре, как одинокий и покинутый командой корабль, плавает чернильница с высохшими в ней чернилами.

– Как поэтично вы выразились! А вот чернильницу я не помню.

– Была-была! Было ещё перо. Тупое, как галька в море. Я удивился, когда его увидел. Зачем простой служанке перо и чернила? Она, что, писарь? Или, может, личный секретарь миссис Мерит? А потом ваша пропахшая валерьянкой подруга сказала, что учила Бетси подписывать настойки. – Тим хмыкнул. – В итоге научила копировать так, что разницы в почерках не замечала... Погодите-ка!

Тим резко двинул от себя столик и вскочил на ноги. Всю боль от недавней драки как рукой сняло, и даже лиловая скула как будто на мгновение стала чуть светлее, потому что глаза Тима блестели так, словно он стал свидетелем невиданного события, вроде падения метеорита. Ну, или разгадал тайну, что было раньше: яйцо или курица.

– Кажется, я начинаю понимать!

Малеста тоже вскочила с кресла, но не для того чтобы разделить с Тимом его ликование, а чтобы поддержать в случае, если того внезапно охватит слабость. Мазь, которой обработали большинство ушибов, была сильного действия и требовала от больного покоя, а не гонок на выживание.

– Бетси! Это поганка Бетси, а не дядя Реджи, хотела отравить вас! Научилась не только почерком миссис Мерит названия трав выводить, но и почерк дяди Реджи подделывать. Конечно! Как же всё просто! Они ведь были близки. Она легко могла подглядеть, как он заполняет рецепты, стащить один или выманить у служанок в обмен на монету или отрез ткани, натренироваться на завитках и наклонах, заменить полезную мяту на поганый опий и подсунуть вам бумажку в шкатулку. Вы посылаете мерзавца Джонатана к аптекарю, тот изготавливает лекарство строго по рецепту, а на деле – по поддельному рецепту, где доза опия столь мала, что не вызывает подозрений. Усатый негодяй привозит лекарство вам, и вы, ничего не подозревая, начинаете потихоньку отравлять себе жизнь. Как вам?

Тим победно взглянул на мачеху и даже приготовился кивнуть головой, изображая поклон, – оставалось только дожждаться аплодисментов. Тех не последовало.

– Стойте-стойте! – Леди Андервуд спешно и несколько раз коснулась прохладными пальцами шеи и щёк Тима, проверяя, не горячка ли началось. – Вы зачем выскочили из-под пледа? И кто вам разрешил встать? И почему Джонатан – мерзавец?

Тим перехватил ладонь мачехи и сжал в своей. Крепко.

– О дворцеком потом. Сейчас лучше вспомните, чем таким вы могли насолить Бетси, что она собиралась вас отравить?

– Абсолютно ничем. Да и не собиралась она меня травить!

– Вы наивная... Собиралась. Ещё как собиралась. Так вы вспомнили? До сих пор нет? Вспоминайте скорее.

– Я ничего не буду вспоминать, – сказала Малеста.

– Вы портите мне расследование.

– Вы шутите.

– Ни капли.

– Послушайте, Тимоти. Я понимаю, вы переутомились, поэтому вам в голову лезет всё подряд. Ложитесь и успокойтесь. Я попрошу Еву заварить ромашку. Чёрный чай для вас слишком крепок.

– Но, Малеста...

– Вам не следует называть меня по имени.

– Да бросьте вы уже эти манеры, церемонии и правила! Ну их к чёрту! Они только усложняют жизнь, разве нет?

– Хорошо. Давайте будем обедать, положив ноги на стол.

– Не перевирайте. Вы прекрасно поняли, о чём я. А ещё я всё-таки продолжу о Бетси, потому что эта мерзавка...

– Бетси не могла подсунуть мне исправленный рецепт, – решительным тоном перебила Тима мачеха.

– Не могла? Да она почти это сделала!

– Тим.

– Да?

– Бетси умерла, когда вы были крохотным ребёнком, а меня в те дни вообще не было в Англии. Мы с ней не могли знать друг друга, а даже если бы и знали, то успокоительное ваш дядя выписал мне всего два года назад – никак не двадцать лет. Вы перевозбудились из-за драки с мистером Сандерсом, вот в вашей голове всё и перепуталось.

– Не может быть... – расстроено выдохнул Тим, сел обратно на диван, приготовился корить себя за спешность с выводами, но его тут же осенило. – Значит, Бетси травила кого-то другого! Вы знали, что она была близка с моим дядей? Даже мистера Хиггинса ради него бросила!

– Так тем человеком, с кем она сбежала, был сэра Бигот?

– Увы.

– Какой ужас. Я не знала... Миссис Мерит никогда не называла его имени.

– Представьте, в каком шоке пребывал я, когда узнал. Мои детские воспоминания о дяде были сплошь светлые и добрые, а тут такое...

– Но почему вы считаете, что Бетси занималась отравлениями?

– Почему? – Тим зарыл пальцы в густые волосы и усиленно думал. – Она умела подделывать почерка. Это раз. Она хорошо разбиралась в травах. Это два. Она была близка к дяде Реджи. Это три. И вполне могла знать особенности его почерка. Это четыре. Ну, или три с половиной. В своей жизни дядя никогда активно не занимался врачебной практикой. Вероятно, всё, что он делал, сводилось к простым рекомендациям простых вещей родственникам или соседям, будь то капли от головной боли или настойка для желудка. Если он пробовал помогать вам, то двадцать лет назад мог предложить такую же помощь и миссис Мерит. Например, ещё до того, как старушка его невлюбила. Что если Бетси хотела укокошить свою покровительницу? Она была сильно к ней приближена и могла знать её секреты. Могла желать ей смерти, чтобы обчистить её тайник.

Малеста фыркнула.

– Ерунда. Миссис Мерит и так была готова собрать для Бетси приличное приданое на случай свадьбы с мистером Хиггинсом. Бетси бы ни в чём не нуждалась.

– Вот именно! С Хиггинсом! А Хиггинса наша Бетси бросила ради моего дяди. А миссис Мерит была против самого дяди. Интересный круг замыкается, не находите? Миссис Мерит выставила бедняжку Бетси на улицу, и у той появилась веская причина ненавидеть свою бывшую хозяйку и думать о мести.

– Слишком жестоко.

– Беременные женщины способны на любую крайность, а Бетси была беременна.

Малеста вздрогнула.

– Откуда вы знаете?

– У меня был очень плодотворный разговор с мистером Хиггинсом. Вы бы тоже всё это узнали, если бы не предпочли мне отца, зануд школьников-гребцов и паршивца дворецкого.

– Вас как ни послушаешь, все у вас мерзавцы и паршивцы. Даже школьники – зануды. В чём, к примеру, они виноваты?

– В том, что решили проводить турнир по гребле именно в тот день, когда вы были нужны мне дома.

– Вот оно что. А Джонатан?

– Эта священная птица ацтеков?

– Джонатан – не птица, а очень ответственный и компетентный работник. Не знаю, что бы я без него делала. В те дни, когда он берёт выходной, в доме творится настоящий бардак.

– И вы, конечно, в такие дни скучаете по нему и раскладываете пасьянс, чтобы убить время...

– Я пью чай и читаю книги.

– Это то же самое, что и пасьянс.

– Тим.

– Да?

– Вы, кажется, начали говорить о Бетси, а свели всё в итоге опять к Джонатану. За что вы его так не любите?

– А вы о нём так волнуетесь?

– Я волнуюсь о всех слугах этого дома. Каждый человек, работающий здесь, начиная дворецким и заканчивая самой простой горничной, подметающей полы и меняющей постельное бельё, получает достойное жалование, одинаковое отношение и соответствующую заботу. Если кому-то становится плохо или он попадает в трудную ситуацию, я всегда выслушаю и помогу всем, чем смогу. Прислуга это знает, но никогда не злоупотребляет моим расположением.

– И вы никого особо не выделяете? – Тим явно на что-то намекал.

– А должна?

– Лучше этого не делать. Вот миссис Мерит выделяла Бетси и чуть не поплатилась собственным здоровьем за свою же доброту.

– Вы беспокоитесь, что в моём окружении может быть кто-то, по поведению похожий на Бетси?

– Я не исключаю. Вдруг есть кто-то, кто пользуется вашим доверием, а на деле потом обманет вас?

– Исключено. Да и найденный мной рецепт не доказывает вину Бетси. Нашла я его в кармане её платья, а не на пузырьке с микстурой у миссис Мерит.

Тим вздохнул и взъерошил волосы на голове.

– Всё так запутано.

– Вот поэтому вам лучше отдохнуть. Постарайтесь ни о чём не думать, просто поспите.

– Не могу. Слова Генри о том, что вас могли травить опиумом, не выходят из головы. Вы уверены, что другие лекарства тоже безопасны? Вдруг в каком-нибудь всё же будет яд?

Малеста задорно рассмеялась.

– У вас уже мания.

– Да. Мания. И успокоюсь я только, когда лично удостоверюсь, что опасности нет.

– В таком случае просто проверьте все мои лекарства. Пузырёк за пузырьком.

Тим встрепелся. Идея была отличная. Несметное количество склянок и флакончиков могло натолкнуть на новые мысли, хотя могло и свестись к обычной потере времени.

Так и вышло. Бутылёк да бутылком, баночка за баночкой всё было изучено и даже понюхано, но ничего подозрительного найдено не было. Обычные травы, в каких-то смесях резковатые, в каких-то – отдающие лесной свежестью и растёртым подорожником. Порой попадались настойки, вдыхать которые носу, привыкшему к утонченным и изысканным ароматам, было настоящим мучением, но даже они своим составом представляли безобидную смесь из пустырника, мяты, валерианы и лаванды.

Малесте процесс проверки пузырьков поначалу казался интересным, но со временем усталость взяла верх над любопытством, а заодно нагнала зевоту. Недавние поездки, недосып и монотонность, с которой Тим откупоривал склянку за склянкой и, вооружившись лупой, копался в надписях на латыни, сделали своё дело – разморили бедную леди Андервуд до безобразия. Чтобы не уснуть, Малеста поднялась с кресла, неторопливо прошла к комоду, достала из средней полки надушенный ароматной розой платок, поднесла его к носу и сделала глубокий вдох. Благородный аромат немного приободрил.

– Я спущусь вниз и прикажу ещё раз приготовить чай, – сказала леди Андервуд. – Ужасно тянет ко сну – надо держаться, иначе ночью опять не смогу глаз сомкнуть.

Тим кивнул.

– Мне осталось проверить эту коробку. Минут десять-пятнадцать, не больше. Как закончу, спущусь вниз.

– Поторопитесь. Скоро может вернуться Джейкоб. Будет неловко, если он застанет вас в моей спальне.

Руки торопливо взяли за коробку. В ней тоже не хранилось ничего интересного, только обычный анис, немного календулы и веточка чабреца. Жизни мачехи ничего не угрожало, и её недомогание было лишь обычной слабостью, которую всегда можно было списать на частые дожди, холодные ветра, хмурые облака и возраст. Искать ответы на вопросы нужно было в другом месте, но в каком именно – Тим не знал.

Аккуратно расставив баночки и пузырьки по их прежним местам, Андервуд встал и оглядел комнату. Той ночью, когда он здесь был последний раз, она не казалась такой уютной.

Взгляд скользнул по покрывалу, которым была застелена кровать. То самое, которым Тим не так давно укрывал мачеху. И то самое, которое затем так бесстыдно задрал, чтобы заполучить подвязку. На душе сразу стало мерзко. Насколько ангельским характером надо обладать, чтобы не затаить за такое злобу? Насколько добрейшим человеком нужно быть, чтобы не отомстить в ответ, а продолжать вести себя как ни в чём не бывало, накладывая на его побитое лицо компрессы и спокойно выслушивать бред о Бетси? Ответ был очевиден: мачеха не заслуживала к себе такого отношения, каким её поначалу одарил Тим, и подвязку хорошо бы вернуть. Подумав так, Андервуд смелым шагом двинулся к двери, но на полпути остановился и хмыкнул: Малеста не до конца закрыла комод! Растяпа! Теперь на виду все чулки от молочно-белых до телесного цвета и надушенные платочки с вышитыми гладью розами.

Полку, видимо, заело, потому что Тим, как ни старался, не смог задвинуть её обратно. Кучка дамского белья вопросительно смотрела на Андервуда и ничего не могла подсказать.

Тим просунул руку вглубь, надеясь нащупать то, что могло служить помехой. Может, чулок какой где зацепился или камушек куда попал? Но ничего такого не было, зато, стоило

провести пальцами по обитой бархатом стенке, как сразу вспомнился тайник матери. Захотелось снова увидеть близкие сердцу «сокровища» и поддаться тёплым, щемящим грудь воспоминаниям.

Подумал – сделал. И Тим щёлкнул крохотным замочком.

Шкатулка из слоновой кости, малахитовая брошь, лента цвета первых фиалок... Всё то самое, что попало ему на глаза в тот раз, когда он пытался отыскать нечто, что по свойству подошло бы под нюхательную соль. Старые духи, отрез дорогого кружева, так и не украсившего ни одно платье, старые письма, вероятно, личного характера, иначе зачем их хранить втайне от отца? Интересно, от кого они могли быть?

Стопка конвертов оказалась совсем тощей. А надписи на них совсем не намекали на душевную переписку с подругой детства или, что Тим тоже не исключал, переписку с любовником. Нет. Это были сугубо деловые письма, текст в которых сводился по большей мере к обсуждению выставленных счетов. Отправителем писем был некто мистер Крокенс, а на конвертах отчётливо пропечатывался адрес его адвокатской конторы в Лондоне.

Тим напруг память. Он никогда ничего не слышал об этой конторе, хотя вместе с друзьями прошерстил все, чтобы выбрать достойную для первой практики. Эта же даже в юридических справочниках не значилась.

Последний конверт в стопке совсем оказался странным. Без надписей, запечатанный сургучом и довольно увесистый по сравнению со своими собратьями. Решительно сорвав печати, Тим вытащил в несколько раз сложенный плотный лист бумаги, развернул его и принялся читать.

– Вы уже закончили?

В дверях снова показалась Малеста.

– Что? – рассеянно спросил Тим. – А... это вы... здесь.

– Что это? – Малеста подошла к Тиму. – Что вы читаете?

Тим встрепенулся, спешно сложил листок и сунул обратно в конверт, а тот – во внутренний карман жилета.

– Это мои письма, – соврал он. – А ещё мне нужно срочно в Лондон.

Малеста покачала головой.

– Ваш отец на эту поездку не согласится.

– Мне не нужно его согласие. В котором часу уходит последний поезд?

– Боюсь, вы уже опоздали.

– Чёрт. Тогда пусть Джонатан велит запрячь лошадей. Мне и правда нужно срочно в Лондон.

– Настолько срочно, что вы готовы идти на конфликт с отцом?

Тим кивнул.

Ответ мачехи его сильно удивил.

– В таком случае я сама распорядюсь о подготовке экипажа. И смею надеяться, это не очередная ваша ребяческая выходка, а действительно что-то стоящее.

– Действительно что-то стоящее.

– Вы уверены?

Тим поймал на себе внимательный взгляд серо-голубых глаз.

– Уверен как никогда, – ответил он. – Кажется, последней волей моей матушки были вовсе не восстановительные работы в школе для мальчиков...

– А что же?

Взгляд не отпуская от себя, требовал деталей, но Тим держался.
– Ответ я надеюсь найти в Лондоне. Я скоро вернусь.

Глава 18. Большие махинации

Адвокатская контора мистера Лудлоу была в Лондоне на хорошем счёту. Обслуживая всего несколько почтенных семей, она никогда не видела толп клиентов у своих дверей и лестницы, но и никогда не знала времён, чтобы расходная часть превышала доходную. Каждый день был похож на предыдущий и начинался двумя кружками горячего чая с вишнёвым мармеладом, а также свежей газетой, ещё пахнущей краской. Через распахнутое окно были слышны крики мальчишек, торопившихся вызвать господам кэб или позвать тех на чистку ботинок, но даже то было редкостью. Большой же частью в том уголке Лондона, где обосновался мистер Лудлоу, царил умиротворяющая тишина и пели птицы, прятаясь в ветках жасминовых кустов. Поэтому загремевшей в утренние часы над входной дверью колокольчик перепугал хозяина конторы до глубины души. Настолько глубоко, что мистер Лудлоу даже перепутал мармелад со сливочным маслом и вместо первого нырнул чайной ложечкой в маслёнку.

В кабинет заглянул секретарь.

– К вам мистер Андервуд, сэр.

Мистер Лудлоу поспешил снять салфетку, заложенную за воротник белоснежной сорочки, и кашлянул.

– Какой из двух?

– Младший, сэр.

– Хм. Ну, зови.

Тимоти Андервуд нравился мистеру Лудлоу. И особенно он отмечал внимательность молодого человека к мелочам и его настойчивость. Поэтому ему было искренне жаль, когда от отца Тима пришло письмо с тем, что Тим начнёт практику у другого юриста. Но к чему тогда этот утренний визит?

– Мистер Лудлоу, – выпалил Тим, показавшись в дверях, ведущих из коридора в кабинет.

– Рад видеть вас, юноша, – ответил хозяин и жестом предложил сесть. – Что-то стряслось? У вас нездоровый румянец на щеках.

– Мне нужна ваша помощь, сэр.

– Вот как? А я-то, наивный, полагал, что вы решили пойти против воли отца.

– И это тоже, сэр. Я, как и раньше, намерен начать юридическую практику у вас и приступлю к своим обязанностям в тот самый день, как мы с вами договорились.

Мистер Лудлоу хмыкнул.

– Вот это действительно слово джентльмена! Хотя лицо у вас... совсем не такое, как подобает джентльмену.

Тим поймал на себе косой взгляд и наконец понял, что именно хозяин конторы принял за «нездоровый румянец» и почему другие взгляды, подаренные ему этим утром на улицах города, были примерно такие же странные.

– Защищал даму, – безапелляционно выдал Андервуд, раз и навсегда развеяв все сомнения.

– Как благородно! – Мистер Лудлоу всплеснул руками. – А ещё говорят, что современная молодёжь не та пошла. Нет же, ошибаются. Всё так, как и в старые добрые времена.

– Благодарю вас, сэр.

– Какой же помощи вы ждёте от меня? Это связано с вашим отцом?

– Скорее с матерью, сэр.

– Не могу припомнить, чтобы знал её.

– Она умерла десять лет назад.

– Вот как. Тогда мне тем более не ясно, чем я могу вам помочь.

– Вы – опытный адвокат, сэр, и я никого не знаю в Лондоне, кто был бы компетентнее вас в вопросах составления завещаний.

Мистер Лудлоу приосанился. Почему-то сразу захотелось угостить Андервуда-младшего и чаем, и гренками с маслом, и мармеладом. Но служанка, подававшая завтрак в кабинет, не торопилась возвращаться за посудой, а до секретаря было не докричаться. Тот вышел на улицу и кормил крошками голубей. Накрыть стол для гостя было некому, и мистера Лудлоу это очень огорчило.

– Так ваш вопрос связан с завещанием... – протянул он.

– С завещанием моей матери, сэр.

Мистер Лудлоу развёл руками.

– Боюсь, по такому щекотливому вопросу вам лучше обратиться к семейному юристу. Только он может знать все тонкости. Если мне не изменяет память, то дела вашей семьи ведёт сэр Фредерик Пикли.

– Верно. Но может ли быть так, что составлением завещания вдруг начинает заниматься не семейный, а другой юрист?

– Юрист со стороны? Хм, такое случается редко и только в том случае, если семейному юристу по какой-либо причине не доверяют.

– Как вы думаете, по какой?

– Если, к примеру, он слишком болтлив или симпатизирует одному из членов семьи больше, чем остальным, и может действовать в его интересах или просто с кем-то из семьи в сговоре. Но такая деятельность считается недобросовестней, и в моей практике вы не найдёте подобных случаев.

Тим не сомневался в чистоте дел конторы мистера Лудлоу. Гораздо больше его интересовало другое.

– А может ли быть так, что завещание составлено, заверено, но в исполнение не приведено?

Мистер Лудлоу скрестил на груди руки.

– Не в моей конторе. К тому же все потомки моих клиентов столь охочи до имущества и денег, что начинают штурмовать эти двери ещё задолго до похорон. Но я всегда соблюдаю сроки и зачитываю последнюю волю усопшего, когда из могилы его уж точно не поднять.

– Но теоретически такое может быть?

– Теоретически, молодой человек, может быть что угодно. Хоть дождь из поросят. Но практически – только у недобросовестного юриста. Расценки за составление подобных документов весьма высоки, и ни я, ни мои знакомые коллеги не позволят себе пренебрегать своими обязанностями.

– Тогда прошу вас дать оценку этому.

Тим сунул руку во внутренний карман жилета, который не снимал с прошлого дня, и вытащил конверт, не дававший покоя с той поры, как Тим отыскал его в потайном ящичке комода.

Мистер Лудлоу скептически и со всех сторон осмотрел конверт, затем вынул

хранившийся в нём листок бумаги и снова осмотрел: и на свет, и через очки и даже при помощи лупы. Потом развернул и принялся читать, внимательно вглядываясь в каждое слово, усиленно думая и почёсывая переносицу. А когда закончил, то посмотрел на Тима и вынес вердикт:

– Этот документ составлен по всем правилам. Придраться не к чему. Все подписи и печати на месте. Текст написан грамотно и с соблюдением всех правил. Ежегодные отчисления в таком-то размере до достижения совершеннолетия плюс солидная сумма после... Хм, надеюсь, некто... – Мистер Лудлоу нырнул носом в текст за подсказкой, – ... некто Клара Рив осталась довольна. Заполучить такое состояние! Простите мне моё любопытство, Тимоти, но кем она приходится вашей матушке, что та была к ней так благосклонна?

Андервуд вздохнул.

– Если бы я знал... Я нашёл этот конверт буквально вчера. Он был запечатан и пролежал в тайнике матери десять лет. Вместе с ним лежали и эти счета.

Тим протянул другие конверты.

– Юридическая контора мистера Крокенса, – прочитал мистер Лудлоу. – Впервые о такой слышу. Район Мейпл-стрит, дом за номером двадцать пять. Но по этому адресу находится магазин специй!

– Вы уверены?

– Конечно. Мой секретарь покупает там гвоздику и корицу. Мы добавляем их в горячее вино осенними и зимними вечерами.

– Может, сейчас там магазин, а раньше держали адвокатскую практику? – предположил Тим. – Мне очень нужно найти этого мистера Крокенса, сэр, и узнать, почему он не позаботился об интересах своей клиентки и не объявил о её воле после её смерти. Деньги за свои услуги он взял приличные.

– По самой верхней планке тарифа, – заметил Лудлоу. – Такие расценки в Лондоне могут позволить себе только настоящие профессионалы.

И с этими словами мистер Лудлоу многозначительно одернул на себе дорогой жилет, тем самым демонстрируя, что себе он точно может позволить что угодно.

– Я не нашёл имени мистера Крокенса в справочнике, сэр, – сказал Тим.

– Хм... Правда? Подайте-ка мне вон тот с каминной полки. Да-да, в переплёте винного цвета.

Увесистый томик лёг в руки мистера Лудлоу. Вновь вооружившись очками, тот принялся внимательно изучать страницы, содержащие фамилии, начинающиеся на букву «К», но никого по фамилии Крокенс там не упоминалось.

– Интересно... – промычал себе под нос мистер Лудлоу и потянулся за чашкой чая.

Мистер Лудлоу всегда пил чай, когда не знал, как подступиться к тому или иному щекотливому вопросу. Он даже как-то выпил за час целых десять чашек, и каждая была с двумя кусками сахара. А всему виной было уж совсем запутанное дело одной пожилой леди, которая была не в ладах со всеми своими десятью племянниками и не хотела оставлять им ничего, кроме кукиша с маслом и дырявых носков. Племянники, однако, вели должный уход за престарелой тётушкой и ожидали получить в ответ на свои старания нечто большее, чем просто кактус в кадке.

Однако в этот раз должного приведения мозгов в порядок от глотка чая добиться не удалось: увлёкшись беседой с юным Андервудом, мистер Лудлоу и не заметил, как чай

остыл и стал совсем безвкусным. И даже вишневый мармелад не мог исправить ситуацию.

– Знаете что, Тимоти, – произнёс Лудлоу, – оставьте-ка мне эти бумаги на несколько дней. Я попробую что-нибудь разузнать по этому делу. Носом чую, в чём-то тут подвох...

– Конечно, сэр. Какого числа мне к вам зайти?

Мистер Лудлоу бросил взгляд на календарь.

– Послезавтра... Нет-нет, точно не успею. Может, в пятницу? Давайте в пятницу!

– Хорошо, сэр. Я хотел вернуться в Девонсайд, но если всё разрешится так быстро, то я, пожалуй, останусь в Лондоне и буду ждать от вас вестей. Вот мой адрес.

Тим протянул карточку.

– Пришлю к вам своего секретаря сразу, как что-то узнаю.

– Благодарю, сэр, – с поклоном ответил Тим и направился к выходу.

Особняк мистера Пикли дремал в солнечном свете. Струйки нагретого воздуха играли на мягких газонах и величавых террасах. Насекомые жужжали. Стоял тот благословленный час летнего дня, между обедом и чаем, когда мир расстегивает жилетку и кладёт ноги на стол.

Фредерик Пикли не перечил устоям, поэтому сидел в тени лаврового куста, сзади особняка, пил вино из высокого бокала и читал еженедельную светскую хронику. Его внимание привлекла статья на третьей странице. Не меньше пяти минут сэр Пикли её внимательно изучал, а потом, смачно крикнув, вынул перочинный ножик, вырезал статью и положил в карман. Именно тогда лавровый куст, всё время молчавший, кашлянул, но мистер Пикли даже не дёрнулся.

– Тебя кусают мошки, если прстоишь там ещё минут двадцать, – процедил сквозь зубы Фредерик и перевернул страницу.

Лавровый куст зашевелился и выплюнул Генри Сандерса, четыре дня назад сильно побитого и с до сих пор заплывшим глазом.

– М-мистер Пикли, – начал Генри, сильно волнуясь. – Настал тот час, когда нам нужно поговорить по-мужски.

– Сколько на твоих часах? – не отрываясь от газеты, спросил Фредерик.

Генри принялся копаться в кармане жилета.

– Без четверти три.

– В моём ежедневнике нет никакой записи на без четверти три.

– Так сделайте её, сэр.

– Она была на без четверти два, но ты в это время поедал куропатку под брусничным соусом и облизывал пальцы.

– Мистер Пикли! – Генри был на грани срыва. – Я должен с вами поговорить.

– Разве ты не видишь, я занят.

– Так отвлекитесь хоть на минуту.

Мистер Пикли неохотно отложил газету и окинул Сандерса таким взглядом, каким невыспавшийся лев смотрит на шумящих у водопада газелей.

– Послушай, Генри, – лениво начал он, – давай-ка я объясню тебе некоторые правила, которые приняты в этом доме. Во-первых, здесь всем заправляю я. И я решаю, с кем мне проводить своё свободное время и что обсуждать. Во-вторых, ты здесь на правах гостя только потому, что ты – племянник моей жены, а не потому, что у тебя вдруг появились виды на мою дочь. А в-третьих, мне бы хотелось, чтобы ты знал, что я негостеприимный

хозяин.

С этими словами мистер Пикли поднялся и неторопливым шагом прошёл через террасу в дом, где его уже ждали.

Все последние дни казались Джейкобу Андервуду настоящим адом. Неудачная поездка в Аскот повлекла за собой череду прочих неприятных событий. Так, в приглашениях на ужин Джейкобу отказали сразу трое уважаемых джентльменов, здороваться с ним перестали пятеро, а старый друг, с которым вроде и не одну собаку вместе съели, стал внезапно холоден и заставил дожидаться себя в кабинете целых десять минут, что было вопиющим унижением. И выхода не было – пришлось терпеть. И сейчас Джейкоб Андервуд стоял у рабочего стола Фредерика Пикли, и рассматривал гравюру на стене, заодно раздумывая, с чего бы начать разговор. Однако первое слово оказалось за сэром Пикли.

– Рад снова видеть тебя.

Андервуд хмыкнул.

– Ты искренне или как все? В глаза – одно; за глаза – другое?

Мистер Пикли достал портсигар, щёлкнул замочком и предложил Джейкобу закурить.

– Ты же знаешь, я всегда с тобой искренен.

– Я сумею повернуть все эти разговоры в свою сторону, – поспешил заверить приятеля Джейкоб. – Рано или поздно болтовня прекратится, хоть нервы мне потреплет ещё не раз. С моим сыном всегда так. Я бы хотел, чтобы из него вышел преданный семейному делу человек. Толковый юрист, который со временем возьмёт на себя все мои дела, но пока я получаю одни расстройствa.

– С дочерьми не легче, – выдохнул Пикли, опустил в кресло и выпустил кольцо дыма в потолок.

Джейкоб Андервуд тоже присел.

– Дочери хоть дома сидят. Всё, что нужно, – следить за их целомудрием, а затем удачно выдать замуж.

– Вот я за своей следил-следил, но так и не уследил, как и когда она успела снюхаться с этим обормотом Генри. Его отец – брат моей жены, идиот ещё тот. И сын у него идиот. Теперь и дочь желает к ним присоединиться. Представь, какое у меня будет окружение...

Сэр Фредерик был зол и выплёвывал слова резко и бескомпромиссно, словно скорлупу от орехов, случайно попавшую в рот.

– Если ты не передумал... – начал Андервуд, но Пикли перебил друга.

– Я не передумал, если ты о помолвке наших детей, однако кое-что меня всё же настораживает.

Насторожился и Джейкоб Андервуд, потому что таким взвинченным видел старого друга впервые.

– Не подумай, я озадачен не слиянием капиталов, нет, – продолжал тем временем Пикли. – Просто во мне в коем-то веке борются два желания: выдать дочь замуж выгодно или же просто выдать дочь замуж.

– Разве это не одно и то же?

– И да, и нет. Выгодный брак позволит преумножить богатства, а обычный... Обычный, возможно, подарит её бледному личику счастливую улыбку.

– Кому в наше время нужны счастливые улыбки? – удивлённо крикнул Джейкоб. – Что за чушь ты несёшь?

– Чушь? – Пикли задумчиво уставился в потолок. – Да кто его знает, чушь ли это... Я

никогда не был заботливым родителем. Может, ещё не поздно начать?

Джейкоб покачал головой и посмотрел на друга с такой тоской во взгляде, словно тот был неизлечимо болен. Затем похлопал по плечу и бодро произнёс:

– Вернись не землю, а то я тебя не узнаю. Твои беспокойства о Кэтрин напрасны. Своему обормоту я ещё раз хорошенько вправлю мозги. Посмеет хоть раз обидеть Кэтти – будет иметь дело со мной.

Пикли потушил сигару и скрестил руки на груди.

– Если бы всё было так просто. Понимаешь, каким бы дураком ни был этот Генри, дочь мою он действительно любит. Только слепой этого не заметит. Я уж было думал, что на такую дурнушку, как она, никто никогда не взглянет. А тут... Недаром я его идиотом окрестил.

– Любовь пройдёт через полгода, – заметил Андервуд, – а зять-дурак останется навсегда.

Пикли поднял указательный палец.

– Вот тут ты в точку! Вопрос лишь в том, какого из двух дураков выбрать. – И Фредерик с ехидством во взгляде покосился в сторону друга.

Джейкоб сделал вид, что не принял на свой счёт насмешку. Хотя не понять намёк не смог бы даже толстокожий бегемот. И ведь Пикли был прав: выходки Тима представляют семейство Андервудов совсем не в выгодном свете, и вот уже друзья начали потихоньку посмеиваться. С другой стороны, за Тимом стоял Джейкоб, а за Джейкобом – приличный капитал, какого у Сандерса никогда не было.

– И твой, и мой браки были по расчёту, – произнёс Андервуд. – Наши родители всё за нас решили. И разве получилось плохо?

– Камилла с возрастом только похорошела, – выдохнул Пикли, – стала безудержной болтушкой и вечерами отлично уделывает меня в вист. В общем, она намного приятнее своего дурного брата.

– Вот и у меня всё сложилось довольно прилично. И никаких чувств не понадобилось. В деле, где всем правит расчёт, они лишние.

– Ну, ты немного лукавишь. – В узких глазах Пикли ехидство уступило место озорному блеску. Ровно такому же, какой был на скачках в Аскоте. – Вторую-то жену ты завёл себе не по наставлению родителей.

Андервуд ослабил платок на шее.

– Ты говоришь так, как будто не знаешь, в чём дело. Какая она мне жена? Разве она может быть меня достойна? Простая уличная девка, дешёвая актриска.

– Тише. Не шуми. – Пикли встал, подошёл к распахнутому окну и выглянул на улицу. Рядом, кроме лавровых и розовых кустов, никого не было. Чуть дальше горбатый садовник укладывал обрезанные ветви барбариса в тачку. – В этом доме последнее время много лишних людей шатается из комнаты в комнату, и половина из них, как я уже говорил, не ладит с мозгами, а ты вопишь, будто один в пустыне.

– Нервы сдают, – уже спокойным тоном оправдывался Джейкоб.

– Ты такой королевой управляешь, а с нервами не можешь справиться...

– Управлять Малестой не трудно. Она красива, но глупа. Я просто делаю так, что в нужный час она оказывается в окружении состоятельных мужчин. Те к тому времени уже настолько устают от своих пресных на лицо и разговоры жён, что Малеста – просто отрада для их глаз, ушей и сердца. А ей так нравится внимание к себе, что она тут же начинает

выкладываться по полной.

– Я как-то наблюдал за ней со стороны. Признаться, думал, она будет кокетничать, а она вела себя как настоящая леди. Она – настоящая волшебница. Стой я рядом, в ту же минуту выписал бы солидный чек. Поэтому когда вижу твою жену, предпочитаю к ней не приближаться. Боюсь, что не сдержусь и переведу часть приданого дочери в твой фонд.

Джейкоб Андервуд довольно захихикал.

– Малеста – самая ценная вещь в моей коллекции. Она как редкая картина, которая большей частью времени хранится взаперти и выставляется только по определённым дням. Ценители красоты выстраиваются в очередь, чтобы её увидеть, и готовы заплатить любые деньги за удовольствие от общения с ней. Она очаровывает всех и с первой секунды.

– И сколько чеков получает фонд после одного такого «показа»?

– Зависит от масштаба мероприятия и того, сколько времени оно занимает. Если не считать провала в Аскоте, то ещё ни разу не было так, чтобы фонд остался ни с чем. Все так стараются сделать что-то приятное для леди Андервуд, что первое, к чему прикасаются, – это чековая книжка.

– Честный отъём денег, я бы сказал. Все довольны, и никто никого не принуждает.

Андервуд кивнул.

– Так и есть. Богатые господа ещё долго вспоминают общение с красивой женщиной, у них остаётся приятное послевкусие от встречи, а также возникает чувство собственной полезности обществу. Ничто так не облагораживает человека, как помощь детям. Ну, а проверять-то никто не проверяет.

– Ты доверяешь своему бухгалтеру?

– Он видит только одну доходно-расходную часть. Вторая же, благодаря нашей с тобой схеме, отлично скрыта от глаз.

– Мда. – Пикли потянулся за второй сигарой. – От занятий благотворительностью в нашем мире обеднеет лишь дурак.

– Вот поэтому я и хочу, чтобы после моей смерти все деньги перешли в руки Тима и Кэтрин. Нужно держаться семьями, а не разбазаривать нажитое.

– И тут ты прав. – Пикли поскрёб подбородок. – Но...

Джейкоб насупил брови.

– Говори уже. Что-то ты сегодня много ходишь кругами.

Пикли натянуто улыбнулся.

– Почему-то меня снова беспокоит твоя актриска... Как увидел её в Аскоте, так меня не покидает чувство, что с ней что-то не так.

Андервуд фыркнул.

– В который раз говорю тебе: она просто глупая баба, которой бог дал неземную красоту. Она податлива, и из неё можно лепить всё, что душе угодно. Она никогда не перечит, не задаёт вопросов. Всё, что её интересует, это шляпки и болтовня. Правда, она ещё хорошо запоминает тексты и умеет красиво и убедительно говорить на публике, чем я охотно и пользуюсь.

– И ты не ревнуешь её? Не боишься, что она может закрутить роман с кем-то из тех, в чей карман ты запускаешь руку?

– Ревную? Чтобы ревновать, надо любить, а ты меня с кем-то путаешь.

– Ну, человеку свойственно испытывать сильную любовь даже к вещам. Вот, например, когда моя собака начинает вилять хвостом перед моей дочерью, мне становится не по себе.

И вроде дочь – не чужой человек, и собака – не возлюбленная, но она же моя. Так какого чёрта она смотрит ласково на другого человека?

– Ты подменяешь понятия. Если бы Малеста вела себя по-другому, сухо и чопорно, то на кой она мне была бы нужна?

– Это я понимаю, но твоей рациональной выдержке не перестаю удивляться. Будь у меня такая красивая жена, я бы её никому не показывал, даже сыну. И плевать на выгоду. Но у меня ни красотки, ни сына...

– Так забирай моего, – веселился Джейкоб.

– При одном условии.

– Слушаю.

– Если он пообещает уважать Кэтрин и не будет заглядываться на красивых женщин.

– Все мы не без грехов, Фредди...

– И это верно. Но пойми и ты меня. Сейчас я, прежде всего, отец, а не деляга.

– Давно ли ты им стал? – пробурчал себе под нос Джейкоб, а вслух ответил: – Молодость проходит быстро. Год-два – Тим охладет к тем глупым, молодым девицам, с которыми сейчас проводит время.

– Ты меня невнимательно слушал. Глупые девки из Сохо меня не волнуют. За ними бегают только прыщавые студенты. Меня волнуют женщины. Прежде всего, красивые женщины. Прежде всего, твоя жена. Я бы очень не хотел, чтобы, будучи женатым на Кэтти, твой сын смотрел голодным взглядом в её сторону.

День был явно полон открытий, и Джейкобу резко захотелось выпить. Но на круглом столике, стоявшем на дорогом персидском ковре, лежали только сигары и не было никакой выпивки.

– Ты поумерь свою фантазию. Тим не ладит с Малестой.

– Я просто озвучил своё пожелание. Многим уважаемым людям в Аскоте их беседа, случившаяся незадолго до той самой драки, показалась слишком нежной.

– И кто же эти люди? Старые сплетницы миссис Траммервуд и миссис Стрипс? Они часто делают из мухи слона.

– Одинокие и пожилые дамы крайне наблюдательны.

– И всё же эти сплетни за грань сплетен не перейдут. Тим и Малеста – это как кошка и собака. На людях, может, и не начнут лаяться, но если останутся наедине...

– Я видел их наедине. И они не лаялись.

Джейкоб нахмурился.

– Когда же ты всё успел?

– Буквально за пару минут до того, как твой сын получил в глаз от моего племянника. Драка, кстати, началась из-за слов, которые лягнула Кэтрин. Взбалмошная, она заявила, что у твоего сына роман с твоей женой. А узнала она это от Генри. Как думаешь, от кого мог узнать сам Генри? – И Фредерик Пикли вызывающе посмотрел на друга. – Впрочем, тебе должно быть всё равно, у тебя же нет никаких чувств к этой женщине...

Когда экипаж Джейкоба Андервуда загромыхал по усыпанной мелким камешком дороге, за домом Фредерика Пикли, в том самом месте, где заканчивался сад и начинался выход на террасу, а оттуда – в кабинет хозяина особняка, зашевелился лавровый куст. Вроде ничего странного, да только день стоял безветренный. А ещё с куста на землю почему-то опалили не листья, а различные предметы. Такие, как запонка, носовой платок и очки.

Ставший невольным свидетелем такого чуда садовник, продолжавший тягать тачку от одного куста барбариса к другому, пару раз моргнул и перекрестился. Но дальше стало хуже. Потому что не прошло и минуты, как поодаль зашевелился второй куст и заговорил женским голосом.

– Я ничего не поняла. Папенька благословит наш с тобой брак или нет? Я не хочу быть женой этого Андервуда. Ты говорил, он бабник, да и симпатичным его не назовёшь.

– Кажется, мне срочно надо в Девонсайд...

– Что? Генри, как ты можешь?! Я хочу обсудить с тобой наше будущее, а ты рвёшься в Девонсайд? Неужели тоже втрескался в ту болонку?

– Милая Кэтти, кажется я прозрел...

– Но на твои очки залез червяк! Срочно подними их с земли.

Куст зашевелился, и из него вывалился Генри, весь в листве и гусеницах.

– Ты никуда не поедешь! – Голосом Кэтрин говорил второй куст.

– Тим – мой друг, Кэтти. А я, кажется, не так давно ляпнул лишнего. Я должен извиниться и рассказать ему всё, что услышал.

– Зачем? Мой отец и мистер Андервуд просто обсуждали какие-то дела.

– После этого обсуждения у меня на сердце остался неприятный осадок. Ещё и идиотом меня называли.

– Не бери в голову. Кем бы ты ни был, я всё равно тебя люблю.

– И будешь любить, что бы я ни сделал?

– Да, мой дорогой.

– Тогда я точно поеду в Девонсайд, – уверенно произнёс Генри и нацепил на нос поднятые с земли очки. Червяк упал на ботинок и замер там.

Пятница стремительно перетекала в субботу, а весточки от мистера Лудлоу так и не было. Просидевший все дни у себя в квартире Тим мучился от безделья. Вначале он подолгу ходил из угла в угол, потом вытащил из книжного шкафа две толстые книги, но ни одна не пошла. Тогда Тим взялся за Шекспира. Но пьесу пришлось закрыть на первом же диалоге. В образе роскошной и сильной королевы, выпивающей отравленное вино, перед Тимом предстала Малеста. Её золотые волосы, светлая кожа и голубые глаза не выходили из головы. Хотелось повернуть время вспять и заново оказаться в тесной клетушке Бетси в Золотых Буках, на чае у шляпницы или даже в Аскоте, в таком укромном местечке, куда никто не заглядывает. Малеста преследовала Тима повсюду, но стоило ему сделать шаг, как видение исчезало, он приходил в себя, проводил рукой по вспотевшему лбу, подливал себе виски, делал глоток и снова закрывал глаза.

Такое с Тимом творилось впервые. Впервые он заперся у себя в квартире в Лондоне и тихо ждал, медленно сходя с ума. Сердце непонятно ныло, а голова болела вначале от того, что не спалось, а потом от того, что, обессилев, проспал целых пятнадцать часов. Есть не хотелось. Ничего не хотелось – даже просто выходить на улицу. А ведь раньше он бы уже давно появился и в «Сорняках», и у мадам Лека... Теперь туда не только не тянуло, а даже думалось о тех местах с неприятной тошнотой.

Что случилось? Почему здесь, в Лондоне, шумном и ярком городе, полном соблазнов и милых для тела и сердца утех, мысли были лишь о тихом Девонсайте, о пресных геранях в горшках и мистере Хиггинсе, который, что бы ни говорил, всё-таки совсем не разбирается в моде? Почему так хотелось сбежать обратно на болота и в розовый сад, где птицы начинают

щебетать с четырёх утра, а усач Джонатан подаёт завтрак, обед и ужин в одно и то же время и с точностью до секунды?

При мыслях об индюке-дворецком стало окончательно не по себе, и даже боль в местах полученных синяков притупилась. Что его связывает с Малестой? Что означали те милые воркования, подслушанные на втором этаже? На простую беседу хозяйки и слуги не похоже. А если это правда, и Малеста и Джонатан состоят в отношениях, то как объяснить её ласковые улыбки в Аскоте? К чему гортензия в петлице и забота о пушинках на фраке и о синяках на лице? Что за игра ведётся? И что за роли все вокруг играют? Слишком много вопросов и никаких ответов...

В дверь постучали.

Тим вскочил с кресла, в котором сидел, вытянув ноги. Наконец-то известие от мистера Лудлоу. Ждать пришлось долго, но Тим очень надеялся, что оно того стоило.

Повернув ключ в замке, Тим рванул дверь на себя и обомлел. В дверях стоял отец.

– Ты... – Тим растерялся, но распахнул дверь пошире. – Входи.

Джейкоб был редким гостем в квартире сына. И каждый его приезд не сулил ничего хорошего.

Окинув взглядом царивший в гостиной беспорядок, Андервуд-старший заглянул в спальню. В прошлый приезд ему пришлось выгонять оттуда чересчур наглую брюнетку. В этот раз в спальне было темно и пусто, только одеяло смято, и одна из подушек почему-то валялась на полу.

– На этом твоя проверка закончена? – ехидно заметил Тим и указал рукой на портьеры на окнах. – Глянь ещё там. За ними тоже можно девок прятать.

Джейкоб прошёл обратно в гостиную, встал рядом с креслом и водрузил на круглый чайный столик саквояж, который принёс с собой и только сейчас выпустил из рук. Тим нехотя повернул голову и побледнел. Это был его саквояж. Тот самый, с которым он несколько дней назад уехал из Лондона в Девонсайд.

– Какого чёрта... – пробормотал Тим, с трудом подбирая слова.

– Следи за речью, – отрезал Джейкоб. – Ты готовишься стать адвокатом, а не уличным попрошайкой. А при этом ведёшь себя как щенок, напакостивший и удравший от плётки.

– Я ни от кого не удирал...

– Да? А как иначе объяснить твой внезапный отъезд? Воспользовался моим отсутствием и сбежал? Даже вещи свои бросил.

– Я не сбежал. Я просто уехал по делам. Собирался вернуться к выходным.

Джейкоб обвёл рукой комнату.

– И это ты называешь делами? А в зеркало ты смотрел?

– Думай, что хочешь. Я всё сказал. И, надеюсь, в моих вещах ты не копался. А то ты можешь.

Джейкоб щелкнул замочком на саквояже, приоткрывая его, и шагнул назад.

– Проверяй. А пока проверяешь, слушай. – Заложив руки за спину, Андервуд-старший принялся расхаживать по комнате. – Я не просто так к тебе приехал. Из-за тебя мне пришлось сильно краснеть перед многими уважаемыми людьми и перед сэром Фредериком Пикли. И если на остальных мне плевать, то перед Пикли пришлось унижаться и терпеть его ехидства.

Тим даже не коснулся саквояжа.

– Столько стараний и ради чего?

– Сэр Пикли готов закрыть глаза на случившееся, но ты должен будешь взяться за ум, перестать общаться со своими друзьями и жениться на Кэтрин.

Тим посмотрел на отца и твёрдо произнёс:

– Из трёх пунктов, перечисленных тобой, два я никогда не сделаю. Не брошу друзей и не женюсь на мисс Пикли.

– Несколько дней назад ты обещал мне совсем другое...

– Я был слеп. Теперь прозрел. Прости. Я не люблю ту, кого ты выбрал мне в жёны, поэтому свадьбы не будет. И я не начну практику в конторе её отца.

Джейкоб остервенело смотрел на сына.

– Значит, я не зря привёз твои вещи.

– Если таким способом ты собирался сказать мне, что ноги моей больше не будет в твоём доме, то не зря.

– В таком случае я аннулирую твои банковские счета.

– Я как-нибудь проживу.

– Не рассчитывай больше на мои связи, планируя очередную выходку.

– Их больше не будет.

– И на моё состояние после моей смерти. Я скорее отпишу всё какому-нибудь уличному бродяжке, чем тебе.

– Я смотрю, это у нас семейное, – хмыкнул Тим, вспомнив о завещании матери. – Отписывать крупные суммы непонятно кому.

Джейкоб напрягся.

– Что ты сказал?

Но Тим не стал пояснять. Вместо этого тряхнул головой, прогоняя навязчивые мысли, посмотрел на отца ясным взглядом и спросил:

– Ты закончил? Если да, то будь добр, оставь меня одного.

– Ты невыносим! – выплюнул Джейкоб. – Упрямисься, а сам приползёшь ко мне на коленях – не пройдёт и месяца!

– Не исключаю того, что ещё появлюсь в Девонсайте и не раз, но ни ты, ни твои деньги не будут иметь к этому никакого отношения. А теперь уходи.

– Значит, это твоё последнее слово?

– Да.

Джейкоб громко и недовольно засопел. Он много раз припугивал Тима, и всякий раз тот ломался и шёл у него на поводу. Теперь же перед ним стоял совсем другой человек – чужой и непонятный, – и оттого по спине бежали мурашки. В какой момент и как случилось, что Тим так изменился? И насколько серьёзно то, что он несёт? Джейкоб в серьёзность слов сына не верил, поэтому старался пока панике не поддаваться. Пройдёт немного времени – всё вернётся на круги своя, успокоится и будет, как прежде. Ровно, гладко и без бессонных ночей.

Джейкоб дёрнул дверную ручку. Замок иногда заедал, и сейчас был как раз тот самый случай.

– Открой мне дверь, – холодным тоном распорядился он.

Тим обогнул чайный столик. Вышло как-то неуклюже, потому что именно в этот момент от слабости и перепутанного дня с ночью выстрелило в висок, и Тима повело. Чтобы устоять на ногах и прогнать пелену с глаз, пришлось ухватиться рукой за спинку кресла. Получилось. Но вместе с тем получилось и задеть стоявший на краю столика саквояж.

Кувыркнувшись на пол, тот широко разинул ранее расстегнутую пасть и выплюнул на ковёр вещи, начиная элегантными сорочками и заканчивая надушенными шейными платками, дорогими запонками и кружевной подвязкой. Последняя в том ворохе была явно лишней и смотрелась ярким пятном на куче мужской одежды, хоть и была белого цвета.

– Так ты мне откроешь?

Голос отца из просто холодного стал ледяным. К счастью, Джейкоб не смотрел в сторону выпавших вещей, а продолжал дёргать ручку. Тим этим воспользовался и быстро шагнул вперёд. Ажурная подвязка оказалась под грубой подошвой кожаного ботинка. Тим замер.

– Ты там прилип? – буркнул отец, и в этот момент замок, наконец, поддался и дверь открылась. Но перед тем как уйти, Андервуд-старший окинул сына ненавидящим взглядом и прошипел: – Даже если одумаешься, ты мне больше не сын.

Когда за отцом захлопнулась дверь, Тим облегчённо выдохнул и отошёл в сторону. Подвязка Малесты, безжалостно измятая, укоризненно смотрела на него, и от нахлынувших воспоминаний становилось стыдно. Как он мог забыть? Ведь хотел вернуть её и положить конец этой неприятной истории. Закрутился? Задумался о странном завещании, найденном в тайнике матери? Рванул в Лондон, решив, что вернётся быстро? Но быстро не получилось, а если бы отец оглянулся, вышло бы ещё и прескверно. И беспокойство в коем-то веке было не о себе, а о той, чьи глаза – цвета голубого неба и чьи волосы пахнут розами...

День был и правда полон сюрпризов. Таких, что плюхнувшийся на сидение экипажа Джейкоб пару минут сидел молча, прежде чем выдавил кучеру следующий адрес. Возвращаться в Девонсайд он был не готов. Посещать знакомых – тоже. Ему хотелось немного побыть одному и подумать, а, может, даже выпить, потому что всё, что сейчас творилось у него в голове и на сердце, было ему чуждо и пугало и смущало так, что Джейкоб просто растерялся.

Почему ему не хватило смелости по-мужски посмотреть сыну в глаза, когда тот подмял под ногу подвязку? Ведь это была её вещь... Вещь Малесты. Джейкоб узнал её. Так почему не хватило храбрости выяснить, как она попала к Тиму? Может, потому что в первые секунды Джейкоб просто не поверил своим глазам, а потом и дверь внезапно отворилась, намекая, что надо уходить немедленно? Или потому что недавние слова Пикли перепутали все мысли? Всё сказанное и увиденное было настолько абсурдно, что Джейкобу казалось, что он спит. Он даже ущипнул себя пару раз, но это не помогло.

Экипаж гремел по мостовой, огибая Королевский сад, а Джейкоб усиленно думал и вспоминал.

Сколько дней он провёл дома с момента приезда сына? Пересчитать можно было по пальцам.

Сколько раз Тим оставался с Малестой наедине? Для пересчёта явно тех пальцев не хватило бы.

Но неприязнь этих двоих друг к другу зашкаливала. Тогда в какой момент всё изменилось? И как далеко всё зашло? Сколько ночей они провели вместе, если она решилась на столь интимный подарок? Одну точно. Ту самую, которая состоялась в Золотых Буках у миссис Мерит. Джейкобу и тогда всё происходящее показалось подозрительным, а теперь... теперь он вспомнил!

Он вспомнил и непринужденную болтовню Тима на лестнице о том, что он и Малеста так увлеклись, что забыли о фраке для Аскота. Вспомнил и кровь на руке жены,

видневшуюся сквозь тонкое кружево перчатки. Как же он сразу не догадался, а ведь почувствовал тогда неладное? Тим поранился стеклом ночью, и то была его кровь на её руке! Засохшая! Значит, и перепачкалась Малеста ей тоже ночью, а не пять минут назад, как врал Тим.

Джейкобу внезапно стало жарко. Шейный платок душил. В панике Андервуд сдернул его, швырнул себе под ноги и принялся расстегивать пуговицы сюртука и жилета. Воздуха не хватало. В горле пересохло. Пальцы сжались в кулаки, а глаза налились кровью. Джейкоб не привык с кем-либо делить то, что он считал своей собственностью. То, что было его, должно было только его и остаться. И других вариантов Джейкоб не рассматривал.

Глава 19. Петухи

Секретарь мистера Лудлоу в пятницу всё же появился. Но ответ на вопрос Тима с собой не принёс. Зато вручил письмо, в котором его хозяин скупно и всего на две строчки говорил, что ему потребуется больше времени, чем предполагалось изначально. Сколько именно, мистер Лудлоу не уточнял, но просил никуда не уезжать и ждать.

И Тим ждал. Всю субботу и половину воскресения он просидел, снова ничего не делая и даже днём не распахивая штор на окнах, и дёрнулся с кресла только под вечер, когда за дверью послышался топот и дверная ручка заходила ходуном. Для секретаря уважаемого адвоката такое поведение было более чем странно. Тим поспешил повернуть ключ в замке.

– Вот он!

Дверь скрипнула, и на Тима обрушилась лавина из восклицаний, дружеских похлопываний по плечу и крепких словечек, от которых Тим сильно отвык за последние дни.

– Тьфу, какая темнота. И пахнет сыростью. Джефф, зажги свечи!

– Глянь-ка, Фил, да этот отшельник отъел себе морду!

– Отъел? Я ничего не вижу. Зажги свечи, я сказа... Мама дорогая! Ты под каким мостом ночевал?

Двое друзей, Фил и Джефф, залетевшие в квартиру со скоростью урагана, встали как вкопанные и пялились на Тима. Тот, в халате и ботинках на босу ногу, стоял перед ними заспанный, измотанный и совершенно опустошенный. Лиловый цвет до конца не сошёл со щек, на подбородке и щеках некрасиво отросла щетина, а волосы были не только несколько дней не чёсаны, но и не мыты.

Джефф ткнул Фила локтем в бок.

– Может, мы квартирой ошиблись?

– Да не.

– Тогда я не узнаю этого джентльмена. Это точно Тим?

– Может, он в гриме? Может, это новая роль?

– Новое веяние в культуре? – Джефф скрестил руки на груди и прищурился, присматриваясь. – А ничего так. Креативно и свежо.

– Хватит издеваться, – выдохнул Андервуд и шагнул к шкафчику с виски. – Пить будете?

Джефф и Фил переглянулись. Фил быстрым шагом подошёл к Тиму, взял из его рук бутылку и поставил обратно.

– Что с тобой? Ты на себя не похож.

– Устал.

– Ты всю ночь в порту мешки с углём таскал? Выглядишь так, будто таскал.

– Вам-то какое дело?

Тим прошёл от шкафа к дивану, плюхнулся на него, положил руки под голову и закрыл глаза. Его приятели снова переглянулись, придвинули каждый себе по креслу и тоже сели.

– Ты не знаешь, где Генри? – начал Фил. – Мы заходили к его отцу, но в доме пусто, и слуги только разводят руками. Говорили, что он ездил в Аскот и должен был вернуться в пятницу, но так и не вернулся.

– Вероятно, завернул к своей тётке, – зевнул Тим. – Генри с некоторых пор влечёт к некоторым особам по фамилии Пикли, так что в Лондоне он покажется не скоро.

– Тебе тоже известно о Кэтрин? – изумился Джефф.

Тим коснулся пальцами синяков на лице.

– Встретился с Генри на скачках... Он всё рассказал.

– Он точно должен приехать к среде, – вставил Фил.

Тим открыл глаза.

– Откуда такая уверенность?

Фил заморгал.

– У тебя не горячка, нет?

Тим помотал головой.

– Говорю же, просто устал.

– Как можно так устать, что забыть о благотворительном ужине у сэра ректора? Наши семьи туда, между прочим, приглашены.

Он и правда забыл. Последний раз вспоминал об ужине, когда болтал с Сандерсом в Аскоте. Как же быстро пролетела неделя!

– Мы на ужин можем не ходить, – выдал Тим. – Кому мы там нужны? Там ценятся толстые кошельки, а они есть только у наших отцов.

– Нет. Он точно не в себе! – воскликнул Джефф. – А ты о споре нашем тоже забыл? Мне и Генри предстоит кукарекать.

– И мне, – с горечью в голосе вставил Фил. – Я даже и не подозревал, что отец и мачеха так сильно любят друг друга. Когда уезжал из дома учиться, мне все деревья казались большими, а женщина, занявшая место матери, представлялась настоящей ведьмой. Теперь приехал и вижу, что многие из дубов спилили и на их месте посадили ивы. А мачеха вместо колдовского зелья подала мне к чаю яблочный пирог. Не всё так плохо и страшно, как мне, дураку, раньше мерещилось. Я просто был мал, эгоистичен и никого не хотел слушать.

– Детям такое свойственно, – подбодрил Джефф. – Они смотрят на мир, полагаясь лишь на свои ощущения.

– Ну, если перспектива кукарекания вас так прельщает... – произнёс Тим.

Джефф чуть не подпрыгнул в кресле.

– Что ты сказал?

– Я сказал, если вам так хочется прослыть петухами, то на ужине несомненно надо появиться. Нельзя пропускать такое важное событие.

– Вам? Ты слышал, Фил? Он сказал «вам»? То есть себя он в этот список не включил, а это значит...

– Только одно! – закончил за друга Фил. – То, что он добыл подвязку.

Джефф зашумел креслом, подвигая то ближе к дивану и Андервуду на диване.

– Выходит, ты у нас в дамках. Выкладывай. Каково это было, а? Я слышал от знакомых, твоя мачеха – королева красоты.

– Заткнись, – резко оборвал друга Тим.

Джефф прикусил губу.

– А что я такого сказал?

– Несёшь всякую чушь.

– С каких пор ты стал таким ранимым? Тем более если выиграл. Это мы должны плевать и злиться на тебя, а получается... Как-то странно получается. Фил, ты не находишь, что странно?

– Почему бы нам не отменить спор? Положить конец нашим мальчишечьим дурачествам и отменить спор. Что думаете? – проронил Тим, продолжая смотреть в никуда.

Друзья не верили своим ушам.

Фил опомнился первым.

– Отменить? А как же слово джентльмена? Мы никогда не отменяли наши ставки, что бы ни ставили на кон.

Тим усмехнулся.

– Слово джентльмена? Что за джентльмены мы такие, если играем честью женщин?

Одноклубники-весельчаки замолчали, и стало слышно, как часы тикают в углу, а за окном по мостовой копытами цокает лошадь и шумит колёсами кэб.

Смеркалось. Джефф предложил партию в карты, Фил подхватил, и только Тим поморщился и покачал головой. Живущая на первом этаже хозяйка квартиры робко постучала в дверь и предложила горячего молока с печеньем. Тим и на это ответил отказом, хотя друзья были не прочь перекусить.

Помаявшись ещё минут десять, Фил всё же заикнулся о не так давно открывшемся ресторане, где хорошо готовили телятину в соусе из портвейна и белого трюфеля. Место было модное и шумное, но Тим и здесь заартачился. Ткнув пальцем себе в лицо, он многозначительно ухмыльнулся, и все сразу поняли, что с такими синяками Андервуда в приличное место не пустят.

Обсудив ещё с десяток мест и потратив на это добрые полчаса, трое друзей всё же сошлись на одной скромной забегаловке, где подавали рис с карри и открывали дверь каждому, у кого в кармане водилась мелочь, независимо от того, был ли у посетителя фингал под глазом или нет.

Когда решили, то Джефф и Фил тут же выпнули Тима в спальню приводить себя в порядок и одеваться, а сами, скрестив ноги, уселись на ковре, поставили между собой стопку пухлых книг и принялись, опираясь на них локтями, бороться на руках. Сколько времени продержалась бы башня, насчитывающая четыре энциклопедии, два тома со стихами и пять тонких книжек с пьесами о любви, неизвестно, так как уже на первом раунде в дверь внезапно постучали, и Филу пришлось подняться и открыть.

– Мистеру Андервуду, сэр, – вежливо попросил незнакомый джентльмен в шляпе и протянул конверт.

Фил ничего не понял, но конверт взял. Повертел в пальцах, зачем-то понюхал печать и принялся было читать адрес отправителя, как выпрыгнувший из спальни Тим, в одних лишь брюках и даже без рубашки, выхватил бумаги из его рук, сорвал печать, вытащил листок и жадно впился глазами в буквы. Однако, прочитав, со стоном рухнул обратно на диван у стены и закрыл рукой глаза.

Джефф вопросительно уставился на Фила, а тот в ответ лишь развёл руками и покрутил пальцем у виска. Тогда Джефф тихонько подполз к дивану, поднял упорхнувший на пол листок, расправил и заглянул в текст.

Последнего в письме было немного. Всего одна строчка и та какая-то непонятная. Зато подпись была вполне ясная и даже знакомая. Известный всему юридическому факультету мистер Лудлоу, адвокат со стажем и настоящий знаток своего дела, предлагал Тиму встретиться вечером в среду, в аккурат после благотворительного ужина у сэра ректора. Что ж, возвращение в Девонсайд откладывалось ещё на три дня.

На ежегодном приёме в честь нового выпуска «гениев» юриспруденции, экономики, медицины и прочих наук всегда былолюдно. Приезжали сюда целыми семьями, и лучшие

места в обеденном зале отдавались попечителям университета и персонам, приближенным к королевской семье. Чуть дальше сидели просто благородные лорды и леди, имевшие набитые до отказа кошельки, но прибывшие на мероприятие не сделать щедрый взнос в развитие науки, а показать себя и обзавестись связями, которыми ещё не успели обзавестись. И уж совсем на задворках размещались выпускники и лучшие студенты года. Некоторые из них желали сидеть с семьями, хотя такое случалось редко. Большинство же выбирало общество друг друга, и у каждого на то была своя причина.

Одетый в иссиня чёрный фрак, напомаженный и с зализанными бакенбардами, распорядитель ужина был подобен дирижеру королевского оркестра. Его понимали с полувзгляда: на входе дамам помогали с зонтами и накидками, а господам – с чисткой обуви (там, где всё должно быть на высшем уровне, не место и одной пылинке), провожали гостей до столов, усаживали и подносили напитки, выслушивали различные пожелания, начиная цветами в вазах (некоторые дамы не жаловали терпкие лилии) и заканчивая величиной и составом предполагаемых к подаче блюд (среди гостей иногда встречались приверженцы строгой диеты), и торопились исполнить все капризы до того, как стрелка на огромных, старых часах отсчитает минуточку. Всё вокруг кипело, двигалось, жужжало и напоминало большой, слаженный улей, где из года в год всё проходило по расписанию и без сбоев, и даже шампанское пузырилось в бокалах ровно столько времени, сколько ему было отведено по протоколу.

Зал постепенно заполнялся, разговоры становились громче, улыбки – шире, рукопожатия – сильнее. Портвейн и игристые вина лились рекой, но пили гости сдержанно. Расставленные на столах закуски своими ароматами щекотали ноздри и волновали изголодавшиеся желудки, но начинать было нельзя: все ждали прихода хозяина ужина, а тот всегда являлся самым последним и в окружении самых именитых профессоров.

Джефф и Фил стояли каждый с бокалом в руке и непринуждённо болтали. Занявшая место за одним из столов в середине зала дама с нарисованной мушкой над губой помахала Филу рукой.

– Кто такая? – тут же поинтересовался Джефф и поставил пустой бокал на поднос пробежавшего мимо официанта.

– Подруга мачехи. Приезжала к нам погостить на два дня, весьма недурно поёт.

– Она замужем?

– Она вдова.

– И я вижу по твоим глазам, что она тебя заинтересовала, – улыбнулся Джефф.

Фил смутился.

– Не гони лошадей. Мы знакомы совсем немного. Она, конечно, хороша, но между нами ничего нет и не было.

– Зато подумай, Филипп, как же будет здорово! Я – с моей обожаемой Витторией, Генри – с кузиной Кэтрин, ты – с этой уважаемой всеми вдовой! Мы могли бы дружить семьями, а? – Джефф был в отличном настроении.

– А этого куда денем?

Фил обернулся и ткнул пальцем в Тима, сидевшего за столом и смотревшего в одну точку. К шампанскому Андервуд не притронулся, зато безудержно сверлил взглядом белоснежную скатерть, словно пытался её испепелить.

– Этому тоже кого-нибудь подберём, – подмигнул Джефф, и друзья сели по обе стороны от Тима.

– Из него вышла бы отличная статуя, – протянул Фил, ткнув Андервуда пальцем в плечо.

– Смотри, он даже не моргает.

– С фиолетовыми мордами в статуи не берут, – издевался Джефф. – Вот если бы он взял немного толчёного мела и забелил синяки...

– Я вообще удивляюсь, как его пропустили с такой физиономией. Может, он спустился с крыши?

И Фил задрал голову вверх, притворяясь, что выискивает в высоком потолке подтверждение своим словам, а потом разочарованно выдохнул:

– Нет там ничего. А этот молчит, словно воды в рот набрал.

– Я думаю, он просто дуется на нас, что не зовём его кукарекать. А ведь дуться должны мы. Мы – поигравшие, а он, как всегда, на вершине Олимпа.

– Замолчите вы или нет? – процедил Тим сквозь зубы. – Не петухи, а куры. Раскудахтались.

– Тим, а, Тим, – подначивал Джефф, – хочешь, я уступлю тебе своё место на столе у ректора? Или Фил уступит. Ему надо понравиться одной леди. Боюсь, если он полезет прямо в ботинках на белую скатерть и в блюдо с икрой, а потом ещё и изобразит громкое «кукареку», та леди не только швырнёт в него цыплячьим крылом, но и пригрозит выпотрошить на суп.

– Вы похожи на неугомонных мартышек, – ответил Тим. – Дался вам этот глупый спор. Я ведь ещё на выходных предложил выход. Отмените пари, раз переживаете за свою репутацию. Сразу дышать станете ровно и сможете рассылать воздушные поцелуи кому угодно, хоть папе Римскому.

– А я знал, что он тогда говорил серьёзно, – заулыбался Фил, и в один удар сердца вероятность исполнения петушиной песни из грозовой тучи превратилась в облако, а то приготовилось рассеяться и дать дорогу светлым солнечным лучам.

– Но... – вдруг ляпнул Джефф, и облако опять посерело. – Мы же договорились...

Тим повернулся к другу.

– Спор глупый, ставка позорная, разве не так? Дождитесь Генри, предложите ему обо всём забыть и расслабьтесь. Вон сколько вкусного принесли – надо есть, а не топтаться по паштету и спарже.

– Причём здесь Генри? Решать должен ты.

– Я?

– Ты же достал то, о чём мы спорили.

– Допустим, достал.

– Что значит «допустим»? Достал или не достал?

– Да ну вас, – психанул Тим, вышел из-за стола и двинулся вперёд.

– Куда это он? – прошептал Джефф.

– Лучше не лезь, – ответил Фил. – Надо ждать Генри. Генри нас рассудит.

А в том, что Генри рассудит правильно, Фил не сомневался.

Широко распахнутые двери не уставали пропускать через себя важных гостей, одни из которых только-только готовились отдохнуть с дороги на мягких креслах и в окружении прекрасной половины человечества, а другие, оставив за интересной беседой сопровождавших их дам, уже спешили в курительную комнату, где за чисто мужскими разговорами о политике, мировых катаклизмах и охоте успевали перехватить по сигаретной.

Генри Сандерс появился в дверях, сопровождая важного сэра Фредерика Пикли с супругой и кузину Кэтрин. Многие царапины на его лице сошли на нет, но кое-где местами всё же проступала синева, хоть милая Кэтти и колдовала над ней добрую половину утра. Следом за Пикли показался и сам Джейкоб Андервуд, и стоило его трости ударить пару раз о начищенный до блеска паркет, как все в зале мигом притихли, свечи принялись гореть ярче, официанты – скользить осторожней, и даже музыканты, играющие ненавязчивые вальсы и марши на балконе, с бодрящего мажора перешли на нежный минор. Все вокруг затаили дыхание и, позабыв о сплетнях, проблемах беженцев и убитых на охоте кабанах, смотрели только в одну точку, где распустилась редкой красоты роза, и сорвал её никто иной как успешный банкир, важно и с гордо поднятой головой делающий шаг за шагом вперёд и отвечающий на приветствия лишь едва уловимыми кивками.

С Джейкобом хотели поговорить многие. Случившееся в Аскоте за неделю подзабылось, да и не все присутствующие на ужине были любителями скачек. У сэра ректора в основном собиралась публика из университетских кругов, увлечённая науками, а не ставками и лошадиными кличками.

Для первой беседы перед началом трапезы Джейкоб выбрал мистера Чопперса. Это был полноватый джентльмен, владеющий судоходной компанией, кузен профессора Ливза, преподававшего студентам древние языки. Банк Джейкоба Андервуда собирался выдать мистеру Чопперсу кредит на покупку нового судна, и Джейкоб хотел в неформальной обстановке узнать, как идут дела у компании. Извинившись перед супругой, он оставил её на попечение Камиллы Пикли, но последнюю тут же облепили подружки, и Малеста осталась одна. Своих подруг у неё никогда не было (если не считать пожилую миссис Мерит), а на чужих она не собиралась претендовать, тем более что те хотели обсудить с Камиллой какие-то новости, до которых леди Андервуд не было никакого дела.

Шампанское было вкусным. Немного сладким, но в меру – Малеста такое любила. Цветочные композиции на столах тоже радовали глаз. Всё вокруг сверкало и искрилось, волновалось и беспокоилось. И гостей пришло уже столько, что в некоторых переходах яблоку было негде упасть. Но никогда ещё в столь шумной толпе Малеста не чувствовала себя более одиноко.

Ещё до начала ужина Джейкоб хотел представить её паре своих знакомых. Но, кажется, вопрос выдачи кредита мистеру Чопперсу на время перевесил важность поддержки средств в семейном благотворительном фонде, поэтому леди Андервуд незаметно для всех поставила свой бокал на стол и неспешно направилась к выходу. До первых закусок ещё оставалось время, а духота в обеденном зале была уже такая невыносимая, что впору было падать в обморок. Бумажный веер не справлялся, и лишний глоток воздуха был явно не лишним.

Однако встрече с вечерней прохладой не суждено было состояться. Несколько шагов вниз по лестнице – и Малесту крепко схватили за локоть, и развернули к себе. Произошло это настолько нагло и бесцеремонно, что поднимающаяся по той же лестнице супружеская чета остановилась, незнакомая дама возмущённо охнула, а её супруг сунул в глаз монокль, чтобы всё разглядеть в деталях. Об увиденном потом можно было рассказать в кулуарах, и пожилой джентльмен хотел быть уверен, что всё рассмотрел и расслышал верно.

– Вы... – выдохнули совсем рядом, и Малеста узнала голос. Высвободила руку и нашла в себе смелости встретиться взглядом с тем, чьи зелёные глаза были полны лёгкой грусти и бескрайней нежности.

– Тимоти.

- Как же я скучал...
- Вы обещали вернуться быстро...
- Я не смог.
- Вы выяснили то, ради чего уезжали?
- Нет, иначе бы давно вернулся к вам.

Разговор не клеился: вокруг было слишком людно, и Малеста то и дело отводила взгляд, а Тим сбивался и пугал слова.

- Вы выглядите неважно, – заметила мачеха.

Ответ заставил её сердце заволноваться.

- Мне плохо. Я почти не сплю. Меня ничто не может увлечь, и мне ничто не интересно.

Я закрываю глаза, но вижу только вас. И я не могу это ничем объяснить.

- Ваш отец был вне себя от ярости, когда узнал, что вы уехали.

- Знаю и ничего не желаю о нём слышать.

- Он привёз вам саквояж?

Тим сглотнул.

- Да.

- В нём была моя подвязка.

- Я забыл вернуть её вам.

- В таком случае воспользуйтесь ей. Для чего-то же вы её у меня отняли.

- Это был глупый спор четырёх безмозглых болванов.

- И вы, я полагаю, выиграли.

– По-моему, из всех четверых я как раз проиграл. У Генри взаимная любовь с Кэтрин, у Джеффа – с арфисткой-итальянкой. У Филадельфии просто чистая совесть и большие возможности впереди.

- А у вас?

– А у меня всё шиворот-навыворот, всё сломано и испорчено. Вы никогда не простите меня, я знаю, но, может, хотя бы попытаетесь взглянуть на меня с другой стороны?

- А есть ли она? Та другая сторона?

- Несомненно.

- Я её не видела.

- Что же вам мешает присмотреться? Дайте руку!

Но Малеста спрятала обе за спину.

- Нет. Я вас боюсь.

- А я хочу сбежать с вами отсюда и немедленно.

- Я – замужняя дама, Тимоти, а вы уже не первый раз пытаетесь играть с моей честью.

Если в вас есть та самая другая сторона, остановитесь. Может, тогда вы ещё сможете подняться в моих глазах.

- Как вы не понимаете? Вы нужны мне!

- Я напомню вам ещё раз, что я замужем.

- Мне всё равно.

- За вашим отцом, если вы забыли.

– Вас с ним давно ничего не связывает. У вас двоих нет друг к другу никаких чувств, даже уважения.

- А между мной и вами этого уважения, конечно же, полно.

- Я поступал подло, я это знаю. Но за то, что я сделал, я готов сейчас рвать волосы у

себя на голове.

– Это лишнее. Потом понадобится парик, а парики в наше время дорого стоят. Особенно качественные, ведь те, которые завозит в Девон мистер Хиггинс, вас точно не устроят.

– Малеста, – Тим стиснул зубы, – вы сущий дьявол. Истязаете меня и бьёте по щекам.

– Даже так? – усмехнулась мачеха. – Мне надо было надеть сегодня шляпку с маками. В ней вы меня называли ангелом.

– Вы играете со мной и скоро доведёте до сердечного приступа.

– Не беспокойтесь. В зале полно дам, и хотя бы у одной из них да найдётся нашатырь в сумочке. Вас быстро поставят на ноги. А теперь, если вы закончили, возвращайтесь обратно к друзьям. Я только что видела сэра ректора, поднимающегося по соседней лестнице. Начинается ужин.

– Без вас не уйду.

– Что ж, идёте. Только следуйте на расстоянии пяти шагов. Не хочу плодить слухи.

– Вы красивы, и слухи вокруг вас будут всегда.

– Но их количество можно уменьшить, если вы перестанете путаться под ногами.

– Вы говорите так, потому что видите во мне ветреного мальчишку. Думаете, я – чёрствый сухарь и не способен на сильные чувства? Думаете, непостоянен и равнодушен до всего?

– Именно. Однажды вы изволили сказать, что вы – сын своего отца, а это значит, что любить вы никого никогда не будете, а будете только использовать в своих целях и до того момента, пока вам это выгодно. Зачем вам привязываться к кому-либо, когда вокруг такое разнообразие? Я всё верно повторила? Нигде не переврала?

Тим растерялся. Он помнил, что нечто подобное говорил, вот только... вот только что-то не билось. Неужели, он был настолько самоуверен, что мог ляпнуть весь этот бред мачехе? А ведь ляпал точно, но мачехе ли?

Память плохо поддавалась пыткам, а на лестнице показался распорядитель ужина и попросил опаздывающих гостей занять свои места. Ужин начинался, и сэр ректор уже собирался произнести приветственную речь.

Малеста шла быстро. Тим мог бы догнать, но не стал даже пытаться. В голове неугомонным волчком крутились её последние слова. Он точно говорил их? Да. Говорил. Но когда? И кому?

Джефф и Фил уже сидели за столом. Через толпу к ним продирался Генри. Обменявшись со всеми дружескими рукопожатиями, Сандерс плюхнулся на стул рядом с Тимом и задыхал тому в ухо.

– Где ты шатался? В выходные я облазил весь Девон и его окрестности.

Тим вперился стеклянным взглядом в друга. Они с мачехой сговорились? Оба несут какую-то белиберду.

– Девон? Я уже неделю торчу в Лондоне. Никуда не выхожу из своей квартиры.

– Да? Хм. – Генри не выдержал и подцепил вилкой кусок ветчины с блюда. Его действие мгновенно получило бы сотню осуждений, сиди он за одним из центральных столов. Но сюда, на задворки, никто не смотрел, и Сандерс ловко пользовался положением. К тому же он был влюблён и невероятно голоден. – А твой отец сказал, ты развлекаешься в Девоне...

– Когда он успел навешать тебе лапшу на уши?

– В субботу. В пятницу днём он был у мистера Пикли. Затем уехал. В субботу вечером я

приехал в Девонсайд, увиделся с ним и спросил о тебе. Он ответил, что у тебя прескверное настроение, что, возможно, ты уехал к аптекарю, а, возможно, просто решил проветрить мозги. Когда вернёшься – не известно, и вообще, шёл бы ты, Генри, своей дорогой и желательно подальше от нашего дома.

Тим напрягся.

– Так и сказал? Узнаю его стиль.

– Ну, не слово в слово, – ответил Сандерс, усиленно жуя, – но смысл я до тебя донёс.

– Он прекрасно знал, что я в Лондоне. Он же был у меня в пятницу.

– Хм, тогда я вообще ничего не понимаю.

– Говори тише. Ты здесь не один. Сэр ректор, между прочим, тоже говорит.

– Да ну его. Каждый год одно и то же. Ты лучше подвинься ко мне ближе, потому что сейчас узнаешь такое...

– Только до сердечного приступа не доведи.

– Как знать, как знать... Ну, слушай. В ту самую пятницу, когда твой отец приезжал к Пикли, я прикидывайся лавровым кустом...

Тим снова посмотрел на друга, теперь уже как на больного на голову. Сандерс перехватил удивлённый взгляд и пояснил:

– Не делай такие глаза. Побереги эмоции. Дальше будет ещё чудесатее.

– Чудесатее, говоришь? Куда уж...

– Ты жуй и слушай.

И Генри сунул в руки Тима свою вилку с нанизанным на неё ломтиком сыра. А Андервуд всё же придвинулся ближе и принялся молча слушать то, что говорил друг.

Со своего места он видел её превосходно. Вот она чуть повернула голову вправо и улыбнулась смущающейся Кэтрин. Возможно, разговор шёл про заколку мисс Пикли: та была новой и очень шла её кудряшкой. Малеста это отметила, и Кэтрин тут же стало стыдно за те слова, что она выпалила в Аскоте. Тим не знал, извинилась ли Кэтрин, но скорее всего да, потому что и леди Андервуд, и мисс Пикли смотрели друга на друга с нежностью, присущей подругам, и уважением, присущим дамам, встретившимся в высшем обществе. Тим поймал себя на мысли, что он не против такого общения. И хотя мисс Пикли он знал плохо, вкусу Генри доверял, а из подруг у Малесты была только миссис Мерит. Так пусть будет ещё одна. Тим точно не будет возражать. Даже временами будет присоединяться к болтовне и партии в вист. Он будет всегда и везде рядом, не позволит грустить и разделит радость, сделает так, чтобы даже самый хмурый день был тёплым и уютным. Возможно, они часто будут ездить в театр. Возможно, и в оперу. Куда угодно, только бы вместе.

Однако следующая секунда выдернула Тима из череды романтических мечтаний и расставила всё на свои места. Рука отца легла поверх руки мачехи, и беседа двух дам прекратилась. Одним движением, как росчерком пера, Джейкоб показал, кто здесь хозяин. Тим мог продолжать рисовать в своём воображении какое угодно будущее – его планы Джейкоба не волновали.

Впервые за вечер Тим прикоснулся к бокалу с вином. Одним махом опрокинул всё в себя. Его крутило, как во время сильной болезни, взгляд был тяжёлый, и руки так и рвались набить морду одному конкретному человеку. Но Тим держался.

В жизни он никогда не знал соперничества. Привык во всём быть первым и даже единственным. Всё давалось легко. Ни за что не надо было сражаться, ничего не надо было доказывать. И к битве, где главный соперник – отец, Тим не был готов, и даже не

представлял себе, во что она может вылиться.

Пил и Генри. Выложив всё, что подслушал, он враз погрузился: минута его позора неустанно приближалась, а вдохновлённые идеей Андервуда друзья не убедили Генри отказаться от спора.

– Я так не могу, – вздохнул он и выпил ещё. – Если я дал слово, то отвечу. Меня, конечно, опять обзовут идиотом, и дорогая кузина скорее всего отвернёт от меня свой чудесный носик, но назад дороги нет. Вы делайте, как хотите, – поникший взгляд предназначался Джеффу и Филу, – а я пошёл.

– Стой.

Тим схватил Генри за руку и чуть не порвал рукав фрака.

– Чего тебе? – буркнул Сандерс.

– Это глупо.

– Вот только не уговаривай. Я ещё не простил тебе того, что ты польстился на Кэтрин.

– Да не нужна она мне! Отцу – да, а мне – нет.

– И не разыгрывай перед нами ангела. Мы все знаем, ты – не он. А шансов с Кэтти у меня всё равно нет – так хоть повеселю вас.

– Послушай, ты сейчас опозоришь себя на всю жизнь. И я действительно не намерен жениться на твоей кузине. Отец не заставит меня этого сделать. Скорее откажется от меня и лишит наследства, но точно не заставит.

Но Генри не спешил радоваться.

– Я хорошо знаю твоего отца, – начал он, – но ещё лучше я знаю сэра Пикли. Беда в том, что последнее слово всегда за ним. А сегодня утром он был положительно настроен на твой счёт и снова обозвал меня дуралеем.

– Генри, сядь, выпей и послушай меня ещё раз.

– Если я сяду, выпью и послушаю, то точно растеряю всю храбрость. А потом ты будешь постоянно глумиться надо мной и обзывать меня трусом. Ты всегда отпускаешь в мой адрес шуточки, если я пасую. Я и так не знаю, смирюсь ли я с потерей Кэтрин, но твои насмешки меня окончательно доконают. Так что я пошёл.

Генри задвинул стул, мешавший протиснуться между столами, и медленно направился к центру всех событий. Там было всё чопорно и красиво: в золочёных фужерах подавались дорогие ликёры, говорились тёплые слова благодарности, подносились в дар ценные, старинные книги в кожаных переплётках, а также прочие предметы искусства, которыми, если копнуть глубже, у сэра ректора был завален весь чердак.

Джефф посмотрел Генри вслед и покачал головой.

– Он непробиваем.

– Не будь здесь столько народа, я бы схватил его и затолкал под стол, – добавил Фил, – но если я это сделаю, меня вытолкают из-за стола раньше.

– Он сказал, что всё решает сэр Пикли, – повторил за другом Джефф. – У Генри и раньше было мало шансов в отношении кузины, а из-за своей твердолобости он и последний потеряет. Думаешь, сэру Пикли нужен зять-петух?

– Зять-петух ему точно не нужен, – подхватил Фил. – Как бы от племянника-петуха теперь не отказался. Тим, ты что думаешь? Тим? Тим!

– Значит, всё решает сэр Пикли, – пробормотал Андервуд и тоже поднялся с места.

Джефф от удивления открыл рот.

– А этот куда?

– Этого вообще последнее время не поймёшь. Он что-то пропел про Пикли, но не к Пикли же он собрался?!

По одному лишь взмаху рукой к сэру ректору подкатили ещё один стол. На этот раз не круглый, какие были расставлены по всему залу и ломились от угощений, а овальный, но тоже укрытый белоснежной скатертью. На стол сэр ректор ставил особо ценные подарки, среди которых были даже глобус и статуэтка единорога. Вручались и чеки, но те падали в специальный крытый ящик, и суммы, начертанные в них, должны были пойти исключительно на благие цели. Так, например, после прошлогоднего ужина медицинский факультет пополнился коллекцией скелетов, как человека, так и различных животных, а филологический – трудами немецких философов в оригинале. Бенефициара же сегодняшних пожертвований ещё никто не знал, но ходили слухи, что на этот раз пополнится библиотека факультета юриспруденции. По крайней мере, представителей различных юридических контор в этот день на ужине было больше, чем в прежние годы, и даже сэр Пикли приехал, хотя обычно обходил подобные собрания стороной.

Идущий напролом Генри достиг стола сэра ректора довольно быстро. Может, он и повернул бы назад, если бы, скажем, на его пути возникли какие-либо препятствия. Сослался бы на провидение и перестал упрячиться. Но всё шло гладко, и гости будто назло расступались, пропуская Сандерса вперёд к позорной славе.

Последний подарок был торжественно вручён ректору прямо перед носом Генри. Это было золотое яблоко с лепестками из нефрита. Возможно, именно такое упало в своё время на голову Ньютона. За яблоком последовал очередной чек, и взору Генри, наконец, открылось то, ради чего он явился.

– Мистер Сандерс? – Сэр ректор хотел уже было сесть, чтобы насладиться рыбными палочками в сметанном соусе, но физиономия Генри помешала ему это сделать. – Вы что-то хотели, мистер Сандерс?

– Я... – замялся Генри, бросив тоскливый взгляд в сторону Кэтрин.

Его очки внезапно запотели, и он не успел разглядеть, кто именно вдруг резко оттолкнул его от стола да так сильно, что Генри слету врезался в полную даму. Извинившись, Генри снял очки, чтобы их протереть и затем скрупулёзно рассмотреть обидчика, но это не понадобилось. Как известно, природа распорядилась так, что кроме глаз у человека есть ещё и уши, а на слух Генри никогда не жаловался.

– Это не он хотел, а я, сэр.

Голос Тима звучал так вызывающе, что Генри обомлел.

– Мистер Андервуд? Вы как-то странно выглядите.

– Как уж получилось, сэр.

– И что же вы хотели, мистер Андервуд?

– Я буду честен с вами, сэр, и прошу после такого не лишать стипендии.

Ректор зашёлся сдавленным смехом.

– Забавно. Продолжайте.

– Не могли бы вы отодвинуть блюдо с уткой в сторону?

– Вот так? – Ректор не переставал улыбаться.

– Да, сэр, – подхватил Тим и, во второй раз оттолкнув сообразившего что к чему Генри, запрыгнул на стол и громко прокукарекал.

В то же мгновение гул, создаваемый почти тремя сотнями людей, оборвался, снующие туда-сюда официанты замерли на месте, и даже музыканты отняли смычки от скрипок и

свесились с балкона.

Сэр ректор пару раз удивлённо моргнул, а затем взял со стола тканевую салфетку и вытер взмокшую лысину. А Тим невозмутимо прыгнул на пол, поманил к себе пальцем рябого паренька с подносом, взял бокал с шампанским, закрыл глаза и сделал жадный глоток. Он знал, что все взгляды сейчас прикованы к нему, но продолжал медленно потягивать игристое вино и в коем-то веке, чувствуя всю гармонию вкуса, наслаждался каждой капелькой и каждым пузырьком.

Он слышал, как нарастающей волной по залу пошёл осуждающий шёпот, и кто-то из особо впечатлительных дам даже всхлипнул. Слышал он и, как мелким смешком зашёлся Пикли, а затем выплюнул красному, словно клюква на болотах, Джейкобу, что на зятя-петуха он не соглашался. Что лучше недотёпа Сандерс, чем позор на всё высшее общество. Слышал он и, как отец в сердцах вскочил с места, ведь именно в этот момент его стул неприятно резанул ножками по полу. Слышал, как была отшвырнута вилка на фарфоровое блюдо и как опрокинут фужер. Слышал, как зашумел пол под подошвами новых ботинок. Слышал, но ничего этого не видел, а только неторопливопил и глубоко дышал. А когда на дне бокала не осталось ни капли, вытер губы рукой и открыл глаза.

Звук пощёчины выстрелом прозвучал в нависшей грозовой тучей тишине.

– Ещё, – ухмыльнулся Тим, нахально глядя отцу прямо в глаза.

– Не желаю марать об тебя руки, – отрезал Джейкоб. Вернувшись к столу, схватил Малесту за локоть и потащил за собой к выходу.

Щека горела, и в горле опять пересохло, но Тим не потянулся рукой к очередному, наполненному доверху, бокалу. Толкнув ошарашенного Генри в объятия переполошенной Кэтрин, Тим мысленно пожелал им счастья и бросился вслед за отцом и мачехой.

Тим нагнал их, когда Джейкоб садился в экипаж и приказывал трогать. Перехватив поводья у кучера, Тим пригрозил тому кулаком и рванул на себя закрытую дверцу.

– Продолжаешь строить из себя пугало? – зашипел отец, вытянул вперёд трость и ударил Тима ей по пальцам. – Пошёл прочь.

– Я не к тебе пришёл, – ответил Тим и подал руку Малесте. – Пойдёмте со мной. Прошу вас.

Джейкоб покраснел ещё сильнее и взвизгнул:

– Я же сказал тебе убираться, щенок!

– Я без вас не уйду, – тихо проронил Тим, напрочь игнорируя отца и не сводя с мачехи взгляда.

– Почему я должна верить вам? – столь же негромко поинтересовалась Малеста, а Джейкоб чуть не взорвался от ярости. Этот неспешный обмен репликами бесил Андервуда-старшего, так как объяснение ему было только одно, и оттого сердце Джейкоба разрывалось в клочья.

– Он использует вас, – проронил Тим, не отводя руки. – Он всегда вас использовал. Вы – лишь пешка в его игре. Красивая, но всё же пешка. Не королева.

Малеста поёжилась.

– Странно слышать такие слова от того, кто ещё недавно использовал меня для бесстыдного спора с приятелями.

– И вы видели сегодня, чем всё это закончилось.

– Видела и повторю ещё раз, если вы не запомнили с первого раза: вы – сын своего отца, Тимоти. А теперь уберите руку – я хочу закрыть дверь. И хорошенько подумайте над моими

словами.

– Но...

– Ты слышал, что она сказала, сопляк? – Удивительный поворот событий придал Джейкобу уверенности. – Закрой дверь и проваливай. С этого дня ты мне больше не сын.

– Я просто так не сдамся, – прошептал Тим, разжал пальцы и сделал три шага назад.

«Вы уже сдались», – прочитал он во взгляде Малесты и дёрнулся было обратно, но было поздно. Экипаж тронулся, и Тим только оцарапал ладонь о металл.

Тёплый день сменился холодным вечером. Налетевший северный ветер продирали до самых костей и пах приближающимся дождём, но Тим и не думал прятаться в пабах или торопиться домой. Отогнав от себя друзей, выскочивших на улицу следом, он, как одержимый, слонялся около входа в ассамблею, где подходил к концу богатый на громкий скандал ужин.

Примерно в десятом часу вечера открылись высокие двери и принялись выпускать первых вдоволь наевшихся гостей. То были в основном пожилые дамы и джентльмены, чей сон всегда начинался ещё до захода солнца, поэтому засиживаться долго им было не под силу. И когда с лестницы спустилась и села в кэб пятая такая пара, Тима вдруг громко окликнули.

– Мистер Андервуд? Сэр?

Тим обернулся.

К нему торопливым шагом приближался секретарь мистера Лудлоу. В его руках был пухлый конверт, который тут же переключал в окоченевшие пальцы Андервуда-младшего.

– Мистер Лудлоу просил извинить его за задержку и то, что не смог привезти документы лично. Он приболел. Переел грибов и всю ночь не спал. Он очень надеется, что информация в данном конверте вам поможет, и с нетерпением ждёт вас у себя в конторе.

Тим поблагодарил лёгким кивком головы и надорвал печать.

К его счастью фонари у ассамблеи всегда горели ярко, и письмо, написанное мистером Лудлоу читалось легко и без запинок. Внимательно скользя взглядом по каждой строчке, Тим пару раз останавливался, чтобы перевести дыхание и переварить написанное. А когда дочитал, то обогнул колонну, сел на ступеньку лестницы и задумался.

Никогда ещё его мысли не были столь рассеянны. Предложенных ниточек было много, но увязать всё в один клубок Тиму совсем не удавалось. Всё, что он прочитал, услышал и увидел, казалось кошмарным сном. Но настоящим ножом по сердцу был даже не рассказ Генри и не информация от мистера Лудлоу, а её последние слова. Сколько же издёвки в них было! Сколько пренебрежения! Он готов был положить к её ногам весь мир, а она снизошла лишь до совета. Подумать над её словами?! Да ещё и хорошенько подумать?! Ничего более презрительного Тим в жизни не устаивался, и даже полученные от отца оскорбления не ранили так, как это холодное равнодушие.

Тем временем гости продолжали покидать благотворительный ужин сэра ректора. Многие из них, завидев молодого Андервуда сидевшим на холодной лестнице, осуждающе качали головами, перешептывались, но проходили мимо. Никто не останавливался, не выражал сочувствия, не предлагал помочь. Поэтому, когда за спиной послышались приближающиеся шаги, Тим не сразу и понял, что это по его душу, и нехотя поднял голову лишь тогда, когда над ним нависла внушительная тень. Тень сэра Фредерика Пикли.

– Замечательное представление, мистер Андервуд, – почти нараспев, произнёс тот. – Весьма замечательное.

Сидеть и терпеть очередные насмешки было нельзя. Совсем нельзя. Но как же противно было вставать и смотреть в глаза человеку, как и отец, извлекающему выгоду из всего, даже из близких людей. Однако Тим совладал с собой, выпрямился и даже собрался дать достойный ответ, как мистер Пикли опередил.

– Я, конечно, наслышан о ваших выходках, но сегодняшнее безобразие задело самые глубокие струны моей души. Неужели, весь этот фарс был ради племянника моей супруги?

– А вы догадливы, – усмехнулся Тим. – Но, помимо Генри, я думал ещё и о своём счастье.

– А ваше счастье, как я понял, упорхнуло?

И мистер Пикли многозначительно ткнул тростью в направлении дороги на Девон.

– Снимаю шляпу. Вы и тут безмерно проницательны.

– И вы, конечно, ничего не можете сделать, потому что ваши возможности ограничены...

– К чему вы клоните?

– Позвольте я дам вам один совет, юноша. Иногда бывает так, что вещи, которые нас окружают, являются не тем, что нам кажется. Тёплое молоко, к которому руки так и тянутся зимним вечером, может оказаться скисшим, а комплименты, растекающиеся сладкой патокой в сердце, могут стать камнем за пазухой.

– Я вас с трудом понимаю.

– А вы подумайте немного, мистер Андервуд. Совсем немного. Горло вы сегодня уже напрягли – теперь напрягите мозги. Не забывайте, юноша, что наш мир не состоит из одних лишь ярких красок. Полутонов в нём гораздо больше, и если вы научитесь их вовремя подмечать, то, возможно, поможете не только себе, но и ещё паре-тройке близких людей. Какой-нибудь красивой женщиной, например. Очень красивой.

– Мистер Пикли, вы – близкий друг моего отца. Как я могу доверять вам?

– А вы – его сын. Такой вот треугольник вырисовывается. Кого вы предпочтёте поставить во главу угла?

– Боюсь, ваши намёки мне не интересны.

– А что вам тогда интересно? Точнее, кто?

Тим отвёл взгляд.

– Она не воспринимает меня серьёзно.

– И правильно! Я бы тоже не воспринял после сегодняшнего представления.

– Оно здесь не причём. Она всё высказала мне в лицо немногим раньше. Предъявила мне мои же слова. Я говорил их одной полоумной служанке, про которую невесть какие слухи ходят. Будто бы она утонула в болоте... Погодите-ка! – Тим побледнел, и у него задрожали руки. – Точно! Как же я сразу не вспомнил? Там, на лестнице, а потом в экипаже, она повторила мне слово в слово мои же слова, которые я ляпнул Бетси в ту самую ночь! Но как она могла их слышать? Она же была у себя в комнате, на втором этаже, и все эти дни уверяла меня, что никакой Бетси не знает! Мистер Пикли... сэръ...

– Простите, юноша, но я тоже не знаю никакой Бетси.

– Не в этом дело, мистер Пикли.

– А в чём же тогда?

– Вы не могли бы одолжить мне одну из ваших лошадей? Кажется, я забыл кое-что в Девонсайде.

– И то, что вы забыли, настолько важно, что вы смеете просить у меня посреди ночи

лошадь? Что у вас там? Молоко в крынке, которое скиснет до утра?

– Именно, сэ. Лучше сравнения не придумаешь.

– Ваша наглость не перестаёт меня удивлять. У меня нет лишней лошади.

– Но, мистер Пикли, в таком случае мне придётся привлечь вас к ответу за те мошеннические схемы, которые вы помогли проворачивать моему отцу. Однако в обмен на лошадь я обещаю закрыть глаза на ваше участие.

Фредерик Пикли удивлённо крикнул.

– А вы умеете уговаривать, – сдавленно сглотнув, ответил он.

– И, мистер Пикли...

– Только не говорите, что вам нужно две лошади.

– Нет. Мне нужен ответ на один вопрос.

– Не уверен, что я его знаю.

– Как я уже сказал, вы – близкий друг моего отца. Вы не можете не знать.

– Тогда почему бы вам не задать этот вопрос напрямую вашему отцу?

Тим снисходительно ухмыльнулся.

– Потому что сейчас я заключаю сделку не с ним, а с вами.

Густые брови Фредерика Пикли сдвинулись, глаза сощурились, словно у удава, а на выступающих скулах играли желваки.

– Что ж, спрашивайте.

– Спрошу как юрист юриста: какие права мой отец имеет на мою мачеху?

Мистер Пикли задумчиво почесал подбородок.

Глава 20. Ночь в серебре

Экипаж Джейкоба Андервуда покачивался на ночной дороге из стороны в сторону. Ехать в непроглядной тьме было чревато сломанным колесом, поэтому лошади шли неспешно. Кучер, прозябший на усилившемся ветру, кутался в куцый ватник и молился, чтобы месяц выглядывал из-за хмурых туч чаще. Время от времени его молитвам шли навстречу: слабый серебристый свет освещал пустую колею, и исполинские тени от старых и высоких деревьев пугали лошадей.

Джейкоб и Малеста всю дорогу молчали. Едва экипаж тронулся, Андервуд-старший уставился в окно, смотрел на тонущий в ночной тиши Лондон и сопел, как паровоз. Краснота постепенно сошла с его лица, но гложущая сердце подозрительность не успокаивалась и дошла до предела. Раза три Джейкоб ловил себя на мысли, что сейчас повернётся к Малесте и задаст все мучившие его вопросы, но всякий раз не находил нужного слова, с которого следовало начать. Выплеснуть на сидящую рядом женщину всю свою ревность значило бы показать себя с очень слабой стороны, а Джейкоб не был готов к такому разоблачению.

Ехали долго. А когда до Девонсайда осталось всего ничего и любопытный месяц снова выглянул из-за туч, Джейкоб не выдержал и обернулся. Малеста спала. Её длинные ресницы легонько подрагивали, и дыхание было ровным и спокойным, как будто ничего не случилось. Холодность, с которой она отшвырнула от себя Тима, поначалу успокоила Джейкоба, но сейчас, когда он увидел жену мирно спящей, гнев вдруг накатило с новой силой.

Буквально вчера Джейкоб был готов винить во всём Тима. Беспорядочные связи сына, его мимолётные увлечения всегда раздражали, Джейкоб побаивался их последствий, но судьба была благосклонна и отвела худшее. Теперь же Андервуда-старшего бесило выпуклое бессердечие, с которым Малеста ответила на полный желаний взгляд и дышащий страстью голос. Сколькими сердцами она могла так играть, а он не знал? Скольких могла одаривать своей лаской, а он даже не подозревал? Он всегда считал, что миру достаточно одного лишь любования красотой, но никогда не полагал, что кто-то может пожелать большего и что Малеста может ответить взаимностью. И как Джейкоб ни пытался разуверить себя в обратном, как ни пытался взять себя в руки, ничего поделать не мог. Чего ещё он ждал от заурядной актриски, много лет прожившей в Сохо? Уличную кошку не приучишь к четырём стенам – она так и будет рваться на улицу. А извечная порядочность – не более чем банальное притворство.

Джейкоб не сдержался и коснулся рукой золотистых волос, отвёл пряди в сторону. Прошёлся пальцами по островатому подбородку и красивой шее. Малеста вздрогнула, открыла глаза и... отодвинулась.

– Мы уже в Девонсайте? – сонно выдохнула она. – У меня жутко болит голова.

Лицемерка! Она не спала – просто сидела с закрытыми глазами, чтобы свести на нет любое возможное общение.

– Ещё нет, – ответил Джейкоб и снова потянулся рукой к лицу самой прекрасной женщины, какую когда-либо видел. Его пальцам нравилась её нежная кожа, и с каждым новым прикосновением росло возбуждение, норовившее скоро стать неконтролируемым.

Он чувствовал, как она дрожала от его прикосновений, словно ей было холодно, страшно или противно, и память рисовала, как спокойно она реагировала на прикосновения

сына в доме у миссис Мерит. Слишком быстро прошла их взаимная ненависть.

– Забудь этого глупого мальчишку, – обронил Джейкоб, не сводя взгляда с лица жены. Настоящая актриса! Отреагировала на его слова ровно и бесстрастно. – Не удивлюсь, если узнаю, что он подсел на опий. Иначе как объяснить его сегодняшнее поведение? Осрамил нашу семью и показал своё истинное лицо. Обещаю, больше он тебя не потревожит.

– Но ведь он сказал правду, – тихо произнесла Малеста. – Ты используешь меня.

– Что ты такое болтаешь?

– Я давно догадалась. Некоторые из твоих знакомых были столь открыты, что называли суммы передаваемых чеков, но в приходно-расходной книге, что ведёт твой бухгалтер, этих сумм я не видела.

– Не забивай свою голову цифрами, тем более что ты в этом ничего не понимаешь, – ответил Джейкоб. – Все взносы учтены, и бухгалтерия ведётся с точностью до единого пенни.

– Видимо, я действительно что-то недосмотрела. Я не очень сильна в счёте.

Леди Андервуд отвернулась от мужа и взгляделась в ночь за окном, но придвинувшийся к супруге Джейкоб коснулся рукой красивого подбородка, властно сжал его пальцами и развернул к себе.

– Ты делаешь мне больно, – прошептала Малеста, но Джейкоб её совсем не слушал.

– Кажется, я только сейчас понял, как сильно люблю тебя...

Его пальцы сжали её лицо сильнее, и Малеста вскрикнула.

– Я хочу тебя, – завороченно произнёс Джейкоб, его рука дрогнула и скользнула вниз, похотливо поглаживая платье и едва сдерживаясь, чтобы не сорвать его немедленно.

Малеста поёжилась и вжалась спиной в сидение.

– Мне нехорошо, – пробормотала она.

– Последние месяцы тебе слишком часто бывает нехорошо, моя дорогая. – Джейкоб стянул ткань платья с плеча жены и коснулся губами бархатистой кожи. – Но в выходные я встречался с доктором Уотнером, и он уверял меня, что твоё здоровье в полном порядке.

– На сегодняшнем приёме шампанское было чересчур... сладкое. И, кажется, оно сильно ударило мне в голову. – Малеста говорила с придыханием, одновременно пытаюсь отстранить от себя напористого мужа.

– Вот и прекрасно, – необычно ласково для себя протянул Джейкоб, игнорируя сопротивления. Они не шли ни в какое сравнение с его силой, и остановить их было проще, чем прихлопнуть муху. – Ты чересчур напряжена. Расслабься. Не думай ни о чём. Я сделаю всё сам.

Малеста поморщилась и попробовала натянуть платье обратно на плечо, но Джейкоб накрыл её руку своей.

– Не надо... Не здесь, не сейчас... – умоляла она.

– Отчего же? Именно здесь и сейчас. – шептал Джейкоб, водя руками по изгибам совершенного тела и распуская шнуровку. – Я безумно хочу тебя. Я даже и забыл, какая ты... Забыл, как пахнут твои волосы и какие на вкус твои губы.

Его слова срывались неспешно. Так, что он едва узнавал собственный голос. Ни с одной женщиной подобного никогда не было, и оттого Джейкобу становилось страшно. Но желание обладать той, кто сводит с ума каждого мужчину, хоть раз посмотревшего в её сторону, превратило Джейкоба в зверя. А вид её глаз, устремленных на него, её потемневший, словно застывший от ужаса, взгляд привели его в себя, и мучительная

бессвязность сменилась гневом.

– Разве это так неестественно? – проговорил Джейкоб сквозь зубы. – Разве так неестественно желать собственную жену?

И он потянулся вперёд, желая сорвать страстный поцелуй, но поцеловал не губы, а тонкую твёрдую линию стиснутых губ, и внезапно почувствовал, как её руки отталкивают его лицо.

– Не смей! – задыхаясь, сказала она.

– Моя жена сопротивляется?

– Не надо, прошу.

– Я тебе настолько противен? Может, у тебя есть любовник? А, может, даже не один? Да. Точно. У тебя есть любовник. Если бы это было не так, ты не была бы такой... дурочкой.

Выражение её глаз изменилось, но Джейкоб этого даже не заметил. Он слишком резко вернулся к привычной ему свободе выражений.

– Ты сейчас меня оскорбил.

– Я имею на это полное право. Или ты забыла своё место? Забыла, кто ты и из какого дерьма я тебя вытащил?

– С тобой я попала в ещё большее дерьмо.

– Хочешь обратно в Сохо? В грязь, где повсюду крысы, вонючие кошки, шарманки и пёстрые лохмотья? Мой сынок тоже любитель тамошней грязи и шлюх. Вы были бы отличной парой.

– Прекрати. Я не желаю тебя слушать.

– А я не желаю говорить. Но я по-прежнему хочу то, что принадлежит мне и в чём ты не можешь мне отказать.

Сильные руки задрали подол платья.

– Перестань, – едва дышала Малеста. Пальцы скользнули по дверце, нащупали ручку. Та легко поддалась, и холодный ветер ворвался в образовавшуюся щель, принося с собой запахи болот и надвигающегося дождя.

– Не любишь мягкие подушки? Предпочитаешь пыльные каморки и гнилые листья? Какой же я был идиот, что всё это время окружал тебя роскошью. Мой сын в этом отношении превзошёл меня, поимев тебя в лачуге у старой кошёлки Мерит. Что ж, никогда не поздно исправиться.

Джейкоб поднял с пола упавшую трость и постучал ей в крохотное оконце, через которое просматривалась спина кучера. Кучер понял знак и остановил лошадей. Джейкоб пинком распахнул дверцу и вытолкнул жену на улицу.

Неприятный ветер тут же укусил за обнаженные плечи. Малеста обхватила себя руками, придерживая расшнурованное платье и разболтавшийся корсет. Вокруг было темно и сыро и шумели деревья. Где-то вдалеке простонало болото, и Малеста задрожала от страха.

– Жди здесь, – бросил Джейкоб кучеру.

Тот кивнул. До дел господ он был равнодушен, интересовался только жалованьем, а на последнее хозяин был щедр, так стоило ли вмешиваться? Тем более то была обычная ссора между мужем и женой. В местах, откуда кучер был родом, такие ссоры были на каждом шагу и часто заканчивались побоями. Единственное, о чём он жалел, так это то, что окна Девонсайда уже начинали просматриваться сквозь лесную чащу. Неужели хозяева не могли потерпеть и устроить разборку по прибытии домой? Зачем ругаться, насквозь промерзая, если с тем же успехом это можно делать в тёплой гостиной у камина?

– Идём. – Джейкоб схватил Малесту за руку и потащил за собой.

Острые камни впивались в подошву туфель и больно жалили. От влажной травы промок подол платья, и причёска растрепалась на ветру. Одна из лент зацепилась за ветку дерева и так и осталась на ней висеть извивающейся змейкой.

– Куда ты меня ведёшь? – выкрикнула Малеста и в тот же миг оказалась прижатой спиной к стволу широкого дуба. Неровная кора распоролась тончайший шёлк и кружево и впилась в кожу. Малеста снова вскрикнула, но Джейкоб тут же закрыл ей рот жадным поцелуем.

Он всегда считал её своей игрушкой, на которую предпочитал смотреть, но которую боялся трогать. Даже в редкие минуты интимной близости Джейкоб чувствовал себя не в своей тарелке. Ему казалось, что он может что-то сломать или испортить, или просто перестать относиться к жене как к бесценному сокровищу. Он никогда не видел в ней женщину, но просто красивую часть интерьера, и осознание того, что подобная красота принадлежит лишь ему одному, тешила его самолюбие.

– Тебе нравится? – хмыкнул Джейкоб, оторвавшись от прохладных губ, пахнущих малиной и не растерявших ещё сладкий привкус выпитого вина. – Конечно, нравится, а как же иначе... Ведь сейчас я делаю всё так, как ты любишь.

– Что ты несёшь? – выплонула в лицо мужу Малеста.

– Ещё скажи, что ты не зажималась с ним под деревом в Аскоте. Скажи, что всё было не так.

– Ты пьян.

– А ты – распутная девка, чьё место в канаве, а не в моём доме.

– Так отправь меня в ту канаву. Может, там я буду счастливее, чем в твоей золотой клетке. Не придётся улыбаться всем подряд только потому, что ты этого хочешь. Не прикрывайся благими намерениями – я всё знаю. Ты никогда ничего не делаешь просто так. Ни ты, ни те люди, которые тебя окружают. Твой сын...

– Замолчи. Ты вскружила ему голову, сделала из него ручного щенка, готового вилять хвостом по одному лишь щелчку пальцев.

– И его интерес ко мне, видимо, нарушил многие твои планы.

Джейкоб тяжело засопел.

– Так, значит, ты сделала это намеренно? А этот идиот купился и побежал за юбкой вместо того, чтобы слушать отца?

– А что он мог от тебя услышать? Как использовать близких людей или даже убивать их ради обогащения? Или как уходить от ответственности? И не смотри на меня так. Я же сказала – я знаю всё. Деньги фонда принадлежат мисс Кларе Рив, как бы ты ни старался это скрыть. Ей же принадлежит и имущество твоего друга Бигота. Я долго молчала, но теперь выскажу всё тебе в лицо. Ты – страшный человек, Джейкоб Андервуд, и я не желаю тебя больше знать.

Сильные пальцы, оставившие синяки на запястьях, теперь крепко сжали плечи.

– Да ты, я смотрю, вовсе не скучала за книжками все эти годы, как говорила мне.

– Ты снова делаешь мне больно.

– Ты это заслужила. Слишком много совала нос туда, куда не следовало. Настроила против меня сына и теперь хочешь сбежать?

– Я просто хочу жить своей жизнью, не зная больше ни тебя, ни тех, кто тебе подобен. Я устала от грязи, которой ты меня окружил. А что до твоих секретов – я не одна знаю, как

обстоят дела на самом деле.

Джейкоб выругался и толкнул Малесту на землю. Охнув, та упала, ободрав руку о камень.

– Что ты наболтала Тиму? Говори!

Малеста поморщилась от боли в боку и на локте.

– Ничего.

– Врёшь.

– Твоё право так думать. Но мне и говорить ничего не понадобилось: твой сын достаточно любопытен и наблюдателен, чтобы с первого же намёка начать рыть в правильном направлении.

В один шаг Джейкоб оказался рядом с женой. Грубо схватил её за волосы и дёрнул на себя.

– Ты играешь мной, да?

Ненасытная страсть, разбушевавшаяся по пути из Лондона на Девон, сменилась безудержной яростью, остановить которую было уже не под силу. Даже красивая женщина, в тот момент беспомощная и своим видом даже жалкая, ничего не могла сделать, потому что именно в эти минуты Джейкоб ту красоту не обожал и не боготворил, а презирал и готов был топтать ногами. Он только сейчас понял, что, что бы он ни воображал себе, эта женщина никогда не принадлежала ему ни мыслями, ни телом. Вещь, которая никогда не должна была задавать много вопросов, чего-то желать и мыслить дальше, чем смена блюд к обеду, вдруг оказалась с душой и сердцем.

Чёрная в ночной темноте листва деревьев снова зашумела на ветру, и в который раз заволновались болота. Закачались высокие камыши, и месяц в небе пролил на землю немного серебра.

– Вставай. Мы едем в Девонсайд. Там я решу, что с тобой делать, – приказал Джейкоб, развернулся и пошёл по направлению к экипажу, одиноко торчавшему посередине дороги.

Оставленный с лошадьми кучер сидел в той же позе, что Джейкоб его оставил. Возвращению хозяина он был несказанно рад – хотелось уже вернуться в тёплый дом и завалиться спать. Однако хозяин вернулся один, и кучер завертел головой по сторонам, пытаясь разглядеть в темноте, за каким же деревом спряталась леди Малеста.

Джейкоб не торопился садиться. Повернувшись в сторону лесной чащи, он нетерпеливо переминался с ноги на ногу. Упрямство Малесты раздражало, и Джейкоб сплюнул на землю горечью. Подобная злость посещала его впервые; даже заметив подвязку жены среди вещей сына, он скорее был растерян, чем разгневан. Возможно, он бы и простил ветреность женщины, которая его никогда не любила, если бы она сегодня оказалась покладистой и позволила Джейкобу утолить свой голод. Но она изобразила из себя жертву, хотя на деле была обычной уличной девкой, которой вдруг улыбнулась удача. Среди всех своих любовниц Джейкоб не знал ни одной, которая позволила бы себе вести себя подобным образом. Но эта женщина... эта роскошная женщина... была чем-то особенным, и от этих мыслей у Джейкоба ныло сердце.

По дороге прошелестели мелкие камешки, подгоняемые ветром; закрутился слабым вихрем песок. Совсем неподалёку послышались лошадиное ржание и топот копыт. Последний нарастал, и из темноты ночи прямо на Джейкоба вылетела взмыленная лошадь и наскочила бы, забив копытами до смерти, если бы не всадник. Тот ловко увёл лошадь в сторону, и та встала как вкопанная. Джейкоб всмотрелся в ночь. В увиденное ему верилось с

трудом, и впервые в жизни Джейкоба обуял страх от встречи с сыном.

– Где она? – выкрикнул Тим, прыгивая на землю. – Что ты с ней сделал?

– Оставь мою жену в покое, – прорычал Джейкоб, не сдвинувшись с места.

– Это тебе стоит оставить её в покое. Она тебе не жена.

Джейкоб криво усмехнулся.

– Ты и это знаешь. Далек же ты зашёл.

– Куда мне до тебя... И до твоих преступных схем.

– Ты должен понимать, что всё это делается во благо нашей семьи.

– Тебе не хватает денег? Сколько ещё нужно, чтобы ты успокоился? Я заплачу. Только отдай мне её.

Джейкоб готов был взорваться истерическим смехом.

– Болван. Она играла тобой, приблизила к себе лишь для того, чтобы настроить против меня, чтобы разрушить нашу семью и разобщить нас.

– Уже давно всё разрушено, отец. Ещё тогда, когда умерла мама, а, может, и раньше. Ни ты, ни я никогда не пытались жить дружно, а, значит, нечего винить в нашей вражде ни в чём неповинную женщину.

– Она так сильно вскружила тебе голову? Наболтала про фонд, про Клару Рив и дурака Бигота? А ты поверил недалёкой бабе и поставил под сомнение дело своего отца?

– И не ошибся. Ты намеренно молчал и делал так, как тебе нужно. Знал, кому мать предназначила деньги фонда, не мешал ей, позволил подготовить все бумаги, а потом подкупил гнилого Крокенса, заставил его прикрыть контору, навсегда замолчать, а деньги распихал по своим карманам. Ведь всё было именно так?

Джейкоб ухмыльнулся.

– А я думал, ты только девок можешь за грудь мять... А теперь, дорогой сын, остынь и подумай на трезвую голову. Ты готов просто так подарить львиную долю нашего состояния девке, чьё имя слышишь первый раз в жизни? Ты даже не видел её! Чем она заслужила такую щедрость? Наша семья веками создавала то, что мы имеем, складывала кирпичик к кирпичику, а обычная нищенка, без имени и без рода, придёт и в одночасье получит всё только потому, что так захотела твоя мать?

– Зато тебе, видимо, отлично известно, кто она такая, раз ты так смело говоришь о её низком положении.

В эту минуту Джейкобу вдруг стало ясно, что он сильно недооценивал сына.

– Допустим, – выдавил он. – Допустим, я знаю, кто она такая. Что дальше? Ты потребуешь у меня детали и рванёшь к ней, чтобы положить к её ногам богатство? Дурак. Ты станешь посмешищем в глазах всего общества. Тебя будут обходить стороной, и перед тобой будут закрываться двери. Ты лишишься всего. Подумай хоть раз, что ты оставишь своим детям после своей смерти. Может, тогда твоё рвение уже не будет столь бездумным. Надеюсь, ты меня понял.

– Я тебя понял, – проронил Тим. – И я действительно не знаю, кто такая Клара Рив, и не понимаю, почему мать была к ней столь добра. Возможно, на то была своя причина, но сейчас меня заботит другая женщина. И я здесь, чтобы договориться с тобой. Если тебе нравится обманывать других – продолжай! Но не тяни меня и Малесту в это болото. Отпусти её, и я забуду наш разговор.

Джейкоб ревниво прищурился.

– Ещё есть варианты?

– Иначе я за себя не отвечаю.

Джейкоб обогнул экипаж и распахнул дверцу.

– Как видишь, её здесь нет, – хмыкнул он и подцепил пальцами трость, оставленную на сидении.

– Куда ты её дел? – В голосе Тима поселилась паника. – Говори.

Крепко сжав трость в руке, Джейкоб сделал несколько шагов и встал за спиной сына.

– Хорошо же она тебя охмурила... А ведь, если подумать, обычная баба...

Тим резко обернулся и тут же получил удар тростью в живот. Согнувшись от боли, тряхнул головой и попробовал разогнуться, как второй удар пришёлся на спину и ещё один сбил с ног. Оказавшись на земле, Тим сплюнул попавшим в рот песком и посмотрел на возвышающегося над ним отца. Лицом тот был строг и намерениями серьёзен.

– Этой штукой я могу размозжить тебе голову, – сказал Джейкоб, приставив металлический конец трости ко лбу сына, – и я это сделаю, если ты не остановишься.

– Она не любит тебя. Ты ей противен.

– И что? Разве мне нужна её любовь? Если бы была нужна, я бы на ней женился, а не завёл её к себе в спальню обманом.

– Зачем же ты это сделал?

– А затем, мой дорогой сын, что, сколь бы красива ни была женщина, с ней нельзя появиться в нашем глубоко консервативном обществе, если у отношений нет официального статуса. Кто бы тогда поверил, что она имеет отношение к семейному фонду? Кто бы согласился выписать тому фонду хоть один крохотный чек?

– И ты заставил всех поверить, что она твоя законная супруга? Организовал церемонию, а потом уничтожил все записи о браке?

– Я не мог позволить, чтобы даже мизерная часть нашего состояния вдруг оказалась в руках уличной дешёвки. Я и так подарил ей слишком много всего, включая платья и дорогие украшения. Только за это она должна целовать мне ноги, а не разыгрывать из себя опороченную леди.

– Ты поступил подло.

– И мне придётся поступить ещё подлее. – Джейкоб замахнулся тростью. – Прости, Тим, но ты слишком много знаешь...

Однако Тим был начеку. Резко вскочив на ноги, он с криком набросился на отца, повалил его на землю, и оба принялись барахтаться в пыли. Обомлевший кучер спрыгнул с козел и скрылся в лесной чаще, неистово крестясь и мысленно давая себе обещание больше никогда не соваться в Девонсайд и к этой семейке, в которой посреди ночи отец и сын убивают друг друга.

Десятки мелких и острых камешков впились Тиму в спину, стоило Джейкобу одержать верх и припечатать сына к земле. Его сила была удивительной, и Тиму оставалось только брыкаться и пытаться разжать пальцы отцовских рук, которые уже сдавили шею. Выходило плохо, и Тим сумел глотнуть воздуха только, когда отец сам это позволил и ослабил хватку. Однако уже в следующую секунду его кулак пришёлся на висок Тима. Перед глазами помутнело, а когда Тим пришёл в себя, то отец уже шарил рукой рядом с собой, пытаясь нащупать откатившуюся в траву трость.

Собравшись с силами, Тим попробовал столкнуть с себя отца, как вдруг тот взвизгнул, словно собака, которой наступили на хвост, и повернул голову в сторону. Вместе с ним повернулся и Тим.

Колыхавшаяся на ветру юбка впечатления не произвела, зато широкий каблук, впечатавший ладонь Джейкоба прямо в землю и давивший с таким рвением, словно желал раздробить кости на мелкие кусочки, заставил на мгновение забыть обо всём, даже о боли. И не только Тима. Изумленный Джейкоб бестолково дёргал рукой, пытаясь высвободиться, но в это мгновенье раздался глухой звук. Джейкоб тут же обмяк и шмякнулся на сына, закатив глаза.

Тим облегчённо выдохнул, закашлялся, а после напрягся, скинул с себя отца, поднялся на локте и сплюнул кровью.

Над ним стояла Малеста. Растрёпанная, в местах порванной одежде и даже с камнем в руке, который она тут же бросила в песок, она всё равно была прекрасна и походила если не на королеву, то на лесную фею, вышедшую из чащи, чтобы прийти на помощь. И правильно было бы броситься к её ногам и поблагодарить за спасение, но Тим, всё ещё неистово кашляя, приложил пальцы к шее отца и нащупал пульс.

– Он дышит, – выдавил он.

– Простите, – только и смогла прошептать Малеста и осела рядом на песок. – Я чуть не лишила вас отца.

– Для вас это, видимо, дело привычное – бить по голове всякого, кто вам не нравится.

Малеста вяло улыбнулась и провела дрожащей рукой по перепачканному в крови и песочной пыли лицу Тима.

– Я не могла позволить вам этого сделать. Ваш удар мог бы оказаться роковым...

Тим отнял руку Малесты от своего лица и поднёс худенькие, холодные пальчики к своим губам.

– И почему я опять считаю вас ангелом?

– Наверно, потому что вы его никогда не видели.

– Теперь вижу, – выдохнул Тим и подался вперёд.

Внезапный поцелуй получился по-мальчишечьи неловким, стеснительным и рваным. Малеста ему не противилась, но и не ответила ни одним встречным движением. Она застыла ледяной статуей, и Тим впервые в жизни почувствовал себя виноватым. Как будто сорвал в чужом саду красивый цветок и спрятал его за спину. Он даже не понимал, зачем это сделал, но желание хоть как-то выразить свои чувства к этой женщине было столь велико, что он просто не смог сдержаться.

Вдалеке заволновались желто-оранжевые огоньки, и вскоре на дороге послышались голоса и лай собак. Зажженные факела облепили Тима и Малесту, словно рой светлячков, и они оба зажмурились, а когда Малеста открыла глаза, то Тим снова смотрел на неё. Его губы разомкнулись, и она услышала всего шесть слов, но и тех хватило, чтобы понять, что сейчас предстоит время тяжёлых откровений.

– А теперь я хочу знать всё.

Глава 21. Весь мир – театр

Первые слова готовы были сорваться с губ Малесты, но помешал Джонатан. Разбуженный перепуганным кучером, всё же завернувшим в Девонсайд и поднявшим на ноги весь дом, он выскочил на улицу, даже не одевшись как следует, лишь накинув на плечи первое попавшееся на глаза. Тем первым оказался плащ, в котором Джонатан по осени наведывался на болота и в лес, чтобы собрать клюкву и корзинку-другую грибов. За Джонатаном едва поспевали ещё двое слуг и почему-то Ева.

– Вы в порядке?

Переположенный Джонатан первым делом подскочил к Малесте, сдёрнул с себя плащ и накинул его на оголенные плечи хозяйки. И только потом соизволил повернуть голову в сторону лежавшего на земле хозяина и сидевшего рядом побитого Тима.

– Что с сэром Джейкобом? – Только и был вопрос. И задан он был таким равнодушно-ледяным тоном, что Тим сразу понял: о смерти отца дворецкий жалел бы меньше всего на свете.

– Попал под лошадь, – в ответ буркнул Тим и попытался подняться. Голова закружилась.

– А что с вами, сэр?

– А я упал с лошади, – бросил Тим и стряхнул пыль с брюк.

– Мистер Андервуд многое знает, Джонатан, – неожиданно произнесла Малеста. – Нам нет причины больше молчать.

Нам? Тима передёрнуло. Он пытался вырвать женщину, которая впервые в жизни заставила его сердце неровно биться, из лап своего отца и совсем забыл об усатом пингвине. Неужели, победив тигра, он проиграет индюку?

– Действительно. Вам нет причины больше молчать. Что за спектакль вы устроили? Зачем чуть не заставили меня расписаться в собственном сумасшествии? Чего вы добивались? И кто такая Бетси, в конце концов?

– Так вы вспомнили, – улынулась Малеста.

– Такое не забыть, – буркнул Тим.

Оттолкнув Джонатана от мачехи, он коснулся руками завязок на плаще и перевязал их так, как нравилось ему, а не как впопыхах соорудил проявивший заботу дворецкий. Не желая терпеть усатого соперника рядом, Тим отрывисто бросил в его сторону:

– Займитесь отцом. Его надо срочно отвезти в дом. И отправьте кого-нибудь за доктором. Вот моя лошадь. – И, вновь устремив взгляд на Малесту, требовательно произнёс: – Я готов слушать.

– Прямо здесь?

– Да. Чем раньше я во всём разберусь, тем спокойнее смогу смотреть на вас, потому что сейчас я не знаю, что мне делать: продолжать ли считать вас ангелом и злиться за что-то, в чём я ещё не до конца разобрался.

– В таком случае задайте свой первый вопрос. Что бы вы хотели узнать первым делом?

Первым делом он хотел бы знать много чего, начиная с подозрительных отношений с пингвином-дворецким и заканчивая тем, кто же такая эта странная Бетси, явившаяся одним дождливым вечером в дом Андервудов, но вслух почему-то спросил:

– Я вам хоть немного симпатичен?

От такого вопроса замерли все, включая дворецкого. Тот даже отцовскую трость из рук выронил, и она звякнула о камни.

Малеста стыдливо заозиралась.

– Да или нет? И почему вы смотрите в сторону Джонатана? Ищете в его взгляде подсказку? Вас двоих что-то связывает?

– Я думала, вы спросите о Бетси, – как бы невзначай намекнула Малеста.

– Бетси, Бетси... Сдалась мне эта ваша Бетси, если у вас нет ко мне никаких чувств. Ваша симпатия – всё, что меня действительно волнует.

– Но вы так настойчиво искали правду.

– Искал, но так ничего и не понял. Служанка, умершая почти двадцать лет назад на болотах, но явившаяся передо мной, чтобы погадать на картах... Некто мисс Клара Рив, получившая от матери наследство в несколько тысяч фунтов... А чего только стоили то открытые, то закрытые двери у миссис Мерит и перекопанные горшки! Я, знаете ли, всегда считал, что я в своём уме, но в тот момент даже я усомнился.

Малеста прыснула от смеха.

– С дверями и правда вышел перебор, но совершенно случайно.

– Так вы и к этому причастны? – Тим сделал шаг назад и скрестил на груди руки. – Я никуда отсюда не двинусь, пока не узнаю правду.

– Вы же только что сказали, что вам важнее всего моя к вам симпатия.

– Её у вас ко мне нет – это я уже понял, так что сменим тему. Выкладывайте всё начистоту и молитесь, чтобы я не озверел от гнева.

– Лучше вначале скажите, как вы теперь намерены поступить, зная столько всего?

– Если вы о фонде и бухгалтерских махинациях отца, то мне нужно время со всем разобраться. Деньги замешаны немалые, но я попробую всё уладить, не раздувая скандал. Если о загадочной Кларе Рив, то я непременно разыщу её и вначале на неё посмотрю, а потом решу, заслуживает ли она такого роскошного подарка. А если вы о себе, то, во-первых, вы свободны и можете жить той жизнью, какая вам нравится, а, во-вторых, как только вы проникнетесь ко мне чувствами, позволяющими нам спать в одной постели, я женюсь на вас и сделаю это официально. И не заносите руку для очередной пощёчины – на моём лице и так живого места нет.

– Я лишь хотела убрать с вашей щеки мушку, – ответила Малеста и согнала мелкое насекомое, уже обосновавшееся под глазом для подлого укуса. – Так вы намерены разыскать Клару Рив... А если я скажу вам, что она рядом?

Тим почесал затылок.

– Только не говорите, что мисс Рив – это...

– Я – Клара Рив, – услышал Тим робкое.

Рядом стояла Ева и водила носком башмака по песку.

– Это моё настоящее имя, – добавила она, предугадав вопрос. – Не Ева, а Клара, хотя имя Ева мне тоже нравится, и, дядя говорит, оно мне очень идёт. Фамилия у меня по матери – не по отцу, но если вам интересно, то её звали Элизабет Рив. Мисс Элизабет Рив.

– Бетси? – выпалил Тим, сложив элементы задачи в уме.

– Именно, сэр. Моя матушка сделала в жизни много ошибок, но самой большой было довериться такому человеку как сэр Реджинальд Бигот.

Мысли путались, глаза бегали из стороны в сторону.

– Но если ты – дочь служанки миссис Мерит, то твой отец...

Ева кивнула.

– Именно, сэр. Получается, мы с вами родственники по линии вашей матушки, и я этому безмерно рада. Я всегда мечтала иметь такого брата, который будет баловать меня модными заколками, бусами и братскими поцелуями.

Тим перевёл дыхание.

– Получается, моя мать была знакома с твоей и вообще была в курсе всей той истории?

– Да, сэр. Мисс Бетси Рив знала хорошую жизнь у миссис Мерит и собиралась выйти замуж за мистера Хиггинса, но как-то раз ваши родители и сэр Реджинальд Бигот приехали погостить в Золотые Буки. Ваш дядя и моя мать понравились друг другу и стали тайком встречаться. Миссис Мерит воспротивилась их связи, но матушке бесполезно было что-то говорить. Она была одержима сэром Биготом, делала всё, что он ей говорил, и следовала за ним всюду по пятам.

– Откуда ты это знаешь?

– От миссис Мерит, мистера Хиггинса и моего дяди, сэр. Эти трое людей и ваша мать всегда была рядом с моей матушкой, пытались спасти её, но в какой-то момент всё пошло совсем не так, как пишут в романах со счастливым концом.

– Со старушкой Мерит и продавцом мужского платья я имел несчастье столкнуться лицом к лицу, а вот вашего дядю не знаю. Что если он такой же подлец, как и мой дядюшка Реджи? Тоже обвёл всех вокруг пальца, но в свою пользу, наболтал невесть чего...

– П-простите, сэр! – воскликнул Джонатан, и будь в его глазу в ту секунду вставлен монокль, стекло обязательно треснуло бы.

Тим окинул дворецкого недовольным взглядом. Усатый индюк, не способный даже завязки завязать на плаще дамы как следует, посмел вмешаться в увлекательную беседу, когда должен был заниматься совсем другим делом.

– Не мешайте, Джонатан! И что вы там такого натворили, что я должен вас прощать?

– Вы изволили назвать меня подлецом, сэр! Такое оскорбление я ещё никогда не получал и говорю вам прямо, что сейчас я разрываюсь между тем, чтобы проглотить обиду, и тем, чтобы немедленно уволиться! Вы останетесь без дворецкого!

Без дворецкого, пусть и самого усатого и противного, в Англии жизнь была невыносима. И если бедные семьи первым делом в новый дом запускали кошку, то уважающие себя джентльмены – чопорного батлера.

– Погодите, Джонатан, вы хотите сказать, что вы и Ева... простите, вы и Клара – родственники?

– Элизабет Рив – моя младшая сестра, и это из-за неё мне пришлось бросить работу у сэра Хью в Мидлтоне и переехать в Девонсайд. У нас разные фамилии, но только потому, что брат и сестра лишь по матери. Отцы у нас были разные. Тем не менее я безумно любил свою сестру и не позволял никому её обижать. Однако даже моих сил оказалось недостаточно, чтобы её спасти. И после её смерти я посвятил всего себя восстановлению справедливости, и на это ушли мои лучшие годы.

– Погодите, причём здесь ваши крики о справедливости, если ваша сестра и мой дядя испытывали друг к другу взаимное притяжение?

– При взаимном притяжении люди создают семью и узаконивают свои отношения. Сэр Бигот же воспользовался слепой любовью Бетси в своих целях, а затем бросил её в положении.

– Мистер Хиггинс говорил что-то подобное...

– Позвольте мне рассказать вам, как всё было. Надеюсь, после моего рассказа вы перестанете считать меня, как вы выразились, подлецом.

Тим кивнул, и Джонатан начал:

– Как я уже сказал вам, мистер Андервуд, сэр Бигот воспользовался чувствами моей сестры, а также её умением копировать чужие почерка. Ваш дядя так страстно желал заполучить себе титул графа, что придумал план, по которому не без помощи Бетси ускорил смерть своих родственников. Благодаря этому он смог унаследовать титул и родовое поместье гораздо быстрее, чем если бы положился на естественный ход событий. Его план был прост: пользуясь доверием близких ему людей, он предлагал им свою помощь в лечении мелких болячек, проверял рецепты, выписываемые докторами, и давал советы. Чтобы смотреться серьёзно, он даже обучился медицинскому делу, но вся его помощь сводилась к тому, чтобы, заполучив выписанный рецепт, отдать его моей глупой сестре. Она в точности переписывала состав микстур, копируя каждую букву, при этом наивно полагая, что помогает, а не убивает. Сэр Бигот вбил ей в голову, что лечение может быть более эффективным, если лечить не по старинке, как делали это уважаемые доктора, а новым методом, добавляя в лекарство одно или два недавно открытых, но ещё не одобренных наукой, вещества. Так, в рецептах микстур от головной или желудочной боли вдруг стали появляться опий или мышьяк. Дозы были незначительные, и смерть наступала не сразу. Да и трудно было что-то заподозрить: в латыни моя сестра была не сильна, а доктора, лечившие родственников вашего дяди, в своих рецептах причину не искали. Они ведь точно знали, что выписали, и не рассчитывали на подделку.

– Но откуда вы это узнали?

– Я дворецкий, сэр, и по долгу профессии мне свойственно знать то, что не знают даже хозяйева.

– Я всегда знал, что за дворецкими сила... Продолжайте.

– Благодарю, сэр. Вся эта история могла длиться ещё очень долго, если бы моя сестра не забеременела. Когда о ребёнке узнал сэр Бигот, то выгнал Бетси на улицу, а на её угрозы и мольбы о помощи ответил, что, если она будет трепать языком, он выставит её виноватой за отравление своих старших сестёр и братьев. Бетси была так напугана, что предпочла не спорить. Она пришла ко мне, а вместе мы отправились к миссис Мерит. Удивительной доброты женщина снова приютила у себя Бетси. В Золотых Буках и родилась Клара, и миссис Мерит была её первой нянькой, пока Бетси приходила в себя.

– А вот и нет! – Тим поводит пальцем перед лицом Джонатана, уличая того в подтасовке фактов. – Миссис Мерит на шляпном чаепитии заявила, что, сбежав, Бетси так к ней и не вернулась.

– Миссис Мерит недоговаривала, Тимоти, – подала голос Малеста. – Мы все недоговаривали и порой даже лукавили с вами, выдавая информацию по кусочкам или заставляя вас самого её выискивать.

– Но зачем? Что вам мешало сразу сказать мне, что Бигот – подлец, а усач – мой родственник?

– Вы, сэр, – робко заметил Джонатан. – Ваш характер, ваше слепое обожание дяди и ваше равнодушие ко всему, что находилось дальше границ вашего собственного я. Но, позвольте, я продолжу о Бетси.

– Да уж извольте продолжить, уважаемый Джонатан.

– Миссис Мерит была возмущена подлостью сэра Бигота и вызвала его к себе. Она

потребовала, чтобы он признал ребёнка и женился на Элизабет. Тот пообещал, но, как только вышел за порог, тут же расхохотался и в компании вашего отца всю ночь пил виски, обсуждая наглуемую старуху и не менее нахальную служанку. В то время я уже работал в Девонсайте, поэтому мог слышать их разговор беспрепятственно. И услышал не только я, но ваша мать. Она была прекрасной женщиной с чутким сердцем. Желая помочь, она выговорила всё, что думала, сэру Биготу и сэру Джейкобу. Она настояла на том, что сэр Бигот должен обязательно встретиться с Бетси и предложить ей как минимум достойную помощь.

– Это было бы благородно.

– Ваш дядя поначалу согласился, но именно в тот момент моя сестра окончательно обезумела и с ребёнком на руках снова сбежала от миссис Мерит. Люди говорили, что видели её на тракте или болотах, но точное место никто не называл. Шли дни, ваш дядя всё сильнее жалел о своём обещании, а ваш отец всё больше склонял его к мысли, что от Бетси и её ребёнка надо избавиться. И однажды ваш дядя пришёл к миссис Мерит, заверил её в своём раскаянии и выпытал у слуг, где они видели Бетси последний раз. У миссис Мерит в тот день гостил мистер Хиггинс, и он пожелал помочь сэру Реджинальду с поисками. Вместе они пошли на болота – там и случилось роковое.

– Хиггинс говорил, Бетси оступилась и упала в болото.

– Она не упала, сэр. Её толкнули. Толкнул ваш дядя, воспользовавшись моментом, когда мистер Хиггинс был далеко и толком ничего не видел.

– Вы так смело его обвиняете.

– Я слышал, как он хвастался этим перед сэром Джейкобом. Позже он пытался разыскать в пещерах ребёнка, но судьба была благосклонна к Кларе. Её подобрал священник, прогуливавшийся по пустошам. Он и отдал девочку в сиротский приют. Там ей дали имя Ева, а мне понадобилось почти семнадцать лет, чтобы найти её.

– И вы были уверены, что сирота из приюта, каких вокруг пруд пруди, и есть ваша потерянная племянница?

– Да, сэр. Среди вещей, переданных мне управляющей дамой, было вышитое одеяльце, подаренное Кларе миссис Мерит, заколка моей сестры, купленная мной лично на ярмарке в Девоне, и тот самый рецепт микстуры от головной боли, содержащий опий вместо полезных трав, понять который вы не могли и спрашивали у меня справочник по медицинской латыни.

Тим подался к Малесте и полным злости шёпотом процедил:

– Тот, который якобы выпал из кармана платья?

– Я всё объясню, – тоже шёпотом, но полным вины, ответила та.

– Да уж я от вас не отстану, – пообещал Тим и вновь обратил свой взор на Джонатана, продолжавшего рассказ.

– Когда я забрал Клару, то устроил её горничной в Девонсайд. Узнав свою историю, она пожелала встретиться с отцом. Тот к тому времени уже давно заполучил и графский титул, и замок, но из замка вылезал редко, разве что к сэру Джейкобу на партию в бильярд. Клара написала письмо с просьбой о встрече, а когда в назначенный день приехала, то сэр Бигот был уже мёртв. Он умер в своей спальне, перед зеркалом, и последнее, что он сделал, это сжёг то самое письмо. Возможно, ему просто стало стыдно.

– Но теперь вы можете вздохнуть свободно. Денег, предназначенных для вашей племянницы, достаточно. Вы можете жить безбедно всю оставшуюся жизнь и постараться забыть о том, что вам пришлось пережить. Да-а. – Тим задумался. – Если бы я не нашёл то

завещание...

– Если бы я не подложила его вам... – поправила Малеста и, поймав на себе взгляд, содержащий вопросов больше, чем воды в море, перехватила инициативу рассказчицы у Джонатана. – Оно обнаружилось случайно. Мой чулок зацепился в комод за какой-то гвоздик. Я долго не могла понять, что там и к чему, и, вытащив вещи, попросила Джонатана разобраться. Он-то и обнаружил тайник вашей матушки. И он же объяснил мне, кто такая Клара Рив. В тот день я и решила взять дела фонда на себя. Таким способом я могла хоть как-то отслеживать нечестную игру Джейкоба, а заодно и искать дочь Бетси.

– Ваша матушка была доброй женщиной, – добавил дворецкий. – Она до последнего корила себя, что не смогла уберечь Бетси от рук вашего дяди. И до последнего верила, что Клара жива. Несколько раз она обращалась к вашему отцу и сэру Реджинальду с просьбой разыскать девочку, но те только отмахивались. Она искала сама, но её поиски не увенчались успехом. Тогда она решила сделать хоть что-то, а именно, составила это завещание. Она говорила мне о своих намерениях, но я не поверил, да и никаких бумаг после её смерти не обнаружилось, как и адвоката, ведшего дело.

– Да уж... – протянул Тим. – Первые оказались слишком близко, а последний – слишком далеко и с увесистой взяткой. Когда вы обнаружили бумаги, почему не обратились к отцу? Чего вы боялись?

– Думаю, вы и сами знаете ответ, сэр.

– Вы боялись моего отца?

– Именно. Ни я, ни моя племянница, ни леди Малеста не были достаточно подкованы в юридических вопросах. Не знали мы и к кому из адвокатов обратиться. Вначале мы осторожно искали того самого мистера Крокенса, но тот словно сквозь землю провалился.

Тим ухмыльнулся.

– Отец хорошо постарался. Он знал о завещании, умело усыпил бдительность матери, а затем принял необходимые действия.

– Вот видите, сэр, без вашей помощи мы бы никогда этого не узнали. Мы боялись, что если начнём действовать активно, ваш отец заподозрит неладное. За себя я не боялся. За Клару тоже. Её всегда была готова приютить миссис Мерит, да и мистер Хиггинс предлагал ей место помощницы у себя в магазине. Но за леди Малесту я переживал. Когда умерла ваша матушка, мы меняли обои в её спальне и разбирали старые вещи. Среди флаконов с духами оказался пузырёк с нашатырным спиртом. Я случайно капнул на зелёные листья рисунка, а те вмиг посинели, и тогда мне стало понятно, что причиной слабого здоровья вашей матери был обычный мышьяк. Не буду говорить, чьей идеей было подобное зверство, – вы и сами обо всём догадались, но правду нужно было как-то вытащить наружу, и мы долго ломали голову как. А потом пришло письмо, что вы приезжаете в Девонсайд, в тот вечер и родился сценарий. Мы знали, что вы с отцом не в ладах и плясать под его дудку не будете. А ещё мы были уверены, что всё, что вы узнаете, дальше вашей головы не пойдёт, и ваш пытливый ум обязательно докопается до правды.

– А рассказать мне всё в день моего приезда? Отца как раз не было дома, и я бы с удовольствием вас выслушал.

Пришла очередь Малесты взять на себя объяснения.

– Выслушали бы? Вы уверены? Это сейчас вы нас слушаете, а в тот день вы явились в Девонсайд испорченной мальчишкой и с одной единственной целью. Вы испытывали ко всем вокруг лишь ненависть и презрение, и вы бы не стали нас слушать. Мы подкидывали

вам ключик за ключиком, встряхивали вас и заставляли нервничать. Это вас злило, но вы не сдавались.

– Получается, вы мной пользовались.

– Вы можете назвать это так, но это был единственный способ заставить вас сочувствовать и смотреть дальше своего носа.

– А гадалка, назвавшаяся Бетси? Кто был в её облике? Вы? – Тим посмотрел на Малесту.

– Это была одна моя знакомая. Тоже актриса из Сохо. Она одержима игрой и образами и за небольшую плату готова сыграть хоть благородную леди, хоть гадалку-нищенку. Я написала ей за день до вашего приезда, и она ответила согласием. Привезти её в Девонсайд труда не составило, загримировать тоже – я как раз занималась этим, пока вы одаривали Клару братскими поцелуями за информацию обо мне. Вы вели свою партию, а мы – свою. А потом обе партии соединились.

– Так гадание на картах и прочая болтовня были сплошной выдумкой?

– Увы. Моя знакомая – большая фантазёрка. Кое-какие слова мы с ней, конечно, заучили, но гадание на картах было её идеей.

– Тогда как вы узнали, что именно я отвечал? Подслушивали.

Малеста виновато улыбнулась.

– Вы были так увлечены той беседой, что даже не заметили теней в вестибюле. Когда вы выскочили за Джонатаном, моей знакомой оставалось только сунуть в сумку карты, свой бокал и быстро выпрыгнуть через одно в сад. То было открыто заранее – нужно было только толкнуть створку. Ну а первым в гостиную вошли не вы, а опять же Джонатан. У него было достаточно времени, чтобы проверить окно и вернуть защёлку в прежнее положение.

– А дальше?

– А дальше вы повели себя как последний мерзавец. А ещё я прочитала ваше письмо. И тогда я решила, что мало просто открыть вам глаза. Нужно ещё и настроить против отца. Влюбить в себя, разозлить донельзя, заставить увидеть в отце соперника и уничтожить всё, что мне было здесь так противно. Джонатан пытался меня остановить, но я хотела идти до конца.

– Вы жестокая женщина.

– Я жила с жестоким мужчиной и терпела унижения от его жесткого сына. Так кто первый начал?

Тим выдохнул. Несмотря на холодный воздух и дождевые тучи, сгущающиеся на головой, ему было жарко.

– А чаепитие у шляпницы, ночь в Золотых буках и те кошмарные горшки с геранью... чёрт бы их побрал... это тоже всё было розыгрышем?

– Розыгрышем, который заставлял вас думать и превращал вас из зверя в человека. Мы попросили миссис Мерит и мистера Хиггинса подыграть нам. Каждый из них появился в определённый момент и сказал вам нужные слова, а ещё дал кусочек картинки, из которых вы уже выстроили единое целое. Даже Клара последние дни душилась только теми духами, которые вы нашли в каморке у Бетси, чтобы тем самым постоянно напоминать вам о ней и о необходимости дойти до конца. Мы ждали, когда количество вопросов в вашей голове будет зашкаливать, а потом я оставила вас одного у себя в спальне, предварительно открыв комод. Я знала, что вы на удержитесь и откроете тайник. Так оно и вышло. Простите нас за эту игру, но вы – единственный, кто мог бы биться с Джейкобом его же оружием. И вы – единственный, с кем мне почему-то понравилось флиртовать.

– Флиртовать? И всё? Вы делаете мне больно.

– Я вас предупреждала, Тимоти: даже у самых прекрасных цветов бывают шипы.

Тим сел на песок, обхватил руками колени и опустил голову. Так плохо ему было первый раз в жизни. Он не знал, что говорить, куда смотреть, куда идти и кому верить. Он ничего не знал и ничего не хотел. Малеста дотронулась до его плеча, но он только дёрнул им, скидывая её руку, и опять же ничего не сказал.

Он услышал удаляющиеся голоса и шаги и даже не шелохнулся. Когда к нему приблизился дворецкий и предложил помочь подняться, он только мотнул головой и срывающимся голосом сказал:

– Идите, Джонатан. Возвращайтесь домой. Уже поздно и тут очень холодно.

– А вы, сэр?

– Я ещё посижу.

– Как вам будет угодно, сэр. Для вас оставить тёплого молока?

– Лучше позаботьтесь о леди Малесте. Она сильно перенервничала, как бы не простудилась.

– Конечно, сэр.

Джонатан ушёл, а Тим ещё долго сидел на пустой дороге, дыша лесом и дрожа от холода. Поднялся он, лишь когда начался мелкий дождь. До неприятного колючий, он хлестал по лицу, словно за что-то ругал, но Тим терпел и медленно шёл по направлению к дому. Там все давно спали, и Тим, стащив с себя мокрую одежду, бросил её у кровати, залез под одеяло и долго лежал с открытыми глазами, смотря в потолок. Мысли лезли разные, и только под утро они обрели кое-какое очертание...

Тим спустился в столовую, когда горничная уже убирала тарелки. Повсюду сильно пахло лекарствами, и Тим понял, что совсем недавно из дома уехал доктор Уотнер. Приехав в Девонсайд ночью, он просидел у кровати Джейкоба до утра и был вознаграждён отличным завтраком, после которого ещё раз осмотрел Андервуда-старшего и уже тогда принял решение, что его помощь больше не требуется.

Часы в углу пробили восемь, но в доме было непривычно тихо: не шумел садовник, не сплетничали служанки под лестницей, и не сновал туда-сюда вездесущий усач Джонатан. Всё словно вымерло вокруг и не торопилось воскресать.

Тим медленно прошёл к столу, сел на стул и заткнул салфетку за воротник. В чайнике оставался тёплый чай, и Тим плеснул себе немного в кружку.

– Желаете жареное яйцо с ветчиной? – услышал он у себя за спиной и впервые улыбнулся за утро. То был голос Джонатана, а, значит, не всё в доме было так плохо.

– Пожалуй, – ответил Тим. – И распорядитесь приготовить на себя и вашу племянницу. Составьте мне компанию.

Джонатан кивнул и уже собирался отправиться на кухню, как Тим неуверенно спросил:

– А что леди Малеста? Она уже завтракала?

Ответ не заставил себя долго ждать.

– Леди Малеста уехала рано утром, сэр, когда вы ещё спали. Она просила передать, что из вещей взяла только самое необходимое и только то, что принадлежало ей и ни в коем случае кому-то из вашей семьи.

– Но... – Тим с трудом подбирал слова. – Почему?

– Вероятно, она выбрала жить той жизнью, какая ей нравится, сэр, как вы ей и

предлагали. Но в память о себе она просила передать вам это.

Джонатан протянул Тиму книгу. Это был Шекспир с его вечным «Гамлетом». Одна из страниц была заложена засушенной желтой розой, и Тим, открыв её, пробежал глазами по тексту. Стихи были ему отлично знакомы, но почему-то на одной из строчек заняло сердце. Не выдержав, Тим вскочил с места и бросился на улицу, а книжка так и осталась лежать на столе открытой.

Джонатан поправил желтую розу и разгладил страницы. Всмотрелся в текст и зашевелил губами. Всего пять слов, но он повторял их несколько раз, как будто репетировал:

– *За твой успех пьёт королева...*

три года спустя

В дверь небольшой, но уютной квартиры, расположенной в самом центре Лондона, постучали.

– Откройте, Спенсер, – распорядился Тим и закрыл чемодан.

Новый слуга, отличавшийся до безобразия идеальной исполнительностью, отложил в сторону вытаскиваемые им из книжного шкафа книги и поспешил к входной двери. Монотонное занятие, за которым Энтони Спенсер провёл последние два часа, было прервано на визит нежданного гостя.

Тим окинул взглядом почти пустую квартиру. На сбор вещей ушло почти два дня. Больше всего возились с разными мелочами, от журналов до статуэток, в итоге половину накопленного барахла Тим раздарил зевакам на улице и хозяйке. С собой решил забрать только ценное, но даже того накопилось слишком много для одного человека.

В Лондоне его давно ничего не держало. Практика у мистера Лудлоу заняла всего четыре месяца, а затем умер отец. Оправившийся после удара по голове, он всё же был так небрежен до своего здоровья, что зимним вечером вышел на улицу в одном нижнем белье. Слуги пытались его остановить, но Джейкоб был не в себе и бредил, размахивая руками и крича, что только что видел Малесту за окном. Через несколько дней доктор Уотнер диагностировал у него пневмонию, и смерть забрала его быстро и почти безболезненно.

С тех пор Тим ушёл с головой в семейные дела. Они оказались запутаннее, чем он думал, и ему не раз пришлось краснеть перед партнёрами-акционерами банка *Lloyds&Underwood*, что в конце концов ему надоело, и он предпочёл закончить дело о махинациях отца с невозвратными ссудами не путём переговоров, а заплатив крупный штраф.

После наступил черёд фонда.

Тим начал с того, что уволил бухгалтера и сам взялся за цифры. Сумма, скопившаяся на счёте, была столько велика, что у Тима даже голова закружилась. Помогли Клара и Джонатан. Они принесли в кабинет Тима поднос с горячим чаем и свежее испеченным кексом. Но даже после этого Тим не спал ещё два дня.

В итоге, всё разрешилось само собой и всего за одной бутылкой бренди. На часть денег было решено построить новую школу, а возглавить её согласилась Клара. Это чудесное создание мечтало окружить себя кучей детишек, которым она хотела дарить знания и радость. Джонатан был не прочь помочь племяннице, и, обговорив с Тимом размер ежегодного содержания, они вскоре покинули Девонсайд.

Тим остался один.

Временами он ездил в Лондон, но с друзьями встречался всё реже и реже. Генри всё же

женился на Кэтрин Пикли, и его окончательно засосала семейная жизнь. Джефф не вылезал из Милана, а Фил увлёкся садоводством и сидел у отца в Лидсе, писал книгу о том, как правильно стричь газон. Некогда шумная лондонская жизнь прекратилась, арендуемая квартира всё больше пустовала, и в один из жарких июньских дней Тим решил, что пора окончательно осесть в Девонсайте.

– Вас спрашивают, сэр, – вежливо обронил слуга, и Тим обернулся.

– Дружище! – раздалась возгласы. – Ты опять отъел морду!

– Да нет. Это свет так падает. Света здесь мало. Генри, зажги вон те свечи. Этот отшельник любит сидеть в темноте.

– А я говорю, отъел. На нём пиджак на размер больше обычного.

– Брось, Фил, это просто крой такой. Новые веяния в моде!

– Черт бы их побрал.

Тим улыбнулся.

Трое друзей – Генри, Джефф и Фил – снова были рядом, и на какое-то мгновение Тим перенёсся в прошлое. Какие же они были дураки, когда не ценили те минуты дружбы и тратили их на распутных девок и выпивку! Тим бы и дальше продолжил предаваться воспоминаниям, если бы не бодрящий хлопок по плечу. Приложился Фил – его рука всегда была самой тяжёлой.

– Собирайся.

– Да он собран, – вставил Джефф, открыв одну из книжек из стопки и пролистав несколько страниц. – Пусть только волосы пригладит – не в баню идём.

– Да-да, – подхватил Генри и зыркнул в сторону спальни. – Причешись. А то нас не пустят.

– Вы, что, обзавелись приглашениями на ужин к королеве?

– Лучше! – выпалил Фил и выдернул из кармана четыре билета. – В Сохо сегодня снова играют «Гамлета».

Тим фыркнул.

– Его играют там каждый день. Дешёвые декорации, дешёвые актёры и на сцене одни сплошные кривляния.

– А сегодня расширенная версия!

– Они там, что, ещё и поют?

– А почему нет?

– Может, ещё и пляшут?

– А что такого? Я всегда мечтал увидеть принца Датского, исполняющего хорнпайп*. С тех пор как ты бросил театр, мы не выбирались ни на одну пьесу! Это только Джеффа регулярно водят в оперу, а мы с Филом и того не видим.

– Не жужжи, – отмахнулся Тим. – Хорошо. Давайте сходим. В конце концов, мы давно не собирались вместе.

Друзья радостно зашумели, а мистер Спенсер понял, что заниматься собиранием вещей этим вечером ему придётся в одиночку.

Из всех кварталов странного, причудливого муравейника, именуемого Лондоном, Сохо, пожалуй, менее всего соответствовал современному духу четырёх друзей. Джефф, Фил и Генри не заглядывали сюда уже три года, а Тим... Тим первое время ещё бродил по его переулкам, заходил в дома и подозрительные лавки, надеясь где-то хоть краешком глаза увидеть её. Но вокруг всё изобиловало лишь изгоями, кошками, итальянцами, томатами,

кабаками, шарманками, дешёвыми платьями, кальяном, странными названиями и зеваками, выглядывающими из верхних окон. Красота не любила Сохо, а Сохо не впускал в себя красоту. И когда Тим это понял, то и вовсе перестал сюда наведываться.

Театр, в который пришли друзья, был заурядным. Обивка кресел в зрительском ряду давно потёрлась, и кое-где даже виднелись далеко не мелкие дыры. Да и мягкие стулья стояли только в первых рядах – во всех остальных зрителям приходилось довольствоваться деревянными. Впрочем, никто не возмущался, так как публика в это место приходила непритязательная.

Однако актёры играли хорошо. И хотя декорациями и костюмами спектакль был слаб, Тим вдруг поймал себя на мысли, что ему нравится. Монологи произносились с душой, а в диалогах было столько страсти и огня, что Тим даже заёрзал на месте, настолько верилось в происходящее. А потом он увидел её.

За три года она ничуть не изменилась, только ещё больше похорошела. Её голос был по-прежнему в нужные моменты твёрдым, а в другие – нежным. Она играла как дышала, и зал замирал всякий раз, когда она выходила на сцену. А когда всё закончилось, то к ногам актёров полетели цветы. Их было немного, но все они предназначались лишь одной женщине, которая не просто играла королеву – она ей была.

– Вставай. – Генри толкнул Тима. – Эй. Спектакль уже закончился. Чего расселся?

– А? – рассеянно пробормотал тот, всё ещё не сводя взгляда со сцены, хотя кроме выцветших кулис смотреть там было больше не на что.

– Я говорю: пора уходить. Мы собираемся в паб. Ты с нами?

– Идите, – пробормотал Тим, так и не сдвинувшись с места. – А я ещё посижу.

Джефф тронул Сандерса за руку и едва слышно произнёс:

– Оставь его. В конце концов, именно за этим мы его сюда и привели.

Как ушли друзья, Тим даже не заметил. Не заметил он и, как полностью опустел зал. Лишь когда меж рядов замелькала курносая девчонка с косынкой на голове и принялась щёткой сметать застрявший между кресел и стульев песок, Тим опомнился и встал. Пройдя в такой же пустой, как и зал, вестибюль, он вдруг поднёс руку ко лбу и, прислонившись спиной к стене, тяжело вздохнул.

– Вам нехорошо, сэр? – поинтересовался пробежавший мимо паренёк. Кажется, он играл Горацио. Неплохо, кстати, играл.

– Да, – выдавил Тим. – Воды не найдётся?

– Конечно, найдётся, сэр. Идите за мной. Я вас провожу.

И «друг Гамлета» нырнул за тяжёлую драпировку, за которой начинался длинный извилистый коридор.

– Здесь у нас гримёрные комнаты, – пояснил он. – А там – клетушка, где мы можем перекусить. Тут есть графин с водой, но она ржавая и пахнет неприятно. Зато я знаю, у кого можно выпросить стакан чистой, будто только что из родника. Вы слышите меня?

– Я прямо за твоей спиной, так что всё слышу прекрасно. Иди быстрее, иначе я могу наступить тебе на пятки.

– Да, сэр. Я просто подумал...

– Иди быстрее!

– Мы уже пришли. – «Горацио» остановился перед вишнёвого цвета дверью. – Здесь. Она ещё не ушла, и дверь не заперта, но лучше постучать.

– Она?

– Наша актриса. Мисс Малеста Жданович. Смотрели спектакль? Она играла королеву. Роскошная женщина. Она с нами всего месяц, но режиссёр её балует. У неё всё самое лучшее. Сейчас я вас с ней познакомлю.

Паренёк занёс руку, чтобы постучать в дверь, но Тим внезапно остановил его.

– Не надо. Я сам.

Мальчишка пожал плечами и уступил место.

– Пожалуйста.

И в ответ удостоился недовольного взгляда.

– И долго ты ещё тут будешь стоять?

– Сэр, так я же...

– Я же сказал, что справлюсь сам. Иди. И вот тебе. Держи. – Тим вынул бумажник и сунул в ладонь паренька приличного размера купюру. – Это за хорошую игру и за то, что ты сейчас развернёшься и исчезнешь вон за тем углом, и больше я тебя не увижу.

«Горацио» расплылся в довольной улыбке.

– Так бы сразу и сказали, сэр.

И Тим снова остался один.

Перед закрытой дверью он стоял ещё, наверно, минут пять, не решаясь постучать. Подбирал нужные слова, и каждое казалось ему блеклым и глупым. Много изменилось за три года, на многое поменялось взгляды, но, увидев сегодня Малесту на сцене, Тим понял лишь одно: его страсть к ней стала ещё сильнее.

Варианта, с чего начать разговор, так и не отыскалось. Тим взялся за ручку двери, толкнул от себя и зашёл в комнату.

Сидевшая у зеркала Малеста вздрогнула, обернулась и тут же вскочила с места. Вытащенный из причёски гребень упал на пол. Туда же нырнул и флакончик с духами, который стоял на столике открытым и который Малеста неосторожно задела локтем.

С распущенными волосами, ещё не смытым гримом и в платье цвета золота она была невозможно прекрасна. Настолько, что Тим едва сдерживался.

– Вы? – выдохнула Малеста. – Как вы нашли меня?

Тим аккуратно закрыл за собой дверь и задвинул щеколду. Теперь ни один Горацио или даже сам Клавдий** не смогли бы помешать.

– Вы не изменились, – улыбнулся Тим, делая несколько шагов вперёд. Две из трёх свечей, горевших в канделябре, стоявшем всё на том же столике, зашипели: гореть тем двум огрызкам осталось недолго, и их фитили уже начинали тонуть в расплавленном воске. – Всё так же играете королеву. Как в жизни, так и на сцене.

Малеста отвела взгляд.

– На сцене королева умирает от яда, но и в жизни её дела обстоят не лучше.

– Просто она выбирает не того короля.

– Зачем вы пришли?

– Я искал вас. Всё это время. Искал каждый день. В какой-то момент почти нашёл, но вы, как бабочка, упорхнули у меня прямо из-под носа.

– Это всё, что вы хотели сказать?

– Нет. Но остальное я скажу, если вы повернётесь и, наконец, посмотрите на меня.

Он стоял совсем рядом и так близко, что Малеста могла своей кожей чувствовать его дыхание.

– Тогда говорите. – Малеста повернулась. – И говорите быстрее. Сейчас уже очень

поздно, и кэб поймать трудно. Я не хочу идти домой по тёмным улицам.

– Вы смущены и почему-то покраснели...

– Здесь очень душно, и жар идёт от свечей.

– Так лучше? – шёпотом спросил Тим и погасил пальцами мучившиеся в предсмертной агонии огрызки. Комната утонула в полумраке, и тени на стенах стали страшнее и больше.

– Даже не знаю, что вам ответить...

– Тогда отвечу я, – грустно и просто произнёс Тим, а его зелёные глаза посмотрели вдруг так нежно, что у Малесты перехватило дыхание. – Я люблю вас.

– И это всё?

– А нужно ещё что-то?

– А как же стандартные фразы, столь популярные у молодых джентльменов? Что-то в духе «дайте мне хотя бы один шанс», «я готов ждать сколько угодно» и «будьте моей до окончания века»?

– Хотите, чтобы я звучал пафосно? Боюсь, я вас разочарую. Я просто люблю вас, и единственное, о чём прошу, – не исчезайте. Играйте в театре, позволяйте мне любоваться вами на сцене и дарить вам цветы, может, иногда приглашать на ужин. На большее я и не смею рассчитывать.

Губы Малесты дрогнули в лёгкой улыбке, а во взгляде заискрилось счастье. Её руки слегка подрагивали, когда она вдруг потянулась к канделябру, взяла его, задула последнюю свечу и поставила обратно на столик. Не прошла та дрожь и, когда Малеста вдруг коснулась пальцами груди Тима и принялась не спеша расстегивать пуговицу за пуговицей на его жилете.

Тим её не остановил и ни о чём не спросил, только стянул с себя пиджак и бросил его на пол. Туда же отправился и снятый жилет. А когда нежные пальчики, прохлада которых была приятней всего на свете, взялись за пуговицы на его сорочке, он вдруг почувствовал лёгкое дыхание на своей шее и услышал то, ради чего жил все последние годы:

– Знаете, Тимоти... Самое невероятное в этой всей запутанной истории – это то, что я тоже... люблю вас.

Эта летняя ночь выдалась по-настоящему тёплой. Богатое на звёзды небо было ясным, а месяц – ярким. Он с радостью освещал дорогу тем путникам, кто засиделся в гостях и возвращался домой уже далеко за полночь.

Потом начало светать, и первые лучики солнца принялась наперегонки заглядывать в окна домов. Несколько особо шаловливых проскочили через красные фонари недорогого китайского ресторанчика в Сохо и пробрались через плохо задёрнутую портьеру в гримёрную старого театра. Там, на куче сваленных на пол тканей, одеял и подушек, лежали, обнявшись, Тим и Малеста.

Она спала впервые за последние годы крепко, положив голову ему на плечо, а он, проснувшись от бликов за окном, едва дыша и стараясь не разбудить, целовал её лицо. Это была их первая настоящая ночь вместе, и Тим знал, что будут ещё. Он был просто уверен в этом. Ошибки, совершенные в прошлом, в прошлом и остались, а впереди было будущее, о котором Тим думал с тем щемящим чувством в груди, которое присуще лишь безумно влюблённому человеку.

***Хорнпайп** – (англ. hornpipe, от horn — рог и pipe — труба) – народный танец кельтских народов Британии и Ирландии. Известен с XV века, особо популярен был в XVI—XIX веках. Требуется небольшого пространства для исполнения, близок к джиге; изначально был сольным

мужским танцем, но известны и парные версии.

****Горацио и Клавдий** – персонажи из пьесы У. Шекспира «Гамлет». Горацио был лучшим другом принца Гамлета, а Клавдий – дядей. Клавдий – главный антагонист трагедии. Он брат короля и второй муж королевы Гертруды. Он получил трон Дании, убив своего брата ядом, а затем женившись на вдове покойного короля.

Конец!